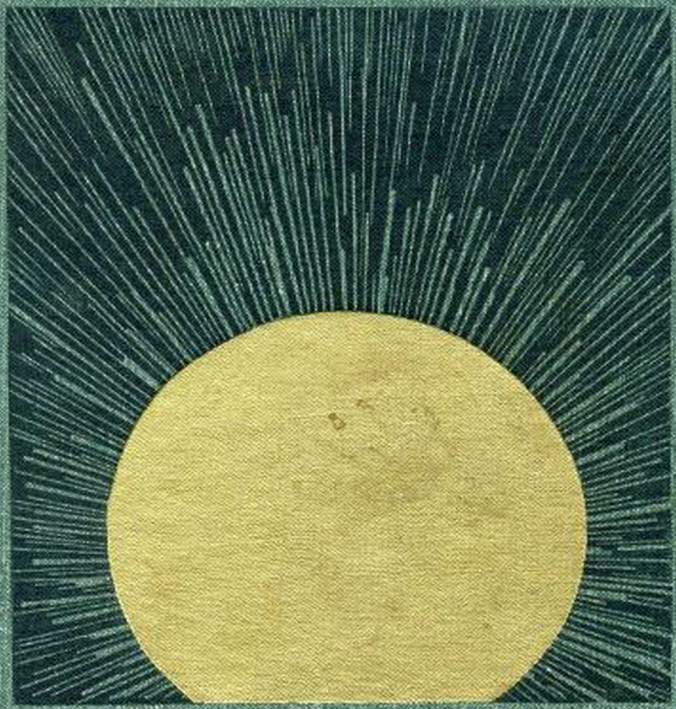


АРТУР КЛАРК

ЛУННАЯ ПЫЛЬ

Лунная пыль
Артур Чарльз Кларк

Аннотация
Артур Кларк. Лунная пыль (сборник)
ЛУННАЯ ПЫЛЬ. Повесть
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19

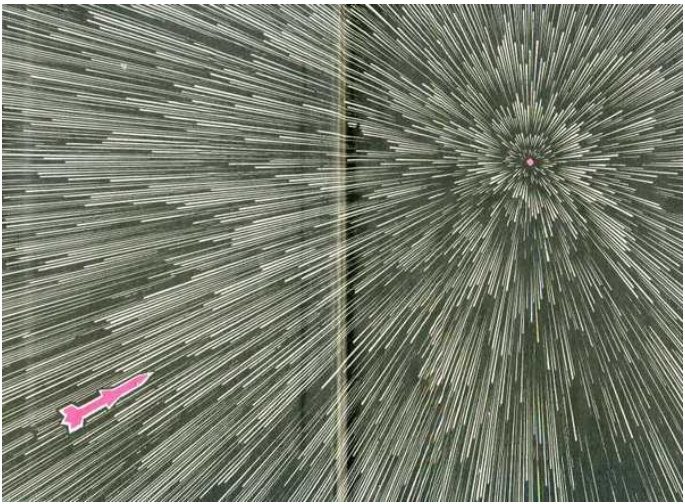
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
ПО ТУ СТОРОНУ НЕБА
Специальный груз
Пернатый друг
Сделайте глубокий вдох
Космическая свобода
Случайная встреча
Зов звезд
КТО ТАМ?..
БРОСОК НА ЛУНУ
На старт
Робин Гуд, член Королевского общества
Зеленые пальцы
Не все, что блестит
Феерическое зрелище

Коварный параграф
КОЛЫБЕЛЬ НА ОРБИТЕ
СОЗВЕЗДИЕ ПСА
ДО ЭДЕМА
С КОМЕТОЙ
ЛЕТО НА ИКАРЕ
ИЗ СОЛНЕЧНОГО ЧРЕВА
СМЕРТЬ И СЕНАТОР
ЗВЕЗДА
ДОКЛАД О ТРЕТЬЕЙ ПЛАНЕТЕ
ОБ АВТОРЕ

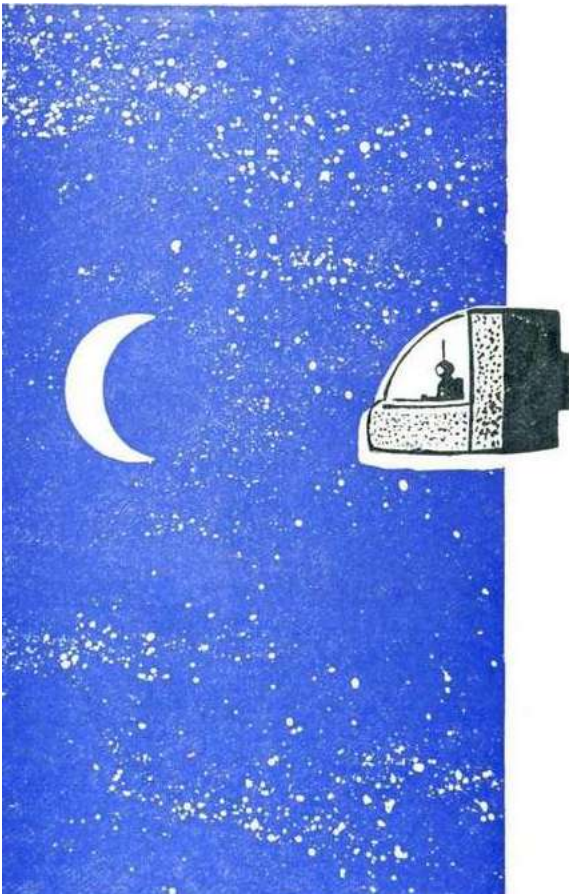
Аннотация

Художник С. Центромирский

Артур Кларк
Лунная пыль (сборник)



Издательство «ЗНАНИЕ» Москва 1966



НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

АРТУР КЛАРК

ЛУННАЯ ПЫЛЬ

РАССКАЗЫ

Перевод с английского Л. ЖДАНОВА

ЛУННАЯ ПЫЛЬ

ЛУННАЯ ПЫЛЬ
Повесть

Глава 1

Пату Харрису нравилась его должность: еще бы — капитан единственного судна на Луне! Глядя на пассажиров, которые, поднявшись на борт «Селены», спешили занять места у окон, он спрашивал себя, как пройдет сегодняшний рейс. В зеркальце заднего обзора он видел мисс Уилкинз. Очень эффектная в голубой форме сотрудницы «Лунтуриста», она добросовестно исполняла этюд «добро пожаловать». На работе Пат Харрис всегда старался думать о ней, как о мисс Уилкинз, а не как о Сью: это помогало не отвлекаться от дела. Что она думает о нем, он еще не выяснил.

Ни одного знакомого лица, все новички и все предвкушают свое первое плавание. Большинство, так сказать, типичные туристы — пожилые люди, привлеченные миром, который в дни их молодости был символом недосягаемого. Лишь четверо или пятеро моложе тридцати лет: скорее всего, работники одной из лунных баз решили использовать свободный день. Пат уже приметил: почти как правило, пожилые туристы — значит с Земли, молодые — жители Луны. Так или иначе, Море Жажды любого из них поразит… Вот оно,

за иллюминатором, до самых звезд простерлась его мрачная, серая гладь. А в небе над морем неподвижно висит, не первый миллиард лет, Земля. Ее голубовато-зеленый убывающий серп заливал лунные пейзажи холодным светом. Да, здесь холодно… На поверхности моря, наверное, около ста шестидесяти градусов ниже нуля.

Поглядеть на него — ни за что не скажешь, жидкое оно или твердое. Ровная, непрерывная гладь, а ведь трещины и расселины избороздили весь лик этого мертвого мира. Ни бугра, ни валуна, ни камешка; ничто не нарушает однообразия. На всей Земле не найти ни одного моря — да что там, пруда! — с такой спокойной поверхностью.

Море Жажды заполнено не водой, а пылью. Вот почему оно кажется людям таким необычным, так привлекает и завораживает. Мелкая, как тальк, суше, чем прокаленные пески Сахары, лунная пыль ведет себя в здешнем вакууме, словно самая текучая жидкость. Урони тяжелый предмет, он тотчас исчезнет — ни следа, ни всплеска… Передвигаться по этой коварной поверхности нельзя, разве что на двухместных пылекатах, специально созданных для этого. И, конечно, на «Селене», удивительной помеси саней и автобуса, во многом похожей на вездеходы, которые десят-

ки лет назад позволили освоить Антарктиду.

Техническое наименование «Селены» было П-1, то есть пылеход, первый образец (насколько было известно Пату, второго образца не существовало даже в проекте). Ее называли «кораблем», «судном», «лунобусом», кому как нравилось. Пат предпочитал говорить «судно», это исключало путаницу. Так никто не примет его за капитана космического корабля — звание, которым давно уже никого не удивишь.

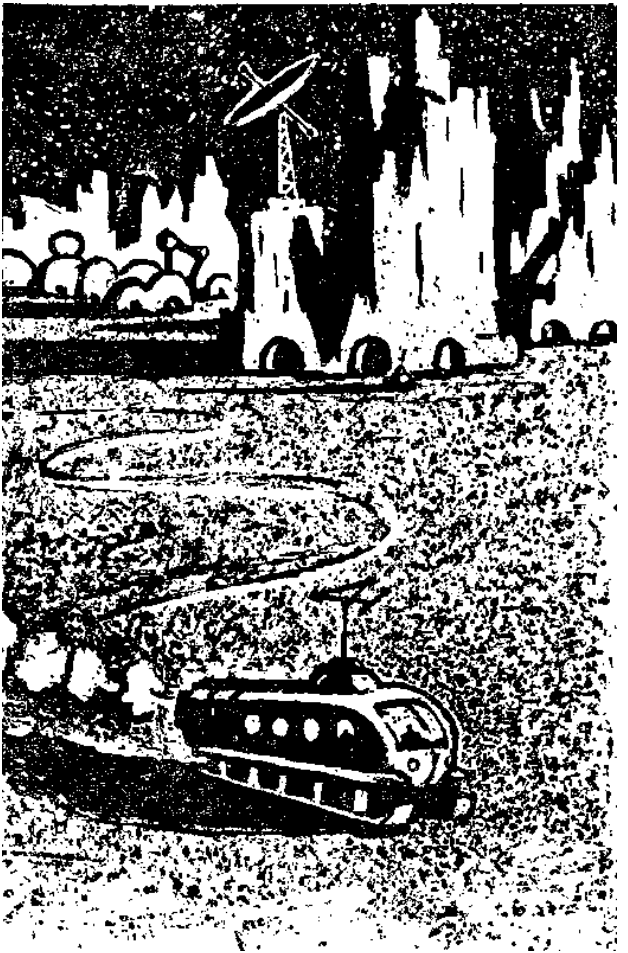
— Добро пожаловать на борт «Селены», — сказала мисс Уилкинз, когда все наконец расселись. — Капитан Харрис и я очень рады вам. Наше путешествие продлится четыре часа, первая достопримечательность — Кратерное Озеро, в ста километрах на восток отсюда, в Горах Недоступности.

Пат не слушал знакомых фраз, он готовил машину к пуску. «Селена» была в сущности наземной разновидностью космического корабля; это и естественно, ведь она ходила в пустоте, и ее уязвимый груз нуждался в надежной защите от враждебной всему живому среды. Хотя «Селена» никогда не взлетала с поверхности Луны и приводилась в движение не ракетными двигателями, а электромоторами, все ее основное оборудование

повторяло оснастку настоящей ракеты — и все полагалось проверять перед стартом.

Кислород — порядок. Двигатель — порядок. Радио — порядок. («Алло, Радуга, я „Селена“, проверка. Принимаете мой маяк?») Стрелка инерциальной системы — на нуле. Камера перепада закрыта. Детектор утечек — порядок. Внутреннее освещение — порядок. Посадочный переход — отсоединен. И так далее, в общем больше полусотни узлов, каждый из которых при неисправности автоматически сам подал бы сигнал. Но Пат Харрис, как и все работники космических служб, мечтавшие дожить до глубокой старости, никогда не полагался на автоматическую сигнализацию, если можно проверить самому.

Наконец все готово. Заработали почти бесшумные моторы, но гребные винты были еще в холостом положении, и сдерживаемая швартовами «Селена» только чуть подрагивала. Пат слегка повернул лопасти левого винта; судно стало медленно разворачиваться вправо. Отойдя от здания вокзала, он лег на заданный курс и дал полный ход.



Судно отлично слушалось, несмотря на совсем новую конструкцию. Здесь нельзя было опереться на тысячелетний опыт, который человек начал копить еще в каменном веке, когда впервые спустил на воду бревно. «Селена» не знала никаких предшественников, она родилась в мозгу нескольких инженеров, которые, сев за чертежный стол, задались вопросом: «Какой должна быть машина, чтобы на ней можно было скользить по поверхности пылевого моря?»

Кто-то, вспомнив старину, предложил установить колеса на корме; но потом отдали предпочтение более эффективным винтам. Они ввинчивались в пыль, толкая «Селену» вперед, и кильватерная струя напоминала след небывало проворного крота, но она тотчас исчезала — и снова ровная гладь, никаких признаков того, что здесь прошло судно.

Приземистые герметические купола Порт-Рориса быстро уходили за горизонт. Меньше чем через десять минут они скрылись из виду, и «Селена» оказалась одна. Одна посреди чего-то такого, для чего ни в одном языке Земли еще не было настоящего имени.

Пат выключил моторы, дал судну остановиться и подождал, пока не воцарилась тишина. Он

уже привык: пассажирам нужно какое-то время, чтобы осмыслить всю необычность того, что простерлось за иллюминаторами. Они пролетели сквозь космос, видя со всех сторон звезды, глядели вверх (или вниз?) на сияющий диск Земли, но это — это нечто совсем иное. Не суша и не море, не воздух и не космос — всего понемногу.

Прежде чем тишина стала гнетущей (пересаливать тоже нельзя, кто-нибудь может испугаться), Пат поднялся на ноги и обратился к пассажирам.

— Добрый вечер, леди и джентльмены, — заговорил он. — Надеюсь, мисс Уилкинз позаботилась, чтобы всем было удобно. Мы остановились потому, что это место очень подходит для первого знакомства с Морем. Тут можно, так сказать, почувствовать его.

Пат Харрис указал на иллюминаторы и призрачное серое поле за ними.

— Как вы думаете, — тихо спросил он, — сколько здесь до горизонта? Или: каким показался бы вам человек, если бы он стоял вон там, где звезды как будто встречаются с лунной поверхностью?

Полагаясь только на зрение, невозможно было точно ответить на его вопрос. Логика подсказывала: Луна очень мала, горизонт должен быть совсем близко. Но чувства спорили. «Этот

мир, — говорили они, — совершенно плоский и простирается в бесконечность. Он рассек всю вселенную надвое, и нет ему ни конца, ни края...»

Иллюзия не пропадала даже, когда человек узнавал ее причину. Глаз не может судить о расстоянии, если не на чем остановить взгляд, если он беспомощно скользит по унылой поверхности пылевого океана. Здесь не было даже того, что всегда есть на Земле, — атмосферы, легкой дымки, которая помогла бы определить, что ближе, а что дальше. И звезды — немигающие точечки света — были одинаково ярки над головой и у горизонта.

— Хотите верьте, хотите нет, — продолжал Пат, — вы видите всего на три километра — или около двух миль, если кто-нибудь из вас еще не привык к метрическим мерам. Я знаю, кажется, что до горизонта несколько световых лет, но вы могли бы дойти туда за двадцать минут, если бы только по этой пыли можно было ходить.

Он снова сел и пустил моторы.

— Теперь следующие шестьдесят километров ничего особенного не увидишь, — сказал он, не оборачиваясь, — так что поедем быстро.

«Селена» рванулась вперед. Впервые пассажиры по-настоящему ощутили скорость. Лопасти

яростно взбивали пыль, кильватерная струя становилась длиннее, длиннее, и вот уже за кормой с обеих сторон выросли огромные призрачные шлейфы. Издали «Селена» могла бы показаться снежным плугом, который вспарывал залитый лунным светом зимний ландшафт. Но серые, плавно оседающие параболы были не снегом — а озаряющее их светило была планета Земля.

Пассажиры отдыхали, наслаждаясь ровным, почти неслышным движением. Каждому из них доводилось мчаться в сотни раз быстрее, когда они летели на Луну. Но в космосе скорость не чувствуется, вот почему стремительное скольжение по пыли захватывало куда больше. Пат заложил крутой вираж, «Селена» описала круг и едва не догнала невесомый шлейф, вскинутый к небу вращающимися лопастями. Казалось неестественным, что эта пудра взлетает и падает, не рассеиваясь, что сопротивление воздуха не сокрушает эти безупречные дуги. На Земле она висела бы в воздухе часами, а то и днями.

Как только судно легло на прямой курс и опять стало не на что глядеть, кроме пустынной равнины, пассажиры занялись предусмотрительно припасенной для них литературой. Всем были розданы фотопроспекты, карты, сувениры

(«Настоящим удостоверяется, что мистер [миссис, мисс]… ходили по морям Луны на борту пылехода „Селена“») и информационные брошюры. Здесь они могли найти все, что им хотелось знать о Море Жажды, пожалуй, даже немножко больше.

Они прочли, что почти вся Луна покрыта тонким, в несколько миллиметров, слоем пыли. Тут и «звездный прах» — обломки метеоритов, выпавших на незащищенный лик Луны по меньшей мере за пять миллиардов лет, — и чешуйки лунных гор, которые ночью сжимаются, днем расширяются от резкой смены температур. Что бы ее ни рождало, пыль эта настолько мелка, что даже при здешнем незначительном тяготении струится, точно влага.

Тысячелетиями она стекала с гор на равнины, собираясь в лужи и озера. Первые исследователи Луны предвидели это явление и были к нему подготовлены. Но Море Жажды всех поразило: никто не ожидал найти чашу пыли более ста километров в поперечнике.

В сравнении с лунными «морями» она была очень мала, и астрономы никогда официально не признавали ее названия, подчеркивая, что она лишь часть Синус Рорис — Залива Росы. Разве можно, говорили они, называть морем часть за-

лива?! И все-таки, несмотря на все их возражения, имя, придуманное кем-то из рекламного отдела «Лунтуриста», привилось. Кстати, оно было ничуть не хуже названий других «морей» — Моря Облаков, Моря Дождей, Моря Спокойствия. Не говоря уже о Море Нектара.

Брошюра содержала также сведения успокоительные, чтобы развеять страхи наиболее нервных путешественников и доказать, что «Лунтурист» все предусмотрел. «Сделано все, чтобы обеспечить вашу безопасность, — говорилось в ней. — Запаса кислорода на „Селене“ хватит больше чем на неделю, все важные системы дублированы. Автоматический радиомаяк регулярно сообщает на базу, где вы находитесь, и если даже совсем выйдет из строя силовая установка, вас быстро доставит обратно пылекат из Порт-Рориса. А главное, вам не надо бояться бурной погоды. Каким бы скверным моряком вы ни были, на Луне вам морская болезнь не грозит. Море Жажды не знает штормов, оно всегда спокойно».

Тот, кто написал эти слова, ничуть не покривил душой: можно ли было подозревать, что они вскоре будут опровергнуты?

Пока «Селена» бесшумно скользила в ночи, жизнь Луны шла своим чередом. Кипучая де-

ятельность сменила миллионы лет спячки, и за последние пятьдесят лет на Луне произошло больше событий, чем за предшествующие пять миллиардов. А что будет завтра?..

В первом парке первого города, который человек построил за пределами своей родной планеты, ходил по дорожкам главный администратор Ульсен. Как и все двадцать пять тысяч обитателей города Клавия, он очень гордился своим парком. Конечно, парк маленький, но уж не такой, каким его изобразил один болтун из телевидения — мол, это «оконный ящик, страдающий манией величия». И во всяком случае, на Земле ни в одном парке, саду и огороде нет подсолнухов высотой в десять метров! Высоко над головой плыли легкие облачка-барашки — вернее, так казалось. На самом деле это было всего лишь изображение, проектируемое изнутри на свод купола, но до того похожее на правду, что иногда главного администратора одолевала тоска по дому. По дому? Он поправил себя: его дом — здесь.

И все же в глубине души Ульсен знал, что это не так. Может быть, для его детей будет иначе; они настоящие лунные жители, появились на свет в Клавии. Он же родился в Стокгольме, на Земле, и связан с ней узами, которые с годами

могут ослабнуть, но никогда не порвутся совсем.

Менее чем в километре от него, по соседству с главным куполом, начальник Управления лунного туризма Девис подвел итог последним поступлениям. Что ж, неплохо. Новый сезон принес рост доходов. Разумеется, на Луне нет времен года, но отмечено, что туристов становится больше, когда в Северном полушарии Земли наступает зима.

Как закрепить успех? Вечная проблема… Нельзя все время показывать одно и то же, туристам подавай разнообразие. Необычный ландшафт, слабое тяготение, вид на Землю, загадки Фарсайда, великолепное звездное небо, первые поселения (где, впрочем, далеко не всегда рады туристам) — что еще может предложить Луна? Как жаль, что нет на ней «туземцев» селенитов со странными обычаями и еще более странной внешностью, которых гости могли бы фотографировать. Увы, самый крупный представитель органического мира, обнаруженный на Луне, виден только в микроскоп, да и то его предки попали сюда с «Лунником-2», всего на десять лет раньше человека.

Начальник «Лунтуриста» мысленно перелистал последние письма, полученные по теле-

факсу: может быть, из них можно что-нибудь почерпнуть? Итак: очередной запрос какой-то телевизионной компании — горят желанием снять новый документальный фильм о Луне, при условии, что «Лунтурист» возьмет на себя все расходы. Ответ будет отрицательным: если принимать все любезные предложения такого рода, можно быстро прогореть.

Дальше — многословное послание его коллеги из туристской компании «Большого Нью-Орлеана». Предлагает обмен сотрудниками. Неизвестно, будет ли от этого толк Луне или Нью-Орлеану, но хоть расходов никаких и полезно для репутации «Лунтуриста». А вот следующее письмо действительно интересно: чемпион Австралии по водным лыжам спрашивает, пробовал ли кто-нибудь кататься по Морю Жажды.

А что — это идея! Как только никто до сих пор не додумался! Может быть, уже пробовали, цеплялись к «Селене» или пылекатам?... Над этим стоит поразмыслить. Девис всегда старался придумать новые развлечения на Луне, и прогулка по Морю Жажды была его любимым детищем.

Он не знал, сколько мук принесет ему через несколько часов это детище.

Глава 2

Линия горизонта, к которому мчалась «Селена», изменилась: где была безупречно ровная дуга, выросла зубчатая цепь гор. Казалось, они медленно поднимаются к небу, точно на могучем лифте.

— Горы Недоступности, — объявила мисс Уилкинз. — Названы так потому, что окружены со всех сторон Морем. И к тому же они намного круче большинства лунных гор.

Она не стала развивать эту тему; ведь большинство лунных пиков разочаровывают, когда видишь их вблизи. Огромные кратеры, такие внушительные на фотографиях, снятых с Земли, оказываются пологими холмами. Вечерние и утренние тени сильно искажают рельеф. На всей Луне нет ни одного кратера, склоны которого могли бы крутизной сравниться с улицами Сан-Франциско, их можно одолеть даже на велосипеде. Но из брошюр «Лунтуриста» об этом не узнаешь, в них показаны только наиболее эффектные скалы и каньоны, умело снятые.

— Горы эти еще по-настоящему не исследованы, — продолжала мисс Уилкинз. — В прошлом году мы забросили туда отряд геологов. Высадили

их как раз на том мысу, но им удалось пройти всего несколько километров. Там может быть все, что угодно, мы пока просто ничего не знаем.

«Молодец, — подумал Пат. — Хороший гид, знает, что объяснять подробно, а где оставить простор для воображения…» Сью говорила спокойно, непринужденно, ничего похожего на унылый речитатив — профессиональный порок большинства гидов. И она хорошо знала свой предмет, могла ответить почти на любой вопрос. Словом, незаурядная молодая особа; и хотя мисс Уилкинз очень нравилась Пату, в глубине души он чуточку побаивался ее.

Приближающиеся горы приковали к себе взгляды восхищенных пассажиров. Таинственный уголок все еще таинственной Луны… Посреди необычного моря вздымался остров, заманчивый орешек для следующего поколения исследователей. Вопреки названию, добраться до Гор Недоступности теперь было не так уж трудно, но пока не изучены миллионы квадратных километров местности, которую нужно освоить в первую очередь, им придется подождать.

Еще немного, и «Селена» войдет в тень… Прежде чем пассажиры успели понять, что происходит, Земля скрылась за горами. Ее свет серебрил высо-

кие вершины, но внизу царила кромешная тьма.

— Сейчас я выключу внутреннее освещение, — сказала стюардесса. — Тогда вам будет лучше видно.

И едва погас тусклый красноватый свет, каждый почувствовал себя так, словно он один в лунной ночи. Даже отблеск на вершинах пропал, когда пылеход еще больше углубился в тень. Остались только звезды — холодные немеркнущие огоньки, окруженные тьмой такой непроглядной, что делалось не по себе.

Среди россыпи звезд трудно было отличить знакомые созвездия. Глаз путался в узорах, которые нельзя увидеть с Земли, терялся в сверкающем хаосе скоплений и туманностей. В этой блистательной панораме был только один безошибочный ориентир — яркий маяк Венеры, которая затмевала все остальные небесные тела, возвещая близость рассвета.

Прошло несколько минут, прежде чем путешественники заметили, что не только в небесах есть на что подивиться. За мчащимся пылеходом тянулась длинная фосфоресцирующая кильватерная струя, словно какой-нибудь волшебник пальцем провел светящуюся черту на мрачной и пыльной поверхности Луны. «Селена» отрастила

себе кометный хвост, совсем как ночной корабль в тропическом океане на Земле.

Но здесь не было никаких микроорганизмов, и не они озаряли безжизненное море своими крохотными светильниками, а разряжающиеся пылинки, в которых стремительная «Селена» вызывала статический заряд. Очень просто — и удивительно красиво; в ночном мраке за кормой корабля непрерывно разматывалась сверкающая лента, будто Млечный Путь отразился в глади моря.

Вдруг огненная струя растворилась в потоке света: Пат включил прожектор. За иллюминаторами, в опасной близости скользила назад каменная стена. Здесь склон горы вздымался почти отвесно из пылевого моря, и не угадаешь, высоко ли, видя только овал, выхваченный прожектором из кромешной тьмы.

Кавказ, Скалистые горы и Альпы — карлики перед этими горами. На Земле эрозия точит хребты с первого дня их возникновения, несколько миллионов лет — и от былой громады одна тень остается. А на Луне — ни дождей, ни ветров; ничто не разрушает скалы, если не считать ночного холода, от которого даже камень трескается, невыразимо медленно отслаивая мельчайшие

пылинки. Лунные горы такие же древние, как породивший их мир…

Пат гордился своим умением «показать» Луну. Следующий номер он готовил особенно тщательно. Очень рискованно на первый взгляд, на деле же никакой опасности, ведь «Селена» проходила тут десятки раз, и электронная память системы управления знала путь лучше любого штурмана. Он внезапно выключил прожектор, и тут пассажиры увидели, что под покровом мрака с другой стороны тоже вплотную подступили горы.

В почти полной тьме «Селена» мчалась по узкому каньону, мчалась не прямо, а непрерывно лавируя между незримыми преградами. Честно говоря, некоторых преград вообще не существовало; днем, на минимальной скорости, Пат запрограммировал маршрут так, чтобы ночью дух захватывало. Крики испуга и восторга за его спиной подтверждали, что аттракцион удался.

Теперь была видна лишь узенькая полоса звезд далеко вверху; она извивалась сумасшедшими петлями, повторяя замысловатый бег пылехода. Пробег по «Ночной аллее», как про себя называл Пат эту часть маршрута, длился всего около пяти минут, но эти минуты казались часами. И когда капитан снова включил прожекторы, так что «Се-

лена» очутилась в середине огромного светового круга, у пассажиров вырвался вздох облегчения, смешанного с разочарованием. Да, не скоро они забудут «Ночную аллею»!...

В свете прожекторов стало видно, что стены постепенно раздвигаются, и вот уже каньон сменился почти овальным амфитеатром шириной около трех километров — сердце вулкана, которое разорвалось в незапамятные времена, когда даже древняя Луна была молодой.

Кратер был очень мал по лунным меркам, но весьма примечателен. Вездесущая пыль тысячелетиями текла в него по каньону, и туристы с Земли могли удобно путешествовать в котле, где некогда бушевало адское пламя. Это пламя угасло задолго до зарождения земной жизни и никогда не вспыхнет вновь, но были на Луне другие силы — они не умерли и только выжидали своего часа...

Когда «Селена» медленно пошла по кругу вдоль скал, не один пассажир невольно вспомнил катание на горных озерах на Земле. Та же чуткая тишина, то же ощущение бездонной глубины внизу. На Земле много кратерных озер; на Луне только одно, хотя здесь несравненно больше кратеров.

Пат не торопился, сделал два полных круга. Сейчас только и полюбоваться озером. Днем, в яростных лучах ослепительного солнца, оно сильно проигрывало; теперь же казалось порождением лихорадочной фантазии Эдгара По. Там, где кончалась световая полоса, глазу чудились странные движущиеся фигуры. Разумеется, воображение: в этом краю ничто не движется, кроме теней, рожденных Солнцем и Землей. Не может быть привидений в мире, который никогда не знал жизни.

Но пора поворачивать обратно, выходить через каньон в Открытое море. Пат нацелил тупой нос «Селены» на узкие ворота в горах, и снова их обступили высокие кручи. Теперь капитан не выключал прожекторов, пусть пассажиры видят путь; к тому же, второй раз аттракцион не произведет столь сильного впечатления.

Далеко впереди родился свет, который мягко озарял скалы и утесы. Даже в последней четверти Земля ярче десяти полных лун, и как только пылеход вынырнул из тени гор, она вновь стала главным светилом. Двадцать два пассажира «Селены» восхищенно смотрели на красивый и яркий голубовато-зеленый полукруг. Удивительно, когда глядишь издалека, — родные поля,

озера, леса излучают такое волшебное сияние! Пожалуй, в этом заключен мудрый урок: чтобы оценить свой собственный мир, нужно увидеть его из космоса…

А сколько глаз устремлено сейчас с Земли на прибывающую Луну, вечную спутницу, которая теперь важна людям как никогда? И не исключено, что кто-то в этот самый миг всматривается через мощный телескоп в крохотную искорку скользящей в лунной ночи «Селены». Но когда искорка погаснет, ее исчезновение ничего не скажет земному наблюдателю.

Миллионы лет в глубинах у подножья гор, словно исполинский нарыв, рос этот пузырь. Сколько длится история человечества, из живых еще лунных недр сочился по трещинам газ, и накапливался в пустотах, в сотнях метров от поверхности. На Земле один за другим сменялись ледниковые периоды, а здесь пустоты разрастались вширь, ввысь, сливались между собой. И настала пора нарыву прорваться.

Капитан Харрис, передав управление автопилоту, разговаривал с пассажирами, когда судно тряхнул первый толчок. «Должно быть, винт что-то задел», — успел он подумать. В следующий миг у него буквально почва ушла из-под ног. Это

происходило медленно — на Луне все падает медленно. Впереди «Селены» на площади в много акров над гладкой равниной вздулся бугор, и море ожило, заколыхалось под действием сил, которые пробудили его от тысячелетнего сна. Посреди бугра открылась воронка — словно в пылевой толще возник гигантский водоворот. И каждая подробность этого кошмара была отчетливо видна в свете Земли, пока кратер не углубился настолько, что его противоположная стенка окуталась густой тенью. Казалось, «Селена» сейчас врежется в черный полумесяц и разобьется вдребезги.

Действительность была немногим лучше. Когда Пат схватился за рычаги, судно уже катилось и скользило вниз по коварному откосу. Собственная инерция и ускоряющийся поток пыли увлекали его в пучину. Оставалось только всеми силами удерживать «Селену» на ровном киле и надеяться, что она с ходу выскочит вверх по противоположному склону раньше, чем провалится дно кратера.

Возможно, пассажиры кричали — Пат ничего не слышал. Все его внимание сосредоточилось на этом зловещем склоне и на том, как не дать судну опрокинуться. И еще: пока он лихорадоч-

но маневрировал, форсируя то один, то другой двигатель, его преследовало смутное воспоминание… Где-то, когда-то он уже видел такую же катастрофу.

Конечно, вздор, но почему он никак не может отделаться от этой мысли?… И лишь когда Пат очутился на дне и увидел бесконечную пылевую лавину, которая начиналась от обрамленного звездами края воронки, на миг разорвалась завеса.

…Летний день, он — маленький мальчик — играет в горячем песке. Увидел ровную ямку с гладкими стенками, в глубине ее что-то шевелилось, зарывшись в песок так, что только челюсти торчали. Что это такое? Мальчик смотрел и ждал, словно угадывая, что скоро на этой крохотной сцене разыграется драма. Откуда ни возьмись, муравей, поглощенный своими муравьиными делами. Подбежал к краю ямки… поскользнулся — и поехал по стенке вниз!…

Конечно, муравей легко одолел бы подъем, но едва первые песчинки скатились на дно ямки, злобное чудовище вышло из засады. Оно обрушило фонтан песка на жертву, и муравей вместе с песчаной лавиной съехал в кратер.

В точности, как сейчас «Селена»… Конечно,

не муравьиный лев вырыл яму на поверхности Луны, но Пат чувствовал себя таким же беспомощным, как тот муравей. Он тоже карабкался вверх, вверх к спасительному краю, борясь с потоком пыли, который нес его навстречу смерти. Муравья ждала смерть скорая, Пата и его спутников — долгая.

Напрягая всю мощь, моторы толкали судно вперед, но слишком медленно. Пылевая лавина набирала скорость, и что хуже всего — пыль поднималась вверх вдоль бортов «Селены». Достигла иллюминаторов… выше… выше… совсем закрыла! В тот самый миг, когда Пат выключил моторы, чтобы не сгорели от непосильного напряжения, пыль скрыла последний отсвет убывающей Земли. Окруженные мраком и безмолвием, они погружались в недра Луны.

Глава 3

На радиопульте диспетчерской Эртсайд — Север беспокойно стрекотала одна из секций электронной памяти. Двадцать часов одна секунда по гринвичскому времени; серия импульсов, которая должна автоматически поступать на пульт каждый час, не пришла.

С быстротой, недоступной человеческому разуму, горсточка ячеек и микроскопических реле «перелистала» свои инструкции. «Ждать пять секунд, — гласил кодированный приказ. — Если ничего не изменится, включить цепь 10011001».

Крохотная секция электронного диспетчера терпеливо выждала этот огромный промежуток времени, за который можно было сложить сто миллионов двадцатизначных чисел или перепечатать содержание почти всех книг Библиотеки конгресса США. Затем она включила цепь 10011001.

Высоко над поверхностью Луны, с антенны, которая была нацелена на земной диск, улетел в космос радиоимпульс. За одну шестую секунды он прошел пятьдесят тысяч километров до спутника связи «Лагранж-2», как бы подвешенного между

Луной и Землей. Еще через одну шестую секунды многократно усиленный импульс вернулся, обдав потоком электронов северное полушарие Эртсайда (так на Луне называли видимую с Земли сторону, обратная называлась Фарсайд).

Если перевести на человеческую речь, он нес очень простое сообщение: «Алло, „Селена“, не слышу вашего сигнала. Прошу тотчас ответить».

Диспетчер подождал еще пять секунд, потом опять послал импульс. И еще раз. В электронном мире проходили геологические эпохи, но терпение машины было беспредельно.

Диспетчер вновь обратился к инструкциям. Последовал новый приказ: «Включить цепь 10101010». Машина подчинилась, и одна из зеленых лампочек в диспетчерской внезапно сменилась красной, одновременно зуммер принялся распиливать воздух сигналом тревоги. Только теперь и люди тоже узнали, что где-то на Луне случилась беда.

Поначалу новость распространялась медленно: главный администратор не одобрял беспричинной паники. Еще меньше ее одобрял начальник «Лунтуриста» Девис; аварии и тревоги только все дело портят, даже если — как это бывало в девяти случаях из десяти — оказывалось, что повинны

перегоревшие предохранители, неисправные выключатели или чрезмерно чувствительные сигнализаторы. Но на Луне полагалось ежеминутно быть настороже. Лучше отозваться на воображаемую опасность, чем прозевать действительную.

Наконец Девис неохотно признал, что на этот раз опасность не воображаемая. Был и раньше случай, когда автоматический маяк «Селены» не сработал, но Пат Харрис ответил, как только его вызвали на волне пылехода. Теперь же судно молчит. «Селена» не отозвалась даже на аварийной волне, которой пользовались только при крайней надобности. Узнав об этом, Девис поспешно покинул вышку «Лунтуриста» и по крытому ходу прошел в Клавий.

У входа в диспетчерскую он встретил главного инженера Лоуренса. Скверный признак: значит, кто-то предполагает. что понадобится спасательная операция. Они озабоченно поглядели друг на друга, думая одно и то же.

— Надеюсь, не вам нужна моя помощь? — сказал Лоуренс. — В чем дело? Я знаю только, что послан вызов на аварийной волне. Какой корабль?

— Не корабль... «Селена» не отвечает, она в

Море Жажды.

— В Море Жажды?! Если с ней там что-нибудь случилось, мы можем добраться туда только на пылекатах. Сколько раз я говорил: прежде чем возить туристов, нужно ввести в строй второй пылеход.

— Я говорил то же самое, но Финансовое управление наложило вето. Дескать, второго не будет, пока «Селена» не докажет, что способна дать прибыль.

— Как бы она вместо этого не дала материал газетам, — мрачно отозвался Лоуренс. — Вы знаете мое отношение к туризму на Луне.

Девис знал, отлично знал; они уже давно грызлись по этому поводу. Но впервые ему пришло в голову, что главный инженер, возможно, не так уж и неправ.

В диспетчерской, как всегда, было очень тихо. На больших стенных картах мелькали зеленые и желтые огоньки, обыденные и мало примечательные рядом с тревожным красным сигналом. За пультами «Воздух», «Энергетика», «Радиация», подобно ангелам-хранителям, сидели дежурные инженеры, ответственные за безопасность на одной четверти Луны.

— Ничего нового, — доложил дежурный по НТ

(наземному транспорту). — Мы все еще в полном неведении. Знаем только, что они где-то на Море. — Он начертил круг на крупномасштабной карте. — Если не сбились безнадежно с курса, должны быть где-то в этом районе. В момент контроля в 19.00 судно было на своем маршруте, отклонение не больше километра. В 20.00 сигнал не поступил; значит, авария произошла за эти шестьдесят минут.

— Сколько может «Селена» пройти за час? — спросил кто-то.

— Максимальная скорость — сто двадцать километров, — ответил Девис. — Но обычно она делает меньше ста. Экскурсия, зачем спешить…

Он упорно смотрел на карту, точно надеясь пристальным взглядом вырвать у нее ответ.

— Если они в Море, найти их не долго. Вы уже послали пылекаты?

— Нет, я ждал распоряжения.

Девис поглядел на главного инженера, который на этой стороне Луны был старшим начальником после администратора Ульсена. Лоуренс медленно кивнул.

— Высылайте, — сказал он. — Но не надейтесь на скорый ответ! Нужно немало времени, чтобы обследовать несколько тысяч квадратных кило-

метров, тем более ночью. Прикажите им идти вдоль маршрута, начиная с последней известной позиции. И пусть захватят возможно более широкую полосу.

Как только распоряжение было передано, Девис тревожно спросил:

— Что, по-вашему, могло случиться?

— Выбор невелик. Судя по тому, что они ничего не успели сообщить, авария была внезапной. Значит, скорее всего — взрыв.

Девис побледнел. Вероятность диверсий не исключена, и неизвестно, что тут делать. Космические средства передвижения уязвимы, поэтому они, как это прежде было с самолетами, неудержимо привлекают некоторых преступников. Он вспомнил корабль «Арго» — летел на Венеру и был уничтожен каким-то маньяком, задумавшим свести счеты с одним из пассажиров, который его и не знал-то как следует. Погибло двести человек, в том числе женщины и дети.

— Может быть и столкновение, — продолжал главный. — Судно могло на что-нибудь наскочить.

— Харрис очень осторожный капитан, — возразил Девис. — Он десятки раз ходил этим маршрутом.

— Никто не застрахован от ошибок… При земном свете легко просчитаться, определяя расстояние…

Девис уже не слушал его, он думал, о том, что обязан предпринять, если дело обернется совсем плохо. Надо, не откладывая, связаться с юристами, узнать насчет возмещения. Стоит любому из родственников предъявить «Лунтуристу» иск на несколько миллионов долларов, и никакая реклама не заманит туристов в следующем году, даже если Девис выиграет дело.

Дежурный по НТ нервно кашлянул.

— Разрешите предложить, — обратился он к главному инженеру. — Давайте, запросим «Лагранж»? Может быть, астрономы сверху что-нибудь приметят.

— Ночью? — недоверчиво спросил Девис. — За пятьдесят тысяч километров?

— Очень даже просто, если прожекторы «Селены» еще горят. Пусть попробуют.

— Отличная мысль, — сказал главный инженер. — Свяжитесь немедленно.

Он должен был сам об этом подумать. Может быть, еще что-нибудь упустил?… Лоуренсу не впервые приходилось вступать в поединок с этим прекрасным и своенравным миром, таким вол-

нующим в свои добрые минуты и таким грозным в приступе гнева. Луна — не Земля, она никогда не будет полностью приручена. И это, пожалуй, хорошо: ведь именно зов ее дикой природы и постоянный привкус риска манит сюда и туристов, и исследователей. Конечно, без туристов было бы спокойнее, но если бы не они, он получал бы меньше жалованья.

А теперь — пора собираться в путь. Конечно, все еще может кончиться благополучно. «Селена» объявится, даже не подозревая, какой переполох вызвала. Но Лоуренс почему-то сомневался в этом, и чем дальше, тем больше росла его тревога. Еще часок можно подождать; потом он отправится на суборбитальной ракете местного сообщения в Порт-Рорис, а оттуда — к ожидающему его врагу, Морю Жажды…

Когда красный сигнал тревоги замигал на «Лагранже», доктор философии Томас Лоусон крепко спал. Проснувшись, он в первый миг рассердился: хотя двух часов сна в сутки достаточно в невесомости, обидно, когда тебя и этого лишают! Но тут до него дошел смысл радиограммы, и сон как рукой сняло. Кажется, наконец-то представился случай сделать что-то полезное!

Том Лоусон скверно чувствовал себя на «Ла-

гранже-2». Он мечтал о научной работе, а здесь просто нельзя сосредоточиться. Балансирующий на некоем космическом канате между Луной и Землей (один из эффектов закона тяготения) спутник был для космонавтов этаким мальчиком на побегушках. Корабли, пролетая мимо, проверяли по нему свое место, использовали его как узел связи, только что не подходили к нему за письмами… «Лагранж» был также релейной станцией почти для всех каналов лунной радиосвязи, ведь под ним простерлась видимая с Земли сторона.

Стосантиметровый телескоп был рассчитан на наблюдение объектов, удаленных в миллиарды раз больше, чем Луна, но он отлично подходил для задания, которое сейчас получил Лоусон. На таком близком расстоянии вид был великолепный даже при самом малом увеличении. Том висел как раз над Морем Дождей, глядя на озаренные утренним солнцем острые пики Апеннин. Он плохо знал географию Луны, однако мог без труда различать великие кратеры Архимеда и Платона, Аристиппа и Евдокса, черный шрам Альпийской долины, одинокую пирамиду Пико, от которой по равнине тянулась длинная тень.

Но дневная область сейчас не занимала Лоусона; предмет, который он искал, находился

в затемненном полушарии, где еще не взошло солнце. В чем-то это даже облегчало его задачу: можно будет без труда обнаружить сигнальную вспышку — даже огонек карманного фонарика. Он сверил координаты по карте и нажал кнопки управления телескопом. Воспламененные восходом горы ушли в сторону, уступив место плотному мраку лунной ночи, который только что поглотил два десятка человек…

Сперва Лоусон ничего не увидел — и уж во всяком случае, ничего похожего на мигающий фонарь, который слал бы свой призыв к звездам. Потом, когда свыклись глаза, он обнаружил, что внизу царит не полный мрак: освещенная Землей лунная поверхность источала призрачное сияние. И чем дольше он глядел, тем больше подробностей различал.

Вот горы к востоку от Залива Радуги ждут надвигающегося рассвета… А вот — постой, что это еще за звезда там, в темноте?! Но родившаяся было надежда тотчас умерла, Том видел всего-навсего огни Порт-Рориса, где в этот миг с таким нетерпением ждали, что он скажет.

Несколько минут — и он понял: визуальное исследование ничего не даст. Иное дело днем — он сразу обнаружил бы «Селену» по длинной

тени, которую она должна отбрасывать на Море. Теперь же, когда Луна озарена лишь слабым светом Земли, глаз человека недостаточно чувствителен, чтобы с высоты пятидесяти тысяч километров различить предмет размерами не больше автобуса.

Впрочем, это не обескуражило Тома. Он и не ожидал, что с первой попытки найдет судно. Прошло полтора столетия с тех пор, как астрономы могли полагаться лишь на собственные глаза; теперь у них были куда более тонкие приборы — целый арсенал усилителей света и детекторов излучения. Лоусон не сомневался, что один из этих приборов отыщет «Селену».

Он не был бы так уверен, если бы знал, что «Селены» нет на поверхности Луны…

Глава 4

«Селена» уже остановилась, а ошеломленные пассажиры все еще сидели молча. Капитан Харрис первым пришел в себя — он единственный изо всех догадывался, что произошло.

Ясно: подземная пустота. Они здесь не редкость, хотя под Морем Жажды их до сих пор не находили. Что-то подалось в недрах Луны. И вполне возможно, что вес «Селены», как он ни мал, оказался последней каплей. Пат тяжело поднялся на ноги, спрашивая себя, что и как говорить пассажирам. Тут уж не сделаешь вид, будто все в порядке и через пять минут судно пойдет дальше своим курсом. А сказать всю правду — начнется паника. Конечно, рано или поздно придется открыть истину, но сейчас главное успокоить людей.

Он поймал взгляд мисс Уилкинз. Бледная, но собранная, она стояла в задней части кабины, за напряженно ожидающими пассажирами. Пат Харрис знал, что может на нее положиться, и ободряюще улыбнулся ей.

— Кажется, нам не повезло, — непринужденно заговорил он. — Небольшая авария, как вы, очевидно, сами заметили. Могло быть и хуже.

«Например? — мысленно спросил он себя. — Ну, скажем, пробоина в корпусе… По-твоему, лучше продлить агонию?» Усилием воли Пат прекратил внутренний монолог.

— Произошел обвал — лунотрясение, если хотите. Тревожиться нечего. Даже если мы не выберемся сами, Порт-Рорис, не мешкая, пришлет кого-нибудь нам на помощь. А пока… Мисс Уилкинз как раз собиралась разнести закуски. Итак, отдохните, а я тем временем, э-э-э, приму надлежащие меры.

Кажется, все сошло хорошо. Пат мысленно вздохнул и повернулся к пульту управления, но в тот же миг заметил, что один из пассажиров закуривает сигарету.

Непроизвольное действие… Он и сам бы не прочь закурить. Чтобы не портить эффект от своей маленькой речи, Пат не стал ничего говорить, однако его взгляд сказал пассажиру все, что требовалось. Сигарета была потушена прежде, чем капитан успел сесть в свое кресло.

Он включил приемник, но еще раньше за его спиной начался оживленный разговор. Когда говорят несколько человек сразу, можно определить их настроение, даже если не разбираешь отдельных слов. Пат Харрис уловил недоволь-

ство, возбуждение, даже веселье, но страха пока не было заметно. Видимо, говорящие не отдавали себе полного отчета в том, насколько серьезна опасность. А те, кто понял, молчали.

Молчал и эфир. Пат прошелся по всем волнам, но услышал только слабый треск — разряды в толще схоронившей их пыли. Ничего удивительного: это проклятое вещество содержит много металла и создает почти идеальный экран. Оно не пропустит ни радиоволн, ни звуков; пытаться что-нибудь передать отсюда — все равно что кричать, стоя на дне колодца, заполненного перьями.

Пат подключил к маяку мощный каскад аварийной частоты, чтобы он автоматически посылал сигналы бедствия. Если что-нибудь пробьется наружу, то только на этой волне. Вызывать Порт-Рорис бесполезно, к тому же его бесплодные попытки только встревожат пассажиров. Приемник он оставил включенным на рабочей волне «Селены» — вдруг кто-нибудь отзовется? Пат знал, что это невозможно. Никто их не услышит и никто с ними не заговорит. Они так прочно отрезаны от всего человечества, словно его вовсе не существует.

И хватит думать об этом, у него слишком много

других дел. Он тщательно проверил показания приборов. Все было в норме, разве что чуть повысилась температура воздуха внутри кабины. Но и это только естественно: пылевое одеяло защищает их от космического холода.

Толщина этого одеяла и его вес особенно заботили капитана. На «Селену» давят тысячи тонн пыли, а ведь ее корпус рассчитан на сопротивление давлению изнутри, не извне. Если судно погрузится слишком глубоко, корпус лопнет, как яичная скорлупа.

На какой глубине они сейчас? Когда скрылся из виду последний клочок звездного неба, до поверхности было метров десять, но дальнейшая осадка пыли могла затем увлечь «Селену» гораздо глубже. Пожалуй, стоит — хоть это увеличит расход кислорода — поднять внутреннее давление и таким образом отчасти компенсировать наружное.

Очень медленно, чтобы никому не заложило уши и его маневр не вызвал тревогу, Пат Харрис повысил давление воздуха в кабине на двадцать процентов. После этого у него стало немного легче на душе. И не только у него: едва стрелка манометра остановилась на новом делении, спокойный голос за спиной капитана произнес:

— Отличная мысль.

Кто это сует нос в его дела? Пат круто обернулся, но сердитые слова не сорвались с его языка. Во время посадки капитан в спешке не заметил среди пассажиров ни одного знакомого лица — и однако он явно где-то видел плечистого седого мужчину, который стоял сейчас рядом с его креслом.

— Я не хочу навязываться, капитан, вы здесь начальник. Но разрешите все-таки представиться — вдруг я смогу чем-нибудь помочь. Коммодор Ханстен.

Разинув рот, Пат округлившимися глазами смотрел на человека, который руководил первой экспедицией на Плутон и возглавлял список покорителей планет и лун. От удивления он смог только вымолвить:

— Вас не было в списке пассажиров!

Коммодор улыбнулся.

— Да, я записался как Хансон. Я и в отставке не потерял вкуса к путешествиям, но командуют пусть другие. Стоило мне сбрить бороду, и меня уже никто не узнает.

— Я очень рад, что вы здесь, — горячо произнес Пат.

Словно кто-то снял часть бремени с его плеч.

Еще бы: этот человек будет надежной опорой в трудные часы — или дни, — которые им предстоят.

— Если вы не против, — вежливо продолжал Ханстен, — хотелось бы прикинуть наши возможности. Или попросту говоря: сколько мы можем выдержать?

— Это зависит от кислорода, как всегда. Нашего запаса хватит на семь дней, если не будет утечек. Пока их вроде нет.

— Значит, есть время все продумать. А как с продовольствием, водой?

— Сыты не будем, но с голоду не умрем. Есть аварийный запас концентратов, воздухоочистители обеспечат нас водой. Словом, это не проблема.

— Электроэнергия?

— Сколько угодно, ведь моторы теперь ничего не потребляют.

— Я заметил, что вы даже не пробовали вызвать Базу.

— Ни к чему, мы экранированы пылью. Я включил маяк на аварийной волне — единственная и очень слабая надежда пробить экран…

— Придется им изобретать что-то еще. Как вы думаете, долго они нас проищут?

— Это очень трудно сказать. Розыски начнутся,

как только обнаружат, что в 20.00 не поступил наш сигнал. Район, где мы исчезли, определят быстро. Но ведь мы, наверное, не оставили никаких следов на поверхности. Вы сами видели, эта пыль все поглощает. И даже когда нас найдут…

— Как они нас выручат?

— Вот именно.

Капитан двадцатиместного пылехода и коммодор космических кораблей смотрели друг на друга, думая об одном и том же. Вдруг кто-то, судя по выговору, чистокровный англичанин, воскликнул, перекрывая гул разговора:

— Уверяю вас, мисс, это первая приличная чашка чаю, которую я пью на Луне. Я уже решил было, что здесь вообще не умеют его заваривать. Вы молодец!

Коммодор тихо рассмеялся.

— Он должен вас благодарить, а не стюардессу, — сказал он, кивая на манометр.

Пат вяло улыбнулся в ответ. Что верно, то верно: теперь, когда он увеличил давление внутри кабины, вода закипает почти при обычной температуре, как на Земле. И можно получить хороший горячий напиток, а не теплую бурду. Конечно, экстравагантный способ готовить чай — совсем как в анекдоте, когда сожгли дом, чтобы

изжарить свинью…

— Главное, — снова заговорил коммодор, — не дать пассажирам пасть духом. Попробуйте подбодрить их, расскажите, как ведутся поиски. Только не переигрывайте, не создавайте впечатления, что не пройдет и получаса, как к нам постучатся снаружи. Это может осложнить дело, если… скажем, если придется ждать несколько дней.

— Описать нашу спасательную организацию недолго, — ответил Пат. — Но откровенно говоря, она не рассчитана на такие случаи, как этот. Если корабль терпит аварию на поверхности Луны, его легко найти с одного из спутников — «Лагранж-2» над Эртсайдом, «Лагранж-1» — над Фарсайдом. Но они вряд ли помогут. Я уже говорил: следов-то нет.

— Не знаю, не верится. Когда на Земле тонет корабль, всегда остаются следы: пузыри, масляные круги на поверхности, обломки.

— Так то на Земле. Глубоко ли мы или мелко, отсюда ничего не всплывет.

— Остается только ждать?

— Да, — подтвердил Пат. Взглянул на шкалу кислородного манометра и добавил: — Одно ясно: мы можем ждать не больше недели.

На высоте пятидесяти тысяч километров над Луной Том Лоусон отложил в сторону последний из сделанных им фотоснимков. Он исследовал в лупу каждый квадратный миллиметр отпечатков. Качество снимков превосходное. Электронный усилитель изображения, в миллионы раз чувствительнее человеческого глаза, выявил все детали так четко, словно над равниной уже взошло солнце. Лоусон нашел даже один из пылекатов — вернее, его длинную тень. Но никаких признаков «Селены»... Море было такое же ровное и гладкое, как и до появления человека на Луне. Наверное, таким же оно будет и через много веков после того, как люди исчезнут.

Том не любил признавать себя побежденным, даже в гораздо менее серьезных вопросах. Он твердо верил, что любую задачу можно решить, надо лишь правильно взяться и применить верные средства. Самолюбие ученого было задето; что речь идет о жизни многих людей, его почти не трогало. Лоусона мало интересовали люди, зато вселенную он уважал. Между ним и ею шел своего рода поединок.

Он придирчиво и бесстрастно оценил обстановку. Как подошел бы к этой задаче великий Холмс? (Типично для Тома: человек, которого он

искренне почитал, никогда не жил на свете). В открытом море «Селены» нет, остается только одна возможность. Катастрофа произошла неподалеку от берега или где-то возле гор. Скорее всего, в районе, известном под названием (он сверился с картой) Кратерного Озера. Да, все говорит о том, что авария случилась здесь, а не на гладкой, свободной от каких-либо препятствий равнине.

Том Лоусон снова стал рассматривать фотографии, придирчиво изучая горы. И тотчас столкнулся с новой трудностью. По краю моря торчали десятки обособленных глыб, и любая из них могла быть пропавшим пылеходом. Но что хуже всего — многие участки он не мог как следует разглядеть, горы их заслоняли. С «Лагранжа» Луна представлялась шаром, и перспектива была сильно искажена. Кратерного Озера он вообще не видел из-за гор. Тома не выручало даже то, что он парил на огромной высоте; только пылекаты смогут обследовать тот район.

Нужно вызвать Эртсайд и доложить о том, что уже сделано.

— Говорит Лоусон, «Лагранж-2», — начал он, когда узел связи включил его в сеть. — Я осмотрел Море Жажды, посреди равнины ничего нет. Видимо, ваше судно наскочило на мель у берега.

— Спасибо, — произнес удрученный голос. — Вы уверены?

— Вполне. Я различаю ваши пылекаты, а они в четыре раза меньше «Селены».

— Есть что-нибудь приметное вдоль берегов Моря?

— Слишком много мелких деталей, нельзя сказать ничего определенного. Вижу пятьдесят, сто предметов того же размера, что «Селена». Как только взойдет солнце, сумею разглядеть их получше. Сейчас там ночь, не забывайте.

— Мы вам очень благодарны за помощь. Сообщите, как только найдется что-нибудь.

В Клавии начальник «Лунтуриста» с грустью слушал доклад Лоусона. Ничего не поделаешь, пора извещать ближайших родственников… Дальше хранить тайну неразумно, да и просто невозможно.

Обратившись к дежурному по НТ, он спросил:

— Список пассажиров получен?

— Как раз передают по телефаксу из Порт-Рориса. Готово. — Дежурный протянул Девису тонкий листок. — Кто-нибудь важный на борту?

— Все туристы одинаково важны, — холодно ответил начальник управления, не поднимая головы. И тут же воскликнул: — Господи!

— В чем дело?

— Коммодор Ханстен на «Селене».

— Ханстен? Я не знал, что он на Луне!

— Мы держали это в секрете. Задумали привлечь его в «Лунтурист», все равно он ушел в отставку. Коммодор ответил, что сперва хотел бы осмотреться, и обязательно инкогнито.

Оба замолчали, размышляя об иронии судьбы. Один из величайших героев космоса — и вот, пропал без вести, как рядовой турист в дурацкой аварии на задворках Земли…

— Да, на беду себе отправился коммодор на экскурсию, — произнес наконец дежурный. — Или на счастье остальным пассажирам. Если они еще живы.

— Вот именно: теперь, когда и обсерватория подвела, только счастье может их выручить, — сказал Девис.

Но он поторопился сбрасывать со счета «Лагранж-2», у доктора Тома Лоусона были еще в запасе козыри.

Были они и у члена общества иезуитов, преподобного Винсента Феррaро, ученого совсем другого склада. Жаль, что ему и Тому Лоусону не доведется встретиться — получился бы великолепный фейерверк! Отец Феррaро верил в бога и

человека, доктор Лоусон не верил ни в того, ни в другого.

Винсент Феррaро начинал свою научную карьеру геофизиком, затем променял один мир на другой и превратился в селенофизика — впрочем, это звание он вспоминал лишь когда становился педантом. Никто не знал о недрах Луны столько, сколько он; добывать эти знания Феррaро помогали многочисленные приборы, хитроумно размещенные по всей поверхности вечного спутника Земли.

Эти приборы сообщили ему очень интересные сведения: в 19 часов 35 минут 47 секунд гринвичского времени в районе Залива Радуги произошел сильный толчок. Странно — эта область невозмутимой Луны до сих пор считалась особенно устойчивой. Феррaро задал своим вычислительным машинам уточнить, где находится очаг смещения, а также проверить, не отметили ли приборы каких-либо иных аномалий. Затем отправился в столовую; тут-то он и услышал от коллег, что пропала «Селена».

Ни одна вычислительная машина не сравнится с человеческим мозгом, когда надо связать совсем независимые, казалось бы, факты. Не успел Винсент Феррaро проглотить вторую ложку су-

па, как уже сложил два и два и получил вполне правдоподобный, но, увы, неверный ответ.

Глава 5

— Вот как обстоят дела, дамы и господа, — заключил коммодор Ханстен. — Прямая опасность нам не угрожает, и я не сомневаюсь в том, что нас очень скоро найдут. А пока — выше голову!

Коммодор помолчал, обводя взглядом встревоженные лица. Он уже приметил несколько «слабых точек»: вот тот щуплый мужчина, страдающий нервным тиком, да и та сухощавая кислая дама, которая нервно мнет носовой платок. Может быть, они нейтрализуют друг друга, если под каким-нибудь предлогом посадить их рядом?…

— Капитан Харрис и я — командир здесь он, я только его советник — разработали план действий. Питание будет скромное, строго по норме, но вполне достаточное, тем более, что сил вам расходовать не надо. И мы хотели бы просить кого-нибудь из женщин помогать мисс Уилкинз. У нее будет много хлопот, одной трудно справиться. Но главная опасность, если говорить откровенно, — скука. Кстати, у кого-нибудь есть с собой книги?

Все стали рыться в сумках и портфелях. Были извлечены: полный набор путеводителей по

Луне, включая шесть экземпляров официального справочника, новейший бестселлер «Апельсин и яблоко», посвященный несколько неожиданной теме — любви Нелл Гвин и сэра Исаака Ньютона, «Шейн» в издании «Гарвард Пресс» с учеными комментариями одного профессора английского языка, очерк логического позитивизма Огюста Конта и один экземпляр «Нью-Йорк Таймс» недельной давности, земное издание. Не роскошная библиотека, но если умело подойти, ее можно было растянуть надолго.

— Предлагаю создать комиссию по развлечениям, и пусть она решит, как все это использовать. Не знаю только, пригодится ли нам мсье Конт… Но может быть, у вас есть вопросы? Может быть, вы хотите, чтобы капитан Харрис или я что-то более подробно разъяснили?

— Мне хотелось бы выяснить один вопрос, — произнес тот самый голос, который похвально отозвался о чае. — Допускаете ли вы, что мы всплывем на поверхность? Ведь если эта пыль ведет себя, как вода, нас может вытолкнуть наверх, как пробку?

Вопрос англичанина застиг коммодора врасплох. Он обернулся к Пату и пробурчал:

— Это по вашей части, мистер Харрис. Что вы

скажете?

Пат покачал головой.

— Боюсь, на это надеяться нечего. Конечно, воздух внутри кабины придает нам большую плавучесть, но сопротивление пыли слишком велико. В принципе мы можем всплыть — через несколько тысяч лет.

Но англичанина явно было не так-то легко обескуражить.

— Я видел в воздушном шлюзе космический скафандр. Можно выйти в нем наружу и всплыть на поверхность? Тогда спасатели сразу узнают, где мы.

Пат поежился: он один умел обращаться с этим скафандром, который предназначался для аварийных случаев.

— Я почти уверен, что это невозможно. Вряд ли человек одолеет такое сильное сопротивление. К тому же он будет слеп. Как он определит, где верх? И как закрыть за ним наружную дверь? Если пыль проникнет в переходную камеру, от нее потом не избавишься. Выкачать ее наружу нельзя.

Пат мог бы продолжать, но решил, что этого довольно. Если к концу недели спасатели не найдут их, придется, возможно, испытать самые

отчаянные средства. Но сейчас об этом лучше не говорить, даже не думать, чтобы не подрывать собственного мужества.

— Если больше вопросов нет, — вступил коммодор Ханстен, — я предлагаю, чтобы каждый представился. Хотим мы того или нет, нам надо привыкать друг к другу. Итак, давайте познакомимся. Я пройду по кабине, а вы будете поочередно называть свою фамилию, занятие, город. Прошу вас, сэр.

— Роберт Брайен, инженер, на пенсии, Кингстон, Ямайка.

— Ирвинг Шастер, адвокат, Чикаго. Моя супруга Майра.

— Нихал Джаяварден, профессор зоологии, Цейлонский университет, Перадения.

Знакомство продолжалось. Пат снова с благодарностью подумал о том, как ему повезло в этом отчаянном положении. По своей натуре, навыкам и опыту коммодор Ханстен был прирожденным руководителем. Он уже начал сплачивать это пестрое сборище разных людей в единое целое, создавать дух товарищества, который превращает толпу в отряд. Ханстен научился этому, когда его маленькая флотилия неделями парила в пустоте между планетами, направляясь — впервые

— за орбиту Нептуна, почти за три миллиарда километров от Солнца. Пат был на тридцать лет моложе коммодора и никогда не ходил дальше Луны. И он вовсе не огорчался из-за того, что незаметно произошла смена командира. Пусть тактичный коммодор подчеркивает, что начальник — Харрис, но он-то лучше знает…

— Данкен Мекензи, физик, Обсерватория Маунт-Стромло, Канберра.

— Пьер Бланшар, счетовод, Клавий, Эртсайд.

— Филлис Морли, журналистка, Лондон.

— Карл Юхансон, инженер-атомщик, База Циолковского, Фарсайд.

Знакомство состоялось и показало, что на борту «Селены» собралось немало незаурядных людей. Ничего удивительного: на Луну, как правило, попадали люди, чем-то выделяющиеся среди большинства, хотя бы только богатством. Но что толку от всех этих талантов в таком положении, подумал Пат.

Он был не совсем прав, в этом ему очень скоро помог убедиться Ханстен. Коммодор хорошо знал, что со скукой надо бороться так же решительно, как и со страхом. И они могут положиться только на свою собственную изобретательность. В век межпланетных связей и универсальных развле-

чений «Селена» внезапно оказалась отрезанной от всего человечества. Радио, телевидение, бюллетени телефакса, кино, телефон — все это теперь было им так же недоступно, как людям каменного века. Словно первобытное племя, сгрудившееся у костра — и никого больше вокруг. Даже во время экспедиции на Плутон, подумал Ханстен, мы не были так одиноки, как здесь. Тогда у нас была отличная библиотека и полный набор всевозможных записей; в любой миг можно было связаться по светофону с планетами внутреннего круга. А на «Селене» даже колоды карт нет.

Кстати, это мысль!

— Мисс Морли! Вы ведь журналистка, у вас, конечно, есть блокнот?

— Да, коммодор, есть.

— Наберется пятьдесят два чистых листка?

— Наверное.

— Придется просить вас пожертвовать ими. Пожалуйста, вырвите их и разметьте колоду карт. Особенно не старайтесь, лишь бы можно было различить достоинство и знаки не проступали бы.

— Интересно, как вы собираетесь тасовать такие карты? — спросил кто-то.

— Пусть комиссия по развлечениям подумает

над этим! У кого есть таланты, которые могут пригодиться для нашей самодеятельности?

— Я когда-то выступала на сцене, — неуверенно произнесла Майра Шастер.

Ее супруг явно не обрадовался этому признанию, зато коммодор был доволен.

— Отлично! Значит, можно разыграть маленькую пьеску, хоть у нас и тесновато.

Но тут смутилась уже миссис Шастер.

— Это было давно, — сказала она, — и мне… мне почти не приходилось говорить на сцене.

Несколько человек прыснули, и даже коммодор с трудом сохранил серьезный вид. Трудно было представить себе юной хористкой женщину, возраст которой перевалил за пятьдесят, а вес — за сто.

— Ничего, — сказал, Ханстен, — главное — желание. Кто хочет помочь миссис Шастер?

— Я когда-то участвовал в любительских постановках, — сообщил профессор Джаяварден. — Правда, мы ставили преимущественно Брехта и Ибсена.

Это «правда» подразумевало, что здесь уместнее что-нибудь из легкого жанра. Скажем, одна из пошловатых, но забавных комедий, которые наводнили эфир в конце 1980-х годов, когда капи-

тулировала телецензура.

Больше добровольных артистов не нашлось, и коммодор попросил миссис Шастер и профессора Джаявардена сесть рядом и вместе составить программу. Ему не очень-то верилось, что столь разные люди придумают что-нибудь дельное, но кто знает… И вообще, главное, чтобы каждый был чем-нибудь занят, будь то в одиночку или с кем-то вместе.

— Одно дело сделано, — продолжал Ханстен. — Если кого-то осенит блестящая идея, пожалуйста, изложите ее комиссии. А пока — садитесь-ка поудобнее и поближе познакомьтесь друг с другом. Каждый сказал, откуда он и чем занимается, у вас могут быть общие интересы, даже одни и те же друзья. Словом, вы найдете, о чем поговорить. «И времени у вас предостаточно», — мысленно добавил он.

Коммодор Ханстен совещался с Патом в его отсеке, когда к ним подошел доктор Мекензи, физик из Австралии. Он выглядел очень озабоченно, словно произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Я должен вам кое-что сказать, коммодор, — взволнованно произнес он. — Если не ошибаюсь, семидневный запас кислорода нас не спасет. Нам

грозит куда более серьезная опасность.

— Какая же?

— Тепло. — Австралиец указал рукой на корпус судна. — Кругом пыль, а она идеальный теплоизолятор. На поверхности тепло от наших машин и от нас самих уходит в окружающее пространство, здесь оно заперто. Значит, в кабине будет все жарче и жарче, пока мы не сваримся.

— Что вы говорите, — сказал коммодор, — мне это и в голову не приходило! И сколько же времени, по-вашему, мы сможем продержаться?

— Дайте мне полчаса, я подсчитаю. Во всяком случае, мне кажется, не больше суток.

Коммодор вдруг почувствовал себя совсем беспомощным. Отвратительно засосало под ложечкой, в точности, как когда он вторично изведал свободное падение. (В первый раз ничего не было, тогда Ханстен был подготовлен, а во второй раз его наказала излишняя самоуверенность). Если физик прав, рухнули все надежды. И без того они невелики, но недельный срок позволял хоть немного надеяться… За одни сутки там, наверху, ничего не успеют сделать. Даже если найдут их, все равно не спасут.

— Проверьте температуру воздуха в кабине, — продолжал Мекензи. — Даже по ней можно

судить.

Ханстен подошел к панели управления и взглянул на мозаику циферблатов и индикаторов.

— Боюсь, вы правы, — сказал он. — Уже поднялась на два градуса.

— Больше одного градуса в час. Я так и думал.

Коммодор повернулся к Харрису, который слушал их разговор с растущей тревогой.

— Можем мы усилить охлаждение? Какой запас мощности у агрегатов кондиционирования?

Прежде чем Пат успел ответить, снова вмешался физик.

— Это не поможет, — произнес он нетерпеливо. — Как действует установка для охлаждения? Выкачивает тепло из кабины и отдает его в окружающее пространство. Но здесь-то это невозможно, кругом пыль! Дать на установку дополнительную мощность — будет только еще хуже.

С минуту длилась угрюмая тишина. Наконец коммодор сказал:

— Все-таки прошу вас — проверьте побыстрее ваши расчеты и скажите мне, что получится. И чтобы об этом не знал никто, кроме нас троих!

Ханстен вдруг почувствовал себя очень старым. Сначала он даже как-то обрадовался тому, что неожиданно снова занял командный пост. Но

кажется, он пробудет на этом посту всего один день...

В ту самую минуту, хотя об этом не знали ни пропавшие, ни спасатели, над судном проходил по Морю один из пылекатов. Его конструкцию определяло стремление к скорости, эффективности и дешевизне, а не забота об удобстве туристов, и он сильно отличался от «Селены». Это были, по сути дела, открытые сани с двумя сиденьями — водителя и пассажира — и тентом для защиты от солнца. Небольшая панель управления, мотор, два винта на корме, полочки для инструмента и запчастей — вот и вся оснастка. Обычно пылекат тащил за собой на буксире грузовые сани; этот шел налегке. Он исчертил зигзагами уже не одну сотню квадратных километров поверхности Моря — и не обнаружил ничего.

Водитель обратился к товарищу через вмонтированное в скафандры переговорное устройство.

— Как, по-твоему, Джордж, что с ними случилось? По-моему, здесь их нет.

— Где же они? Захвачены инопланетниками?

— А что, вполне возможно, — почти всерьез ответил водитель.

Рано или поздно — в это верили все астронавты — человек встретится с другими разумными су-

ществами. Пусть до этой встречи еще далеко, но гипотетические «инопланетники» уже прочно вошли в космическую мифологию; на них валили все, чего не могли объяснить иначе.

Не так уж трудно поверить в существование инопланетников, если ты вместе с горсткой товарищей очутился в чужом, неприветливом мире, где даже камни и воздух (если он есть) кажутся враждебными. Где опыт тысяч земных поколений оказывался никчемным, все привычные представления — непригодными. Первобытный человек за всем неведомым видел богов и духов; так и гомо астронаутикус, прибыв на новую планету, невольно озирался на каждом шагу, ожидая увидеть кого-нибудь. Несколько быстротечных веков люди почитали себя господами вселенной; древние страхи и чаяния ушли в тайники подсознания. Теперь, когда человек пытливо изучал звездные дали и пытался понять, что за силы там таятся, эти чувства возродились. Ничего удивительного.

— Пожалуй, надо доложить на Базу, — сказал Джордж. — Мы осмотрели всю заданную площадь, повторять маршрут нет смысла. Во всяком случае, пока не взошло солнце. Днем еще можно что-то найти. От этого земного света мне не по

себе.

Он включил передатчик.

— «Пылекат-Два» вызывает диспетчерскую. Прием.

— Диспетчерская Порт-Рориса слушает. Что-нибудь обнаружили?

— Ничего. Что нового у вас?

— Похоже, что «Селена» не может быть в Море. Сейчас с вами будет говорить главный инженер.

— Есть, включайте.

— Алло, «Пылекат-Два»! Говорит Лоуренс. Обсерватория Платон только что сообщила о лунотрясении в районе Гор Недоступности. Оно произошло в девятнадцать тридцать пять. В это время «Селена» должна была идти по Кратерному Озеру. Видимо, ее накрыло лавиной. Идите к горам, проверьте, нет ли где следов свежих оползней или обвалов.

— А еще толчки будут? — озабоченно спросил водитель.

— Вряд ли, если верить обсерватории. Они говорят, теперь, когда напряжение разрядилось, до следующего раза может пройти не одна тысяча лет.

— Надеюсь, они не ошибаются. Я вызову, как только буду на Кратерном, минут через два-

дцать.

Но уже через пятнадцать минут «Пылекат-2» разрушил последние надежды тех, кто ждал у приемника.

— Говорит «Пылекат-Два». Боюсь, вы угадали. До Кратерного Озера еще не дошли, идем по каньону. Но данные обсерватории подтверждаются. Очень много завалов, мы еле-еле пробились. Вот и сейчас вижу следы обвала — десять тысяч тонн камня, не меньше, сорвалось. Если «Селена» погребена здесь, ее не найдешь. Незачем даже искать.

Диспетчерская молчала так долго, что пылекат включился снова:

— Алло, диспетчерская, вы меня слышите?

— Слышим, — устало ответил главный инженер. — Попробуйте отыскать хоть какие-нибудь следы. Высылаю на помощь «Пылекат-Один». Вы уверены, что их нельзя откопать?

— Не одна неделя уйдет, если только вообще удастся их нащупать. В одном месте на триста метров сплошной завал. Да и опасно копать, еще новый обвал сорвем…

— Вы там поосторожней. Докладывайте каждые пятнадцать минут, даже если ничего не обнаружите.

Лоуренс отвернулся от микрофона, чувствуя себя совсем разбитым. Его возможности исчерпаны… И вообще, что тут можно сделать? Борясь со смятением, он подошел к обращенному на юг обзорному окну и увидел земной серп.

Сколько ни смотри, трудно поверить, что Земля прикована к одной точке лунного неба. Висит так низко над горизонтом — но не зайдет и не взойдет даже через миллион лет. Мысль об этом настолько противоречит всему опыту человечества, что к ней нельзя привыкнуть.

Скоро по ту сторону космической пропасти (нынешнее поколение не помнит того времени, когда она была непреодолимой, ему она кажется не такой уж большой) распространятся волны потрясения и горя. Тысячи людей лишатся покоя только потому, что Луна вздрогнула во сне.

Задумавшись, главный не сразу заметил, что к нему обращается начальник узла связи.

— Простите, вы еще не вызвали «Пылекат-Один». Соединить вас?

— Что? А, да-да! Передайте, чтобы выходил на помощь Второму в Кратерное Озеро. Сообщите, что поиски в Море Жажды прекращены.

Глава 6

Весть о том, что поиски прекращены, дошла до «Лагранж-2», когда Том Лоусон с опухшими от недосыпания глазами уже заканчивал монтаж нового приспособления к стосантиметровому телескопу. Так старался, спешил — и, выходит, впустую… «Селены» нет в Море Жажды, она в таком месте, где ему ее никак не обнаружить, за окаймляющим Кратерное Озеро барьером, да к тому же под тысячами тонн камня.

В первый миг Том даже не пожалел пассажиров, он рассердился. Выходит, зря потрачены и время, и труд. Не мелькать на экранах новостей всех обитаемых миров заголовкам «Молодой астроном находит пропавших туристов»… Рухнули мечты о славе. И добрых тридцать секунд Том Лоусон отводил душу потоком ругательств, которые повергли бы в изумление его коллег, если бы они его слышали. Все еще распаленный гневом, он принялся снимать детали, которые выпрашивал, занимал, даже присваивал в других лабораториях спутника.

Том не сомневался, что его прибор мог решить задачу. Теоретическая сторона в полном порядке,

не подкопаешься, больше того: она основана на почти столетней практике. Инфракрасная локация была известна уже во время второй мировой войны, когда находили замаскированные предприятия по теплу от их агрегатов.

«Селена» не оставила на Море Жажды видимой колеи, но должен быть инфракрасный след. Винты судна подняли с глубины одного фута относительно теплую пыль и разметали ее по гораздо более холодной поверхности. «Глаз», способный видеть тепловые лучи, мог и через несколько часов после прохождения «Селены» отыскать ее колею. По расчетам Тома, он успел бы завершить инфракрасный поиск, прежде чем Солнце, взойдя, сотрет все намеки на тепловой след в холодной лунной ночи.

Теперь-то, конечно, нет смысла ничего затевать.

К счастью, на борту «Селены» не подозревали, что поиски в районе Моря Жажды прекращены и пылекаты ушли на Кратерное Озеро. И к счастью, никто из пассажиров не знал про опасения доктора Мекензи.

На листке бумаги физик начертил предполагаемую кривую роста температуры. Каждый час он заносил в график показания висящего на пере-

борке градусника. Увы, они поразительно точно совпадали с прогнозом. Еще двенадцать часов, и температура превысит сто десять градусов по Фаренгейту[1], появятся первые жертвы теплового удара. И выходит, им остается жить не больше суток. Так что попытки капитана Ханстена поддержать дух пассажиров казались нелепыми. Добьется он успеха или нет — послезавтра уже не будет играть никакой роли.

А впрочем, так ли это? Пусть у них только два выбора: умереть, как люди, или умереть, как звери — первое, несомненно, лучше. Даже если «Селену» никогда не найдут и никто не будет знать, как ее узники встретили смертный час. Это выше логики и рассудка; впрочем, то же самое можно сказать едва ли не обо всем, что определяет жизнь и смерть человека.

Коммодор Ханстен отлично понимал это, когда составлял программу на оставшиеся часы. Есть люди, рожденные руководить; он принадлежал к ним. Вакуум, в котором он очутился, уйдя в отставку, вдруг заполнился. Впервые с тех пор, как Ханстен покинул рубку флагманского корабля «Кентавр», он жил полноценной жизнью.

---

[1] Примечания: 1
43 градуса по Цельсию.

Пока люди чем-то заняты, можно не опасаться за моральное состояние. Неважно, что они будут делать, лишь бы это казалось им интересным или важным. Счетовод Космической администрации, отставной инженер и двое служащих из Нью-Йорка уже с головой ушли в покер. Сразу видно завзятых картежников; с ними хлопот не будет, разве что если понадобится оторвать их от карт.

Почти все остальные разбились на группы и очень мило разговаривали. Комиссия по развлечениям все еще заседала. Профессор Джаваярден что-то записывал, миссис Шастер, как ни старался унять ее супруг, делилась воспоминаниями о бурлеске. И только мисс Морли держалась особняком. Мелким почерком она не спеша заполняла оставшиеся листки блокнота. Должно быть, вела дневник, как и подобало настоящему журналисту.

Как бы дневник не оказался короче, чем думает мисс Морли… Похоже, она не успеет исписать даже этих немногих страниц. А если испишет — вряд ли кому-либо доведется их прочесть.

Коммодор глянул на часы и удивился тому, как много времени прошло. К этому часу он рассчитывал быть уже на обратной стороне Луны, в Клавии. Ленч в лунном филиале «Хилтона»,

потом экскурсия в… Но какой смысл размышлять о будущем, которого не будет? Его гораздо больше беспокоило скоротечное настоящее.

Пожалуй, лучше поспать немного, пока жара не стала невыносимой. Конструкторы «Селены» не предусмотрели, что она может стать спальней (или могилой!), да что поделаешь. Придется пораскинуть мозгами, кое-что переставить, хотя бы от этого пострадало имущество «Лунтуриста». Ханстену понадобилось двадцать минут на то, чтобы все продумать, затем он посовещался с капитаном Харрисом и обратился к остальным.

— Дамы и господа, нам всем сегодня было нелегко, и я думаю, вы не прочь немного поспать. Правда, тут возникают некоторые трудности, но я уже проделал опыт и убедился, что при желании можно отделить средние подлокотники между сидениями. Конечно, это не положено, да вряд ли «Лунтурист» станет подавать на нас в суд. Десять человек смогут лечь на креслах, остальным предлагаю устроиться на полу. И еще. Вероятно, вы заметили, что в кабине становится жарковато. Температура будет некоторое время повышаться. Поэтому я советую снять всю лишнюю одежду, удобство сейчас важнее чрезмерной щепетильности. (Мысленно он добавил, что еще

важнее выжить… Но у нас есть в запасе несколько часов.)

— Мы погасим внутреннее освещение, — продолжал Ханстен, — а чтобы не оставаться в полной темноте, включим на минимальную мощность аварийный свет. Один человек будет дежурить в кресле капитана. Капитан Харрис уже составляет график дежурства, смена через два часа. Есть вопросы или замечания?

Ни того, ни другого не было, и коммодор облегченно вздохнул. Он боялся, как бы кто не полюбопытствовал, почему поднимается температура. Что бы он стал отвечать? При всех своих способностях, Ханстен не умел лгать, а ему хотелось, чтобы пассажиры спали спокойно, насколько это вообще возможно в такой обстановке. Если не случится чуда, этот сон может оказаться вечным…

Мисс Уилкинз, уже без прежней профессиональной непринужденности, разнесла напитки желающим. Большинство пассажиров сразу начали снимать верхнюю одежду; более стеснительные подождали, пока не погасло главное освещение. В тусклом красном свете кабина «Селены» выглядела фантастически. Кто мог представить себе что-либо подобное несколько

часов назад, когда пылеход покидал Порт-Рорис?... Двадцать два человека, почти все в одном белье, лежали на сиденьях и на полу. Некоторые счастливчики уже похрапывали, остальные беспокойно ворочались с боку на бок.

Пат Харрис выбрал себе место на самой корме, даже не в кабине, а в тесной камере перепада. Здесь был удобный наблюдательный пункт. Через открытую дверь он видел всю кабину от самого носа, мог следить за каждым пассажиром.

Аккуратно сложив форму, Пат сделал из нее подушку и лег на жесткий пол. До вахты шесть часов, хорошо бы поспать.

Спать... Истекают последние часы его жизни — и все-таки больше ничего не остается. Интересно, крепко ли спят смертники в ночь перед казнью?

Он так устал, что даже эта мысль его не затронула. Последнее, что видел Пат, проваливаясь в забытье, как доктор Мекензи снял очередные показания термометра и аккуратно нанес их на свой график. Точно астролог, составляющий гороскоп...

В пятнадцати метрах над «Селеной» (их при здешнем тяготении можно одолеть одним прыжком) уже наступило утро. На Луне не бывает сумерек, но небо давно предвещало рассвет.

Задолго до восхода Солнца выросла сияющая пирамида зодиакального света, столь редко видимого на Земле. Она поднималась очень медленно — чем ближе восход, тем ярче. Вот пирамида растворилась в опаловом сиянии короны, а вот над горизонтом вспыхнуло пламя, в миллион раз ярче их обоих. Кончился двухнедельный мрак, вернулось светило. Из-за медленного вращения Луны вокруг своей оси пройдет еще час с лишним, прежде чем оно взойдет совсем, но день уже начался.

Казалось, по Морю Жажды, теснимый слепящим светом, катится черный отлив. И вот уже вся гладь моря простреливается почти горизонтальными лучами. Будь на поверхности малейшее возвышение, его тотчас выдала бы длинная, в несколько сот метров тень.

Выдала — кому? «Пылекат-1» и «Пылекат-2» были заняты бесплодным исследованием Кратерного Озера, в полутора десятках километров от места катастрофы. Их окружала тьма: пройдет еще два дня, прежде чем солнце поднимется над окаймляющими кратер пиками, а пока только вершины озарены восходом. С каждым часом резко очерченная полоса света будет спускаться по склонам все ниже — местами быстрее иду-

щего человека — и наконец лучи коснутся дна кратера.

Сейчас над озером метался свет, созданный человеком. Яркие вспышки выхватывали из тьмы тяжелые глыбы: спасатели фотографировали груды камней, которые бесшумно скатились с гор, когда Луна вздрогнула во сне. Меньше чем через час фотографии будут на Земле, еще через два часа их увидят во всех обитаемых мирах.

Плохая реклама для туризма.

Когда капитан проснулся, в кабине было заметно жарче. Но не жара разбудила его за целый час до начала вахты.

Хотя Пату ни разу не доводилось ночевать на «Селене», он хорошо знал, какие звуки можно услышать на борту. Когда моторы выключены, царит почти полная тишина, и нужно напрягать слух, чтобы уловить шелест воздушных насосов и слабое гудение охлаждающей установки. Все это он слышал, когда засыпал, но теперь к этим звукам прибавился новый, непривычный…

Едва слышный шорох, настолько тихий, что на мгновение Пат заколебался — уж не почудилось ли ему? Невероятно, чтобы такой слабый сигнал проник в его подсознание сквозь барьер сна. Даже сейчас, проснувшись, капитан не мог

ни определить природу звука, ни установить, откуда он идет.

Внезапно Пат понял, почему шум разбудил его. Сонливость как рукой сняло. Вскочив на ноги, он приложил ухо к наружной двери камеры перепада: таинственный звук доносился снаружи!

Ну, конечно. Совершенно отчетливо слышно. У капитана мурашки по спине забегали. Шуршат пылинки, словно за обшивкой «Селены» разыгралась песчаная буря. В чем дело? Неужели море опять колышется? И если так — куда увлечет течение «Селену»? Пока что пылеход как будто недвижим, только внешняя среда течет и струится...

Очень осторожно, стараясь не потревожить спящих, Пат на цыпочках прошел в кабину. Дежурил доктор Мекензи. Съежившись в кресле пилота, он глядел на засыпанный снаружи иллюминатор. Когда подошел Пат, физик повернулся к нему и шепотом спросил:

— Что-нибудь неладное?

— Не знаю... Проверьте сами.

Теперь уже двое приложили ухо к двери и долго слушали загадочный шорох. Вдруг Мекензи сказал:

— Это движется пыль, никакого сомнения.

Но я не понимаю — почему. Вот вам еще одна загадка.

— Еще одна?

— Да. Меня сбивает с толку температура. Она повышается, но не так быстро, как я ожидал.

Казалось, физик недоволен тем, что его расчеты не подтвердились, но для Пата его слова были первой доброй вестью после катастрофы.

— Вы только не огорчайтесь, кто из нас не ошибался. И если эта ошибка подарит нам несколько лишних дней, уж я-то во всяком случае не стану вас упрекать!

— Но я не мог ошибиться! Это же элементарная арифметика. Нам известно, сколько тепла излучают двадцать два человека, и куда-то это тепло должно деться!

— Во сне излучение меньше, может быть, в этом все дело?

— Как будто я мог упустить столь очевидное обстоятельство! — раздраженно ответил ученый. — Разумеется, меньше, но уж не настолько. Нет, тут что-то другое. Должна быть причина, почему температура отстает от моего графика.

— Отстает, и слава Богу, — сказал Пат. — Но что вы скажете об этом звуке?

Мекензи с трудом заставил себя думать о новой

загадке.

— Пыль движется, мы — нет. Выходит, это явление местное. Больше того, мы заметили его только здесь, на корме. Может быть, в этом все дело? — Он указал рукой на переборку. — Что за переборкой?

— Двигатели, баллоны с кислородом, охлаждающая установка…

— Охлаждающая установка! Ну, конечно! Я же видел при посадке… Там, за обшивкой, ребра радиатора?

— Совершенно верно.

— Тогда все понятно. Они так сильно нагрелись, что пыль циркулирует, словно жидкость. Конвекционное течение уносит вверх наше избыточное тепло! Не исключено, что температура установится. Вряд ли станет прохладнее, но мы будем жить.

В тусклом малиновом свете они посмотрели друг на друга, ощущая прилив надежды. Пат медленно произнес:

— Я уверен, что вы угадали. Кажется, невезение кончилось.

Он взглянул на часы и быстро что-то прикинул в уме.

— Сейчас над морем восходит солнце. База,

конечно, выслала на поиски пылекаты. Они примерно знают, где искать. Десять против одного, что нас найдут через несколько часов.

— Скажем об этом коммодору?

— Пусть спит. Ему досталось тяжелее всех. С этой новостью можно и до завтра подождать.

Мекензи вернулся на свой пост. Пат попробовал снова уснуть, но ничего не вышло. Он лежал с открытыми глазами и думал об удивительном повороте судьбы. Пыль, которая сперва поглотила их, потом грозила изжарить, вдруг пришла им на помощь. Конвекционное течение уносит избыточное тепло на поверхность. Правда, еще неизвестно, что будет, когда восходящее солнце обрушит на гладь Моря Жажды всю мощь своих лучей.

Пыль за обшивкой шелестела по-прежнему, и Пат вдруг вспомнил старинные песочные часы, которые ему однажды показали в детстве. Перевернешь — и песок сквозь узенькое горлышко сыплется в нижний сосуд, отмеряя там минуты и часы.

Пока не изобрели пружинные часы, множество людей следило за временем по падающим песчинкам. Но до сегодняшнего дня никому — он был в этом уверен — не доводилось восходящей

струей пыли измерять продолжительность своей жизни.

Глава 7

В Клавии главный администратор Ульсен и начальник «Лунтуриста» Девис только что кончили совещаться с представителями Правового отдела. Разговор был далеко не веселый: обсуждали главным образом документ, который снимал с «Лунтуриста» ответственность за жизнь клиентов. Все туристы подписали его, прежде чем подняться на борт «Селены». Вплоть до открытия маршрута Девис возражал против такого порядка, подчеркивал, что это лишь отпугнет клиентов, но юристы Лунной администрации настояли на своем. Теперь он был этому рад.

Он был рад и тому, что власти Порт-Рориса точно выполняли инструкцию; ведь часто к таким вещам относятся как ко второстепенной формальности и правилами втихомолку пренебрегают. На столе перед ними лежал лист с подписями всех пассажиров «Селены», за одним только исключением, которое привело в замешательство юристов.

Коммодор, оберегая инкогнито, назвался Р. С. Хансоном и расписался неразборчиво, можно прочесть и «Хансон», и «Ханстен». Пока не пере-

дано факсимиле с Земли, и не решишь. Впрочем, это роли не играет. Коммодор выполнял официальное поручение, и Администрация все равно отвечает за него. Да и за остальных пассажиров она несет если не юридическую, то во всяком случае моральную ответственность.

Так или иначе, администрация обязана сделать все, чтобы найти погибших и достойным образом предать Земле их останки. Эту задачу, не долго думая, возложили на широкие плечи главного инженера Лоуренса, который еще оставался в Порт-Рорисе.

Кажется, никогда он не брался за дело с меньшим воодушевлением. Будь хоть малейшая надежда, что пассажиры «Селены» живы, он бы все перевернул, чтобы добраться до них. Но ведь они уже погибли, так зачем же искать и раскапывать их, рискуя жизнью других людей! Сам он считал, что вечные холмы Луны — лучшее кладбище.

Главный инженер Лоуренс ни на секунду не сомневался, что пассажиры убиты, *об* этом говорили все обстоятельства. Подземный толчок произошел как раз в то время, когда «Селена» по графику покидала Кратерное Озеро, а половина каньона загромождена завалами. Любой из

них мог смять пылеход, как бумажную игрушку. Воздух мгновенно вышел сквозь пробоины, и пассажиры задохнулись. Если бы корабль чудом уцелел, радиоцентр принял бы его сигналы. Маленький автоматический радиомаяк сконструирован с таким расчетом, чтобы противостоять любым ударам и толчкам; если уж он не действует, значит, «Селене» крепко досталось…

Первым делом надо определить, где находятся обломки. Это не так уж сложно, пусть даже они погребены под миллионами тонн камня. Есть геофизические приборы, всевозможные металлоискатели. Через пробоины из кабины в лунный вакуум (почти вакуум) вырвался воздух; даже теперь, хотя прошел не один час, должны быть следы углекислого газа и кислорода. Их обнаружат индикаторы, которыми выявляют течи в обшивке космических кораблей. Как только пылекаты вернутся на базу для заправки и зарядки, он оснастит их индикаторами и отправит в район завалов, пусть все обнюхают.

Словом, найти корабль не хитро. А вот извлечь его будет потруднее. Тут ничего нельзя обещать, кроме миллионных расходов. (Что скажет, услышав это, главный администратор?) Во-первых, физически невозможно доставить туда тяжелые

машины, способные ворочать тысячетонные глыбы. Юркие пылекаты не годятся, нужны лундозеры — как их переправишь через Море Жажды? — и несколько ракет гелигнита для взрывных работ. Нет, это отпадает. Конечно, можно понять и администратора… Но взваливать на свое и без того перегруженное Инженерное управление такой сизифов труд — черта с два!

И Лоуренс принялся возможно более тактично (от главного администратора простым «нет» не отделаешься) составлять доклад. Смысл его сводился к следующему: «*А.* Работа почти наверное невыполнима. *Б.* Если даже ее можно выполнить, на это уйдут миллионы и не исключены новые человеческие жертвы. *В.* И все это ни к чему». Но попробуй, скажи так напрямик… И нужны доводы. Вот почему в конечном виде доклад главного инженера насчитывал больше трех тысяч слов.

Кончив диктовать, Лоуренс помолчал, прикидывая, что можно добавить, ничего не придумал и закончил: «Секретно. Главному администратору, Главному инженеру Фарсайда, Старшему диспетчеру, Начальнику „Лунтуриста“, Центральный архив».

Он нажал кнопку копирующего устройства. Двадцать секунд — и телефакс выдал ему все

двенадцать страниц его доклада, безупречно перепечатанные, знаки препинания на местах, грамматические ошибки исправлены. Лоуренс быстро пробежал текст, проверяя электросекретаршу. Она (по привычке все устройства этого типа относили к женскому роду) иногда тоже ошибалась, особенно при большой нагрузке, когда диктовали сразу десять-двенадцать человек. И вообще ни одна нормальная машина не может овладеть всеми тонкостями столь эксцентричного языка, как английский. Не говоря уже о том, что любой здравомыслящий человек просматривает напоследок свои донесения, прежде чем отправлять их начальству. Сколько тяжких огорчений испытали те, кто целиком полагался на электронику…

Лоуренсу осталось сверить шесть страниц, когда зазвонил телефон.

— «Лагранж-Два» вызывает, — доложил оператор (не автомат). — Некий доктор Лоусон хочет говорить с вами.

«Лоусон? Это еще кто такой?» — спросил себя главный. И тут же вспомнил: ну да, ведь это астроном, который искал «Селену» в свой телескоп. Ему, конечно, уже сообщили, что это ни к чему.

Главный инженер еще ни разу не встречался с

доктором Лоусоном. Он не знал, что космический астроном — весьма раздражительный и весьма одаренный молодой человек, К тому же весьма упрямый, что в этом случае было всего важнее.

Том уже начал разбирать инфракрасный локатор, но вдруг призадумался. Устройство почти готово, почему бы из чисто научного любопытства не испытать его? Он по праву гордился своим талантом экспериментатора, довольно редким в век, когда большинство так называемых астрономов на деле были математиками и даже близко не подходили к обсерватории.

Только упрямство помогало Лоусону держаться на ногах, до того он устал к этому времени. Если бы прибор не заработал сейчас, Том отложил бы испытание и лег спать. Но иногда — очень редко — умение сразу вознаграждается успехом. Так было на этот раз: инфраразведчик действовал. Небольшая наладка — и на экране, строчка за строчкой, как в старинных телевизорах, возникло изображение Моря Жажды.

Светлые точки отвечали сравнительно теплым участкам, темные — холодным. Море Жажды было почти сплошь черным, кроме яркой полосы света там, где его гладь обожгли солнечные лучи. Всмотревшись, Том на темном фоне различил еле

заметный след — как если бы в залитом лунным светом саду на Земле проползла улитка.

Никакого сомнения: это тепловой след «Селены». Он видел даже зигзаги пылекатов, еще разыскивающих корабль. Все следы сходились у Гор Недоступности, дальше они терялись за пределами его поля зрения.

Лоусон слишком устал, чтобы внимательно разглядывать экран — да и к чему? Ведь следы только подтверждали то, что и без того уже известно. Конечно, приятно, что еще один собранный им прибор слушается. Порядка ради Том сделал фотоснимок с экрана, потом пошел спать.

Три часа спустя Лоусон проснулся. Не сон, а мука, он нисколько не отдохнул, что-то тревожило его. Как шелест движущейся пыли насторожил Пата Харриса в погребенной «Селене», так и Тома Лоусона, отделенного от Луны пятьюдесятью тысячами километров, разбудила какая-то малость, чуть заметное отклонение от нормального. У человеческого сознания много сторожевых псов, они порой лают попусту, но умный человек никогда не пренебрегает сигналом.

Еще не очнувшись как следует, Том вышел из своей тесной каморки, прицепился к транспортному канату и заскользил вдоль переходов

с нулевой гравитацией к обсерватории. Кисло пожелал доброго утра (хотя на спутнике наступил уже условный вечер) тем из коллег, которые не успели свернуть в сторону, и поспешил уединиться среди своих любимых приборов.

Он выдернул из фотокамеры снимок и посмотрел на него. Короткий след тянулся от Гор Недоступности в Море Жажды, обрываясь недалеко от берега.

Том видел этот след несколько часов назад, когда глядел на экран — не мог не видеть! И не обратил на него внимания. Серьезный, почти непростительный промах для ученого. Том Лоусон не на шутку рассердился на себя. Наблюдательность не должна зависеть от скороспелых умозаключений.

Но что же все-таки это значит? Вооружившись лупой, Том придирчиво изучил весь район. Светлая полоска оканчивалась расплывчатым пятнышком; на местности это что-нибудь около двухсот метров в поперечнике. Странно, можно подумать, что «Селена», покинув горы, взлетела, подобно космическому кораблю.

В первый миг Том решил, что судно взорвалось и тепловое пятнышко — след взрыва. Но тогда на поверхности пылевого моря должны были

остаться обломки. И пылекаты нашли бы их. Вот и отчетливый след пылеката, который прошел как раз в этом месте.

Значит, надо искать другой ответ. Остается только один вариант — и совсем невероятный. Невозможно представить себе, чтобы большой лунобус канул в Море Жажды лишь потому, что по соседству произошел подземный толчок. Нет, нет, нельзя, опираясь только на одну фотографию, вызвать Луну и сказать: «Вы не там ищете». Хоть Том и делал вид, что ему безразлично мнение других, он страшно боялся попасть впросак. Прежде чем говорить вслух об этой фантастической теории, надо заручиться еще какими-нибудь свидетельствами.

Сейчас залитое ярким светом Море выглядело в телескоп совершенно гладким. Визуальное наблюдение лишь подтверждало то, в чем Том Лоусон убедился еще до восхода солнца: над пылевой равниной не возвышалось никаких бугорков. Инфракрасный локатор тоже не мог помочь. Тепловые следы успели исчезнуть, их стерли солнечные лучи.

Том настроил прибор на предельную чувствительность и еще раз осмотрел район, где обрывался след. Вдруг остался хоть какой-то на-

мек, тепловое пятнышко, достаточно мощное, чтобы его можно было обнаружить даже теперь, когда на Луне занялось утро… Ведь солнце только-только взошло, его лучи далеко не достигли своей полной, убийственной силы.

Что это?… Неужели почудилось? Работая на пределе, прибор может и ошибиться, но Том Лоусон был уверен, что видит на экране едва заметное мерцание как раз там, где обрывался след на фотографии.

Но все это так неубедительно! Какой ученый решится подставить себя под удар критики, располагая столь шаткими данными… Промолчать? И никто ничего не узнает — зато его всю жизнь будет преследовать сомнение. А рассказать о своей догадке — значит вызвать надежды, которые могут оказаться тщетными. Чего доброго, станешь посмешищем для всей солнечной системы или обвинят в саморекламе.

А среднего пути нет, надо решать. Очень неохотно, отлично понимая, что после этого шага нельзя будет отступать, Том взял трубку телефона.

— Говорит Лоусон, — сказал он, — Соедините меня с Луной, срочно.

Глава 8

Завтрак, поданный пассажирам «Селены», был не особенно изысканный, но достаточно питательный. Правда, многие пассажиры были недовольны: столовое печенье и мясной концентрат, ложечка меда и стакан теплой воды не отвечали их представлению о плотной трапезе. Однако коммодор был непреклонен.

— Неизвестно, сколько нам здесь сидеть, — сказал он. — И боюсь, придется нам обойтись без горячих блюд. Во-первых, их негде приготовить, во-вторых, в кабине и без того жарко. Ни чая, ни кофе, к сожалению, не будет. Да по чести говоря, нам совсем не вредно на несколько дней сократить потребление калорий.

Только сказав эти слова, Ханстен подумал о миссис Шастер. Хоть бы не приняла это за личный выпад… Супруга адвоката одна занимала полтора кресла, без корсета она напоминала добродушного гиппопотама.

— Наверху как раз взошло солнце, — продолжал коммодор. — Спасатели работают полным ходом, теперь только вопрос времени, когда нас найдут. Можно даже заключать пари. Свои предположе-

ния сообщайте мисс Морли — она ведет бортовой журнал. А теперь о программе дня. Профессор Джаяварден, вы не расскажете, чем нас порадует Комиссия по развлечениям?

Щуплый, с птичьей головой и неожиданно большими ласковыми карими глазами профессор очень серьезно подошел к вопросу о развлечениях. Об этом красноречиво говорили листки, которые он держал в своих тонких смуглых руках.

— Как вам известно, — начал он, — я любитель театра. Боюсь, однако, здесь ничего не получится. Интересно читать пьесу в лицах, я даже думал о том, чтобы записать по памяти несколько актов. К сожалению, у нас мало бумаги. Значит, надо искать другой выход. Литературы на борту оказалось немного, и некоторые книги носят очень специальный характер. Но есть два романа: университетское издание классического вестерна «Шейн» и новый исторический роман «Апельсин и яблоко». Предлагаю выбрать несколько чтецов и прочесть эти книги вслух. Возражения есть? Или другие предложения?

— Мы хотим играть в покер, — донесся твердый голос из хвостовой части кабины.

— Но нельзя же играть в покер все время, —

возразил профессор, обнаруживая плохое знание людей не академического круга.

Коммодор пришел ему на помощь.

— Чтение не отменяет покера, — сказал он. — А вообще я советую вам иногда делать перерыв, этих карт надолго не хватит.

— Итак, с какой книги мы начнем? И кто будет читать? Я с удовольствием почитаю вслух, но хорошо бы выделить кого-нибудь на смену.

— По-моему, не стоит тратить время на «Апельсин и яблоко», — вступила мисс Морли. — Эта книжонка — просто дрянь, она… гм… почти порнографическая.

— Откуда вы это знаете? — спросил Девид Баррет, англичанин, который хвалил чай.

Ответом ему было возмущенное фырканье. Профессор Джаяварден растерялся и озабоченно поглядел на коммодора, ища поддержки. Тщетно. Ханстен пристально смотрел в другую сторону. Нельзя, чтобы пассажиры со всем шли к нему. Пусть, насколько это возможно, обходятся своими силами.

— Отлично, — сказал наконец профессор. — Чтобы не спорить, начнем с «Шейна».

Послышались протестующие возгласы: «Мы хотим „Апельсин и яблоко“!» Но профессор проявил

неожиданную твердость.

— Это очень длинная книга, — ответил он, — мы вряд ли успеем ее закончить до появления спасателей.

Джаяварден прокашлялся, окинул взглядом кабину, проверяя, есть ли еще возражающие, затем начал читать очень приятным певучим голосом:

— Предисловие: «Роль вестернов в космический век». Автор профессор английского языка Карл Адамс. В основу предисловия легли работы семинара по критике в Чикагском университете.

Картежники еще не решились: один из них лихорадочно рассматривал клочки бумаги, которые служили картами.

Остальные пассажиры уселись поудобнее. Глаза одних выражали скуку, других — интерес. Мисс Уилкинз проверяла в камере перепада запасы провизии. Мягкий голос продолжал:

— «Одним из наиболее неожиданных литературных событий нашего столетия оказалось возрождение, после полувековой опалы, жанра, известного под названием „вестерн“. Эти романы, действие которых четко ограничено местом и временем — Земля, Соединенные Штаты Америки, приблизительно 1865-1880 годы, — очень долго были в числе наиболее популярных книг

в мире. Появились миллионы вестернов, почти все печатались в дешевых журнальчиках или выходили отдельными, скверно оформленными книжонками. Но из этих миллионов некоторые произведения обладали как литературной, так и документальной ценностью, хотя нужно все время помнить, что авторы описывали события, происходившие задолго до их рождения.

Когда в семидесятых годах девятнадцатого века человек начал освоение солнечной системы, границы американского Запада казались столь смехотворно тесными, что читатель утратил к ним интерес. Разумеется, это столь же нелогично, как если бы отвергли «Гамлета» на том основании, что события, которые разыгрались в каком-то захолустном датском замке, не могли иметь мирового значения.

Однако за последние годы отмечается некий обратный сдвиг. Мне известно из достоверных источников, что вестерны стали наиболее популярным родом литературы в библиотеках межпланетных лайнеров, бороздящих космос. Давайте же попытаемся доискаться причины этого видимого парадокса, поищем звено, которое соединяет старый американский Запад и новый Космос.

Пожалуй, для этого лучше отвлечься от наших современных научных достижений и мысленно перенестись в чрезвычайно примитивный мир 1870-х годов. Представьте себе огромную, теряющуюся в туманной дали равнину, окаймленную мглистыми горами. По этой равнине невыносимо медленно ползет караван громоздких фургонов. Караван охраняют вооруженные всадники, ведь кругом индейская территория. Чтобы добраться до гор, фургонам понадобится больше времени, чем лучшим современным лайнерам на перелет Земля — Луна. Вот почему просторы прерий были для людей той поры столь же обширны, сколь для нас просторы солнечной системы. Это одно из звеньев, соединяющих нас с вестернами; есть и другие, более важные. Чтобы представить себе их, необходимо сперва рассмотреть роль эпического в литературе...»

«Как будто все в порядке», — подумал коммодор. Больше часа читать не стоит. За это время профессор управится с предисловием и прочтет несколько глав романа. А там можно переключиться на что-нибудь другое, лучше всего прервав чтение на особенно волнующем эпизоде, чтобы слушателям не терпелось вернуться к книге.

Второй день в плену у лунной пыли начался

гладко, настроение хорошее. Но сколько еще дней впереди?...

Ответ на этот вопрос зависел от двух людей, которые — хотя их разделяло пятьдесят тысяч километров — мгновенно прониклись взаимной неприязнью. Отчет доктора Лоусона вызвал в душе главного инженера противоречивые чувства. У этого астронома дурная манера разговаривать, особенно если учесть, что юнец обращается к начальнику, который вдвое старше его. «Он говорит со мной так, — думал Лоуренс сперва снисходительно, но затем все более раздражаясь, — словно я глуповатый ребенок, которому нужно все разжевывать...»

Выслушав Лоусона, главный инженер несколько секунд молча изучал фотографии, переданные по телефаксу. Первая, снятая до восхода солнца, выглядела убедительно — однако она еще ничего не доказывала. На снимке, сделанном после восхода, не видно того, о чем говорил астроном. Быть может, на оригинале что-нибудь и заметно, но поди, положись на слово этого неприятного молодого человека.

— Все это очень интересно, — сказал наконец Лоуренс, — Жаль только, что вы не продолжали наблюдать после того, как сделали первый

снимок. Тогда у нас, наверное, были бы более убедительные данные.

Хотя критика была обоснована (а может быть, именно поэтому), Том тотчас закусил удила.

— Если вы считаете, что другой справился бы лучше…— огрызнулся он.

— Что вы, мне это и в голову не приходило, — миролюбиво ответил Лоуренс— Но что нам все это дает? Как ни мала точка, которую вы указали, ее координаты могут колебаться в пределах полукилометра, а то и больше. Боюсь, что на поверхности ничего не видно, даже при дневном свете. Нельзя ли добиться большей точности?

— Можно. Это очень просто: надо применить ту же технику на поверхности Луны. Обследуйте район инфракрасным локатором. Он тотчас покажет все тепловые точки, даже если их температура всего на долю градуса выше окружающей среды.

— Хорошая мысль, — сказал главный. — Я посмотрю, что можно сделать, и свяжусь с вами, если мне нужно будет узнать еще что-нибудь. Благодарю вас… доктор.

Лоуренс поспешно положил трубку, вытер лоб и тут же попросил, чтобы его снова соединили со спутником.

— «Лагранж-Два»? Говорит главный инженер Эртсайда. Начальника станции, пожалуйста… Профессор Котельников? Это Лоуренс… Спасибо, здоровье в порядке. Я только что говорил с вашим доктором Лоусоном… Нет-нет, он ничего не сделал, только чуть не вывел меня из себя. Лоусон искал наш пропавший пылеход, и ему кажется, что он обнаружил его. Мне важно знать, насколько он компетентен?

В последующие пять минут главный инженер узнал довольно много о молодом докторе Лоусоне; пожалуй, больше даже, чем ему полагалось по чину, каким бы секретным ни был разговор. Воспользовавшись тем, что профессор Котельников остановился перевести дух, Лоуренс сочувственно заметил:

— Теперь понятно, почему вы с ним миритесь. Бедный юноша, я-то думал, что сиротские приюты кончились с Диккенсом и двадцатым столетием. Слава богу, что приют сгорел. Вы думаете, он его поджег? Ладно, это неважно, вы сказали, что он превосходный наблюдатель, этого мне достаточно. Большое спасибо. Навестили бы нас как-нибудь?

За полчаса Лоуренс связался с десятком различных точек на Луне. Он собрал обширную

информацию; теперь надо было действовать.

Обсерватория «Платон». Патер Ферраро считал, что догадка Лоусона звучит вполне правдоподобно. Он и сам уже заподозрил, что очаг лунотрясения находился под Морем Жажды, а не под Горами Недоступности. Но доказать не может, так как Море Жажды глушит все колебания. Нет, полной карты глубин еще не составили, прощупать все дно эхолотом — слишком долгая и трудоемкая работа. Сам он кое-где опускал телескопический щуп; везде глубина была меньше сорока метров. Средняя глубина, по его расчетам, около десяти метров, вдоль берегов совсем мелко. Инфракрасного детектора у него нет, но, может быть, астрономы Фарсайда могут помочь?

«Достоевский». К сожалению, инфракрасного детектора нет. Мы работаем в полосе ультрафиолета. Попробуйте спросить «Верн».

«Верн». О да, мы работали в инфракрасной полосе, несколько лет назад делали спектрограммы красных гигантов. Но

представьте себе — как ни разрежена лунная атмосфера, она давала помехи! Пришлось перенести исследования в космос. А вы запросите «Лагранж»...

После этого Лоуренс попросил Диспетчерскую сообщить ему расписание кораблей, выходящих с Земли. Ответ его устраивал, но следующий шаг требовал немалых расходов, которые мог разрешить только главный администратор.

Великолепное качество Ульсена: он никогда не спорил без нужды с подчиненными о том, что входило в их круг полномочий. Внимательно выслушав Лоуренса, главный администратор сразу подвел итог:

— Если астроном угадал, — сказал он, — есть надежда, что они еще живы.

— Не только надежда — я почти уверен в этом. Ведь Море мелкое, значит, они не могли погрузиться очень глубоко. Давление на корпус не так уж велико, вполне мог выдержать.

— И вы хотите, чтобы этот Лоусон помог в розысках.

Главный инженер развел руками.

— Хочу? Нет, я бы не хотел с ним сотрудничать. Но боюсь, нам без него просто не справиться.

Глава 9

Командир грузового корабля «Аурига» бушевал, команда тоже, но пришлось подчиниться. Через десять часов после вылета с Земли, в пяти часах от Луны поступил приказ подойти к «Лагранжу». Потеря скорости, дополнительные расчеты… И ко всему, вместо Клавия садиться в этом захолустье, Порт-Рорисе, чуть не на обратной стороне Луны. В разные точки Южного полушария полетели радиограммы, отменяющие обеды и свидания…

В ста километрах от «Лагранжа-2» «Аурига» остановилась; вдали, весь в оспинах, отороченный вдоль восточной кромки рябью гор, серебрился почти полный диск Луны. Ближе ста километров к спутнику подходить нельзя: помехи от аппаратуры ракеты да плюс излучение двигателей нарушали работу чутких приборов космической станции. Только старомодным ракетам на химическом горючем разрешалось пролетать вблизи от «Лагранжа», на плазменные и атомные двигатели был наложен запрет.

С двумя чемоданами (в маленьком — одежда, в большом — приборы) Том Лоусон покинул «Лагранж-2» на ракете местного сообщения и через

двадцать минут был на борту грузового лайнера; пилот не спешил, как ни торопили его с «Ауриги». Нового пассажира встретили довольно холодно. Разумеется, Лоусона приняли бы совсем иначе, если бы на борту знали о его задании, но главный администратор приказал пока хранить все в секрете. Зачем будить у родственников надежды, которые могут еще и не оправдаться? Начальник «Лунтуриста» хотел немедленно известить печать — пусть видят, что они делают все от них зависящее. Однако Ульсен твердо возразил:

— Подождем, что выйдет. А тогда, — пожалуйста, приглашайте своих друзей из информационных агентств.

Его распоряжение опоздало: на борту «Ауриги» был начальник отдела «Интерплэнет Ньюс» Морис Спенсер, который летел к новому месту службы, в Клавий. Спенсер еще не решил, считать ли это повышением после Пекина или наоборот. Во всяком случае, перемена…

В отличие от остальных пассажиров, он ничуть не возмущался переменой курса. Задержка не была ему помехой, напротив, газетчик всегда рад необычному, оно вырывает из повседневности. Разве это не странно: лайнер, следующий на Луну, теряет несколько часов и огромное количество

энергии ради того, чтобы подобрать какого-то угрюмого молодого человека с двумя чемоданами. И почему вместо Клавия — Порт-Рорис? «Велели с Земли, приказ сверху», — объяснил капитан. Похоже, он действительно больше ничего не знает.

Словом, загадка. А загадки — хлеб Спенсера. Он попытался угадать, в чем тут дело. И был очень недалек от истины.

Не иначе, это связано с пропавшим пылеходом, о котором было столько толков на Земле как раз перед их вылетом. И этот ученый с «Лагранжа» либо знает что-то о пылеходе, либо может помочь в розысках. Но почему такая секретность? Какой-нибудь промах или скандал, который Лунная администрация старается скрыть? Другой причины Спенсер не мог себе представить.

Он не торопился заговаривать с Лоусоном и с удовольствием наблюдал, какой отпор получили те из пассажиров, которые попробовали затеять беседу с новичком. Морис Спенсер ждал своей поры, и она наступила за тридцать минут до посадки.

Не случайно Спенсер оказался рядом с Лоусоном, когда велели занять места в креслах и пристегнуть пояса перед торможением. Вместе с

ними еще пятнадцать пассажиров смотрели на телевизионный экран, на котором стремительно приближающаяся Луна казалась даже ярче, чем в действительности. В затемненной кабине было словно внутри старинной камеры-обскуры; конструкторы космических кораблей наотрез отказались делать обзорные окна, считая их слишком уязвимыми.

Ландшафт быстро разросся, и картина была великолепная, незабываемая, но Спенсер смотрел на нее вполглаза. Его занимало лицо соседа, этот орлиный профиль, который можно было различить в слабом свете экрана.

— Кажется, где-то там, — заговорил он будто невзначай, — пропал корабль с туристами?

— Да, — не сразу ответил Том.

— Я совсем плохо знаю географию Луны… Вы не слыхали, в каком месте это случилось?

Морис Спенсер давным-давно открыл, что можно извлечь информацию даже из самого необщительного человека. Нужно только внушить собеседнику, что он делает вам одолжение; и ведь так лестно козырнуть своей осведомленностью. Эта уловка приносила успех в девяти случаях из десяти, она помогла и теперь.

— Они находятся вот там, — сказал Том Лоусон,

показывая на середину экрана. — Вот Горы Недоступности, их со всех сторон окружает Море Жажды.

Спенсер с неподдельным трепетом смотрел на мчащиеся прямо на них черно-белые горы. Как бы пилот — будь то человек или автомат — не подвел: очень уж быстро они падают. Но тут он заметил, что горы вместе с окружающим их серым пятном уходят вправо. Значит, ракета поворачивает к точке, которая находится где-то в левой части экрана. Слава богу, там вроде поровнее.

— Порт-Рорис, — вдруг по своему почину заговорил Том, и Спенсер увидел слева черное пятнышко. — Мы идем туда.

— Вот и хорошо! Не люблю садиться в горах, — отозвался газетчик, направляя разговор в нужное ему русло. — Если этих бедняг занесло в этот хаос, пиши пропало, не найдут. К тому же их как будто накрыло лавиной?

Том снисходительно усмехнулся.

— Вот именно: как будто.

— Что, разве это не так?

Том Лоусон спохватился, что сказал лишнее.

— Больше ничего не могу вам сообщить, — ответил он все так же заносчиво и высокомерно.

Спенсер не стал наседать. Он услышал доста-

точно, чтобы решить: Клавий подождет, сейчас важнее Порт-Рорис.

Он окончательно утвердился в своем намерении, когда — не без зависти — увидел, как доктор Том Лоусон за три минуты прошел врачебный, таможенный, иммиграционный, валютный и все прочие виды контроля.

Если бы кто-нибудь посторонний подслушал, что происходит в кабине «Селены», он был бы весьма озадачен. Корпус пылехода отзывался далеко не мелодичными звуками на нестройный хор голосов. Двадцать один человек, всяк на свой лад, пели:

— С днем рождения!

Когда смолк шум, коммодор Ханстен спросил:

— Кто еще, кроме миссис Уильямс, вспомнил, что родился как раз сегодня? Я понимаю, некоторые дамы, достигнув известного возраста, становятся скрытными…

Больше никто не признался, но сквозь всеобщий смех пробился голос Данкена Мекензи:

— Кстати, о днях рождения: я не раз выигрывал пари на них. В году триста шестьдесят пять дней — сколько людей надо собрать вместе, чтобы вероятность того, что двое из них родились в один день, оказалась больше пятидесяти процентов?

Короткая пауза, все обдумывали вопрос, потом кто-то ответил:

— По-моему, надо триста шестьдесят пять разделить пополам. Выходит, сто восемьдесят человек.

— Ответ естественный — и неверный. Достаточно двадцати пяти человек.

— Ерунда! Двадцать пять дней из трехсот шестидесяти пяти… Не получится такого соотношения!

— Простите, но это так. А если собрать больше сорока человек, девяносто шансов из ста за то, что у двоих совпадет день рождения. Нас только двадцать два, но давайте попробуем? Вы не против, коммодор?

— Нисколько. Я обойду кабину и опрошу каждого.

— Нет, нет, — возразил Мекензи. — Кто-нибудь может смошенничать. Даты надо записывать, чтобы никто не подслушал чужих ответов.

Кто-то пожертвовал почти чистым листком из туристской брошюры, листок разорвали на двадцать две части и клочки раздали. Когда они были собраны, оказалось, что Пат Харрис и Роберт Брайен родились 23 мая. Все удивлялись, а Мекензи торжествовал.

— Чистое совпадение! — заключил один скептик, и тотчас несколько пассажиров затеяли жаркий математический спор.

Женщин этот предмет не увлекал — то ли их не занимала математика, то ли они избегали говорить о днях рождения.

Наконец коммодор решил, что пора переключиться на другую тему.

— Дамы и господа! Перейдем к следующему пункту нашей программы. Мне приятно сообщить вам, что Комиссия по развлечениям в составе миссис Шастер и профессора Джая..., словом, нашего уважаемого профессора, придумала шутку, которая обещает нам немало веселых минут. Они предлагают учредить суд и устроить перекрестный допрос каждого из присутствующих. Задача суда — выяснить: почему мы избрали для путешествия именно Луну? Конечно, среди вас могут оказаться такие, что не пожелают отвечать. Кто знает, — может быть, половина из вас скрывается от полиции или от собственных жен. Пожалуйста, можете отказаться, но не обижайтесь, если мы из этого сделаем нелестный для вас вывод. Ну, как, понравилось наше предложение?

Одни восприняли его восторженно, другие ироническими возгласами выразили свое неодоб-

рение, но никто не восстал решительно против, и коммодор приступил к делу. Как-то само собой вышло, что его избрали председателем суда, а Ирвинга Шастера назначили прокурором.

Первый ряд кресел повернули лицом к кабине. Здесь заняли места председатель и прокурор. Когда все было готово и секретарь суда (то есть Пат Харрис) призвал присутствующих к порядку, председатель взял слово.

— Сейчас мы не решаем вопрос о виновности, — сказал он, с трудом сохраняя на лице серьезность. — Нам нужно определить, есть ли состав преступления. Если кто-либо из свидетелей сочтет, что мой ученый коллега оказывает на него давление, он может апеллировать к суду. Прошу секретаря пригласить первого свидетеля.

— Э-э, гм… ваша честь, а кто первый свидетель? — резонно осведомился секретарь.

Потребовалась десятиминутная дискуссия с участием суда, прокурора и любителей поспорить из публики, чтобы разрешить эту немаловажную проблему. В конце концов постановили тянуть жребий; первым выпало отвечать Девиду Барретту.

Чуть улыбаясь, свидетель прошел вперед и занял свое место в узком проходе между креслами.

Ирвинг Шастер, который в нижнем белье был мало похож на официальное лицо, сурово прокашлялся.

— Ваше имя Девид Баррет?

— Совершенно верно.

— Род занятий?

— Инженер-машиностроитель, теперь на пенсии.

— Мистер Баррет, расскажите суду, что именно привело вас на Луну.

— Мне захотелось узнать, что же это такое — Луна. Время для путешествий у меня есть, деньги тоже.

Ирвинг Шастер искоса поглядел на Баррета сквозь толстые линзы очков; он давно заметил, что такой взгляд озадачивает свидетелей. Носить очки считалось в двадцать первом веке чудачеством, но врачи и юристы, особенно постарше годами, все еще пользовались ими. Больше того, очки стали как бы символом профессии.

— Вам «захотелось узнать», — повторил Шастер слова Баррета. — Это не объяснение. Почему вам захотелось?

— Боюсь, ваш вопрос сформулирован слишком неопределенно. Почему человек вообще поступает так, а не иначе?

Коммодор Ханстен довольно улыбнулся. Это именно то, чего он хотел: пусть пассажиры спорят и обсуждают вопрос, который всем интересен и вместе с тем не вызовет ни обид, ни чрезмерных страстей. (Ну, а если такая угроза возникнет, от него зависит навести порядок в суде.)

— Я признаю, — продолжал адвокат, — что мой вопрос нуждается в уточнении. Попробую сформулировать его иначе.

Он подумал немного, перебирая свои бумаги — всего-навсего листки из путеводителя. На полях Шастер набросал кое-какие вопросы, просто так, для вида. Он не любил выступать в суде с пустыми руками. Сколько раз в его практике несколько секунд мнимой консультации с бумагами приносили неоценимую пользу.

— Верно ли будет сказать, что Луна привлекла вас красотами ландшафта?

— Да, отчасти и это. Я просматривал путеводители, видел кинофильмы и не раз спрашивал себя, насколько они отвечают действительности.

— И к какому выводу вы пришли теперь?

— Я бы сказал, — сухо ответил свидетель, — что действительность превзошла все мои ожидания.

Его слова были встречены дружным смехом. Коммодор постучал по спинке своего кресла.

— Призываю к порядку! — воскликнул он. — Иначе мне придется удалить нарушителей из зала суда!

Как он и ожидал, это замечание вызвало новый, еще более сильный взрыв смеха. Ханстен предоставил пассажирам посмеяться вволю. Наконец веселье стихло, и Шастер продолжал допрос. Он совершенно вошел в роль.

— Это очень интересно, мистер Баррет. Вы прилетели на Луну, потратили столько денег, чтобы полюбоваться видами. Скажите, пожалуйста, вам приходилось видеть Гранд-Каньон?

— Нет. А вам?

— Ваша честь! — воззвал Шастер к председателю. — Свидетель неправильно держит себя.

Коммодор строго посмотрел на Баррета, но тот ничуть не смутился.

— Мистер Баррет, не вы ведете допрос. Ваше дело отвечать на вопросы, а не задавать их.

— Милорд, я приношу суду извинения, — ответил свидетель.

— Гм… Разве я «милорд»? — неуверенно обратился Ханстен к Шастеру. — Мне казалось, что я «ваша честь».

Юрист поразмыслил с важным видом.

— Я предлагаю, ваша честь, чтобы каждый сви-

детель соблюдал те формы, к которым он привык в своей стране. Это вполне допустимо, пока проявляется должное уважение к суду.

— Хорошо. Продолжайте.

Шастер снова повернулся к свидетелю.

— Хотелось бы услышать, мистер Баррет, почему вы сочли нужным отправиться на Луну, хотя далеко еще не осмотрели всю Землю? У вас были какие-нибудь веские причины для столь нелогичного поведения?

Вопрос был отличный, как раз такой, который мог занимать всех, и Баррет постарался ответить убедительно.

— Я довольно хорошо знаю Землю, — медленно произнес он с ярко выраженным английским произношением, таким же редким, как очки. — Жил в гостинице «Эверест», побывал на обоих полюсах, даже спускался на дно впадины Калипсо. Словом, немало повидал, и родная планета уже не могла меня ничем удивить. А в каких-нибудь сутках пути — Луна, все новое, совсем другой мир. Новизна меня и привлекла.

Ханстен только краем уха слушал обстоятельный, неторопливый анализ. Пока говорил Баррет, он мог без помех изучать остальных. Коммодор успел уже составить себе представление о ко-

манде и пассажирах, определил, на кого можно положиться, от кого ждать подвоха, если дело обернется худо.

Наиболее надежен, естественно, капитан Харрис. Коммодор хорошо знал людей этого склада, он часто встречал их в космосе, но еще чаще в учебных центрах, например в Астротехе. (Когда Ханстен выступал там с лекциями, перед ним всегда сидели подтянутые, аккуратно выбритые Паты Харрисы). Пат толковый молодой человек со склонностью к технике, но лишенный честолюбия, нашел *себе* работу как раз по плечу в таком месте, где от него требовались только осмотрительность и учтивость. (Ханстен не сомневался, что миловидные пассажирки особенно ценили в нем второе качество.) Он добросовестен, дисциплинирован, суховат, будет честно выполнять свой долг и — в отличие от многих более одаренных людей — умрет мужественно, без жалоб. Это может оказаться особенно ценным здесь на пылеходе, если их не выручат через пять дней.

Не меньшая ответственность выпала сейчас на стюардессу мисс Уилкинз. Это не стандартный тип космической стюардессы: пресное обаяние и застывшая улыбка. Ханстен успел определить, что мисс Уилкинз девушка с характером и об-

разованная. Впрочем, то же самое можно было сказать и о многих девушках ее профессии.

Словом, с командой ему повезло. А как пассажиры? Разумеется, они незаурядные люди, иначе они вообще не оказались бы на Луне. В кабине «Селены» собрано изрядно ума и талантов, но в том-то вся нелепость положения, что ни ум, ни дарование их не выручат. Здесь важен характер, сила духа — попросту говоря, мужество.

В двадцать первом веке мало кому нужно было физическое мужество. От рождения и до самой смерти люди ни разу не глядели в глаза опасности. Пассажиры «Селены» не были подготовлены к таким испытаниям, а на играх да развлечениях далеко не уедешь.

Не пройдет и двенадцати часов, сказал себе коммодор, как появится первая трещина. К тому времени всем станет ясно, что какое-то препятствие задерживает спасателей, и что эта задержка может оказаться роковой.

Ханстен еще раз быстро обвел взглядом кабину. Если не считать не совсем опрятного вида, все они пока остаются разумными и выдержанными членами общества.

Кто из них сдаст первым?…

Глава 10

К доктору Тому Лоусону, заключил главный инженер Лоуренс, нельзя применить древнее правило: «Знать — значит простить». Он знал, что на долю Лоусона выпало приютское детство, без родительской любви и ласки, что астроном вышел в люди только благодаря своему уму, в ущерб всем прочим человеческим качествам. Он мог понять Лоусона, и все-таки тот ему не нравился. «Удивительное невезение, — говорил себе Лоуренс, — на триста тысяч километров вокруг из всех ученых только у этого типа есть инфракрасный локатор, и только он знает, как с ним обращаться...»

В этот самый миг Том Лоусон, сидя в кресле наблюдателя на «Пылекате-2», заканчивал наладку неказистой на вид, но вполне работоспособной конструкции. Локатор стоял на треноге, которую укрепили на крыше пылеката, и мог поворачиваться в любом направлении.

Как будто действует... Но поручиться трудно: здесь, в тесном герметическом ангаре, множество всяких источников тепла. Только на Море можно будет проверить по-настоящему.

— Готово, — доложил наконец Лоусон главному инженеру. — Разрешите сказать несколько слов человеку, который будет работать с локатором.

Как поступить?... Главный внимательно посмотрел на астронома. Одинаково сильные доводы говорят и за, и против, нельзя только допустить, чтобы повлияли личные чувства. Дело слишком важное.

— Вы можете работать в космическом скафандре? — спросил он Лоусона.

— Я их никогда в жизни не надевал. Они нужны только для наружных работ, а это дело инженеров.

— Так вот, вам представляется случай научиться, — ответил главный инженер, игнорируя шпильку. (Если это вообще шпилька; похоже, неучтивость астронома объясняется скорее незнанием светских приличий, чем сознательным пренебрежением ими.) — На пылекате это не так уж сложно. Будете спокойно сидеть в кресле наблюдателя. Автоматический регулятор сам следит за кислородом, температурой и прочим. Одно только меня смущает...

— Что именно?

— Вы не страдаете клаустрофобией?

Том замялся. Разумеется, перед отправкой в

космос его проверили по всем статьям, однако он подозревал — и не зря, — что некоторые психологические тесты прошел еле-еле. Конечно, он не ярко выраженный клаустрофоб, тогда его просто не допустили бы на борт космического корабля. Но одно дело корабль, совсем другое — скафандр.

— Выдержу, — ответил он наконец.

— Только не насилуйте себя, — строго сказал Лоуренс — Желательно, чтобы вы пошли с нами, но выжимать из вас ложный героизм я не хочу. Все, о чем я вас прошу: принять решение, прежде чем мы покинем ангар. Потом, в двадцати километрах от берега, поздно будет передумывать.

Том посмотрел на пылекат и прикусил губу. Сама мысль о том, чтобы на таком хрупком сооружении нестись по этому адову пылевому морю, казалась ему безумием. Но эти люди каждый день туда ходят. И если прибор вдруг забастует, он хоть попытается исправить его.

— Вот скафандр вашего размера, — продолжал Лоуренс — Примерьте его, может быть, это поможет вам решиться.

Том натянул на себя эластичный костюм, который так и норовил собраться в складки, застегнул молнию спереди и выпрямился. Он еще не надел шлема, но уже чувствовал себя неуютно. Пристег-

нутый к костюму кислородный баллон казался ему очень уж маленьким. Лоуренс перехватил озабоченный взгляд астронома.

— Не волнуйтесь, это всего-навсего четырехчасовой аварийный запас. Он вам не понадобится. Главные баллоны стоят на пылекате. А теперь осторожно… Поберегите нос, как бы не прищемило шлемом.

По лицам окружающих Том понял, что наступает критическая минута. Пока шлем не надет, ты еще частица человечества; потом ты уже один в маленьком механическом мире. И пусть лишь несколько сантиметров отделяет тебя от других людей, но ты видишь их через толстый пластик, разговариваешь с ними по радио, не можешь прикоснуться к ним иначе, как через двойной слой искусственной «кожи». Кто-то некогда писал, что смерть в космическом скафандре — это смерть в одиночестве. Впервые Том подумал, что автор этих слов, пожалуй, прав…

Вдруг из крохотных динамиков в шлеме гулко прозвучал голос главного инженера.

— Все очень просто, кнопки переговорного устройства — на панели справа. Обычно вы соединены с водителем. Эта цепь включена все время, пока вы оба находитесь на пылекате, мо-

жете разговаривать сколько угодно. А когда она разомкнется, вы переходите на радиосвязь — как сейчас, слушая меня. Нажмите, пожалуйста, кнопку «Передача» и отвечайте.

— А что это за красная кнопка «Аварийная»? — спросил Том, выполнив команду главного инженера.

— Вам не придется ею пользоваться… надеюсь. Эта кнопка включает приводной маяк, который будет слать сигналы в эфир, пока вас не разыщут. Не трогайте ничего без нашего указания, особенно красную кнопку.

— Хорошо, — ответил Том. — Поехали.

Довольно неуклюже, так как не успел еще свыкнуться ни с костюмом, ни с лунным тяготением, он прошагал к «Пылекату-2» и сел в кресло наблюдателя. Тонкий шланг — своего рода пуповина, включаемая в гнездо на правом бедре, — соединил костюм с кислородными баллонами, интеркомом и электросетью. В крайнем случае, это устройство позволит ему протянуть, пусть без особого комфорта, дня три-четыре…

Маленький ангар был рассчитан как раз на два пылеката, и насосы в несколько минут выкачали из него весь воздух. Скафандр сразу стал заметно тверже, и Тома вдруг охватил приступ страха.

Главный инженер и оба водителя глядели на него. Они не увидят его испуга, он не доставит им этого удовольствия. А вообще-то, кого не возьмет оторопь при первой в жизни встрече с вакуумом!

Дверь распахнулась, и Лоусона будто толкнули невидимые пальцы: из ангара вырвались наружу остатки воздуха. И вот перед ним, до самого горизонта, пустынная серая гладь Моря Жажды.

Невероятно. Неужели ожило то, что он до сих пор видел только из космоса? (Интересно, кто сейчас смотрит в стосантиметровый телескоп? Кто из его коллег в эту минуту несет вахту на посту высоко-высоко над Луной?) Это уже не картинка, нарисованная на экране крылатыми электронами, а то самое недоброе аморфное вещество, которое бесследно поглотило двадцать два человека. По этой глади он, Том Лоусон, должен идти на таком непрочном сооружении…

Но размышлять было некогда. Легкая дрожь под ногами — винты уже вращаются. Следом за «Пылекатом-1» они заскользили по поверхности Луны.

Едва вышли из длинной тени, которая протянулась от здания Порт-Рориса, как встретили лучи восходящего солнца. Даже через автоматические

защитные фильтры было опасно смотреть на неистовое бело-голубое пламя в восточной части неба. «Стоп, — поправил себя Том, — ведь я не на Земле, а на Луне, здесь солнце восходит на западе. Значит, мы идем на северо-восток, в Залив Росы, по пути „Селены“…»

Низкие купола Порт-Рориса быстро уходили за горизонт, и ощущение скорости словно окрылило Тома. Но ненадолго: едва скрылись из виду все ориентиры, возникла иллюзия, что они застыли в центре бескрайной равнины. Несмотря на гул вращающихся винтов и беззвучный медленный полет пылевых парабол за кормой, казалось, что пылекаты не движутся. Том знал: за каких-нибудь два часа они пересекут все Море, и все-таки боролся с тягостным чувством, будто световые годы отделяют их от других людей. И в душе его, хотя и поздновато, зародилось уважение к тем, с кем он теперь сотрудничал.

Что ж, самая пора проверить прибор… Включив локатор, Том направил его в ту сторону, откуда они вышли. И удовлетворенно отметил ярко светящуюся колею на темной поверхности Моря. Конечно, это пустячная задача для локатора; обнаружить на фоне все более сильного утреннего зноя остывающий тепловой след «Селены» будет

в миллион раз сложнее. И все-таки уже легче на душе: если бы прибор вообще не сработал здесь, можно было бы сразу ставить крест на всей затее.

— Ну, как? — спросил главный инженер; должно быть, он следил со своего пылеката за действиями Тома.

— Прибор работает, — осторожно ответил Том. — Как будто все в порядке.

Он навел локатор на тонкий серп Земли. Мишень посложнее, впрочем, ненамного: не нужно большой чувствительности, чтобы уловить ласковое тепло родной планеты, окруженной холодом космической ночи.

Вот оно, инфракрасное изображение Земли… Странное, с первого взгляда даже озадачивающее зрелище. Вместо четкого серпа совершенной геометрической формы он видел размытый гриб, ножка которого вытянулась по экватору.

Понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить изображение. Оба полюса срезаны, это и понятно, они слишком холодные, при таком уровне чувствительности их не обнаружишь. Но что это за выпуклость в ночной, неосвещенной части планеты? Ну, конечно, он видит излучение тропических океанов, они отдают во мрак тепло,

накопленное за день. В инфракрасном спектре экваториальная ночь была светлее, чем полярный день.

Лишнее напоминание об истине, которую всегда должен помнить ученый: органы чувств человека воспринимают лишь частичную и искаженную картину вселенной. Том Лоусон никогда не слышал Платонова сравнения людей с узниками в пещере, стремящимися по теням на стене представить себе внешний мир. Между тем его опыт, наверное, пришелся бы по душе Платону. Какая Земля «настоящая»? Видимый глазом безупречный серп, косматый инфракрасный гриб — или ни то ни другое?

Кабинет был тесноват даже для Порт-Рориса, который служил всего-навсего транзитной станцией между Эртсайдом и Фарсайдом, а также базой для туристов, посещавших Море Жажды. (Правда, этот маршрут сейчас как будто утратил свою притягательную силу…) Лет тридцать назад Порт-Рорис был у всех на устах: в ту пору здесь орудовал один из немногих «лунных» преступников, Джерри Бадкер, который неплохо нажился, торгуя поддельными осколками «Лунника-2». Конечно, его слава не могла сравниться со славой Робина Гуда или Билли Кида, но на Луне и Бадкер

был величиной.

Морис Спенсер был даже рад, что Порт-Рорис такой тихий городишко. И ведь это ненадолго — особенно, если его коллеги в Клавии проведают, что начальник отдела «Интерплэнет Ньюс» почему-то застрял в Рорисе и не торопится на юг, где заманчиво сверкают огни большого (население 52 647 человек) города. Зашифрованная радиотелеграмма на Землю, должно быть, уже успокоила начальство; оно привыкло полагаться на его интуицию и сообразит, в чем дело. Рано или поздно сообразят это и конкуренты, но к тому времени Морис Спенсер надеялся намного опередить их.

Сейчас он обрабатывал все еще недовольного капитана «Ауриги».

Капитан Ансон только что закончил долгий — на целый час — и очень неприятный телефонный разговор с заказчиком в Клавии. Компания «Макайвер, Макдональд, Маккарти и Маккелох» явно считала Ансона повинным в том, что «Аурига» села в Порт-Рорисе. В конце концов он повесил трубку, сказав, чтобы они выяснили этот вопрос в управлении. А в Эдинбурге сейчас воскресенье, раннее утро; поневоле им придется пока оставить его в покое.

После второй стопки Ансон слегка оттаял. С

человеком, который способен раздобыть виски «Джонни Уокер» в Порт-Рорисе, стоит ладить, и капитан спросил Спенсера, как ему это удалось.

— Печать — великая сила, — усмехнулся тот. — Репортер не выдает своих источников, иначе он недолго продержится.

Морис Спенсер достал из портфеля кипу карт и фотографий.

— Вот это было куда сложнее раздобыть в такой короткий срок, — продолжал он. — И я вас очень прошу, капитан, пусть это все останется между нами. Дело совершенно секретное, во всяком случае, пока.

— Разумеется. Речь идет о «Селене»?

— Ага, вы тоже догадались? Да, «Селена»... Может быть, ничего и не получится, но я хочу быть во всеоружии.

Он положил на стол большую фотографию — вид Моря Жажды, снятый с малой высоты разведывательным спутником и размноженный Топографическим управлением Луны. Хотя снимок был сделан вечером, когда тени падали в противоположную сторону, он почти в точности повторял изображение, которое Спенсер видел на экране перед посадкой. Журналист изучил эту фотографию настолько внимательно, что знал

ее наизусть.

— Горы Недоступности, — сказал он, — вздымаются почти отвесно из Моря Жажды на высоту около двух тысяч метров. Вот этот темный овал — Кратерное Озеро…

— …где пропала «Селена»?

— Возможно. Теперь в этом уже сомневаются. У нашего общительного молодого друга с «Лагранжа» есть доказательства, похоже, что корабль затонул в Море Жажды — примерно вот тут. Но тогда люди могли остаться живы. А это означает, капитан, что в ста километрах отсюда полным ходом развернутся спасательные работы. Порт-Рорис окажется в центре внимания всей солнечной системы!

Капитан присвистнул.

— Похоже, вам повезло! Но при чем тут я?

Палец Спенсера снова лег на карту.

— Вот при чем, капитан. Я хочу зафрахтовать ваш корабль. И хочу, чтобы вы доставили меня, оператора и двести килограммов телевизионного оборудования на западный склон Гор Недоступности.

— У меня больше нет вопросов, ваша честь, — сказал адвокат Шастер, садясь.

— Хорошо, — ответил коммодор Ханстен. — Я

должен просить свидетеля не удаляться за пределы юрисдикции сего суда.

Под общий хохот Девид Баррет вернулся на место. Он хорошо сыграл свою роль. В большинстве ответов англичанина серьезная мысль сочеталась с искрой юмора, и слушали его с интересом. Если остальные свидетели будут отвечать так же охотно, за развлечением дело не станет — пока им вообще до развлечений… Даже если взять предельную, вряд ли возможную цифру: четыре исповеди в день, со всеми подробностями, какие способна сохранить человеческая память, — то кто-то еще будет рассказывать, когда испустит дух кислородная цистерна.

Ханстен посмотрел на часы. Целый час до скудного обеда. Можно вернуться к «Шейну» или (хоть мисс Морли и против) обратиться к этому дурацкому историческому роману. Нет, лучше продолжать спектакль, пока все еще настроены так, как надо.

— Если никто не возражает, — сказал коммодор, — я вызову следующего свидетеля.

— Я — за! — поспешно отозвался Баррет, чувствуя себя в безопасности.

Даже картежники не были против, и секретарь суда вытащил из кофейника клочок бумаги. Его

лицо отразило замешательство, и он почему-то замялся.

— В чем дело? — спросил председатель суда, — Вам попалась ваша фамилия?

— Гм… нет, — ответил секретарь, с озорной улыбкой глядя на адвоката. Потом прокашлялся и провозгласил: — Миссис Шастер!

— Ваша честь, я возражаю! — Миссис Шастер с трудом оторвала от сиденья свои килограммы, хоть их и поубавилось с тех пор, как «Селена» покинула Порт-Рорис. Жестом она указала на своего супруга, который смущенно уткнулся в записи. — Разве это по чести, чтобы он меня выспрашивал?

— Я готов уступить свое место, — сказал Ирвинг Шастер, не дожидаясь, когда председатель суда произнесет формулу «протест принят».

— Я согласен вести допрос, — отозвался коммодор, хотя лицо говорило обратное. — Или, может быть, кто-нибудь еще хочет взять это на себя?

Все молчали. Вдруг, к удивлению и радости Ханстена, поднялся с места один из любителей покера.

— Я, правда, не юрист, ваша честь, но у меня есть кое-какой правовой опыт. Я готов помочь вам.

— Отлично, мистер Хардинг. Приступайте к

допросу.

Хардинг занял место Шастера и обвел взглядом внимательную аудиторию. Это был ладно и крепко скроенный мужчина, не очень-то похожий на банковского служащего. Недаром, когда все представлялись, Ханстен подумал, что Хардинг не тот, за кого выдает себя.

— Ваше имя Майра Шастер?

— Да.

— Что же привело вас на Луну, миссис Шастер?

Свидетельница улыбнулась.

— Это я сразу могу ответить. Мне сказали, что на Луне я буду весить двадцать килограммов, вот и полетела.

— Нельзя ли уточнить: почему вам хотелось весить двадцать килограммов?

Миссис Шастер посмотрела на Хардинга так, словно он сказал величайшую глупость.

— Когда-то я была танцовщицей, — ответила она, и голос ее вдруг стал грустным, лицо — задумчивым. — Конечно, пришлось это дело бросить, когда я вышла за Ирвинга.

— Почему «конечно», миссис Шастер?

Свидетельница взглянула на своего супруга; он поежился, даже привстал, точно хотел протестовать, но раздумал.

— Да он сказал, мол, не благородное это занятие. Верно, конечно, ведь я где танцевала…

Тут мистер Шастер не выдержал. Совершенно игнорируя суд, он вскочил на ноги и закричал:

— Право, Майра, незачем…

— Э, плюнь ты на это, Ирв! — отпарировала она; и от ее столь странного здесь старомодного жаргона на всех повеяло девяностыми годами. — Чего уж там, теперь-то! Зачем притворяться, уж какие есть. Что из того, если они тут узнают, что я танцевала в «Голубом астероиде»… и что ты меня выручил, когда нагрянули фараоны.

Ирвинг сел, негодующе фыркая, а в кабине разразился громовой хохот, который его честь даже и не пытался прекратить. Пусть отводят душу: когда люди смеются, они забывают о страхе.

И коммодор опять спросил себя, кто же такой этот мистер Хардинг, который одним лишь небрежным и вместе с тем коварным вопросом добился такого эффекта. Для неюриста он неплохо справляется с своей задачей. Интересно будет поглядеть на него в роли свидетеля, когда настанет черед Шастера задавать вопросы…

Глава 11

Наконец, что-то нарушило плоское однообразие Моря Жажды. Из-за горизонта выглянул крохотный, но ослепительно яркий осколок света. По мере того, как пылекаты мчались вперед, он поднимался все выше к звездам. А вот еще один, еще… Над краем Луны вырастали вершины Гор Недоступности.

На глаз не определишь расстояния, может почудиться, что это небольшие скалы, до которых рукой подать, или могучие пики горной страны в другом мире, за миллионы километров от Луны. На самом деле до них было пятьдесят километров, полчаса хода на пылекатах.

Том Лоусон обрадовался горам: они заполнили пустоту, в которой тонули взгляд и рассудок. Еще немного, и он сошел бы с ума от этой бесконечной на вид равнины. Разумеется, глупо. Том великолепно понимал, что горизонт совсем близко, что Море Жажды — только часть Луны, поверхность которой вовсе не безгранична. Но пока ему казалось, что пылекат стоит на месте, он чувствовал себя как в кошмаре, когда мучительно напрягаешься, силясь уйти от беды, и не можешь шагу

шагнуть. Тому часто снились такие сны, даже еще страшнее.

Но теперь он ясно видел, что они движутся и длинная черная тень пылеката не примерзла к пыли. Том навел локатор на вершины; прибор тотчас отозвался. Все правильно: под лучами солнца камни почти раскалены. Лунный день едва занялся, но вершины уже словно превратились в языки пламени. Здесь, на уровне «моря», куда прохладнее. Верхний слой пыли нагревается до максимума лишь в полдень, а до него еще семь суток. Это обстоятельство было особенно важно для Лоусона. Хотя день уже начался, еще есть надежда найти слабые источники тепла, прежде чем могучее светило подавит их. Двадцать минут спустя горы заняли половину неба, и пылекаты сбавили скорость.

— Это чтобы не проскочить их след, — объяснил Лоуренс. — Присмотритесь — вон там, направо, двойная вершина, а пониже нее вертикальная темная черта. Нашли?

— Да.

— Это ущелье ведет в Кратерное Озеро. Тепловое пятно на вашем снимке находится в трех километрах к западу от ущелья. Оно еще скрыто от нас за горизонтом. С какой стороны надо

подойти?

Лоусон мысленно прикинул. Пожалуй, лучше всего с севера или с юга. Если подходить с запада, в поле зрения окажутся пылающие скалы; с востока и подавно нельзя — будешь смотреть прямо на восходящее солнце.

— Зайдем с севера, — сказал Лоусон. — И предупредите меня, когда останется два километра.

Пылекаты снова прибавили скорость. Хотя искать след было рано, Том стал прощупывать локатором поверхность Моря. Основой термопоиска было предположение, что обычно температура верхнего слоя однородна, и только человек может нарушить это равновесие. Если же это неверно…

Это было неверно. Том Лоусон жестоко ошибся в своих расчетах. На экране видоискателя Море Жажды представляло собой сетку из света и теней, точнее — тепла и холода. Хотя температурные отклонения не превышали малых долей градуса, этого оказалось достаточно, чтобы получилась хаотическая картина. В этом термическом лабиринте выделить какой-либо обособленный источник тепла невозможно…

У Тома сердце оборвалось. Он оторвал взгляд от экрана и недоумевающе уставился на пыль.

Для невооруженного глаза ее поверхность была предельно гладкой — сплошное серое поле. А в инфракрасных лучах она была такой же рябой, как земные моря в облачный день, когда свет и тени на воде сплетаются в непрерывно меняющийся узор.

Но над этим безводным морем облаков нет, что-то другое вызвало рябь. Том был слишком потрясен, чтобы искать научного объяснения. Мчался за столько тысяч километров на Луну, рискуя жизнью и рассудком отправился в этот идиотский поиск — и вот, по какой-то прихоти природы, тщательно задуманный опыт провалился. Вот уж подлинно не повезло… Душу Тома Лоусона заполнила жалость к себе.

Прошло несколько минут, прежде чем он подумал о людях на борту «Селены».

— Итак, — преувеличенно спокойно сказал капитан «Ауриги», — вам хочется сесть в Горах Недоступности. Увлекательная идея…

Ну, конечно, Ансон не принял его слов всерьез. Должно быть, решил, что этот одержимый репортер просто не представляет себе всех трудностей. Что ж, это было бы справедливо двенадцать часов назад, когда Спенсер только-только задумал свой план. Но теперь он был до зубов вооружен

всевозможными сведениями и отлично знал, что делает.

— Я слышал, капитан, вы хвастались, будто можете посадить свой корабль в любом заданном месте с точностью до одного метра. Это верно?

— Гм… могу, была бы вычислительная машина.

— Превосходно. А теперь поглядим вот на эту фотографию.

— Что это? Глазго глазами гуляки в субботний вечер?

— Зерно есть, конечно, такое уж увеличение, но разобрать можно. Здесь показан участок как раз под западной вершиной Гор Недоступности. Через несколько часов у меня будет другой отпечаток, намного лучше, и карта в горизонталях. Топографическое управление уже вычерчивает ее, у них весь этот район снят. Ну, вот, тут есть широкий уступ — достаточно широкий, чтобы десять кораблей посадить. И ровный, во всяком случае вот здесь… и здесь… Так что для вас посадка не задача.

— Технически — возможно. Но вы хоть примерно представляете себе, сколько это стоит?

— Это уж моя забота, капитан, вернее, моего агентства. Мы считаем, что игра стоит свеч, если

мое предчувствие не обманет.

Спенсер мог бы сказать еще кое-что, но когда готовишь почву для сделки, лучше не показывать партнеру, что тебе позарез нужен его товар. Он рассчитывал на большую сенсацию: спасательные работы в космосе — перед объективами телекамер, такого никогда не было! Видит бог, космические катастрофы случались и прежде, но драматический элемент неизвестности отсутствовал. Люди погибали мгновенно, если же нет — все равно им нельзя было помочь. Сообщения о трагедиях печатались на самом видном месте, однако их тотчас вытесняли другие новости.

— Не в деньгах дело, — сказал капитан, хотя по его тону чувствовалось, что они все-таки играют решающую роль. — Даже если владельцы согласятся, вам еще нужно разрешение Космической службы Эртсайда.

— Знаю, этот вопрос уже улаживается.

— А как насчет Ллойда? Наша страховка не распространяется на такие прогулки.

Спенсер наклонился над столом: настал миг пустить в ход главный козырь.

— Капитан, — раздельно произнес он. — «Интерплэнет Ньюс» согласна внести залог, равный страховой сумме. Насколько мне известно, эта

— слегка завышенная — сумма составляет шесть миллионов четыреста двадцать пять тысяч пятьдесят стерлинг-долларов.

Капитан Ансон моргнул раз, другой и совершенно преобразился. С задумчивым видом он налил себе еще стопку.

— Никогда не думал, что на старости лет займусь альпинизмом, — сказал он. — Но если вам не жаль выбросить шесть миллионов столларов — да здравствуют горы!

К великому облегчению супруга миссис Шастер, допрос был прерван обедом. Особа разговорчивая, Майра Шастер явно обрадовалась первому за много лет случаю излить свою душу. Ее карьера, если можно употребить это слово, не была особенно славной, когда судьба и чикагская полиция положили ей конец; но Майра успела кое-что повидать и знала многих выдающихся артистов конца прошлого столетия. Слушая ее, не один из пассажиров постарше вспомнил собственную молодость и песенки девяностых годов. А когда миссис Шастер запела неувядаемый «Космоблюз», все хором подхватили припев, и суд не стал возражать. По мнению коммодора, такого массовика надо было ценить на вес золота. А это, если учесть комплекцию Майры Шастер, кое-что

значило.

После обеда (наиболее медлительные едоки ухитрились растянуть его на полчаса, так тщательно они пережевывали каждый кусок) снова обратились к книгам, причем теперь взяли верх сторонники «Апельсина и яблока». Так как сюжет был из английской жизни, решили, что читать должен мистер Баррет. Он всячески отнекивался, но силы были неравны.

— Ну, хорошо, — неохотно согласился он. — Начнем. Итак: глава первая. Драри лейн. Тысяча шестьсот шестьдесят пятый год…

Автор не терял зря времени. Уже на третьей странице сэр Исаак Ньютон объяснял закон тяготения миссис Гвин, которая дала понять, что готова вознаградить его. Пат Харрис догадывался, куда она клонит, но долг службы вынудил его отвлечься. Это развлечение — для пассажиров, команду ждет работа.

— Один аварийный ящик я еще не трогала, — сказала мисс Уилкинз, едва дверь камеры перепада мягко скользнула в свой паз, отсекая выразительный голос мистера Баррета. — Столовое печенье и джем на исходе, но мясного концентрата пока достаточно.

— Ничего удивительного, — ответил Пат. — Он

никому не лезет в глотку. Ну-ка, проверим наши описи.

Стюардесса подала ему листки с машинописным текстом, испещренные карандашными галочками.

— Так, начнем с этого ящика. Что в нем?

— Мыло и бумажные полотенца.

— М-да, ими не закусишь. А тут?

— Леденцы. Я берегла их, чтобы было чем отпраздновать… когда нас найдут.

— Хорошая идея, но, думаю, стоит раздать немного сегодня вечером. По конфетке на человека — вместо стаканчика на ночь. Здесь что?

— Сигареты, тысяча штук.

— Следите, чтобы их никто не увидел. Лучше бы вы и мне не говорили.

Пат криво улыбнулся Сью и продолжал учет. Было ясно, что еда — не главная проблема, но бережливость не помешает. Пат Харрис знал свое начальство: после спасения рано или поздно найдется чинуша — живой или электронный, — который потребует отчета в том, как расходовались продукты.

После спасения… А верит ли он, что их спасут? Прошло больше двух дней, и до сих пор не видно, чтобы их искали. Пат не знал точно, каких при-

знаков ждет, но ведь что-то должно быть!

Озабоченный голос Сью прервал его размышления.

— В чем дело, Пат? Что-нибудь не так?

— Что вы, — насмешливо ответил он. — Через пять минут мы пришвартуемся на Базе. Чудесная была прогулка, верно?

Сью недоумевающе взглянула на него, затем покраснела и глаза ее наполнились слезами.

— Простите, — покаянно произнес Пат. — Я не хотел обижать вас. Нам обоим нелегко, но вы держитесь молодцом. Я не знаю, что бы мы делали без вас, Сью.

Она вытерла слезы платком, улыбнулась и ответила:

— Ничего, я понимаю.

Оба помолчали немного, потом она добавила:

— Вы думаете, мы выкарабкаемся?

Он развел руками.

— Кто его знает… Но ради пассажиров надо делать вид, что мы в этом не сомневаемся. Конечно, вся Луна ищет нас. Теперь уже недолго.

— Ну, хорошо, допустим, они найдут «Селену», — но как нас выручат отсюда?

Пат посмотрел на выходную дверь, от которой его отделяло лишь несколько сантиметров. До-

статочно протянуть руку, чтобы коснуться ее; больше того, если выключить автоблокировку, дверь можно отворить. По ту сторону тонкого металлического листа — несчетные тонны пыли, которая хлынет внутрь, как вода в затонувший корабль, если найдет малейшую щель. Сколько метров до поверхности? Этот вопрос заботил его с той самой минуты, когда они провалились, но как узнать?..

И неизвестно, что ответить Сью. Сейчас все его мысли вращались вокруг одного: найдут или не найдут? Лишь бы нашли, а там что-нибудь придумают! Человечество не даст им погибнуть, если убедится, что они живы.

Самообман это, вот что. Сотни раз в прошлом веке люди попадали в западню вроде этой, и даже самые могучие государства были бессильны спасти их. Запертые обвалом шахтеры, моряки в затонувших подводных лодках, не говоря уже о космонавтах в кораблях, которые сошли с расчетной орбиты, и их нельзя было перехватить. Нередко эти люди до самого конца могли переговариваться с друзьями и родными. Так было два года назад, когда на «Кассиопее» отказало управление и мощные двигатели понесли корабль прочь от Солнца. Он и сейчас летит в сторону Ка-

нопуса, и орбита его известна. Астрономы могли бы вычислить координаты «Кассиопеи» на ближайший миллион лет с точностью до нескольких тысяч километров. Превеликое утешение для команды, погребенной в склепе, который может поспорить долговечностью с любой из пирамид…

Усилием воли Пат прогнал от себя никчемные мысли. Их судьба еще не решена, и лучше не думать о беде, чтобы не накликать ее.

— Давайте-ка поскорее закончим учет. Хочется послушать, как там Нелл поладит с сэром Исааком.

Конечно, это куда более заманчивый предмет для размышления, особенно когда стоишь рядом со славной девушкой. У женщин в таких случаях есть одно огромное преимущество перед мужчинами, подумал Пат. На Сью и сейчас было приятно смотреть, хотя тропический зной заставил ее отказаться от форменной одежды. Его же, как и всех мужчин на борту «Селены», раздражала эта трехдневная щетина; и ведь ничего с ней не поделаешь.

Сам того не замечая, Пат Харрис подвинулся к мисс Уилкинз так близко, что уколол ей щетиной щеку. Он сразу отпрянул, но стюардесса стояла с

таким видом, точно ожидала этого и нисколько не была удивлена.

— Вы, конечно, считаете меня бессовестным волокитой, — сказал Пат, преодолев смущение.

— Ничего, — ответила Сью с усталой улыбкой. — Мне даже приятно знать, что я еще могу нравиться. Ни одна девушка не обижается, когда за ней начинают ухаживать. Другое дело, если мужчина не знает меры.

— Мне пора остановиться?

— Если бы мы друг друга любили, Пат... Мне это очень важно. Конечно, я рада, что работаю с вами. Я могла бы выбрать другое место.

— И зря не выбрали, — ответил Пат.

— Ну вот, опять на вас мрачность нашла, — сказала Сью. — В этом ваша беда: вы слишком легко падаете духом. И не умеете быть напористым, любой может командовать вами.

Пат поглядел на нее скорее удивленно, чем обиженно.

— Я и не подозревал, что вы изучаете мою психику.

— Я не изучала. Но если работаешь вместе с человеком, который тебя интересует, поневоле кое-что подметишь.

— Хорошо, но я не могу согласиться с тем, что

мною командуют.

— Не можете? А кто сейчас заправляет на корабле?

— Если вы о коммодоре, так это совсем другое дело. Он в тысячу раз больше меня подходит для роли командира. И ведь он ведет себя тактично, во всем спрашивает моего разрешения.

— Уже перестал спрашивать. И главное: вы ведь рады, что он взял командование на себя!

Пат призадумался. Потом посмотрел на Сью с явным уважением.

— Пожалуй, это верно. Меня никогда не тянуло утверждать свое я, свой авторитет. Может, потому я и водитель лунобуса, а не капитан космического лайнера. Да только теперь уж поздно исправляться.

— Вам еще нет тридцати.

— Благодарю за комплимент. Мне тридцать два. Мы, Харрисы, до старости лет выглядим моложаво. Только тем и можем похвастаться.

— Тридцать два — и все еще нет своей девушки?

«Ха! — подумал Пат. — Ты еще далеко не все знаешь обо мне. А впрочем... Пожалуй, Сью права: нет у меня девушки. Вот уже пять лет — после Ивонны. Какое там пять — это было семь лет

назад!»

— А куда спешить? — сказал он вслух. — Ничего, скоро обзаведусь семьей.

— Вы будете так говорить и в сорок, и в пятьдесят лет. Это уж так повелось у космонавтов. Не обзаведутся семьей вовремя, а потом поздно. Взять хоть того же коммодора.

— Опять коммодор? Сколько можно о нем говорить?!

— Он всю жизнь провел в космосе. У него ни семьи, ни детей. Земля для него ничего не значит, он слишком мало жил на ней. Когда кончился срок службы, он, наверное, не знал, куда себя деть. Так что для него это происшествие — дар небес, он сейчас просто счастлив.

— И пускай, он этого заслужил. Мне бы сделать хоть десятую долю того, что он совершил за свою жизнь. Только не похоже…

Пат заметил, что все еще держит в руках описи. Он уже успел забыть про эти злополучные листки, которые лишний раз подчеркивали, как ограниченны их возможности. Капитан нахмурился.

— Работа ждет, — сказал он. — Мы обязаны думать о пассажирах.

— Если мы задержимся здесь слишком долго,

— ответила Сью, — пассажиры начнут думать о нас.

Она и не подозревала, как близки к истине ее слова.

Глава 12

Что-то доктор Лоусон давно молчит, подумал главный инженер. Пора бы сказать что-нибудь.

— Все в порядке, доктор? — спросил он самым дружелюбным тоном, на какой был способен.

Лоусон только сердито рявкнул в ответ, но недовольство его относилось к вселенной, а не к Лоуренсу.

— Не работает, — горько ответил он. — Тепловое изображение чересчур пестрое. Вместо одной — десятки нагретых точек.

— Остановите свой пылекат. Я переберусь к вам, посмотрю.

«Пылекат-2» затормозил. «Пылекат-1» подошел к нему, они остановились борт к борту. С поразительной легкостью, несмотря на жесткие доспехи, Лоуренс перескочил с одного пылеката на другой и стал позади Лоусона, придерживаясь за навес. Через плечо астронома он посмотрел на экран инфракрасного преобразователя.

— Да уж, путаница изрядная. Но ведь все было гладко, когда вы делали свой снимок?

— Очевидно, восход влияет. Море нагревается, и почему-то неравномерно.

— Попробуем все-таки разобраться в этой мозаике. Так… Тут есть почти однотонные участки… Как это объяснить? Если бы знать, в чем дело, мы могли бы что-нибудь придумать.

Том Лоусон собрался с мыслями. Хрупкая оболочка самонадеянности разбилась вдребезги о неожиданное препятствие, и он чувствовал себя прескверно. Последние двое суток почти не пришлось спать: со спутника — на Луну, затем — на пылекат, он безумно устал, и в довершение ко всему наука подвела его.

— Объяснений могут быть десятки, — глухо произнес он. — Хотя пыль кажется однородной, возможны места с различной проводимостью. Где-то море глубже, где-то мельче, это тоже влияет на тепловое излучение.

Лоуренс продолжал разглядывать мозаику на экране, пытаясь согласовать ее с тем, что видел невооруженным глазом.

— Постойте, вы мне кое-что подсказали. — Главный обратился к водителю: — Какая здесь глубина?

— А кто его знает, Море еще не промеряли как следует. Но вообще-то тут, у северного берега, очень мелко. Иногда камнями винты срывает.

— Так мелко? Ну вот вам и ответ. Если под нами

всего в нескольких сантиметрах камень, он, естественно, влияет на температуру. Десять против одного, что картина будет яснее, как только мы уйдем с отмели. Это местное явление, оно вызвано неровностью дна.

— Может быть, вы и правы. — Том слегка ободрился. — Если «Селена» затонула, ее надо искать там, где поглубже. Но вы уверены, что здесь мелко?

— Давайте проверим, на моем пылекате есть двадцатиметровый щуп.

Одного колена раздвижного щупа оказалось достаточно, он уперся в дно на глубине менее двух метров.

— Сколько у нас запасных винтов? — предусмотрительно справился Лоуренс.

— Четыре: два полных комплекта, — ответил водитель. — Да винты резиновые, если заденут камень, летит шплинт, а лопастям ничего не делается. Согнутся — и тут же выпрямляются. За весь этот год я только три винта потерял. Недавно и у «Селены» сорвало винт, пришлось Пату Харрису выходить наружу и крепить его на место. Конечно, пассажиры поволновались…

— Ясно, поехали дальше. Курс на ущелье. Подозреваю, что оно продолжается под пылью по дну

Моря, и там глубина больше. Если я прав, ваша картинка сразу прояснится.

Том без особой надежды следил за тем, как скользят по экрану переливы света и тени. Пылекаты шли совсем медленно, чтобы он поспевал анализировать изображение. И уже через два километра Том убедился, что Лоуренс был прав.

Рябь и крапинки стали исчезать, беспорядочный узор тепла и холода сменялся ровной серой гладью. Было очевидно, что глубина быстро растет.

Казалось бы, сознание того, что его прибор снова доказал свою пригодность, должно обрадовать Тома. Вышло наоборот: он думал о незримой пучине, над которой они скользили, опираясь на ненадежное, коварное вещество… Кто знает, быть может, там, внизу провалы до самого центра Луны; они могут в любой миг поглотить пылекаты, как уже поглотили «Селену»!

У Тома Лоусона было такое ощущение, словно он шел по канату над пропастью или пробирался по узкой тропинке среди зыбучих песков. Всю жизнь его терзала неуверенность в себе, только на работе он забывал о своих колебаниях, а общаясь с людьми терялся. Опасность подстегнула затаенные страхи. Сейчас он всеми силами души

мечтал о чем-нибудь твердом, надежном, прочном, на что можно опереться.

Вот, всего в трех километрах — горы, могучие, вечные, коренящиеся в недрах Луны. Том глядел на залитые солнцем вершины с таким отчаянием, с каким человек на покорном волнам плоту посреди Тихого океана глядел бы на скользящий мимо остров…

Хоть бы Лоуренс поскорее ушел из этого зловещего призрачного пылевого океана, причалил к безопасному берегу! Том Лоусон поймал себя на том, что шепчет:

— Идите к горам! Идите к горам!

Но в космическом скафандре лучше не размышлять вслух, если включено радио. За пятьдесят метров главный инженер услышал шепот Лоусона и отлично понял, в чем дело.

Чтобы стать главным инженером половины небесного тела, нужно разбираться в людях не хуже, чем в машинах. «Я сознательно пошел на риск, — подумал Лоуренс. — Похоже, что просчитался. Но без боя не сдамся. Может быть, еще удастся разрядить эту психологическую бомбу замедленного действия, прежде чем она взорвется…»

Том не заметил, как опять приблизился второй

пылекат, настолько он был поглощен своими переживаниями. Вдруг что-то тряхнуло его, да так сильно, что он ударился лбом о шлем. От боли невольно выступили слезы. Сморгнув их, Том Лоусон, в душе которого смешались ярость и странное облегчение, прямо перед собой увидел суровые глаза главного и услышал в шлемофоне гулкий голос:

— Кончайте этот вздор. И поаккуратнее с нашим скафандром: за чистку с нас пятьсот столларов берут, да и то костюм уже будет не тот.

— Меня не мутит…— через силу пробормотал Том, но тут же смекнул, что ему грозило что-то похуже, спасибо еще Лоуренсу за деликатность. Прежде чем он смог что-нибудь добавить, снова — теперь уже мягче — зазвучал голос инженера:

— Никто больше не слышит нас, Том, я включил двустороннюю связь. Слушайте меня и не злитесь. Мне о вас кое-что известно. Знаю, жизнь обошлась с вами не ласково. Но у вас есть голова — очень даже неплохая голова, и нечего терять ее, поддаваться трусости. Всякий может испугаться, никто из нас не застрахован от этого, но сейчас это совсем некстати. От вас зависит жизнь двадцати двух человек. Все решится в ближайшие пять минут. Так что смотрите на экран и забудьте

обо всем остальном. Положитесь на мое слово, мы вас привезем обратно в целости и сохранности.

Не сводя глаз с потрясенного лица молодого ученого, Лоуренс — на этот раз дружески — похлопал рукой по его скафандру. И с облегчением увидел, что Лоусон постепенно приходит в себя.

Мгновение астроном сидел неподвижно. Он овладел собой, но было видно, что он слушает какой-то внутренний голос. «О чем говорит ему этот голос? — спросил себя главный. — О том, что он частица человечества, пусть даже оно заточило его ребенком в этот отвратительный сиротский приют?... Или что есть где-то в мире человек, который проникнется к Тому теплым чувством и растопит корку льда, ожесточившую его сердце?»

Странную картину можно было видеть в этот миг на зеркально гладкой равнине, простершейся от Гор Недоступности до самого солнечного диска. «Пылекат-1» и «Пылекат-2» напоминали корабли, застигнутые штилем среди мертвого, недвижимого моря, и водители могли только догадываться, какая драма характеров только что разыгралась. Со стороны и не поймешь, как остро стоял минуту назад вопрос о жизни и смерти людей. А двое, которые знают об этом, никому

не расскажут.

К тому же мысли обоих были уже поглощены совсем другим.

Более нелепого положения не придумаешь: все это время, пока Лоусон и Лоуренс, позабыв о локаторе, разбирались в личных вопросах, экран терпеливо показывал то самое изображение, которое они искали.

Когда Пат и Сью закончили учет и вышли из воздушного шлюза, пассажиры все еще мысленно находились в Англии времен реставрации. За краткой лекцией сэра Исаака на темы физики последовал, как и можно было ожидать, гораздо более долгий урок анатомии под руководством Нелл Гвин.

Слушатели от души веселились, тем более, что Баррет великолепно передавал особенности речи героев:

> «— Поистине, сэр Айзек, вы очень мудрый человек. И все же, сдается мне, женщина могла бы многому научить вас.
>
> — Чему же, например, прелестная леди?
>
> Миссис Нелл смущенно зарделась.
>
> — Боюсь, — вздохнула она, — что вы це-

ликом посвятили себя духовной жизни. Вы позабыли, сэр Айзек, что в теле тоже кроется немалая мудрость.

— Ах, зовите меня просто Айком, — глухо произнес он, касаясь неуклюжими пальцами пуговок ее блузки.

— Ах, нет! — воскликнула Нелл, не останавливая, однако, его руки. — Только не здесь, не во дворце! Король скоро вернется!

— Не волнуйтесь, моя прелестная. Карл бражничает с этим писакой Пеписом. Он нынче не покажется…»

«Если только мы отсюда выберемся, — подумал Пат, — наш долг послать благодарственное письмо семнадцатилетней школьнице на Марсе, которой приписывают авторство этой чепухи. Она всех веселит, а это сейчас главное».

Всех? Нет, кому-то было не до веселья. С чувством неловкости Пат заметил, что мисс Морли настойчиво старается поймать его взгляд. Вспомнив о своих обязанностях капитана, он повернулся к ней с приветливой, хотя и несколько натянутой улыбкой.

Она не ответила на улыбку, скорее ее лицо

стало еще более отчужденным. Медленно и демонстративно мисс Морли перевела взгляд на Сью, потом опять посмотрела на Пата.

Все было ясно без слов. Они поняли ее так же хорошо, как если бы она крикнула во весь голос: «Я знаю, что вы там делали, в вашей камере!»

Лицо Пата вспыхнуло от гнева — праведного гнева человека, которого напрасно оклеветали. На миг он словно врос в свое кресло, только кровь стучала в висках. Потом буркнул себе под нос:

— Я ей покажу, этой старой ведьме.

Он поднялся на ноги, наградил мисс Морли улыбкой, полной сладчайшего яда, и сказал так, чтобы слышала только она:

— Мисс Уилкинз! А ведь я совсем забыл одну вещь. Пройдемте, пожалуйста, еще раз в переходную камеру.

Дверь затворилась, заглушив рассказ об эпизоде, который проливал совершенно неожиданный свет на происхождение герцога Сен-Олбанского, и Сью Уилкинз с лукавым любопытством поглядела на Пата.

— Вы видели? — спросил он, все еще кипя от ярости.

— Что именно?

— Мисс Морли…

— А-а! — перебила его Сью. — Не обращайте внимания на бедняжку. Она не сводит с вас глаз с той самой минуты, как мы вышли из Базы. Вы отлично понимаете, что ее мучает.

— Что? — смущенно спросил Пат, хотя заранее знал ответ.

— Она… как бы это сказать… боится перезреть. Довольно распространенный недуг, признаки всегда одни и те же.

Пути любви извилисты и прихотливы. Десять минут назад Пат и Сью вышли из камеры, согласившись быть в целомудренной нежной дружбе. Однако эта невообразимая комбинация мисс Морли — Нелл Гвин, мысль «семь бед — один ответ», да еще, пожалуй, подсознательное чувство, что в конечном счете любовь единственная защита против смерти — все, вместе взятое, поколебало их решимость. Они потянулись друг к другу, и Сью, улыбаясь, прошептала:

— Ах, только не здесь, не во дворце!

Глава 13

Главный инженер Лоуренс пристально смотрел на слабо светящийся экран, пытаясь расшифровать изображение. Как и все инженеры и ученые, он немалую часть жизни провел, разглядывая картины, нарисованные стремительными электронами, которые воспроизводили явления слишком крупные или слишком малые, слишком яркие или слишком тусклые, чтобы их мог увидеть человеческий глаз. Прошло больше ста лет, как катодная трубка подарила человеку власть над невидимым миром; он уже забыл ту пору, когда этот мир был ему недоступен.

Инфралокатор нашел в двухстах метров от них на поверхности пылевой пустыни едва заметное тепловое пятно, образующее почти правильный, изолированный круг. Нигде больше в поле зрения прибора не отмечалось посторонних источников тепла. Правда, пятно было куда меньше того, которое Лоусон сфотографировал с «Лагранжа», но координаты совпадали. Никакого сомнения: оно самое.

Но еще не известно, что означает это пятно… Объяснений может быть много. Скажем, здесь

со дна Моря почти к самой поверхности торчит одиночный пик. Был только один способ выяснить это.

— Оставайтесь здесь, — сказал Лоуренс. — Я пойду вперед на «Пылекате-Один». Скажите мне, когда я буду точно в середине пятна.

— Вы думаете, это опасно?

— Вряд ли, но лучше не рисковать.

И «Пылекат-1» медленно заскользил к загадочному пятну — столь явному для инфралокатора, но невидимому для обыкновенного глаза.

— Чуть левее, — скомандовал Том. — Еще несколько метров… еще… есть!

Лоуренс вперил взгляд в серую лунную пыль. Вроде такая же гладкая, как и любой другой участок Моря. Но присмотревшись, он заметил нечто такое, от чего у него холод пробежал по спине.

Если глядеть очень пристально (как глядел сейчас он), можно было заметить на глади Моря мелкий-мелкий узор. *Этот узор двигался, поверхностный слой точно полз к пылекату, подгоняемый незримым ветром.*

Вот так штука… На Луне все необычное и непонятное настораживало; чаще всего оно означало или сулило беду. Главный насторожился. Если здесь затонуло судно, то что грозит пылекату?…

— Лучше не подходите, — передал он на «Пылекат-2». — Здесь что-то странное, я не могу понять.

И он тщательно описал явление Лоусону. Подумав, тот почти сразу ответил:

— Похоже на восходящую струю, говорите? Так оно и есть. Мы определили тут источник тепла. Он достаточно мощный, чтобы вызвать конвекционное течение.

— Но откуда тепло? И при чем тут «Селена»?

Лоуренс не мог скрыть своего разочарования. Как он и опасался с самого начала: пустая затея. Очаг радиации или же выброс нагретых газов, вызванный толчком, ввел в заблуждение приборы и заманил их в эту пустыню. Уходить отсюда, да поскорее, задерживаться опасно!…

— Постойте-ка, — услышал Лоуренс голос Тома. — Судно со всевозможными агрегатами и двадцатью двумя пассажирами должно излучать немало тепла. Три-четыре киловатта минимум. И если пыль находится в статическом равновесии, этого может оказаться достаточно, чтобы забил ключ. Не очень-то вероятно…

Но Лоуренс готов был ухватиться даже за самую тонкую соломинку. Взяв металлический щуп, главный погрузил его вертикально в пыль.

Сперва он шел легко, однако по мере того, как выдвижные колена наращивали длину, сопротивление росло. И когда щуп достиг полной длины — двадцать метров, — инженеру пришлось напрячь все силы, чтобы проталкивать его дальше. Вот и верхний конец щупа исчез: ничего. Но Лоуренс и не рассчитывал на успех с первой попытки. Здесь нужен научный подход, система.

Пять минут крейсирования взад-вперед, и на поверхности моря, через каждые пять метров протянулись белые ленты. Словно фермер прошлого, сажающий картофель, главный инженер пошел на пылекате вдоль первой ленты, орудуя щупом. Эта операция требовала большой тщательности, и дело продвигалось медленно. Лоуренс напоминал слепого, который гибким прутом нащупывает путь в темноте. Если его прут окажется слишком коротким, придется изобретать что-то еще. Но пока об этом рано думать…

На исходе десятой минуты Лоуренс допустил промах. Он все время работал обеими руками, и вот, нажав что было мочи на верхний конец щупа, слишком сильно перегнулся через бортик пылеката, ноги вдруг сорвались, и он плашмя упал в море.

Выйдя из камеры перепада, Пат тотчас заме-

тил, что настроение переменилось. Книга была отложена в сторону, и в кабине шел жаркий спор, который с появлением капитана прервался. Наступила неловкая тишина. Некоторые пассажиры уголком глаза следили за Харрисом, другие подчеркнуто игнорировали его.

— Коммодор, — сказал Пат, — в чем дело?

— Кое-кто считает, — ответил Ханстен, — что мы не все делаем, чтобы выйти отсюда. Я объяснил, что есть только один выход: ждать, пока нас найдут. Но не все согласны со мной.

Ничего удивительного, подумал Пат. Время идет, спасатели не появляются — естественно, что нервы сдают. Начнут требовать действий, любых действий, только не сидеть сложа руки. Противно человеческой природе бездействовать перед лицом смерти.

— Мы уже столько раз это обсуждали, — устало сказал он. — Глубина не меньше десяти метров. Даже если бы мы могли выйти из камеры наружу, никому не под силу преодолеть сопротивление пыли и подняться на поверхность.

— Вы уверены? — спросил кто-то.

— Совершенно, — ответил Пат. — Вы когда-нибудь пробовали плавать в песке? Далеко не уплывете.

— А если пустить моторы?

— Боюсь, они не сдвинут нас с места и на сантиметр. Но хоть бы и сдвинули — мы пойдем вперед, а не наверх.

— Надо собрать всех в кормовой части, может быть, нос приподнимется.

— А нагрузка на корпус? — возразил Пат. — Допустим, я включу моторы — это будет все равно, что бодать кирпичную стену. Один бог знает, к чему это может привести.

— Но ведь какая-то надежда есть. Так почему не попытаться?

Пат поглядел на коммодора, слегка недовольный тем, что тот еще не пришел ему на помощь. Ханстен спокойно ответил на его взгляд, точно говоря: «До сих пор я управлялся, теперь ваша очередь». Что ж, справедливо. Сью была права. Пора стоять на собственных ногах, во всяком случае, показать другим, что он на это способен.

— Слишком опасно, — решительно сказал он. — Мы можем спокойно ждать по меньшей мере еще четыре дня. Нас найдут задолго до этого срока. Зачем же идти на риск при ставке миллион против одного? Будь это наш последний выход, я бы сам сказал — да.

Пат Харрис обвел кабину взглядом — кто воз-

разит? И поневоле встретился с глазами мисс Морли. Да он и не пытался этого избежать. Однако ее слова неприятно поразили его.

— Возможно, капитан вовсе и не торопится наверх. Он что-то давно не показывался, да и мисс Уилкинз тоже.

«Ах ты, вобла сушеная, — подумал Пат. — Только потому, что ни один уважающий себя мужчина...»

— Спокойно, Харрис! — вовремя вмешался коммодор. — Это я беру на себя.

В первый раз Ханстен по-настоящему показал свой характер. До этой минуты он все делал незаметно и тихо или предоставлял действовать Пату. Теперь они услышали голос командира, и он звучал, точно труба на поле брани. Говорил не отставной космонавт, а коммодор космоса.

— Мисс Морли, — сказал он, — ваше замечание нелепо и неуместно. Вас может извинить лишь тяжелая обстановка, в которой мы все очутились. Мне кажется, вы обязаны извиниться перед капитаном.

— Я права, — упрямо возразила она. — Пусть он скажет, что это не так.

За последние тридцать лет коммодор Ханстен ни разу не выходил из себя, не собирался срывать-

ся и теперь. Но он знал, когда полезно изобразить гнев; сейчас не худо и притвориться. Он сердился на мисс Морли, был недоволен и Патом — тот явно подвел его. Факт остается фактом: Пат и Сью действительно слишком уж долго возились с этим учетом. Иногда внешняя благопристойность не менее важна, чем безгрешное поведение. Недаром китайцы говорят: «Не останавливайся завязывать шнурки на бахче соседа».

— Мне наплевать на взаимоотношения мисс Уилкинз и капитана, — произнес он самым грозным голосом, на какой только был способен. — Это их личное дело, и пока они честно выполняют свою работу, мы не вправе вмешиваться. Может быть, вы хотите сказать, что капитан Харрис не выполняет свой долг?

— Гм… я этого не говорила.

— Тогда прошу вас вообще не говорить. У нас и без того хватает трудностей, незачем создавать новые.

Остальные пассажиры слушали их перепалку со смешанным чувством неловкости и интереса, с каким большинство людей слушает чужие ссоры. Впрочем, эта стычка затрагивала всех, так как означала первый вызов авторитету командира, первый признак того, что дисциплина поколеба-

лась. До сих пор их маленький отряд представлял собой гармоническое единство; но вот чей-то голос обратился против старейшин племени.

Пусть мисс Морли старая неврастеничка, она, кроме того, упрямая и настойчивая особа. И коммодор с понятным замешательством заметил, что она собирается дать ему отпор.

Но никому не удалось узнать, что намеревалась ответить мисс Морли. В этот самый миг миссис Шастер издала вопль, мощь которого вполне соответствовала ее комплекции.

На Луне, когда человек споткнется, он обычно успевает что-то предпринять, ведь его нервы и мышцы рассчитаны на земное притяжение, которое в шесть раз больше лунного. Но главный инженер Лоуренс стоял наклонившись, и расстояние было слишком мало. Он нырнул в лунную пыль и очутился во мраке.

Ничего не видно, если не считать слабого свечения приборной доски внутри скафандра. Осторожно, очень осторожно Лоуренс начал водить руками в разные стороны. Рыхлая среда почти не оказывала сопротивления, но он тщетно искал какой-нибудь опоры, нельзя было даже понять, где верх, где низ.

Отчаяние сковало все члены Лоуренса. Сердце

билось часто и неровно, предвещая паническое состояние, когда человеку отказывает рассудок. Главный инженер не раз видел, как люди превращаются в кричащих, одержимых ужасом животных, и знал, что сам на пороге такого состояния.

Мелькнула мысль о том, что лишь несколько минут назад он спас астронома от приступа безумия. Но сейчас некогда размышлять над иронией судьбы. Надо призвать остатки воли — восстановить самообладание, усмирить стук в груди, который грозит разорвать его на части.

Вдруг в шлемофоне инженера отчетливо и громко раздался звук настолько неожиданный, что волны паники перестали захлестывать островок его сознания. Это был смех, и смеялся Том Лоусон.

Смех тотчас оборвался, последовало извинение.

— Простите, мистер Лоуренс, я нечаянно. Очень уж потешно глядеть, как вы болтаете ногами.

Главный оцепенел. Страх улетучился, уступив место гневу. Он злился на Лоусона, но еще больше на самого себя.

Ведь это же очевидно, ему не грозила никакая опасность: наполненный воздухом скафандр

подобен плывущему на воде пузырю и не может утонуть. Лоуренс сразу сообразил, как надо действовать. Несколько движений руками и ногами, центр тяжести переместился — и маска вынырнула из пыли. Инженер увидел, что погрузился самое большее на десять сантиметров. И пылекат рядом, даже непонятно, как он не задел его, когда барахтался, словно выброшенный на мель осьминог!

Стараясь соблюдать достоинство, главный взялся за бортик пылеката и вскарабкался на платформу. Говорить он пока не решался, неожиданные упражнения совершенно сбили его с дыхания, и голос мог выдать недавний страх. К тому же Лоуренс еще сердился. В былые времена, когда главный постоянно работал на воле, он бы так не оплошал. Засиделся в канцелярии… Последний раз надевал скафандр, когда проходил ежегодную комиссию, да и то в воздушном шлюзе.

Поднявшись на пылекат, Лоуренс снова взял щуп. Постепенно улетучились последние остатки гнева и страха, и главный инженер задумался. Хотел он того или нет, но то, что произошло за эти полчаса, перебросило мостик между ним и Лоусоном. Правда, астроном рассмеялся, когда он барахтался в пыли, но зрелище, наверное, впрямь было смешное. И ведь Лоусон извинился. А давно ли казалось, что он одинаково не способен ни смеяться, ни извиняться…

Вдруг все посторонние мысли вылетели из головы Лоуренса: щуп уперся во что-то твердое на глубине пятнадцати метров.

Глава 14

Когда раздался крик миссис Шастер, первой мыслью коммодора Ханстена было: «Господи, только еще истерики не хватало». А через полсекунды он сам лишь величайшим напряжением воли удержался от крика.

Снаружи доносился какой-то звук! Три дня за обшивкой шуршала пыль, и вот… Ну, конечно, что-то металлическое скребет по корпусу! В следующий миг кабина загудела от радостных возгласов. С большим трудом коммодору Ханстену удалось перекричать ликующий хор.

— Они нашли нас! — воскликнул он. — Хотя, возможно, сами об этом не знают. Надо что-то сделать, помочь им. Пат, попробуйте включить передатчик. А мы будем сигналить ударами по корпусу судна. Напоминаю сигнал настройки в азбуке Морзе: буква «ж» — ти-ти-ти-та! Ну, все вместе!

Сперва стук получился довольно беспорядочным, но мало-помалу установился правильный ритм.

— Стоп! — крикнул Ханстен через минуту. — Теперь послушаем! Внимание!…

Тишина… Жуткая, неприятная тишина. Пат выключил вентиляцию, и в кабине было слышно только биение двадцати двух сердец.

Ничто не нарушало безмолвия. Может быть, странный звук был вызван напряжением в корпусе самой «Селены»? Или спасатели, — если это были они, — уже прошли дальше по пустынной поверхности моря?

Вдруг опять — царапанье по обшивке. Движением руки Ханстен остановил новый взрыв энтузиазма.

— Слушайте, прошу вас! Возможно, удастся что-нибудь разобрать.

Несколько секунд длился скребущий звук. И снова — томительное безмолвие. Кто-то сказал негромко, разряжая напряжение:

— Как будто трос протащили. Может быть, они тралят?

— Исключено, — ответил Пат. — Сопротивление среды слишком велико, особенно на такой глубине. Скорее, это щуп.

— А это значит, — подхватил коммодор, — что над нами, совсем близко — спасатели. Постучим еще. Ну-ка… все разом…

«Ти-ти-ти-та!»

«Ти-ти-ти-та!»

Сквозь двойную обшивку «Селены» в пылевой пласт уходили звуки, которые сто лет назад летели в эфире над оккупированной Европой, голос рока, открывающий Пятую симфонию Бетховена.

Пат Харрис, сидя в кресле водителя, тревожно взывал:

— Я «Селена», я «Селена». Как слышите? Прием.

И слушал пятнадцать нескончаемых секунд, прежде чем повторить вызов. Но эфир по-прежнему оставался безжизненным.

На борту «Ауриги» Морис Спенсер нетерпеливо поглядывал на часы.

— Черт возьми, — вырвалось у него. — Пылекатам давно пора вернуться. Когда была с ними последняя связь?

— Двадцать пять минут назад, — ответил старший радист. — До очередного сеанса пять минут, независимо от того, нашли они что-нибудь или нет.

— А вы не сбили настройку?

— Занимайтесь своим делом, уж я как-нибудь справлюсь со своим, — отрезал радист.

— Виноват, — ответил Спенсер, давно усвоивший, в каких случаях надо не медлить с

извинением. — Это просто нервы.

Он поднялся с сиденья, чтобы пройтись по тесной навигационной рубке «Ауриги». Больно ударился о приборную доску (Спенсер еще не привык к лунному тяготению и уже начал сомневаться, что когда-либо привыкнет) и наконец взял себя в руки.

Хуже нет ждать, ждать, когда выяснится, будет ли «материал» для статей… Сколько денег уже потрачено, а ведь это пустяки по сравнению со счетами, которые начнут поступать, едва он даст капитану Ансону команду вылетать. Правда, тогда волнения кончатся, первенство «Интерпланет» будет обеспечено.

— Вызывают, — вдруг услышал он голос радиста. — За две минуты до срока. Что-то произошло.

— Я что-то нащупал, — раздельно произнес Лоуренс. — Но не знаю, что.

— На какой глубине? — вместе спросили Лоусон и оба водителя.

— Около пятнадцати метров. Отойдем метра на два вправо, попробую еще раз.

Он вытащил щуп и погрузил его в пыль в новой точке.

— Есть, — сообщил Лоуренс, — и на той же глу-

бине. Еще два метра!…

Теперь препятствие исчезло. Или ушло вглубь за пределы досягаемости щупа?

— Здесь ничего. Проверим в других направлениях.

Требовалось немало времени и усилий, чтобы определить очертания затаившегося в глубине предмета. Примерно такие же трудоемкие приемы применяли те, кто двести лет назад начал промерять океаны: опустят на дно груз на тросе, потом поднимают. «Жалко, — подумал Лоуренс, — что нет эхолота». Да только вряд ли звуковые или электромагнитные волны проникли бы здесь больше чем на пять метров в глубину.

Какой же он идиот, не подумал раньше! Вот почему пропали радиосигналы «Селены». Среда, которая поглотила ее, поглощает и радиоволны. Хотя, если под ним пылеход…

Лоуренс переключил приемник на аварийную волну. Вот он, голос автомата, орет что есть мочи! Да так громко, что непонятно, почему его не слышно на «Лагранже» и в Порт-Рорисе… Впрочем, все ясно, ведь это металлический щуп помог. Коснувшись обшивки «Селены», он тотчас стал своего рода антенной, вывел импульсы на поверхность.

Добрых пятнадцать секунд главный инженер слушал зов маяка, прежде чем собрался с духом сделать следующий шаг. С самого начала Лоуренс не был уверен в том, что поиски увенчаются успехом; он и сейчас опасался, как бы их усилия не оказались напрасными. Ведь еще ничего не известно: автомат будет слать свои сигналы неделями даже, если люди на «Селене» давно погибли.

Резким, решительным жестом Лоуренс переключил приемник на обычную волну пылехода… и был почти оглушен голосом Пата Харриса:

— Я «Селена», я «Селена». Как слышите? Прием.

— Я «Пылекат-Один», — ответил он. — Говорит главный инженер Эртсайда. Я в пятнадцати метрах над вами. Как дела? Прием.

В хоре ликующих воплей он не сразу разобрал ответ. Но и без того было очевидно, что пассажиры живы и настроение хорошее! Такой шум подняли, будто за праздничным столом сидят. Думают, раз их нашли, значит все неприятности позади…

Ладно, пусть ликуют, все равно пока надо доложить на Базу.

— Порт-Рорис, я «Пылекат-Один», — сказал

главный. — Мы нашли «Селену», установили с ней радиосвязь. Судя по оживлению на борту, все живы-здоровы. Корабль лежит на глубине пятнадцати метров, там, где указал доктор Лоусон. Вызову вас через пять минут. Все.

Со скоростью света волны радости и облегчения распространятся по всей Луне, Земле и планетам внутренней сферы, неся добрую весть миллиардам людей… На улицах и движущихся тротуарах, в автобусах и космических кораблях незнакомые люди будут обращаться друг к другу:

— Вы слышали? «Селену» нашли!!

Во всей солнечной системе в этот миг, наверное, только один человек не мог всей душой предаться радости. Сидя на пылекате и слушая счастливые возгласы, которые доносило радио, глядя на завихрения пыли, главный инженер Лоуренс чувствовал себя куда более беспомощным, чем люди, заточенные в толще Моря под ним. Ему было страшно. Он знал, что предстоит труднейшая битва его жизни.

Глава 15

Впервые за последние двадцать четыре часа Морис Спенсер позволил себе передышку. Все, что можно сделать, — сделано. Люди и аппаратура уже на пути в Порт-Рорис. (Это очень здорово, что в Клавии оказался Жюль Брак, один из лучших телеоператоров, они и прежде часто сотрудничали.) Капитан Ансон гоняет вычислительную машину и озабоченно изучает кроки Гор Недоступности. Команда (все шестеро) вызвана из баров (всех трех) и извещена о том, что маршрут снова меняется. Десяток контрактов, все на крупные суммы, подписаны на Земле и переданы по телефаксу. Финансовые колдуны «Интерплэнет Ньюс» с научной точностью высчитают, сколько можно запросить с других агентств без опасения, что те предпочтут снарядить собственные ракеты. Да хотя чего тут опасаться, он слишком далеко всех опередил. Любой конкурент сможет попасть на хребет не раньше чем через сорок восемь часов; Морис Спенсер будет там через шесть.

Словом, приятно отдохнуть, твердо зная, что все в порядке и никаких перебоев не ожидается. Такие антракты придавали жизни особую

прелесть, и Спенсер умел использовать их. Лучшее средство от язвы желудка, которая все еще оставалась профессиональным заболеванием работников печати и телеинформации.

Умение выгадать минуту для передышки всегда отличало его. Морис Спенсер — в одной руке рюмка, в другой бутерброд с маленького подноса — полулежал в кресле в салоне кругового обзора Космопорта. Через двойное окно он видел пирс, от которого три дня назад отчалила «Селена». (Никак не избавишься от этих морских терминов, хотя они здесь как будто совершенно не к месту.) Всего-навсего двадцать метров бетонной дорожки вдается в эту отвратительно гладкую лунную пыль… Почти на столько же метров вытянулась огромной гармошкой эластичная труба, через которую пассажиры шли из порта на посадку. Сейчас она не закупорена и частью опала. Грустное зрелище.

Журналист посмотрел на часы, потом — на горизонт. Удивительно! Если не знать, можно подумать, что до горизонта самое малое километров сто. На самом деле — всего два-три. Вдруг глаза уловили солнечный зайчик. Идут — идут сюда! Через пять минут спасатели будут здесь, еще через пять выйдут из камеры перепада; он вполне

успеет управиться с последним бутербродом.

…Отвечая на приветствия Спенсера, Том Лоусон ничем не обнаружил, что узнает его. Но это было только естественно: ведь их первая короткая беседа происходила почти в полной темноте.

— Доктор Лоусон? Я начальник отдела «Интерплэнет Ньюс». Можно включить запись?

— Минутку, — вмешался Лоуренс. — Я знаю представителя «Интерплэнет». Вы не Джо Леонард…

— Совершенно верно, я — Морис Спенсер. Принял дела у Джо на прошлой неделе. Его отозвали на Землю, пока не отвык совсем от земного тяготения. Не застревать же ему здесь на всю жизнь.

— Быстро вы добрались. И часу не прошло с тех пор, как мы передали, что «Селена» найдена.

Спенсер не стал отвечать на это; к чему подчеркивать, что он здесь уже несколько часов?

— Ну, так как — можно включить запись? — вежливо повторил он.

Морис Спенсер предпочитал соблюдать правила. Некоторые репортеры идут на риск и пускают магнитофон, не дожидаясь разрешения. Если тебя поймают на этом, останешься без работы… Как начальник отдела он просто обязан придерживаться порядка, который только на пользу и

журналистам, и общественности.

— Попозже, если не возражаете, — ответил Лоуренс. — У меня слишком много неотложных дел. Но доктор Лоусон охотно поговорит с вами. Главная работа проделана им, ему и вся честь. Можете так и записать.

— Гм… благодарю…— пробормотал озадаченный Том.

— Не стоит, — сказал Лоуренс. — А теперь до свидания, еще увидимся. Я буду в кабинете старшего инженера. Таблетки помогут мне держаться на ногах, а вам все-таки советую поспать хоть немного.

— После интервью! — перебил Спенсер и потащил Тома к зданию отеля.

Первый человек, которого он встретил в тесном — десять квадратных метров — холле, был капитан Ансон.

— Я вас разыскиваю, мистер Спенсер, — сказал он. — Профсоюз работников космоса уперся. Слыхали, наверное: правило о межрейсовом отдыхе… Ну, так вот…

— Умоляю вас, капитан, потом. Свяжитесь сами с юристами «Интерплэнета». Вызовите Клавий 12-34, Гарри Данцига — он все уладит.

Журналист увлек покорного Тома Лоусона

вверх по лестнице (отель без лифтов — необычное явление, но лифты ни к чему в мире, где человек весит немногим больше десяти килограммов) и провел его в свой номер, похожий на номер любой дешевой гостиницы на Земле, только поменьше да совсем без окон. Кресла, диван и стол сделаны просто и с минимальным расходом материала, в основном — стекловолокна; на Луне было вдоволь кварца. Ванная — обычная (слава богу, не то что эти мудреные туалетные комнаты в ракетах, приспособленные для невесомости), и только вид кровати слегка обескураживал. Некоторым гостям с Земли скверно спалось при малом тяготении, для них придумали эластичное покрывало, которое по краям крепилось слабыми пружинами. Поневоле вспомнишь смирительные рубашки и стены с мягкой обивкой…

И еще одна милая деталь — возле двери объявление на трех языках — по-английски, по-русски и по-китайски:

**ОТЕЛЬ
ОБЛАДАЕТ АВТОНОМНОЙ ГЕРМЕТИЗАЦИЕЙ. АВАРИЯ КУПОЛА ВАМ НИЧЕМ НЕ УГРОЖАЕТ. В СЛУЧАЕ АВАРИИ ПРОСИМ ВАС ОСТАВАТЬСЯ В НОМЕРЕ И ЖДАТЬ УКАЗАНИЙ. БЛАГОДАРИМ.**

Спенсер не первый раз читал эти слова и все-таки продолжал считать, что даже столь важную информацию можно было бы подать в более удобоваримой и непринужденной форме. Уж больно сухо сказано…

Пожалуй, в этом вся загвоздка здесь, на Луне. Борьба с местной природой требует таких усилий, что на детали уже не остается энергии. Особенно бросалось в глаза несоответствие между отличной работой технических служб и каким-то беспечным, даже халатным подходом во всем остальном. Малейшая неисправность телефона, водопровода, воздушной сети (особенно воздушной!) устранялась мгновенно. Но попробуйте добиться, чтобы вас быстро обслужили в ресторане или баре…

— Я знаю, вы очень устали, — начал Спенсер. — Но разрешите все-таки задать вам несколько вопросов. Я включу магнитофон, вы не возражаете?

— Нет, — ответил Том; ему уж давно все было безразлично. Упав в кресло, он механически, явно не воспринимая вкуса, потягивал напиток, который налил ему Спенсер.

— Говорит Морис Спенсер, корреспондент «Интерплэнет Ньюс», я беседую с доктором Томом Лоусоном. Доктор, пока известно лишь, что вы и мистер Лоуренс, главный инженер Эртсайда, нашли «Селену», и все пассажиры живы-здоровы. Не могли бы вы, не вдаваясь в технические детали, рассказать нам, как... а, черт побери!...

Он поймал медленно падающий стакан, не пролив ни капли, затем перенес спящего астронома на диван. Что ж, роптать не приходится: пока это единственная осечка в его программе. Да и то неудача еще может обернуться удачей. Никто не найдет Лоусона — не говоря уже о том, чтобы интервьюировать его, — пока он отсыпается в номере Спенсера, который в отеле «Порт-Рорис» не без юмора называется люксом.

В Клавии начальнику «Лунтуриста» удалось наконец убедить всех, что он вовсе не покровительствует никаким любимчикам. Услышав, что «Селена» найдена, Девис облегченно вздохнул, но радость тотчас померкла, едва «Рейтер», «Тайм-Космос», «Трипланетные новости» и «Лунар

Ньюс» обрушили на его голову вопросы — как это так получилось, что «Интерплэнет» первым дало информацию? Предусмотрительно перехватив разговор пылекатов, Морис Спенсер смог передать новость в агентство даже раньше, чем ее получили в лунной администрации!

Но теперь наконец все выяснилось, и конкуренты искренне восхищались расторопностью этого счастливчика Спенсера. А ведь он раскрыл еще далеко не все свои козыри…

Узел связи в Клавии и прежде бывал в центре драматических событий, но это все затмило. «Все равно что слушать голоса из загробного мира», — сказал себе Девис. Давно ли этих людей считали погибшими — и вот, пожалуйста, живы-здоровы, один за другим подходят к микрофону там, под землей, чтобы успокоить своих родных и близких. Благодаря щупу, который был и ориентиром, и антенной, пятнадцатиметровый пласт лунной пыли уже не изолировал пылеход от всего человечества.

Как ни горячились репортеры, надо было ждать перерыва в потоке посланий с «Селены», чтобы взять интервью. Сейчас говорила мисс Уилкинз, она диктовала радиограммы пассажиров. Девис живо представлял себе, что происходит на борту:

все торопливо исписывают телеграфным стилем вырванные из книги листки, стараясь втиснуть в минимум слов максимум информации. Разумеется, этот материал нельзя ни публиковать, ни цитировать, это частные послания, и начальники почтамтов трех планет дружно обрушат свой гнев на неосторожного репортера, который рискнет преступить запрет. По чести говоря, журналистам вообще не положено слушать на этой волне, и начальник узла уже несколько раз все более строгим тоном напоминал им об этом.

— …скажи Марте, Яну и Айви, чтобы не беспокоились обо мне, я скоро буду дома. Спроси Тома, чем кончились переговоры с Эриксоном, и сообщи мне во время следующего сеанса. Обнимаю вас всех. Джордж. Конец. Записали? Я «Селена». Прием.

— Центральная Луны вызывает «Селену». Да, мы все записали, отправим ваши радиограммы и передадим вам ответы, как только получим. А теперь пригласите, пожалуйста, к микрофону капитана Харриса. Прием.

Короткая заминка, были слышны гулкие в замкнутой кабине голоса, скрип кресла, приглушенное «Простите». И наконец:

— Капитан Харрис вызывает Центральную.

Прием.

Девис взял микрофон.

— Капитан Харрис, говорит начальник «Лунтуриста». Я знаю, все вы спешите отправить свои телеграммы, но здесь представители агентств, им не терпится поговорить с вами, хотя бы несколько слов. Прежде всего, не могли бы вы коротко описать, какая сейчас обстановка в кабине? Прием.

— Ну, что вам сказать... Здесь очень жарко, так что мы одеты легко. Но жаловаться не приходится, ведь благодаря этой жаре вы нашли нас. Да мы уже привыкли к ней. Воздух пока хороший, воды и продовольствия хватает, правда, стол, как бы это сказать, несколько однообразный. Что еще вы хотите знать? Прием.

— Спросите его о настроении на борту... Как держатся пассажиры?... Нервы не подводят?...— раздался голос представителя «Трипланетных новостей».

Начальник «Лунтуриста» передал его вопросы, придав им более тактичную форму. Тем не менее они явно вызвали легкое замешательство на «Селене».

— Все держатся молодцом, — ответил Пат очень уж поспешно. — Конечно, нас волнует, сколько времени понадобится, чтобы вызволить нас от-

сюда. Вы можете сказать что-нибудь? Прием.

— Главный инженер Лоуренс сейчас в Порт-Рорисе, разрабатывает план спасательной операции, — ответил Девис — Как только план будет готов, мы сообщим вам сроки. Расскажите, пожалуйста, как вы проводите время? Прием.

Пат ответил на этот вопрос, и его ответ не замедлил вызвать на всех планетах усиленный спрос на «Шейн», зато, увы, заметно подорвал акции «Апельсина и яблока». Затем капитан рассказал о заседаниях суда, прерванных пока на неопределенное время.

— Это должно быть очень забавно, — сказал Девис. — Но теперь вы не одни, можете рассчитывать на нашу помощь. Мы передадим для вас все, что угодно — музыку, пьесы, дискуссии. Только закажите. Прием.

Пат помедлил с ответом. Радиосвязь преобразила их жизнь — появилась надежда, установлен контакт с близкими. Но почему-то ему было даже жалко, что уединение кончилось. Чувство товарищества, которого не смог подорвать даже выпад мисс Морли, уже начало улетучиваться. Нет больше единого отряда, сплоченного борьбой за существование. Снова каждым владеют свои заботы и помыслы. Человечество опять поглоти-

ло их, как океан поглощает каплю.

Глава 16

От комиссий да от комитетов, считал главный инженер Лоуренс, толку не жди. Его взгляд был широко известен на Луне, потому что вскоре после очередного наезда уполномоченных Ревизионного комитета (они наведывались дважды в год) на рабочем столе главного появился листок с таким умозаключением:

> «Комитет — место, где
> **КО**паются,
> **МИ**тингуют,
> **ТЕ**мнят и
> **Т**опят.»

Но этот комитет можно было терпеть: он отвечал придирчивым запросам главного инженера. Председателем был сам Лоуренс; протоколы, секретари, повестки дня отсутствовали. И он мог по своему выбору отвергать рекомендации комитета или принимать их. Лоуренс всецело отвечал за спасательную операцию, пока Главный администратор не сочтет нужным его сместить, — а это могло произойти лишь под очень сильным

нажимом с Земли. Комитет играл роль генератора идей и технического справочника, он был, так сказать, персональным «мозговым трестом» Лоуренса.

Из двенадцати членов комитета только шесть физически присутствовали в Порт-Рорисе, остальные находились в разных точках Луны, Земли и космоса. Грунтовед на Земле оказался в невыгодных условиях — ведь скорость радиоволн ограничена, поэтому он был обречен все время отставать на полторы секунды от других участников заседаний, да еще столько же времени требовалось, чтобы его слова дошли до Луны. И грунтоведа попросили делать заметки на листке бумаги, перебивать только в крайних случаях, сберегая свои комментарии до конца совещания. Селекторная связь с Луной обходилась дорого, зато многие успели уже убедиться, что трехсекундная задержка усмиряет даже самых рьяных спорщиков.

— Для тех, кто еще не в курсе дела, — начал Лоуренс, как только закончилась «поверка», — коротко опишу обстановку. «Селена» лежит горизонтально, глубина пятнадцать метров. Корабль невредим, все агрегаты действуют, настроение двадцати двух заточенных в кабине

хорошее. Запаса кислорода хватит еще на девяносто часов — прошу каждого запомнить этот срок. Если кто-нибудь не знает, как выглядит «Селена», посмотрите вот на эту модель в одну двадцатую натуральной величины. — Он поднял со стола модель и повернул ее к объективу телекамеры сперва одной, потом другой стороной. — Она напоминает автобус или, если хотите, небольшой самолет. Ее отличает от них только устройство тяговой установки, включающее вот эти широколопастные винты с переменным шагом. Наш главный противник, естественно, лунная пыль. Кто не видел ее сам, не может представить себе, что это такое. Любое сравнение с песком или другими известными на Земле веществами окажется неудачным, она скорее напоминает жидкость. Вот образец.

Лоуренс взял в руки высокий цилиндр, на одну треть заполненный серым аморфным веществом. Он опрокинул цилиндр вверх дном, и пыль потекла вниз. Она текла быстрее, чем сироп, но медленнее, чем вода. Несколько секунд — и пыль опять собралась в столбик с гладкой и ровной поверхностью. С первого взгляда любой решил бы, что это жидкость.

— Цилиндр закрыт наглухо, — продолжал

Лоуренс, — внутри вакуум, так что мы видим лунную пыль в обычных для нее условиях. На воздухе свойства ее изменяются, она становится гораздо более вязкой и ведет себя вроде очень мелкого песка или талька. Заранее предупреждаю вас: синтетическим путем не создашь образца, который обладал бы всеми свойствами оригинала. Для этого нужно несколько миллиардов лет сушки. Если вам понадобится для опытов, мы можем послать сколько угодно пыли, не обеднеем. Еще несколько замечаний. «Селена» затонула в трех километрах от ближайшей суши — Гор Недоступности. Возможно, пласт пыли под кораблем уходит вглубь еще на несколько сот метров, но вряд ли. И нет никакой гарантии, что не произойдет новое оседание. Правда, геологи считают это маловероятным. Добраться к месту катастрофы можно только на пылекатах. У нас их два, третий уже везут с Фарсайда. Пылекат поднимает или тянет на буксире до пяти тонн, платформа выдерживает отдельные предметы весом около двух тонн. Следовательно, мы не можем перебросить очень тяжелые механизмы. Вот как обстоит дело. У нас в запасе девяносто часов. Что вы предлагаете? У меня есть кое-какие мысли, но я хотел бы сперва послушать вас.

Наступила тишина; члены комитета, которых разделяло до четырехсот тысяч километров, напряженно думали, как решить задачу. Но вот заговорил главный инженер Эртсайда; его штаб находился неподалеку от Кратера Жолио-Кюри.

— Боюсь, за девяносто часов мы ничего не успеем сделать. Нужно создать специальное снаряжение, а на это всегда требуется время, поэтому надо сперва подать к «Селене» воздухопровод. Где у нее выведена коммуникационная сеть?

— В кормовой части, позади главного входа. Но я не представляю себе, как вы подадите трубопровод на глубину пятнадцати метров и присоедините к штуцеру. Не говоря уже о том, что трубу забьет пылью.

— У меня есть предложение, — вмешался новый голос — Пробурить сверху потолок кабины.

— Понадобятся две трубы, — заметил еще кто-то. — Одна — подавать кислород, вторая откачивать испорченный воздух.

— То есть нужен полный агрегат для очистки воздуха. Без него можно обойтись, если мы вызволим их до критического срока.

— Слишком велик риск. Лучше подать воздух и действовать без спешки, не думая об этих злополучных девяноста часах.

— Согласен, — сказал Лоуренс. — Я поручил уже своим людям подготовить все необходимое. Следующий вопрос: попытаемся поднять пылеход вместе с людьми — или станем извлекать людей по одному? Напоминаю, на борту есть только один скафандр.

— А можно подать к двери широкую трубу и соединиться с переходной камерой? — спросил один из ученых.

— Та же трудность, что с воздухопроводом. Даже труднее — площадь соединения намного больше.

— Как насчет кессона, большого кессона, который охватил бы весь пылеход? Опустить его на нужную глубину и выбрать пыль.

— Понадобятся тонны свай и крепежных балок. Не забудьте еще: дно должно быть герметичным, иначе пыль будет просачиваться снизу с такой же скоростью, с какой мы сможем выбирать ее сверху.

— А можно это вещество откачивать? — спросил кто-то.

— Да, если будет соответствующий насос. Отсасывать эту пыль нельзя, ее надо поднимать. Обычный насос тотчас захлебнется.

— Эта лунная пыль сочетает худшие свойства

твердых и жидких тел, — пожаловался помощник инженера в Порт-Рорисе. — А достоинств — никаких. Она не хочет течь, когда это нужно нам, зато очень хорошо течет, когда не надо.

— Разрешите уточнить, — вступил патер Ферраро; он сидел в своей лаборатории в Кратере Платона. — Слово «пыль» только сбивает с толку. Речь идет о веществе, которого не может быть на Земле, поэтому для него нет названия в нашем словаре. Последний оратор прав: иногда оно напоминает несмачивающую жидкость — вроде ртути, но гораздо легче. А иногда ведет себя, как смола, с той разницей, что течет намного быстрее.

— Может быть, есть способ придать ей стойкость?

— Мне кажется, это вопрос для Земли, — вступил Лоуренс. — Доктор Эванс, что вы скажете?

Трехсекундная заминка, как всегда, показалась очень долгой. Наконец прозвучал голос грунтоведа так отчетливо, словно он был рядом.

— Я как раз думаю об этом. Можно подобрать какое-нибудь органическое связующее вещество — своего рода клей. Это облегчило бы работы с пылью. А обыкновенная вода не годится? Вы не пробовали?

— Еще нет, но проверим, — ответил Лоуренс, делая себе пометку.

— Магнитными свойствами это вещество обладает? — спросил дежурный диспетчер.

— В самом деле! — отозвался Лоуренс. — Сеньор Феррaро, ответьте нам на этот вопрос.

— Обладает в небольшой степени: в нем есть немного метеоритного железа. Боюсь, однако, нам от этого не легче. Магнит может извлечь все железо, но на пыль в целом не повлияет.

— И все-таки попробуем, — Лоуренс сделал еще пометку.

В душе главного таилась надежда — хоть и очень слабая, — что в этом соревновании умов родится какая-нибудь блестящая идея, фантастический на первый взгляд, но в основе разумный замысел, который разрешит его проблему. Да-да, его. Нравится это ему или нет, главный инженер через свои отделы и своих подчиненных отвечает за всю технику на этой стороне Луны. Особенно, когда с этой техникой что-нибудь приключается.

— Подозреваю, что главным препятствием будет материально-техническое обеспечение, — сказал диспетчер Клавия. — Все надо перевозить на пылекатах, а это значит самое малое два часа в оба конца, даже больше, если буксировать

тяжелый груз. И ведь сперва нужно собрать над пылеходом рабочую площадку, что-то вроде плота. Только на это уйдет целый день, и гораздо больше на переброску снаряжения.

— Включая временное жилье для спасателей, — добавил кто-то. — Они должны обосноваться на месте.

— Ну, это просто: как только плот будет готов, можно на нем поставить иглу.

— Для этого и плот не нужен. Иглу само удержится на поверхности.

— Вернемся к плоту, — сказал Лоуренс. — Потребуются прочные разборные узлы, которые можно собрать на месте. Какие предложения?

— Пустые бочки из-под горючего?

— Слишком большие и непрочные. Ладно, поищем что-нибудь на складе Технического отдела.

И так далее: мозговой трест продолжал свою работу. Лоуренс намеревался отвести на совещание еще полчаса. Потом он решит, как действовать. Нельзя затягивать разговор, когда каждая минута на счету и на карту поставлены человеческие жизни. С другой стороны, от скороспелых, непродуманных планов только вред; растратишь впустую усилия и материалы и все

дело погубишь…

На первый взгляд все очень просто. Пылеход найден, только сто километров отделяют его от великолепно оснащенной базы. Местонахождение «Селены» определено совершенно, точно, она лежит на глубине пятнадцати метров. Всего пятнадцать метров — но каких! За свою многолетнюю карьеру Лоуренсу редко приходилось сталкиваться с таким трудным препятствием.

Эта карьера может очень скоро оборваться. Если погибнут двадцать два человека, оправдаться ему будет нелегко.

Честное слово, жаль, что некому было видеть посадку «Ауриги» — это было славное зрелище. Из всех спектаклей, созданных человечеством, взлет и посадка космического корабля — самый внушительный, он уступает только еще более ярким плодам изобретательности ядерников. А когда эти маневры совершаются на Луне, где все происходит точно в замедленном фильме и в странном безмолвии, остается неизгладимое впечатление, как от причудливого сна.

Капитан Ансон не стал ломать голову над тонкостями навигации, тем более, что за горючее платил не он. В «Руководстве для капитанов» ничего не говорилось о том, как на космическом

лайнере совершать стокилометровые перелеты (подумать только: сто километров!), хотя математики несомненно с наслаждением засели бы рассчитывать на основе вариационного исчисления орбиту с наименьшим расходом горючего. Ансон просто махнул вверх на тысячу километров (тем самым автоматически вступали в действие предусмотренные Межпланетным кодексом дальние тарифы, о чем он предпочел пока не рассказывать Спенсеру), затем повернул обратно и пошел на посадку, ориентируясь по радару. Радар и вычислительная машина контролировали друг друга, а капитан Ансон контролировал их. Любой из трех мог самостоятельно справиться с задачей, так что все было и просто и надежно. Правда, непосвященному могло показаться иначе.

Это в полной мере относилось к Морису Спенсеру. Глядя на алчные пальцы голых пиков, журналист вдруг почувствовал острую тоску по зеленым холмам Земли. И зачем только он все это затеял? Будто нет более дешевого способа покончить с собой…

Особенно скверно ему было в состоянии невесомости между двумя периодами торможения. Что если тормозные ракеты не сработают по команде и корабль, постепенно ускоряя ход, будет падать

и падать, пока не разобьется о поверхность Луны? И нечего убеждать себя, что это пустые опасения, детские страхи — ведь случалось же такое, и не раз…

Но с «Ауригой» ничего не произошло. Грозная ярость тормозных двигателей выплеснулась на скалы, взметнув к небу пыль и космические наносы, которые лежали, ничем не потревоженные, три миллиарда лет. На миг корабль застыл в равновесии в каких-нибудь сантиметрах от грунта; затем огненные мечи, на которые он опирался, медленно, словно сопротивляясь, ушли в свои ножны. Широко расставленные ноги шасси коснулись камня, «ступни» повернулись, прилаживаясь к неровностям, и корабль чуть вздрогнул напоследок, прежде чем амортизаторы погасили остаточную энергию толчка.

Второй раз за двадцать четыре часа Морис Спенсер совершил посадку на Луне. Случай довольно редкий.

— Так, — сказал капитан Ансон, поднимаясь от пульта управления. — Надеюсь, вид отсюда вас устраивает. Он обойдется вам в кругленькую сумму, а ведь мы еще не говорили о сверхурочных. Профсоюз работников космоса…

— Вы просто бездушный человек, капитан! В

такую минуту морочить мне голову какими-то мелочами! Но если это не повлечет за собой новой наценки, позвольте поздравить вас с безупречной посадкой.

— Ну что вы, это заурядный маневр, — ответил капитан; однако он не смог скрыть своего удовольствия. — Кстати, распишитесь, пожалуйста, в судовом журнале… вот здесь, где указано время посадки.

— Это еще зачем? — насторожился Спенсер.

— Вы удостоверяете прибытие на место. Судовой журнал — наш главный юридический документ.

— Рукописный журнал? Уж больно это старомодно, — сказал Спенсер. — Я думал, в наши дни все делает электроника.

— Традиция, — ответил Ансон. — Конечно, самописцы включены все время, пока работают двигатели, по ним всегда можно восстановить полет. Но только в журнале капитана вы найдете маленькие особенности, которые отличают одно путешествие от другого. Скажем: «Утром у одной из пассажирок четвертого класса родились близнецы». Или: «После шести склянок справа по борту показался Белый Кит».

— Беру свои слова назад, капитан, — сказал

Спенсер. — У вас есть душа.

Он расписался в журнале и прошел к иллюминатору.

Только в рубке управления, на высоте ста пятидесяти метров над грунтом, были смотровые окна. Глазам репортера предстал великолепный вид. С северной стороны, наполовину закрыв небо, высились верхние ярусы Гор Недоступности. Но это название уже устарело: ведь он проник сюда. И раз корабль здесь, недурно бы заодно сделать что-нибудь для науки, хотя бы собрать образцы пород. Газета газетой, но Спенсеру очень хотелось бы что-нибудь открыть. Самый пресыщенный впечатлениями человек не устоит перед соблазном проникнуть в тайны невиданного и неизведанного.

На юг километров на сорок простерлось Море Жажды. Безупречно гладкая серая дуга занимала больше половины поля зрения. Но Спенсера занимало то, что находилось всего в пяти километрах от гор.

С высоты двух тысяч метров он в обычный бинокль отчетливо видел металлический шест — оставленный Лоуренсом ориентир, который теперь связывал «Селену» с внешним миром. Ничего особенного, маленький шип торчит над

безбрежной равниной… Но было что-то волнующее в этой выразительной простоте. Отличный вступительный кадр — символ одиночества человека в огромной враждебной вселенной, которую он пытается покорить. Через несколько часов эта равнина оживет, а пока шест вполне годится как «заставка», на фоне которой телекомментаторы будут обсуждать план спасательных работ, заполняя паузы подходящими интервью. Но это уже не его забота, ребята в Клавии и на телестудии на Земле придумают, как подать материал. Дело Спенсера поставлять им кадры из своего «орлиного гнезда». Идеальная прозрачность почти полного вакуума и мощный объектив с переменным фокусным расстоянием поможет показать крупным планом все подробности операции.

Морис Спенсер поглядел на юго-запад. Солнце лениво ползло вверх. Впереди почти две недели дневного света, по земному счету, так что за освещением дело не станет. Сцена готова.

Глава 17

Главный администратор Ульсен не любил шума, считал за лучшее управлять тихо (но эффективно), из-за кулис, предоставляя общительным малым, вроде начальника «Лунтуриста», толковать с репортерами. Тем большее впечатление производили его редкие выходы на сцену. Разумеется, он это учитывал.

Сейчас на Ульсена смотрели миллионы людей. Правда, двадцать два человека, к которым он обращался в первую очередь, не могли его увидеть, так как «Селену» не сочли нужным оснастить телевизором, но голос администратора звучал достаточно убедительно. Они услышали то, что им хотелось знать.

— Алло, «Селена», — говорил главный администратор. — Я хочу сказать вам, что все средства Луны мобилизованы, чтобы выручить вас. Наши инженеры и техники работают круглые сутки. За операцию отвечает мистер Лоуренс, главный инженер Эртсайда; я вполне полагаюсь на него. Сейчас он в Порт-Рорисе, там готовят специальное снаряжение, которое необходимо для спасательных работ. Решено — и вы, конечно,

согласитесь с этим, — прежде всего пополнить ваши запасы кислорода. Для этого мы собираемся опустить трубы: это можно быстро сделать. Кстати, трубы позволят нам снабжать вас не только кислородом, но, если понадобится, и водой, и продовольствием. Следовательно, как только заработает трубопровод, вашим тревогам конец. Понадобится еще какое-то время, чтобы добраться до корабля и вызволить вас, но вы будете уже в безопасности. Ждите спокойно, не волнуйтесь. Я заканчиваю, вы можете использовать этот канал для переговоров с вашими близкими. Досадно, что вам пришлось перенести столько лишений и тревог, но теперь это все позади. Через день-два вы будете наверху. Счастливо!

Едва администратор кончил говорить, кабина «Селены» загудела от голосов. Ульсен достиг своей цели: несчастный случай превратился для пассажиров в увлекательное приключение, на всю жизнь хватит рассказывать друзьям и знакомым. Один Пат Харрис хмурился.

— Что-то наш главный слишком уж уверенно говорил, — сказал он коммодору Ханстену. — У нас на Луне это не принято: как раз нарвешься на сюрприз.

— Я вас отлично понимаю, — ответил коммо-

дор. — Но не будем его упрекать, он заботится о нашем настроении.

— Что ж, настроение отличное. Особенно теперь, когда можно говорить с родными и близкими.

— Кстати: среди пассажиров есть человек, который еще не отправил и не получил ни одной радиограммы. Больше того, он вроде и не собирается ничего посылать.

— Кто же это?

Ханстен совсем понизил голос.

— Редли, новозеландец. Вон сидит, притаился в углу. Не знаю почему, но он мне не нравится.

— Может, у бедняги просто нет никого на Земле?

— Не поверю, чтобы у человека, которому по карману билет на Луну, вовсе не было друзей, — возразил коммодор. Смущенная улыбка на миг разгладила морщины его лица. — Кажется, я становлюсь циником… И все-таки предлагаю присматривать за мистером Редли.

— Вы уже говорили о нем Сью… э, мисс Уилкинз?

— Это она обратила мое внимание на него.

«Я мог бы и сам догадаться, — одобрительно подумал Пат. — Она все примечает».

Теперь, когда будущее выглядело не так мрачно, Пат Харрис всерьез призадумался над своим отношением к Сью и над тем, что она ему говорила. Он и прежде влюблялся, но это нечто совсем другое. Познакомились они больше года назад. Сью сразу ему понравилась, однако до сих пор между ними ничего не было. Как же она все-таки относится к нему? Уже жалеет о маленьком происшествии в переходной камере — или это для нее вообще ничто? Она может заявить (и он тоже, коли на то пошло), что их поцелуй ничего не значит, это был минутный порыв перед лицом смертельной опасности. Забылись, только и всего.

А если нет? Если все дело в том, что напряжение последних дней помогло им стать самими собой?... Как убедиться в этом? Только время даст ему ответ. Может быть, и есть безошибочный научный способ определить, когда ты любишь по-настоящему, но Пат о нем пока что не слыхал...

Около пирса, от которого четыре дня назад отошла «Селена», глубина лунной пыли достигала всего двух метров, но для этого опыта больше и не требовалось. Если наскоро созданное устройство выдержит испытание здесь, можно использовать его и в открытом море.

Из окна космопорта Лоуренс смотрел, как его люди в скафандрах собирают плот из алюминиевых полос и балок — материал, применяемый почти во всех конструкциях на Луне.

Что ни говори, в известном смысле Луна — рай для инженера. Малое тяготение, нет ни ржавчины, ни коррозии, не надо опасаться капризов климата — никаких ветров, дождей, колебаний температуры. Благодаря этому сразу отпадало множество препятствий, которые осложняют жизнь строителям на Земле. Конечно, у Луны есть зато свои особенности: например, двухсотградусный ночной мороз, пыль, с которой они теперь сражаются.

Легкий остов плота покоился на двенадцати металлических цистернах с четкой надписью:

«ЭТИЛОВЫЙ СПИРТ. ПУСТЫЕ ЦИСТЕРНЫ ПРОСЬБА ВОЗВРАЩАТЬ НА ТОВАРНУЮ БАЗУ № 3, КОПЕРНИК».

Сейчас в цистернах был вакуум, и каждая из них могла поднять две лунные тонны.

Сборка шла быстро. Лоуренс сказал себе, что надо позаботиться о запасе болтов и гаек. На глазах у него штук пять-шесть упали в пыль, и она тотчас их поглотила. Так, теперь и ключ

туда же… Придется отдать приказ, чтобы весь инструмент привязывали к плоту, как бы это ни мешало работе.

Пятнадцать минут. Неплохо, учитывая, что люди работают в вакууме и их движения затруднены скафандрами. Плот можно нарастить в любом направлении, но для начала и этого довольно. Одна эта секция поднимет больше двадцати тонн, а эти двадцать тонн надо еще перебросить к месту катастрофы!

Отметив, что здесь все в порядке, Лоуренс покинул здание космодрома; помощники проследят за разборкой. Пять минут спустя (одно из преимуществ Порт-Рориса — за пять минут можно было попасть в любую его точку) он вошел в помещение механической мастерской. Тут его ждало гораздо менее утешительное зрелище.

На козлах лежал макет площадью в два квадратных метра. Он в точности воспроизводил часть крыши «Селены», не было только тонкого слоя алюминизированной ткани, отражающей солнечные лучи, — она не могла повлиять на исход опыта.

А опыт был предельно прост, для него потребовалось всего три компонента: острый ломик, кувалда и огорченный механик, который, как

ни старался, до сих пор не мог пробить ломом макет.

Всякий, кто немного знает условия на Луне, тотчас поймет причину неудачи: вес кувалды, естественно, составлял лишь одну шестую часть земного; вот почему — тоже естественно — сила удара была во столько же раз меньше.

Совершенно неверное рассуждение! Неспециалисту очень трудно постичь разницу между весом и массой; кстати, это не раз приводило к несчастным случаям. Вес — непостоянное свойство, его можно менять, путешествуя из одного мира в другой. На Земле эта же кувалда будет в шесть раз тяжелее, чем на Луне, на Солнце — почти в двести раз, в космосе она окажется невесомой.

Но повсюду, во всей вселенной ее масса или инерция останутся неизменными. Усилие, нужное для того, чтобы придать кувалде определенную скорость, и удар при ее остановке всюду и всегда будут одинаковы. На астероиде, где почти нет тяготения и кувалда окажется легче перышка, она раздробит камень так же основательно, как на Земле.

— В чем дело? — спросил Лоуренс.

— Крыша сильно пружинит, — ответил меха-

ник, вытирая потный лоб. — Ломик отскакивает, и все.

— Ясно… Но у нас будет пятнадцатиметровая труба, со всех сторон сжатая пылью. Может быть, это погасит отдачу?

— Может быть. Но вы посмотрите сюда…

Они присели около макета и заглянули снизу. Начерченные мелом линии показывали, как идут вдоль потолка электропровода, которые лучше не задевать.

— Этот фиброглас очень упругий, правильного отверстия не получится. Он трескается и крошится. Видите, вот уже трещины побежали. Боюсь, мы таким способом изуродуем всю крышу.

— А этого нельзя допустить, — согласился Лоуренс. — Ладно, отставить. Раз нельзя пробить, будем бурить. На конец трубы навинтим бур так, чтобы его было легко снять. Кстати, трубопроводы готовы?

— Почти готовы, тут все оборудование стандартное, изобретать ничего не надо. Через два-три часа закончим.

— Я приду через два часа, — сказал Лоуренс.

Он не стал добавлять, как сделал бы иной на его месте: «И чтобы к этому времени все было сделано». Его люди делали, что могли. Ни кнутом,

ни пряником не заставишь опытных и добросовестных работников трудиться быстрее, чем позволяют их силы. Тут подгонять бесполезно; к тому же до срока, определяемого запасом кислорода на «Селене», еще оставалось три дня. Через несколько часов, если все будет в порядке, этот срок отодвинется на неопределенное время.

Коммодор Ханстен первым обнаружил грозную опасность, которая исподволь подкралась к ним. Однажды он уже встречался с ней, — когда его на Ганимеде подвел скафандр. Этот случай коммодор предпочитал не вспоминать, но и забыть не мог.

— Пат, — тихо заговорил он, удостоверившись, что их никто не слышит. — Вы заметили, стало труднее дышать?

Пат ответил не сразу:

— Теперь, когда вы сказали, чувствую. Это, наверное, из-за жары.

— Я тоже так подумал сперва. Но потом, смотрю, знакомые симптомы, особенно это учащенное дыхание. Нам грозит углекислое отравление.

— Этого не может быть. У нас кислорода еще на три дня, только бы очистители не отказали.

— Боюсь, как раз это и произошло. Как удаляется углекислый газ на «Селене»?

— Обыкновенные химические поглотители. Простое и надежное устройство, оно никогда не подводило.

— Понимаю, но ему еще никогда не приходилось работать в таких условиях. Видимо, жара повлияла на химикалии. Есть какой-нибудь способ проверить их?

Пат покачал головой.

— Нет. В тот отсек можно попасть только снаружи.

— Сью, милочка, — произнес усталый голос (неужели это миссис Шастер?), — у вас нет ничего от головной боли?

— Если есть, — подхватил другой пассажир, — уделите и мне тоже.

Пат и коммодор переглянулись. Классические симптомы, прямо по учебнику…

— Сколько, по-вашему, времени нам осталось? — тихо спросил Пат.

— От силы два-три часа. Лоуренс и его люди смогут добраться до нас в лучшем случае через шесть часов.

И тут Пат понял, что по-настоящему любит Сью Уилкинз: в первый миг он ощутил не страх за свою жизнь, а досаду и горечь — Сью столько вынесла, и вот теперь, когда спасение уже близко,

она должна умереть...

Глава 18

Проснувшись в незнакомой комнате, Том Лоусон в первый миг не мог понять не только, где он, но и кто он. Ощущение веса подсказало ему, что он не на «Лагранже». Но и не на Земле, тяготение слишком мало. Значит, это не сон: он на Луне. И уже побывал в этом гиблом Море Жажды…

И помог найти «Селену»; благодаря его голове и рукам двадцать два человека уже не обречены на смерть. Сколько обид и огорчений пришлось пережить, зато теперь наконец-то сбываются его мечты о славе. Мир долго пренебрегал им, теперь лишения возместятся.

Что из того, что общество дало Тому знания, которые сто лет назад мало кому были доступны! Это давно стало правилом, каждый ребенок получает образование, отвечающее его задаткам и склонностям. Поощрять и развивать все дарования стало необходимо для цивилизации, любой иной подход был бы равносилен самоубийству. И Тому не приходило в голову благодарить общество за свою докторскую степень: оно о себе же заботилось.

Все же в это утро Том Лоусон без прежней го-

речи и цинизма думал о жизни и о людях. Успех и признание — великие целители души, а он мог рассчитывать и на то, и на другое. Но еще важнее оказалось для него иное: на «Пылекате-2», когда страх и сомнения едва не сломили Тома, он соприкоснулся и сотрудничал с человеком, которого мог уважать за ум и мужество.

Правда, длилось это недолго, и, может быть, ниточка быстро оборвется, как не раз случалось в прошлом. Отчасти Тому даже хотелось, чтобы так вышло, хотелось еще раз удостовериться, что все люди подлые, зловредные эгоисты. Он не мог забыть своего детства, совсем как Чарльз Диккенс, в душе которого ни успехи, ни слава не могли стереть воспоминания о гуталинной фабрике, в прямом и переносном смысле омрачившей юные годы писателя. И хотя Том Лоусон теперь как бы заново начинал свой жизненный путь, ему еще предстояло пройти очень много, чтобы почувствовать себя полноправным и полноценным членом человеческого общества.

Приняв душ и одевшись, молодой астроном заметил на столе записку, оставленную Спенсером.

«Будьте как дома. Я вынужден срочно уйти. Меня здесь сменит Майк Грехем. Позвоните ему по телефону 34-43, как только проснетесь».

«Словно я мог позвонить до того, как проснулся», — сказал себе Том: его излишне логический ум любил цепляться за такие небрежности речи. Все же он выполнил просьбу Спенсера, героически подавив желание сперва заказать завтрак.

От Майка Грехема Том узнал, что проспал шесть чрезвычайно бурных часов в истории Порт-Рориса, что Спенсер отправился на «Ауриге» к Морю Жажды и что поселок кишит репортерами, большинство которых разыскивает доктора Лоусона.

— Оставайтесь на месте, — сказал Грехем (имя и голос показались Тому знакомыми; вероятно, он видел его в один из тех редких моментов, когда включал лунное телевидение). — Я буду через пять минут.

— Но я умираю с голоду, — запротестовал Том.

— Позвоните в бюро обслуживания и закажите, что вам хочется, — мы платим, — только не выходите из номера.

Том не обиделся на этот бесцеремонный нажим, который лишний раз подтверждал, что он теперь важная фигура. Его гораздо больше возмутило то, что Майк Грехем поспел намного раньше, чем заказанный Томом завтрак (любой житель Порт-Рориса мог бы ему это предсказать). И пришлось астроному перед миниатюрной теле-

камерой Майка на голодный желудок объяснять двумстам (пока что только двумстам) миллионам зрителей, как он сумел обнаружить «Селену».

Он отлично справился, и причиной тому были недавние события и голод. Еще несколько дней назад любой интервьюер, если бы ему вообще удалось уговорить Лоусона изложить перед камерой принцип инфракрасного поиска, потонул бы в потоке высокоученых фраз. Том выдал бы в пулеметном темпе лекцию, изобилующую терминами вроде «квантовой отдачи», «излучения черных тел» и «спектральной чувствительности», убедив аудиторию, что речь идет о крайне сложном предмете (и это совершенно верно), которого неспециалисту не понять (что вовсе не отвечает истине).

Теперь же молодой ученый, несмотря на колики в желудке, обстоятельно и даже терпеливо ответил на вопросы Майка Грехема, подбирая слова, понятные большинству. Для всех представителей астрономической науки, которым в разное время довелось испытать на себе когти Тома, это было подлинным откровением. Сидя у себя на «Лагранже-2», профессор Котельников, когда кончилась передача, одной фразой выразил чувства своих коллег:

— Честное слово, я его не узнаю!

Немалый подвиг — втиснуть в переходную камеру «Селены» семь человек, но, как это уже показал Пат, больше негде было устроить тайное совещание. Остальные пассажиры, конечно, недоумевали, в чем дело. Скоро узнают…

Сообщение Ханстена встревожило участников совета, но в общем-то не очень их удивило. Они все были люди умные и сами кое о чем догадывались.

— Мы с капитаном Харрисом решили сперва поговорить с вами, — объяснил коммодор. — Вы самые выдержанные из пассажиров и достаточно сильные, чтобы помочь нам, если понадобится. От души надеюсь, что до этого не дойдет, но могут быть осложнения, когда я всем объявлю.

— И тогда?…— спросил Хардинг.

— Если кто-нибудь сорвется, скрутите его, — решительно ответил коммодор. — Когда вернемся в кабину, старайтесь держаться спокойно. Не подавайте виду, что ждете стычки, не то как раз вызовете ее. Ваша задача сразу пресекать панику, чтобы она не распространялась.

— По-вашему, это правильно, — сказал доктор Мекензи, — чтобы никто не смог даже… гм, передать что-нибудь родным на прощание?

— Мы об этом думали, но ведь на это сколько времени понадобится, и потом все окончательно падут духом. А нам нельзя тянуть. Чем быстрее мы все проведем, тем выше наши шансы.

— Вы верите, что у нас есть надежда на спасение? — спросил Баррет.

— Да, — ответил Ханстен, — хотя и не берусь сказать точно, насколько она велика. Больше вопросов нет? Брайен? Юхансон?... Тогда пошли.

Они вернулись в кабину и сели на свои места. Остальные смотрели на них с любопытством и растущей тревогой. Ханстен не стал тянуть.

— Я должен сообщить очень неприятную новость, — произнес он раздельно. — Видимо, все уже заметили, что стало трудно дышать, многие из вас жалуются на головную боль. Боюсь, виноват воздух. У нас еще достаточный запас кислорода, но все дело в том, что углекислый газ, который мы выдыхаем, скапливается в кабине. Почему — пока неизвестно. Я думаю, жара вывела из строя химические поглотители. Но даже если бы нам удалось найти причину, мы ничего не можем исправить.

Он остановился, чтобы перевести дух.

— Вот что нам предстоит: будет все труднее дышать, головная боль усилится. Я не хочу вас

обманывать. Как бы спасатели ни старались, они доберутся до нас не раньше, чем через шесть часов. А мы не можем столько ждать.

Кто-то ахнул. Ханстен сознательно не стал смотреть в ту сторону. И вдруг в кабине раздался протяжный храп с присвистом. В другой обстановке этот звук, вероятно, вызвал бы общий смех… Счастливая миссис Шастер: она мирно, хотя и не очень тихо, спала.

Коммодор наполнил легкие воздухом. Становилось все труднее говорить.

— Будь наше положение совсем безнадежным, — продолжал он, — я бы просто промолчал. Но у нас еще есть возможность, и придется ею воспользоваться. Это не очень приятно, да выбора нет. Мисс Уилкинз, дайте мне, пожалуйста, ампулы со снотворным.

В мертвой тишине — даже храп миссис Шастер прекратился — стюардесса вручила коммодору металлическую коробочку. Ханстен открыл ее и взял маленький белый цилиндр, напоминающий сигарету.

— Видимо, вам известно, — сказал он, — что правила предписывают всем космическим кораблям держать это средство в своих аптечках. Оно безболезненное и усыпляет на десять часов.

Это может нас спасти, так как во сне дыхание замедляется наполовину. Мы вдвое растянем наш запас воздуха. Будем надеяться, что за это время спасатели пробьются к нам. Но кто-то один должен бодрствовать, поддерживать с ними связь. Лучше даже двое. Во-первых, капитан Харрис; думаю, никто не станет возражать.

— А второй, очевидно, вы? — прозвучал достаточно знакомый голос.

— Мне жаль вас огорчать, мисс Морли, — сказал коммодор Ханстен, нисколько не сердясь (к чему затевать перепалку, когда все решено), — но чтобы не было недоразумений…

И прежде чем кто-либо успел понять, что происходит, он прижал ампулу к руке ниже локтя.

— До свидания через десять часов, — раздельно произнес Ханстен, сел в ближайшее кресло и погрузился в забытье.

«Теперь мне распоряжаться», — подумал Пат, вставая. Его так и подмывало сказать несколько «теплых» слов мисс Морли, но тут же он сообразил, что только испортит впечатление от мудрого поступка коммодора.

— Я капитан этого судна, — сказал он твердо. — С этой минуты я командую.

— Только не мной, — отпарировала неукроти-

мая мисс Морли. — Я заплатила за билет, у меня есть права. И я наотрез отказываюсь воспользоваться этими штуками.

Ну и характер, черт бы ее побрал! Пат с ужасом представил себе, что будет, если она настоит на своем. Десять часов наедине с мисс Морли, и больше не с кем словом перемолвиться…

Он обвел взглядом пятерых «блюстителей порядка». Ближе всех к мисс Морли сидел инженер с Ямайки, Роберт Брайен. Он только ждал знака, чтобы действовать, но Пат все еще надеялся избежать серьезных трений.

— Не стану спорить о правах, — сказал он, — но если вы прочтете, что напечатано мелким шрифтом на ваших билетах, то убедитесь: в аварийных случаях я могу требовать беспрекословного подчинения. И ведь это только в ваших интересах. Лично я предпочел бы спать, ожидая спасателей.

— И я тоже, — неожиданно вступил профессор Джаяварден. — Коммодор прав, это поможет нам сберечь воздух. Другого выхода просто нет. Мисс Уилкинз, дайте мне ампулу, пожалуйста!

Спокойная логика его слов помогла умерить страсти, тем более, что профессор легко и быстро уснул. «Двое готовы, осталось восемнадцать», — мысленно отметил Пат.

— Не будем терять времени, — произнес он вслух. — Вы сами убедились, эти штуки не причиняют никакой боли. В каждой заключен миниатюрный подкожный инъектор, вы не почувствуете даже малейшего укола.

Сью уже начала раздавать безобидные на вид цилиндрики, и некоторые пассажиры не замедлили их использовать — Ирвинг Шастер (он с трогательной осторожностью прижал ампулу к руке спящей жены), за ним загадочный мистер Редли. Остается пятнадцать… Кто следующий?

Сью подошла к мисс Морли. «Внимание, — сказал себе Пат, — если она еще настроена скандалить…» Так и есть.

— Разве я недостаточно ясно сказала, что не приму никаких снадобий? Уберите эту штуку.

Роберт Брайен привстал, но тут раздался насмешливый голос Девида Баррета.

— Я объясню вам, в чем дело, капитан, — сказал он, с явным наслаждением выпуская стрелу в цель. — Почтенная леди опасается, как бы вы не воспользовались ее беспомощностью.

На мгновение мисс Морли онемела от ярости, щеки ее вспыхнули алым румянцем.

— Никогда еще меня так не оскорбляли… — вымолвила она наконец.

— Меня тоже, мадам, — добавил Пат.

Она обвела взглядом обращенные к ней лица. Большинство пассажиров сохраняли серьезность, но некоторые язвительно улыбались. И мисс Морли поняла, что остается только одно.

Она поникла в своем кресле. Пат облегченно вздохнул. С остальными будет проще… Вдруг он заметил, что миссис Уильямс, день рождения которой отметили так скромно несколько часов назад, оцепенело уставилась на зажатую в руке ампулу. Страх сковал ее. Супруг, сидящий рядом, уже уснул. Не очень-то галантно бросать подругу жизни на произвол судьбы, подумал Пат.

Прежде чем он успел что-либо придумать, вмешалась Сью.

— Извините меня, миссис Уильямс, я ошиблась, дала вам пустую ампулу. Разрешите мне взять ее…

Все было проделано чисто, как фокус на сцене. Сью взяла — или сделала вид, что взяла, — ампулу из безвольных пальцев миссис Уильямс, незаметно коснулась запястья испуганной женщины, и та погрузилась в сон.

Половина пассажиров спит. Откровенно говоря, Пат не ожидал, что все пройдет так гладко. Коммодор зря беспокоился, «карательный отряд»

оказался ненужным.

Мгновением позже капитан Харрис понял, что поторопился радоваться. Нет, коммодор знал, что делал. Мисс Морли была не единственным трудным пациентом.

Не меньше двух лет минуло с тех пор, как Лоуренс в последний раз входил в иглу. Тогда он был начинающим инженером, работал на строительстве и неделями жил в иглу, забывая, что такое стены настоящего дома. Разумеется, с тех пор многое усовершенствовано. Теперь в жилище, которое умещалось в чемодане, можно было устроиться очень уютно.

Перед ним стоял один из последних образцов, марки «Гудьир XX», на шесть человек. Время пребывания в иглу не ограничено. Лишь бы подавали электрический ток, воду, продовольствие и воздух, остальное входит в комплект. Конструкторы даже о развлечениях позаботились: есть микробиблиотечка, радио- и видеоаппаратура. И это вовсе не излишняя роскошь, что бы ни твердили ревизоры. В космосе скука может в самом прямом смысле слова стать смертельной. Она убивает не так быстро, как, скажем, неисправный воздухопровод, но так же безотказно, и смерть может быть куда более страшной…

Лоуренс пригнулся, входя в переходную камеру. Вспомнились старые иглу, в которые забирались буквально на четвереньках. Дождавшись сигнала «давление уравнено», он шагнул в главную полусферу.

Все равно что очутиться внутри воздушного шара — и ведь по сути дела это так и есть. Он видел только часть интерьера: помещение было разгорожено легкими ширмами. (Тоже усовершенствование; прежде можно было уединиться лишь в одном месте — за занавеской, отгораживающей туалет). Над головой, на высоте трех метров свисали с потолка на эластичных шнурах светильники и установки искусственного климата. Вдоль плавно изгибающейся стены выстроились складные металлические стеллажи. Еще не выпрямлены полностью… За ближайшей ширмой чей-то голос медленно читал опись инвентаря, другой голос через несколько секунд отвечал: «Есть».

Лоуренс обогнул ширму и очутился в спальной секции. Двухэтажные койки тоже не установлены как следует. И незачем: сейчас идет проверка, все ли в наличии. Затем иглу сложат и немедленно перебросят к месту спасательных работ.

Лоуренс не стал мешать. Нудное дело, но необ-

ходимое (кстати, на Луне много таких дел). Малейшая ошибка здесь может потом стоить кому-нибудь жизни.

Когда проверка кончилась, главный инженер спросил:

— Это самое большое иглу у вас на складе?

— Самое большое, которым можно пользоваться, — последовал ответ. — Есть еще «Гудьир XIX» на двенадцать человек, но с проколом во внешней оболочке, который надо заделать.

— Сколько времени займет починка?

— Несколько минут. Но чтобы выдать его со склада, мы обязаны испытать его — двенадцать часов в рабочем виде.

Иногда человек, установивший правила, вынужден их нарушать.

— Мы не можем ждать столько. Наложите двойную заплату и быстро проверьте на утечку. Если она окажется в допустимых пределах, выдайте иглу. Я подпишу документы.

Риск невелик, а большое иглу может пригодиться, Оно должно защитить от холода и вакуума двадцать два человека, когда их поднимут на поверхность. Не держать же всех в скафандрах до самого Порт-Рориса. «Бип-бип» — пропищало у Лоуренса над левым ухом. Он нажал тумблер

на поясе.

— Главный инженер Эртсайда слушает.

— Сообщение с «Селены», — доложил слабый, но отчетливый голос. — Весьма срочно, у них осложнения.

Глава 19

До сих пор Пат как-то не замечал пассажира, который сидел, скрестив руки на груди, в кресле 3-Д у окна. Пришлось даже напрячь память, чтобы вспомнить его фамилию. Билдер, что ли?… Нет, Бальдур, Ханс Бальдур. На первый взгляд — образец спокойного, дисциплинированного туриста.

Да он и теперь держался спокойно, но образцом его уже нельзя было назвать: Бальдур не спал. Он сидел с каменным лицом., словно не замечал ничего вокруг, и только щека подергивалась, выдавая его состояние.

— А вы чего ждете, мистер Бальдур? — спросил Пат Харрис нарочито ровным голосом. Хорошо, есть на кого опереться морально и физически… Нельзя сказать, чтобы Бальдур выглядел силачом, но мускулы уроженца Луны могут подвести Пата, если дойдет до потасовки.

Бальдур только мотнул головой, продолжая упорно глядеть в окно, — точно мог увидеть в нем что-либо кроме своего собственного отражения.

— Вы не заставите меня принять эту дрянь, я отказываюсь, — произнес он с заметным акцентом.

— Я и не собираюсь вас заставлять, — ответил Пат. — Но разве вы не понимаете, что это делается для вас же? И для других. Что вас останавливает?

Бальдур помедлил, словно подыскивая слова.

— Это… это противоречит моим принципам, — сказал он наконец. — Вот именно. Моя религия не позволяет мне соглашаться на инъекции.

Пат где-то слышал, что бывают люди щепетильные в таких вопросах. Но Бальдур? Нет. Этот человек говорит неправду. Почему?

— Разрешите мне задать вопрос? — прозвучал голос за спиной Пата.

— Разумеется, мистер Хардинг, — сказал Пат, надеясь, что тот его выручит.

— Вы говорите, мистер Бальдур, — сказал Хардинг таким тоном, словно продолжал допрашивать миссис Шастер (как давно это было!), — что не можете согласиться ни на какие инъекции. Но ведь вы не уроженец Луны, а попасть сюда, минуя карантинные власти, невозможно. Как же вы ухитрились избежать обязательных прививок?

Бальдур реагировал неожиданно бурно.

— Не ваше дело, — огрызнулся он.

— Совершенно верно, — любезно подтвердил Хардинг. — Я только хотел помочь разобраться.

— Он подошел к Бальдуру и протянул вперед левую руку. — Разрешите взглянуть на ваше свидетельство о прививках?

«Эх, оплошал», — сказал себе Пат. Будто можно без приборов прочесть магнитозапись на свидетельствах Межпланетного медицинского управления! Стоит Бальдуру сообразить это, и... Да, что он тогда предпримет?

Но Бальдур не успел ничего предпринять. Он все еще смотрел на левую ладонь Хардинга, когда тот сделал стремительное движение правой рукой. Пат даже не сразу понял, что произошло. Хардинг действовал так же расторопно, как незадолго перед этим Сью с миссис Уильямс. Правда, встреча ребра его правой ладони с шеей Бальдура произвела куда более сильное впечатление. Ловко — хотя Пату Харрису такая ловкость не нравилась.

— Это усмирит его на пятнадцать минут, — небрежно сказал Хардинг, глядя на поникшего в кресле Бальдура. — Дайте, пожалуйста, ампулу... Спасибо.

И он приложил ампулу к руке строптивца, уже усыпленного его ударом.

Опять я выпустил поводья из рук, подумал Пат. Он был благодарен Хардингу за распорядитель-

ность, но лучше бы она проявилась иначе.

— Что все это значит? — спросил он неуверенно.

Хардинг засучил левый рукав Бальдура и повернул его руку: кожа запястья была испещрена сотнями уколов.

— Знаете, что это такое? — тихо спросил он.

Пат кивнул. Пороки старушки Земли добирались до Луны с разной скоростью, но в конечном счете все добрались.

— Не удивительно, что этот бедняга не хотел сознаться. Ему внушили отвращение к уколам. Судя по меткам, лечение началось совсем недавно. Надеюсь, я не испортил ему все дело. Ничего, лишь бы жив остался.

— Как же его пропустил карантин?

— Для таких есть специальный отдел. Врачебная тайна: чтобы можно было сделать прививки, гипнотизер временно отменяет внушенный запрет. Этих наркоманов больше, чем вы думаете, а путешествие на Луну входит в курс лечения. Так сказать, перемена обстановки.

Пату хотелось выяснить еще кое-что, но они и без того потеряли немало драгоценных минут. Слава богу, все пассажиры, кроме «блюстителей порядка», уже погрузились в сон.

Должно быть, наглядный урок дзюдо (или как там это называется) пошел им на пользу…

— Я вам больше не нужна, — сказала Сью, улыбаясь через силу. — Пока, Пат. Разбуди меня, когда все кончится.

— Когда кончится, разбужу, — обещал он, бережно опуская ее на пол между креслами. И добавил, видя, что глаза Сью закрылись: — Или никогда.

Несколько секунд Пат смотрел на нее, потом взял себя в руки и выпрямился. Он упустил возможность сказать Сью все то, что хотел. И, быть может, навсегда.

Горло пересохло; судорожно глотая, капитан Харрис повернулся к пятерке бодрствующих. Предстояло решить еще одну задачу, и Девид Баррет не замедлил ее назвать.

— Ну, капитан, — сказал он. — Не заставляйте нас гадать… Кого вы выбрали себе в товарищи?

Пат дал каждому по ампуле.

— Спасибо всем за помощь, — ответил он. — А на ваш вопрос… Я знаю, это может показаться мелодрамой, но так будет лучше: из этих пяти ампул только четыре заряжены.

— Надеюсь, моя в том числе, — сказал Баррет.

Он угадал. Хардинг, Брайен, Юхансон тоже

мгновенно уснули.

— Ясно, — произнес доктор Мекензи. — Мне водить. Польщен вашим выбором. Или это получилось случайно?

— Прежде чем я отвечу вам, — сказал Пат, — надо доложить в Порт-Рорис, что у нас произошло.

Короткий доклад капитана Харриса вызвал замешательство в Порт-Рорисе. Немного погодя включился главный инженер Лоуренс.

— Вы правильно поступили, — сказал он, выслушав Пата. — Даже если все будет идти гладко, раньше чем через пять часов нам до вас не добраться. Продержитесь?

— За нас двоих ручаюсь, — ответил Пат. — У нас есть кислородный баллон от скафандра. А вот пассажиры…

— Вам остается только одно: наблюдать за их дыханием и когда надо подкреплять их глотком кислорода. Мы здесь все силы приложим. Что-нибудь еще?

Пат несколько секунд подумал.

— Нет, — устало ответил он. — Буду вызывать вас каждые четверть часа. Все.

Он встал медленно, усталость и углекислое отравление давали себя знать, и обратился к Мекензи:

— Ну-ка, доктор, помогите мне со скафандром.

— А ведь я совсем про него забыл, вот голова!

— А я боялся, как бы кто из пассажиров не вспомнил. Они не могли не видеть его, когда шли через переходную камеру. Но так уж повелось, люди не примечают того, что у них под носом.

Всего пять минут понадобилось, чтобы отделить от скафандра банки с поглотителем и баллон с суточным запасом кислорода. Дыхательный аппарат намеренно был сконструирован в расчете на быструю разборку, чтобы его можно было применить для искусственного дыхания. В который раз Пат мысленно воздал должное выдумке и дальновидности инженеров и техников, создавших «Селену». Кое-что можно еще усовершенствовать, есть маленькие упущения, но это сущие пустяки.

В сером металлическом баллоне был заключен целый день жизни. Двое — единственные бодрствующие на борту — поглядели друг на друга и почти одновременно произнесли:

— Сперва вы.

Сдержанно усмехнулись, потом Пат сказал:

— Хорошо, не буду спорить.

И поднес маску к лицу.

Кислород… Будто свежий морской бриз после

душного летнего дня или дыхание горных сосен ворвалось в застойный воздух теснины! Пат не торопясь сделал четыре глубоких вдоха, сильно выдыхая, чтобы очистить легкие от углекислого газа. И, будто трубку мира, передал дыхательный аппарат Мекензи.

Четыре вдоха вернули капитану силы и смели паутину, которая уже было начала затягивать его мозг. Или это чисто психологическое действие? Разве могут несколько кубических сантиметров кислорода так сильно повлиять? Как бы то ни было, он чувствовал себя новым человеком. Можно выдержать пять часов, даже больше.

Десять минут спустя Пат совсем приободрился: все спящие дышали нормально — медленно, но ровно. Дав каждому вдохнуть кислорода, он опять вызвал Базу.

— Я «Селена», докладывает капитан Харрис. Мы с доктором Мекензи в полном порядке, пассажиры тоже. Остаюсь на приеме, вызову вас снова в условленное время.

— Вас понял. Погодите немного, с вами хотят говорить представители агентств.

— Простите, — ответил Пат, — я уже сообщил все, что мог, и у меня на руках двадцать человек. «Селена» кончила.

Разумеется, это был только предлог, и притом малоубедительный. Пат Харрис сам не понимал, почему к нему прибег. Так, нашло что-то, вдруг ощутил приступ совсем не свойственного ему озлобления: «Не дадут уж и умереть спокойно!» Знай Пат, что всего в пяти километрах стоит наготове телевизионная камера, он, наверное, говорил бы еще более резко.

— Вы не ответили на мой вопрос, капитан, — терпеливо напомнил доктор Мекензи.

— Какой вопрос? Ах, да! Нет, это не было случайно. Мы с коммодором решили, что из всех пассажиров вы самый полезный для дела человек. Вы ученый, вы раньше всех заметили опасность перегрева — и сохранили это в тайне, когда мы вас попросили.

— Ясно, постараюсь оправдать доверие. Я сейчас чувствую себя очень бодро. Должно быть, кислород подстегивает. Весь вопрос в том, надолго ли его хватит?

— Если считать двоих — на двенадцать часов. За это время пылекаты должны подойти. Но нам придется, наверное, уделить большую часть кислорода другим… Может, и не хватить…

Они сидели, скрестив ноги, на полу возле водительского кресла, баллон стоял между ними. То

один, то другой подносил к лицу маску. Два вдоха — все. «Никогда не думал, — сказал себе Пат, — что окажусь участником самой избитой сцены телевизионных спектаклей из космической жизни». К сожалению, это слишком часто случалось в действительности, чтобы казаться забавным. Особенно, когда сам попал в переделку.

Оба (и уж во всяком случае кто-нибудь один) могли рассчитывать на спасение, стоило только махнуть рукой на остальных. Не выйдет ли так, что, стараясь спасти двадцать своих товарищей, они погубят и себя?

Логика против совести. Спор отнюдь не новый, возможный не только в космическом веке, а древний, как человечество. Как часто в прошлом отрезанные от всех группы людей оказывались под угрозой смерти из-за недостатка воды, пищи или тепла. Теперь не хватает кислорода, но суть все та же.

Подчас не выживал никто, иногда спасалась горсточка людей, которые затем до конца жизни искали самооправдания. Что думал Джордж Поллард, капитан китобойца «Эссекс», когда ходил по улицам Нантукета, обремененный грехом людоедства? Пат ничего не знал об этой истории, происшедшей двести лет назад; мир, в котором

он жил, был слишком занят созданием собственных легенд, чтобы занимать предания у Земли.

Но Пат Харрис принял решение. И он знал, что для Мекензи тоже нет иного выбора. Ни тот, ни другой не были способны убить товарища из-за последнего глотка кислорода. А если дойдет до схватки…

— Чему вы улыбаетесь? — спросил Мекензи.

Пат расслабил непроизвольно напрягшиеся мышцы. От одного вида этого плечистого австралийского ученого делалось тепло и спокойно на душе. Он совсем, как Ханстен, хотя намного моложе коммодора. Есть такие люди — вы сразу проникаетесь к ним доверием, чувствуете, что на них можно положиться.

— Говоря начистоту, — сказал Пат, кладя на пол маску, — я подумал о том, что вряд ли смог бы вам помешать, если бы вы решили забрать баллон себе.

Лицо Мекензи отразило недоумение, потом и он улыбнулся.

— Это у вас, уроженцев Луны, просто какое-то чувствительное место…

— Меня это никогда не трогало, — возразил Пат. — Все-таки мозг важнее силы. И ведь не моя вина, что я вырос в гравитационном поле,

которое в шесть раз слабее вашего. Кстати, как вы определили, что я уроженец Луны?

— Во-первых, ваше телосложение. Все селениты высокие и тонкие. И цвет кожи: никакие кварцевые лампы не заменят настоящего солнца.

— Да уж, вы не можете пожаловаться на загар, — ухмыльнулся Пат. — Ночью вас и не заметишь, пока не столкнешься! Между прочим, откуда у вас такая фамилия — Мекензи?

Пат Харрис только понаслышке знал о расовых предрассудках, еще не изжитых полностью на Земле, и спросил совершенно спокойно, без какой-либо задней мысли.

— Миссионеры осчастливили ею моего деда, когда крестили его. Не думаю, чтобы в этой фамилии был заключен какой-либо намек на мое… э-э-э… происхождение. Насколько мне известно, я чистокровный або.

— Або?…

— Абориген. Наш народ населял Австралию до того, как туда явились белые. Последующие события были довольно печальны.

Пат был не очень сведущ в земной истории; подобно большинству селенитов, он считал, что до 7 ноября 1967 года, когда русские столь эффектно отпраздновали пятидесятилетие своей

революции, вообще не было великих событий.

— Очевидно, началась война?

— Какая там война… У нас были копья и бумеранги, у них — ружья. А туберкулез, а венерические заболевания?… Нам понадобилось полтораста лет, чтобы оправиться от удара. Только после тысяча девятьсот сорокового года численность коренного населения снова стала расти. Теперь нас около ста тысяч, почти столько же, сколько было, когда к нам пожаловали ваши предки.

Мекензи сообщил эти сведения иронически-беспристрастно, без малейшего укора, но Пат все-таки решил снять с себя ответственность за злодеяния своих земных праотцов.

— Не порицайте меня за то, что происходило на Земле, — сказал он. — Я никогда там не был и не буду — не выдержу тяготения. Но я много раз смотрел на Австралию в телескоп. В душе я привязан к этой стране: мои родители взлетели в космос из Вумеры.

— А мои предки ее окрестили: «вумера» — праща для метания копья.

— Кто-нибудь из вашего народа, — Пат тщательно подбирал слова, — все еще живет в примитивных условиях? Кажется, в некоторых

частях Азии сохранились пережитки.

— Старый племенной уклад исчез. Это произошло довольно быстро, как только африканские государства принялись критиковать Австралию в ООН. Не всегда справедливо, на мой взгляд, но ведь я сам прежде всего австралиец, а уж потом абориген… И надо признать, мои белые соотечественники часто вели себя очень глупо. Например, называли нас умственно неполноценными. До конца прошлого столетия кое-кто из них смотрел на нас, как на дикарей каменного века. Спору нет, наша материальная культура и впрямь была примитивна, но о людях этого нельзя было сказать.

Казалось бы, не вовремя они затеяли обсуждать образ жизни, столь далекий от «Селены» во времени и пространстве. Но Пат не видел в этом ничего странного. Пять часов, если не больше, он и Мекензи должны гнать от себя сон и присматривать за двадцатью товарищами. Нужно как-то развлекать друг друга.

— Но если ваш народ не был примитивным — кстати, уж вас-то никак не назовешь дикарем, — откуда белые это взяли?

— Обыкновенная глупость плюс предубеждение и предвзятость. Проще всего сказать о

человеке, который не умеет считать, писать и чисто говорить по-английски, что он ограниченный. За примером ходить недалеко. Мой дед, первый Мекензи, дожил до двухтысячного года, но мог считать только до десяти. А полное затмение Луны он описывал так: «Керосиновая лампа Иисуса Христа совсем загнулась». Я могу выразить в дифференциальных уравнениях орбитальное движение Луны, но это не значит, что я умнее деда. Поменяйте нас во времени — может быть, он стал бы лучшим физиком, чем я. Разные обстоятельства и возможности, вот в чем дело. У деда не было случая научиться счету; мне не надо было растить семью в пустыне — труд нешуточный, требующий очень большого умения.

— Возможно, кое-что из навыков вашего деда пригодилось бы нам здесь, — задумчиво произнес Пат. — У нас ведь по сути дела та же задача — выжить в пустыне.

— Пожалуй, это сравнение подходит… Хотя вряд ли нам была бы польза от бумеранга и палочек для добывания огня. Разве что магические ритуалы? Увы, я их не знаю. К тому же сомневаюсь, чтобы власть племенных богов Арнхемленда простиралась до Луны.

— А вы никогда не жалели о гибели обычаев и

нравов вашего народа? — продолжал Пат.

— Разве можно жалеть о том, чего не знаешь? Я научился работать на вычислительной машине задолго до того, как впервые увидел корроборри…

— Что?…

— Это название племенной ритуальной пляски. Кстати, половина исполнителей были студенты-этнографы. Так что у меня не было и нет никаких романтических иллюзий насчет примитивной жизни и благородных дикарей. Мои предки были отличные люди, я нисколько их не стыжусь, но из-за географических условий они попали в тупик. Все силы уходили на то, чтобы выжить, для цивилизации ничего уже не оставалось. И в каком-то смысле хорошо, что пришли белые, несмотря на их очаровательный обычай продавать нам отравленную муку, когда им была нужна наша земля.

— Отравленную муку?

— Конечно. Почему вы удивляетесь? Это было за сто с лишним лет до Освенцима.

Слова Мекензи заставили Пата призадуматься. Наконец он взглянул на часы и с явным облегчением сказал:

— Пора связываться с Базой. Давайте сперва проверим, как пассажиры.

Глава 20

Надувные иглу и прочие ухищрения, позволяющие жить с удобствами на Море Жажды, подождут, сказал себе Лоуренс. Сейчас надо опустить воздухопровод к пылеходу. Так что придется инженерам и техникам попыхтеть в скафандрах. Да им не долго страдать. Если не уложатся в пять-шесть часов, можно поворачивать обратно, оставив «Селену» во власти мира, именем которого она названа…

В мастерских Порт-Рориса вершились невоспетые и неувековеченные чудеса импровизации. Разобрали и погрузили на сани воздухоочистительную установку, включая баллоны с жидким кислородом, поглотители влаги и углекислого газа, регуляторы температуры и давления. То же самое сделали с небольшим буровым станком, переброшенным на местной ракете из Клавия, где обосновались геофизики. Погрузили также специально приспособленные трубы. Плохо, если они подведут: усовершенствовать их уже будет некогда…

Лоуренс не подгонял людей. Он знал, что в этом нет нужды. Главный держался в тени, сле-

дя за погрузкой снаряжения на сани и пытаясь предусмотреть все подводные камни. Какой инструмент понадобится? Хватит ли запасных частей? Не лучше ли погрузить плот последним, чтобы можно было снять его первым? Не опасно ли подавать кислород на «Селену» до того, как будет установлена вытяжная труба? Эти и сотни других вопросов — некоторые второстепенные, другие существенные — роились в его голове. Несколько раз он запрашивал у Пата техническую информацию: какое давление в кабине, какая температура, не сорван ли аварийный клапан кабины (оказалось, нет, но его, очевидно, забило пылью), в каком месте лучше сверлить крышу. И с каждым разом Пат говорил все более затрудненно…

Порт-Рорис кишел репортерами, которые захватили половину радио- и телеканалов между Землей и Луной, но главный инженер наотрез отказывался говорить с ними, ограничился коротким заявлением о том, что произошло и что намечено предпринять. Сообщения для печати и радио — дело представителей администрации. Они обязаны позаботиться, чтобы он мог работать без помех. Лоуренс так и сказал начальнику «Лунтуриста», после чего, не дожидаясь возраже-

ний, положил трубку.

Естественно, главному некогда было взглянуть на телевизионный экран, но до него дошло, что доктор Лоусон уже успел прославиться колючим языком. Видно, корреспондент «Интерплэнет Ньюс», которому Лоуренс сдал астронома с рук на руки, не терял времени. Должно быть, этот парень сейчас радуется своей удаче…

Но «этот парень» нисколько не радовался. Оседлав Горы Недоступности (красиво он опроверг это название!), Морис Спенсер неожиданно очутился под угрозой язвы, которой до сих пор успешно избегал. Сто тысяч столларов потрачено, чтобы загнать сюда «Ауригу», — и похоже, что впустую!

Все будет кончено прежде, чем сюда подоспеют пылекаты… Неслыханная, захватывающая дух спасательная операция не привлечет к экранам миллиарды телезрителей — она не состоится. Мало кто не захотел бы посмотреть, как вырывают из когтей смерти двадцать два человека, но кто согласится смотреть, как извлекают трупы из могилы?…

Так рассуждал корреспондент Спенсер. По-человечески он был глубоко потрясен. Ужасно сидеть на горе всего в пяти километрах от места, где назревает трагедия, которую ты бессилен

предотвратить. Он буквально стыдился каждого своего вздоха при мысли о том, что пассажиры «Селены» задыхаются без воздуха. Снова и снова он думал, не может ли «Аурига» помочь чем-нибудь (вот был бы материал для газеты!). Увы, им остается лишь наблюдать, это неумолимое Море Жажды пресечет все их попытки прийти на выручку лунобусу.

Спенсеру и прежде приходилось вести репортаж о несчастных случаях. Но на этот раз он — отвратительная мысль! — чувствовал себя вампиром.

На борту «Селены» было тихо. Настолько тихо, что надо было напрягать все силы, борясь со сном. А как хотелось уснуть, погрузиться в блаженное забытье вместе со всеми… Пат откровенно завидовал спящим. Глоток-другой иссякающего кислорода прояснял сознание, но от этого становилось только горше.

В одиночку он, конечно, не одолел бы дремоту и не смог бы наблюдать за двадцатью спящими, давать кислород тем, у кого появились признаки одышки. Он и Мекензи страховали друг друга, один помогал другому победить сон.

Все было бы проще, если бы не подходил к концу кислород в единственном баллоне. А в главных

цистернах столько жидкого кислорода, да разве доберешься до него… Через испарители автоматическая система подает строго отмеренные порции в кабину, но тут он сразу же смешивается с отравленной атмосферой.

Пат не представлял себе, что время может тянуться так медленно. Неужели всего четыре часа прошло с тех пор, как они заступили на пост? Пат Харрис мог бы поклясться, что это длится уже несколько дней: тихие беседы с Мекензи, вызов Порт-Рориса через каждые пятнадцать минут, проверка дыхания и пульса пассажиров, скудные глотки кислорода…

Но всему бывает конец. Из мира, который они уже отчаялись когда-нибудь увидеть вновь, пришла по радио долгожданная весть.

— Мы идем к вам, — сообщил главный инженер Лоуренс; несмотря на усталость, голос его звучал твердо. — Продержитесь еще часок… Как самочувствие?

— Здорово устали, — медленно произнес Пат. — Но мы продержимся.

— А пассажиры?

— Тоже.

— Ладно. Буду вызывать вас каждые десять минут. Не выключайте приемник, пусть работает

на полную мощность. Тут медики кое-что придумали, боятся, как бы вы не уснули.

Гул медных труб прокатился над Луной, долетел до Земли и унесся дальше, к пределам солнечной системы. Мог ли Гектор Берлиоз, сочиняя свой великолепный «Ракоци-марш», предполагать, что через двести лет его музыка придаст сил и надежды людям, борющимся за жизнь далеко от родной планеты?

Кабина «Селены» гудела от ликующих звуков. На лице Пата появилось подобие улыбки.

— Пусть эту музыку называют старомодной, — сказал он, — она делает свое дело.

Кровь быстрее струилась в его жилах, ноги сами отбивали такт. С лунного неба, из космоса к ним вторгся топот марширующих армий и лихо скачущей конницы, звучали сигналы горна над тысячами полей, на которых некогда решалась в сражениях судьба целых народов. Это было давно и быльем поросло — к счастью. Но от той поры осталось в наследство новым поколениям и много славного, благородного: образцы героизма и самоотверженности, примеры того, что человек продолжает борьбу даже тогда, когда, казалось бы, исчерпаны все его физические возможности.

Тяжело дыша в застойном воздухе, Пат Харрис

чувствовал, как голоса прошлого будят в нем силу, необходимую, чтобы выстоять еще один, нескончаемый час.

На тесной, загроможденной снаряжением площадке «Пылеката-1» главный инженер Лоуренс, услышав ту же музыку, испытал нечто схожее. Ведь его маленький флот вышел на бой, на битву с врагом, который всегда будет противостоять человеку. Покоряя вселенную, планету за планетой, солнце за солнцем, люди снова и снова будут наталкиваться на сопротивление еще неизведанных сил природы. Даже Земля не освоена полностью за все эти тысячи лет; множество ловушек подстерегает на ней опрометчивого… А в мире, знакомство с которым началось всего несколько десятилетий назад, смерть таится на каждом шагу, под тысячью невинных личин. Чем бы ни кончился поединок с Морем Жажды, завтра их ждет новый вызов.

Каждый пылекат тянул на буксире сани с грузом, который казался тяжелее, чем был на самом деле. Большую часть его составляли пустые цистерны для плота. Спасатели везли только самое необходимое. Как только «Пылекат-1» разгрузится, Лоуренс пошлет его назад в Порт-Рорис за следующей партией. Таким образом, будет на-

лажено непрерывное сообщение с Базой, и если что-нибудь вдруг понадобится, самое большее через час доставят. Лучше быть оптимистом, хотя не исключено, что когда они наконец доберутся до «Селены», уже никакая спешка не поможет…

Быстро скрылись за горизонтом купола Порт-Рориса; не теряя времени, Лоуренс инструктировал своих людей. Он хотел перед выходом в море провести генеральную репетицию, но от этого пришлось отказаться. Некогда. Все должно получиться с первого раза. Второй попытки не будет.

— Джонс, Сикорский, Коулмен, Мацуи — как только придем на место, вы снимаете с саней цистерны и раскладываете их, как условлено. Затем Брюс и Ходжес крепят остов. Старайтесь не терять болтов и гаек, инструмент привязывайте. Если вдруг упадете с плота, не паникуйте, больше чем на несколько сантиметров не погрузитесь, я знаю. Сикорский, Джонс — вы помогаете класть настил, когда будет собран остов. Коулмен, Мацуи — на готовых участках плота сразу раскладывайте трубы и шланги. Гринвуд, Ринальди — вы займетесь бурением…

И так далее, операция за операцией. Самое опасное, что люди из-за тесноты будут мешать друг другу, а сейчас малейший промах — и все

может оказаться впустую… Сверх того, Лоуренса преследовала тревога, что они забыли в Порт-Рорисе какой-нибудь важный инструмент. Но еще страшнее, как подумаешь, что двадцать два человека могут погибнуть, если утонет в пыли ключ, без которого не сделаешь последнего соединения.

В Горах Недоступности Морис Спенсер, не выпуская из рук бинокль, внимательно слушал радиоголоса, звучащие над Морем Жажды. Каждые десять минут Лоуренс вызывал «Селену», и всякий раз пауза между вызовом и ответом длилась все дольше. Харрис и Мекензи все еще успешно боролись со сном. Конечно, тут все решала сила воли, но и музыка, которую передавал Клавий, несомненно помогала.

— Чем их сейчас накачивает этот музыкальный психолог? — спросил Спенсер.

В другом конце рубки старший радист прибавил громкости, и над Горами Недоступности закружились валькирии.

— Насколько я разбираюсь, — пробурчал капитан Ансон, — они все время передают один девятнадцатый век.

— Почему же, — возразил Жюль Брак, колдуя над своей камерой, — только что играли «Танец с

саблями» Хачатуряна. Ему всего сто лет.

— Сейчас будем вызывать «Пылекат-1», — сказал радист, и в рубке воцарилась мертвая тишина.

Вызов последовал точно по расписанию, секунда в секунду. Спасатели уже приблизились настолько, что «Аурига» принимала сигналы их передатчика непосредственно, без помощи ретранслятора «Лагранжа».

— «Селена», я Лоуренс. Мы будем над вами через десять минут. Как чувствуете себя?

Томительная пауза… Она затянулась почти на пять секунд, но вот наконец:

— Я «Селена». Без перемен.

И все. Пат Харрис берег дыхание.

— Десять минут, — сказал Спенсер. — Их должно быть уже видно. Есть что-нибудь на экране?

— Пока нет, — ответил Жюль, медленно ведя объективом вдоль пустынной дуги горизонта.

Ничего, только кромешная тьма космической ночи…

Эта Луна, сказал себе Жюль Брак, мучение для оператора. Либо черное, либо белое, мягких, нежных полутонов нет. Не говоря уже о вечной проблеме со звездами. Правда, это скорее вопрос эстетический, чем технический.

Зритель хочет и в дневное время видеть звезды на лунном небе, а ведь их обычно не видно: днем яркий солнечный свет ослабляет чувствительность глаза настолько, что небо кажется пустым, сплошь черным. Чтобы рассмотреть звезды, надо глядеть через бленду, отсекающую посторонний свет. Тогда зрачки постепенно расширятся, и в небе вспыхнут огоньки, один за другим, пока наконец не заполнят все поле зрения. А стоит перевести взгляд на что-нибудь другое и — фью! — звезды пропали. Глаз человека может видеть одно из двух: либо дневные звезды, либо дневной ландшафт, но не то и другое вместе.

А вот телекамера способна видеть их одновременно, и многие режиссеры пользовались этим. Правда, другие называли это фальсификацией, да разве мало на свете задач, исключающих однозначный ответ? Жюль был на стороне «реалистов» и не включал звездное небо, пока его не просили об этом из студии.

С минуты на минуту последует команда с Земли. Он уже дал несколько кадров для «последних известий»: панораму моря, крупным планом — одинокий шест, торчащий из лунной пыли. А вскоре его камера может на много часов стать глазами миллиардов. Если не будет осечки, — ве-

личайшая сенсация года обеспечена…

Он погладил спрятанный в кармане талисман. Жюль Брак, член Общества кино- и телеинженеров, обиделся бы на любого, кто обвинил бы его в суеверии. Но заставьте его объяснить, почему он ни за какие блага не согласится вынуть из кармана эту маленькую игрушку, пока не убедится, что кадры идут в эфир?

— Вот они! — крикнул Спенсер срывающимся голосом и опустил бинокль. — Возьми левей!

Жюль уже вел камерой вдоль горизонта. Безупречно ровная линия на экране видоискателя, разделяющая море и космос, поломалась, из-за края Луны вынырнули две мерцающие звездочки. Это шли пылекаты.

Даже при самом большом фокусном расстоянии они казались очень маленькими и удаленными. Как раз то, что надо: Жюлю хотелось вызвать у зрителя ощущение пустоты и одиночества. Оператор взглянул на главный экран «Ауриги», настроенный на канал «Интерплэнет». Все в порядке, он в эфире.

Жюль Брак достал из кармана небольшую записную книжку и положил ее на камеру сверху. Поднял обложку, она остановилась почти вертикально, и ее внутренняя поверхность мгновенно

ожила красками и движением. Одновременно комариный голосок сообщил ему, что идет специальная передача «Интерплэнет Ньюс Сервис», канал сто семь, «и мы сейчас перенесем вас на Луну».

Миниатюрный экран показывал тот же кадр, что и видоискатель камеры. Впрочем, не тот же! Маленькая картинка отстает на две с половиной секунды; настолько ему дано заглянуть в прошлое. За два с половиной миллиона микросекунд — такими величинами оперируют электронные инженеры — произошло немало удивительных превращений. Камера подала изображение на передатчик «Ауриги», оттуда оно улетело за пятьдесят тысяч километров к «Лагранжу». Здесь его выловили из космоса, усилили в несколько сот раз и направили в сторону Земли, на один из спутников-ретрансляторов. Дальше — вниз, через ионосферу (последние сто километров — наиболее трудные) в здание «Интерплэнет», где собственно начиналось самое интересное, когда картинка вливалась в непрерывный поток звуков, изображений и электрических импульсов, которые несли информацию и развлечение человечеству.

И вот, пройдя через руки режиссеров, создате-

лей специальных эффектов, техников, картинка вернулась туда, откуда начала свой путь, вернулась, направленная на Эртсайд мощными передатчиками «Лагранж-2» и на Фарсайд — антеннами «Лагранж-1». Три четверти миллиона километров прошла она, чтобы одолеть миллиметры, разделяющие телекамеру Жюля от его карманного приемника.

«Стоит ли этот фокус всех вложенных в него трудов?» — спрашивал себя Жюль. Вопрос, который задают себе люди с тех самых пор, как было изобретено телевидение.

Глава 21

Лоуренс еще за пятнадцать километров приметил «Ауригу»; да и как не приметить — металл и пластик ярко сверкали под лучами солнца.

«Это что за чертовщина? — спросил он себя и сам же ответил: — Космический корабль». Ну да, ведь поговаривали о том, что какое-то агентство зафрахтовало ракету для полета в горы. Что ж, это их дело. Главный и сам подумывал, нельзя ли перебросить снаряжение в горы ракетой, чтобы избежать долгих перевозок по Морю. К сожалению, этот вариант отпал — до высоты пятисот метров не было ни одной площадки, пригодной для посадки космического корабля. Уступ, облюбованный Спенсером, находится слишком высоко, спасателям он не даст никакого выигрыша.

Главного инженера вовсе не радовало, что за каждым его движением будут следить длиннофокусные объективы. И ничего не поделаешь… Хотели установить камеру на пылекате, да он не дал, к великой радости «Интерплэнет Ньюс» и крайнему огорчению остальных агентств (о чем Лоуренс, естественно, не мог знать). А вообще,

если вдуматься, это даже неплохо, что поблизости есть корабль: будет дополнительный канал связи. Возможно, удастся извлечь из него и еще какую-нибудь пользу. Например, разместить людей в его отсеках, пока подвезут иглу.

Но где ориентир? Пора бы ему показаться! На миг Лоуренс с ужасом подумал, что щуп мог уйти в лунную пыль… Это не помешает им найти «Селену», но сейчас даже пятиминутная задержка может оказаться роковой.

И тотчас главный облегченно вздохнул: вот он, сразу и не разглядишь на фоне пылающих гор. Водитель уже обнаружил цель и подправил курс.

Пылекаты остановились по обе стороны щупа, и закипела работа… Как и было намечено, восемь человек в скафандрах принялись поспешно сгружать пустые цистерны и алюминиевые полосы. Вот уже цистерны схвачены легким каркасом, сверху настилают фиброгласовые плиты — появляется плот.

Никогда еще в истории Луны монтажные работы не пользовались таким вниманием. А все этот глаз на горе! Но восемь спасателей не думали о миллионах, которые пристально следили за ними. У них сейчас была одна забота: скорее собрать плот и установить направляющее приспособле-

ние для труб бурового снаряда.

Каждые пять минут, а то и чаще, Лоуренс вызывал «Селену», чтобы сообщить Пату и Мекензи о ходе работ. Он меньше всего думал о том, что весь мир, затаив дыхание, слушает его голос.

Наконец, всего через двадцать минут, буровой станок стал на место, и первая свеча, словно пятиметровый гарпун, нацелилась на море. Но этот гарпун нес жизнь, а не смерть.

— Начали, — сказал Лоуренс в микрофон. — Первая свеча пошла.

— Поскорее, — прошептал Пат. — Долго не выдержу.

Он двигался словно в тумане. Самочувствие? Если не считать ноющей боли в легких, в общем-то ничего. Вот только смертельная усталость… Пат Харрис превратился в робота, выполняющего задачу, смысл которой он давно успел забыть, если только вообще когда-либо понимал. В одной руке — разводной ключ. Несколько часов назад он достал его из инструментального ящика, зная, что ключ понадобится. Для чего? Может быть, когда настанет время, он вспомнит…

Слух Пата уловил бесконечно далекие голоса. Этот разговор явно не был предназначен для его ушей; кто-то забыл отключить волну «Селены».

— Надо было сделать так, чтобы бур отвинчивался отсюда. Вдруг у него не хватит сил?

— Ничего не поделаешь, приходится рисковать… Лишнее приспособление — это лишняя задержка, не меньше часа. Ну-ка, подай…

Они выключились, но услышанного было достаточно, чтобы Пат рассердился — насколько может рассердиться человек в полубессознательном состоянии. Он им покажет… он и его друг, доктор Мек… Мек… как его там? Забыл, черт возьми.

Медленно повернувшись на вращающемся кресле, Пат скользнул взглядом вдоль сидений. Тела, тела… где же физик? А, вон он. Стоит на коленях подле миссис Уильямс.

Ученый прижимал кислородную маску к лицу спящей женщины, день рождения которой едва не пришелся на день ее смерти. Мекензи явно не сознавал, что характерный звук струящегося из баллона кислорода давно смолк и стрелка манометра стоит на нуле…

— Мы почти у цели, — сообщило радио. — Вот-вот услышите работу бура.

«Так скоро?» — подумал Пат. Хотя, конечно, тяжелая труба без труда должна была пронизать пыль. А он молодец, смекнул, в чем дело!…

Бам! Что-то ударило в крышку. Но в каком месте?

— Слышу, — прошептал он. — Вы дошли до нас.

— Знаем, — ответил голос— Снаряд уперся. Теперь дело за вами. Вы можете сказать, в какую точку попал бур? Под ним свободный участок или электропроводка? Мы сейчас несколько раз поднимем и опустим снаряд, слушайте.

Пат обозлился. С какой стати его заставляют решать такие сложные задачи!…

Стук, стук… Хоть убей (какое удачное выражение — но почему?), невозможно угадать, где именно стучит. А, ладно, терять нечего.

— Давайте, — буркнул он. — Путь открыт.

Пришлось повторить дважды, прежде чем его поняли.

И тотчас — ишь ты, живо поворачиваются! — бур принялся сверлить обшивку. Пат отчетливо слышал рокочущий звук, который был лучше любой музыки.

Меньше чем за минуту бур прошел первый слой. Снаряд вдруг завертелся быстрее и сразу остановился — мотор выключили. Бурильщик опустил трубы на несколько сантиметров, бур коснулся внутреннего слоя и заработал снова.

Теперь звук стал намного громче, и Пат с замешательством понял, что сверлят рядом с главным кабелем, укрепленным в центре потолка. Если заденут…

Он медленно поднялся на ноги и побрел, шатаясь, на звук. И только дошел, вдруг с потолка посыпался сноп искр, электричество фыркнуло, свет погас.

К счастью, осталось аварийное освещение. И когда глаза Пата привыкли к тусклому красному сиянию, он увидел пронизавший потолок металлический цилиндр. Буровой снаряд медленно опустился в кабину на полметра и остановился.

За спиной Пата радио говорило что-то важное. Пока его мозг силился уловить смысл, руки наложили ключ на конец трубы.

— Не отворачивайте бур, пока мы не скажем, — твердил далекий голос. — Мы еще не установили обратный клапан, труба открыта в пустоту. Как только установим, скажем вам. Повторяю: не отворачивайте бур, пока мы не скажем!

Вот привязался! Пат без него знает, что делать. Надо только покрепче нажать ручку ключа — вот так, — отвернуть бур, и снова можно будет дышать!

Почему не поддается?… Пат нажал сильнее.

— Ради бога! — воскликнул радиоголос. — Не трогайте! Мы еще не готовы! Вы выпустите последний воздух из кабины!

«Сейчас, сейчас, — думал Пат, умышленно не замечая помеху. — Тут что-то не так… Винт можно вращать так… и так. Что если я вместо того, чтобы отвертывать бур, только туже завинчиваю его?»

Сам черт не разберется. Он поглядел на свою правую руку, потом на левую. Все равно непонятно. (Хоть бы этот болтун заткнулся). Ладно, попробуем в другую сторону, может быть пойдет.

И Пат, держась за трубу одной рукой, степенно зашагал по кругу. Натолкнулся на ключ с другой стороны, ухватился за него обеими руками, чтобы не упасть, и застыл в таком положении, понурив голову. Надо чуточку передохнуть.

— Поднять перископ, — пробормотал Пат.

Что это означает? Он и сам не знал. Просто Пат где-то слышал эти слова, и они показались ему подходящими к случаю.

Пат Харрис все еще размышлял над смыслом своей реплики, когда бур подался и стал отвинчиваться — легко, без малейшей задержки.

В пятнадцати метрах над ним главный инженер Лоуренс и его люди на миг оцепенели

от ужаса. Случилось непредвиденное. Готовя операцию, они заранее представили себе все возможные осечки — кроме этой…

— Коулмен, Мацуи! — крикнул Лоуренс. — Бога ради, кислородный шланг, скорей!

Но он уже знал, что они не успеют. Чтобы подключить кислород, нужно сделать еще два соединения. И оба с винтовой резьбой. Пустяк, который при других обстоятельствах не играл бы совершенно никакой роли. Но сейчас от него зависела жизнь и смерть людей.

А Пат продолжал ходить по кругу, толкая ручку ключа. Все шло как по маслу, уже сантиметра два резьбы видно; еще несколько секунд, и бур слетит.

Ну, совсем чуть-чуть осталось! Шипит, громче с каждым поворотом ключа. Все ясно: кислород врывается в кабину. Еще немного, и он сможет дышать как следует, и все будет в порядке!

Шипение сменилось зловещим свистом. Внезапно Пат усомнился — то ли он делает, что надо? Остановился… поглядел на ключ… задумчиво почесал затылок. Вроде все правильно… Вмешайся в этот миг радио, он, наверное, подчинился бы, но наверху уже потеряли надежду вразумить его.

Ладно, продолжим. (Сто лет такого похмелья не

было!) Пат навалился на ключ — и упал ничком на пол: резьба кончилась, бур сорвался. Оглушительный вой потряс кабину, могучая струя воздуха подхватила и закружила листки бумаги. От холода сгустился пар, кабина наполнилась мглой. Пат повернулся на спину, но сквозь мглу он почти ничего не видел. И тут он понял наконец, что произошло.

Опытное ухо космонавта мгновенно распознало характерный звук. Дальше он действовал автоматически. Нужно найти что-нибудь плоское и закрыть отверстие — все, что угодно, было бы достаточно прочно.

В алом тумане, который уже редел, улетучиваясь в пустоту, Пат лихорадочно искал взглядом подходящий предмет. Громовой рев не прекращался; казалось невероятным, чтобы такая маленькая труба могла быть причиной столь мощного гула.

Пат карабкался через спящих товарищей, от кресла к креслу. Он уже потерял последнюю надежду — и вдруг увидел спасительный предмет! На полу, текстом вниз, лежала толстая раскрытая книга. Нехорошо так обращаться с книгами, сказал себе Пат, но какое счастье, что на борту оказался неряха! Иначе он мог и не приметить

ee.

Едва Пат приблизился к зловещему отверстию, которое высасывало жизнь из пылехода, как книгу буквально вырвало у него из рук. Подхваченная струей воздуха, она плотно закрыла трубу. Тотчас рев смолк, вихрь прекратился. Мгновение Пат стоял, качаясь, точно пьяный, потом ноги его подкосились, и он рухнул на пол.

Глава 22

В телевизионных передачах по-настоящему незабываемые кадры те, которые возникают неожиданно для всех, в том числе для операторов и комментаторов. Последние тридцать минут на плоту шла кипучая, но строго упорядоченная работа; вдруг точно произошло извержение!

Невероятно, но факт: из Моря Жажды словно вырвался гейзер. Жюль реагировал мгновенно. Объектив телекамеры тотчас поймал столб пара, взлетевшего к звездам (режиссер потребовал, чтобы они были видны). Кверху столб расширялся — странное бледное растение… или уменьшенное подобие грибовидного облака, которое на протяжении двух поколений вселяло страх в человечество.

Это длилось всего несколько секунд. Миллионы зрителей, оцепенев, глядели на экраны и дивились — как из безводного моря мог ударить фонтан? Внезапно гейзер опал и исчез так же беззвучно, как родился.

Спасатели тоже ничего не слышали, но присоединяя неподатливый шланг, они чувствовали, как дрожит столб влажного воздуха. Даже если

бы Пат не закрыл трубу, шланг рано или поздно удалось бы соединить с ней, сила струи была не так уж велика. Но это «поздно» могло стать «слишком поздно»… Или они уже?…

— «Селена»! «Селена»! — закричал Лоуренс. — Вы меня слышите?

Тишина. Передатчик пылехода молчал. Главный инженер не слышал даже обычных шумов, которые всегда улавливает чуткий микрофон.

— Соединение готово, — доложил Коулмен. — Включать кислород?

«Ни к чему, если Харрис ухитрился привинтить бур на место, — подумал Лоуренс. — Но может, он просто чем-нибудь заткнул трубу, и напор вышибет затычку?»

— Хорошо, — сказал он вслух. — Включайте, полное давление.

Бам! Притянутый вакуумом к трубе «Апельсин и яблоко» шлепнулся на пол, и из отверстия вниз устремилась струя газа, настолько холодного, что его путь можно было проследить по белым вихрям сгущающегося пара.

Минута, другая, третья… Опрокинутый гейзер гудел, но все оставалось по-прежнему. Наконец Пат Харрис зашевелился… попытался встать… струя кислорода сбила его с ног. И не то чтобы она

была очень сильной, просто он был еще слабее.

Пат лежал, подставив лицо морозному ветерку и наслаждаясь бодрящим холодом. И дышал, дышал… Через несколько секунд он уже совсем очнулся (вот только голова раскалывается от боли) и припомнил все, что произошло за последние полчаса.

При мысли о том, как он отвинтил бур и сражался с потоком уходящего воздуха, Пат едва опять не потерял сознание. Но сейчас не время корить себя за оплошность; он жив, а это главное.

Подняв Мекензи, точно мягкую куклу, он отнес его к животворной струе. Ее напор заметно уменьшался по мере того, как давление внутри пылехода приближалось к нормальному. Еще несколько минут, и вихрь превратится в ветерок.

Физик очнулся сразу.

— Где я? — спросил он не очень оригинально, озираясь вокруг. — А! Они пробились к нам! Слава богу, можно дышать. Но что со светом?

— Не беспокойтесь, я живо налажу. Сперва нам нужно каждого поднести к трубе, чтобы они глотнули кислорода. Вы умеете делать искусственное дыхание?

— Никогда не пробовал.

— Это очень просто. Одну минуту, я только найду аптечку.

Пат взял дыхательный прибор и стал показывать его действие на ближайшем пассажире; это был Ирвинг Шастер.

— Отодвиньте язык, чтобы не мешал, просуньте трубку в горло… Теперь нажимайте вот эту грушу… медленнее. В ритме обычного дыхания. Ясно?

— Ясно, а долго надо качать?

— Пяти-шести глубоких вдохов, по-моему, достаточно. Нам ведь не надо их оживлять, только провентилировать легкие. Вы берете на себя носовую часть кабины, я — кормовую.

— Но у нас один аппарат.

Пат улыбнулся; улыбка получилась довольно бледной.

— Обойдемся, — сказал он, наклоняясь над следующим пациентом.

— Ах, да, — произнес Мекензи, — я совсем забыл.

Пат вряд ли случайно подошел именно к Сью и, применяя старый, но достаточно действенный способ, принялся сам вдувать ей воздух в легкие через рот. Правда, он не стал задерживаться, как только убедился, что она дышит нормально.

Пат уже занимался третьим пациентом (это был мистер Редли), когда снова прозвучал отчаянный призыв радио.

— «Селена», «Селена», отвечайте!

Он почти мгновенно схватил микрофон.

— Я Харрис. Все в порядке. Делаем пассажирам искусственное дыхание. Больше говорить некогда, потом вызовем вас. Остаюсь на приеме. Расскажите, что делается у вас.

— Слава богу! Мы уже отчаялись! Вы нас здорово напугали, когда отвинтили бур.

Слушая голос главного, Пат подумал, что можно было и не напоминать ему об этом неприятном происшествии. Он и без того никогда в жизни не простит себе такого промаха. Хотя в конечном счете все обернулось к лучшему: бурная декомпрессия выкачала из «Селены» большую часть отравленного воздуха. Всего какая-то минута… А для того чтобы кабина такого объема потеряла весь воздух, труба диаметром четыре сантиметра должна поработать довольно долго.

— Теперь слушайте, — продолжал Лоуренс. — Учитывая ваш перегрев, мы охлаждаем кислород, конечно, в меру. Скажите нам, как только станет слишком прохладно или сухо. Минут через пять-десять подадим вторую трубу. И полу-

чится замкнутая система с кондиционированием взамен вашей. Второе отверстие просверлим в кормовой части «Селены», вот только подвинем плот на несколько метров.

Пат и физик продолжали трудиться, пока не были провентилированы легкие всех пассажиров. Лишь после этого, предельно усталые, но довольные тем, что выдержали трудное испытание, они легли на пол и стали ждать, когда второй бур пронижет потолок.

Десять минут спустя они услышали стук в обшивку рядом с переходной камерой. Отвечая Лоуренсу, Пат успокоил его: потолок в этом месте свободен, бурильщики ничего не повредят.

— Можете не волноваться, — добавил он. — Я не трону бур, пока вы не скажете!

Стало настолько холодно, что он и Мекензи надели верхнюю одежду, а спящих пассажиров укутали одеялами. Можно было сообщить наверх, чтобы давали теплый воздух, но Пат решил, что лучше пусть будет похолоднее. Давно ли они чуть не испеклись? К тому же низкая температура может восстановить углекислотные поглотители «Селены».

Когда заработает вторая труба, они будут вполне застрахованы. С плота им подадут сколь-

ко угодно воздуха, да у самих еще есть примерно суточный запас. Пусть даже их плен затянется, главная опасность миновала. Разумеется, если Луна не подстроит какой-нибудь новой каверзы.

— Что ж, мистер Спенсер, — сказал капитан Ансон. — Похоже, у вас получится неплохая передача.

Последний час потребовал от Спенсера таких усилий, что он вымотался ничуть не меньше, чем спасатели на плоту в двух километрах под ним. Вот они средним планом на экране видоискателя. Отдыхают… Если можно отдыхать в космическом скафандре. Пятеро из них, очевидно, решили поспать немного, избрав способ не совсем обычный, но в общем-то вполне разумный: они просто-напросто легли рядом с плотом, словно резиновые куклы, погрузившись наполовину в лунную пыль. Спенсер и не подозревал, что космический скафандр обладает достаточной плавучестью, чтобы не тонуть в этом веществе. Мало того, что отдыхающая смена устроилась очень удобно — на плоту сразу стало просторнее и сподручнее работать.

Трое, не торопясь, проверяли и налаживали аппаратуру. Особенно строго они следили за угловатой махиной воздухоочистителя и под-

ключенными к нему пузатыми баллонами.

Предельное фокусное расстояние позволяло показать все на экране телевизора, как с расстояния десяти метров, только что не видно стрелок приборов. Даже при среднем увеличении отчетливо различались две трубы, уходящие в толщу лунной пыли — к незримой «Селене».

Все мирно, спокойно — не то, что час назад. И так будет, пока не доставят следующую партию снаряжения. Оба пылеката пошли обратно в Порт-Рорис; теперь там закипит работа. Инженеры и техники испытывают и монтируют оборудование, которое, как они надеются, проложит путь к «Селене». Чтобы все приготовить, нужно еще не менее суток. До тех пор, если не произойдет ничего непредвиденного, Море Жажды будет безмятежно нежиться в лучах утреннего солнца. На новые кадры для телезрителей сейчас рассчитывать не приходится.

С расстояния полутора световых секунд в командную рубку «Ауриги» долетел голос режиссера.

— Славно поработали, Морис, Жюль. На всякий случай записываем изображение, но наш следующий выход в эфир не раньше выпуска последних известий в ноль шесть ноль ноль.

— Какие отклики?

— Превосходно, блеск. И намечается еще интересный поворот. Все сумасбродные изобретатели, какие когда-либо пытались получить патент на новую скрепку, наперебой предлагают свои идеи. Мы выпустим несколько человек в шесть пятнадцать. Вот будет потеха!

— А что, глядишь, кто-нибудь из них и придумает что-нибудь дельное.

— Может быть, хотя вряд ли. Те, что потолковее, будут нас за сто километров обходить, когда увидят, как мы расправляемся с их коллегами.

— А что вы задумали?

— Все идеи будут рассматриваться вашим ученым другом, доктором Лоусоном. Мы уже репетировали, он с них живьем шкуру снимает.

— Моим другом? — восстал Спенсер. — Да я с ним всего два раза встречался. При первой встрече извлек из него десять слов, во время второй он уснул у меня на руках.

— С тех пор он сделал большие успехи, хотите верьте, хотите нет. Да вы сами увидите через… через сорок пять минут.

— Мне не к спеху. К тому же меня сейчас занимает одно: что замышляет Лоуренс? Он уже выступал? Попробуйте добраться до него, пока

затишье.

— Он страшно занят, отказывается отвечать. Похоже, инженеры вообще еще не решили, как действовать. Испытывают в Порт-Рорисе всевозможные варианты, собирают снаряжение со всей Луны. Мы вам сразу передадим, как только что-нибудь узнаем.

Морис Спенсер уже привык к этому парадоксу: часто репортер не видит общей картины, хотя бы он был в самой гуще событий. Он толкнул снежный ком — дальше лавина катится независимо от него. Конечно, Спенсер и Жюль поставляют самые важные кадры, но в целом подачу материала определяют информационные центры на Земле и в Клавии. Хоть бросай Жюля и мчись в штаб.

Разумеется, это невозможно. Да если бы ему и удалось, он очень скоро пожалел бы об этом. Морис Спенсер чувствовал: это не только вершина его карьеры, но и поворотный пункт. Не быть ему больше спецкором; он сам себя обрек на какой-нибудь руководящий пост. Хорошо еще, если ограничатся тем, что посадят его в уютное кресло перед батареей мониторов в телестудии Клавия.

Глава 23

На борту «Селены» по-прежнему царила тишина, но тишина спальной, а не покойницкой. Скоро спящие начнут просыпаться, для них наступит день, дожить до которого они уже не надеялись.

С трудом сохраняя равновесие, Пат Харрис стоял на спинке кресла и исправлял поврежденный кабель. Слава богу, что бур попал в эту точку. Пять миллиметров левее, и замолкло бы радио; тогда все оказалось бы куда сложнее.

— Включите третий рубильник, доктор, — попросил он, сматывая изоляционную ленту. — Как будто все в порядке.

Вспыхнули лампы главного освещения, ослепительно яркие после алого аварийного света. И в тот же миг что-то взорвалось, да так неожиданно, что Пат от испуга сорвался со своей ненадежной опоры. Прежде чем его ноги коснулись пола, он уже сообразил: кто-то чихнул… Кажется, он перестарался, охлаждая кабину.

Интересно, кто очнется первый? Хорошо, если Сью — можно будет поговорить без помех. Данкена Мекензи он не стеснялся; правда, Сью может рассудить иначе.

Кто-то зашевелился под одеялом. Пат поспешил на помощь, но вдруг остановился и горестно вздохнул. Увы, всякому везению есть предел, и капитан должен выполнять свои обязанности. Пат нагнулся над щуплой фигурой, силящейся подняться на ноги, и заботливо произнес:

— Как самочувствие, мисс Морли?

Попасть в лапы телевидения было для доктора Лоусона и полезно, и вредно. Став телезвездой, он обрел уверенность в себе, оказалось, что мир, который Том Лоусон упорно презирал, нуждается в его знаниях и талантах. (Том не думал о том, что его могут снова забыть очень скоро — едва кончится происшествие с «Селеной»). У него появился случай доказать свою искреннюю преданность астрономии; в обществе одних только астрономов она как-то блекла. И, разумеется, доктор Лоусон был рад хорошему гонорару.

Но программа, в которой он участвовал, была словно нарочно составлена так, чтобы подтвердить давнее убеждение Тома, что большинство людей либо негодяи, либо глупцы. И трудно винить агентство «Интерплэнет Ньюс», не устоявшее против соблазна заполнить удачным номером долгую паузу, когда на плоту не происходило ничего существенного.

То, что Лоусон находится на Луне, а его жертвы — на Земле, техников не смущало; эта задача была давным-давно решена телевидением. Все равно программу нельзя было передавать прямо в эфир: ее записывали на ленту и вырезали паузы — те самые две с половиной секунды, которые требовались радиоволнам на путь до Луны и обратно. Участников передачи это, конечно, не выручало, но зритель, просматривая обработанную искусным редактором ленту, не ощущал никакого неудобства от того, что действующие лица были разделены расстоянием около четырехсот тысяч километров.

В числе слушателей был и главный инженер Лоуренс. Он удобно лежал на поверхности Моря Жажды, глядя в пустынное небо. Впервые за много часов выдалась передышка, но мысли роились в голове, не позволяя уснуть. Не говоря уже о том, что Лоуренс просто не мог спать в скафандре. Да и не нужно это: первые иглу уже в пути из Порт-Рориса. Как только их доставят, он устроится с удобствами, которые и заслужены, и необходимы.

Что бы ни говорили изготовители, больше суток в скафандре не проработаешь с полной отдачей. Причин много, и все они более или менее

очевидные. Взять хоть эту отвратительную «космическую чесотку», которая поражает поясницу — и другие места — после суточного заточения в гермокостюме. Врачи уверяют, что это чисто психологическое, и многие космические эскулапы героически носили скафандр по неделям и больше, чтобы доказать это. Увы, их пример не помог искоренить недуг…

Космические скафандры породили свой фольклор, обширный и многоликий, не всегда пристойный, с особой терминологией. Никто не знает точно, почему одна знаменитая модель семидесятых годов была названа «Железной Девой», но любой космонавт охотно объяснит, за что выпущенная в 2010 году «Модель XIV» получила имя «Камеры Пыток». Иное дело, что не всякий поверит, будто скафандр был создан женщиной-инженером с садистскими наклонностями, которая вознамерилась жестоко отомстить противоположному полу.

Пока что Лоуренс чувствовал себя совсем неплохо. Радио доносило голоса воинствующих дилетантов, вдохновенно излагающих свои идеи. Что ж, возможно (хотя и мало вероятно), кто-нибудь из этих необузданных мыслителей и придумает что-нибудь толковое. На памяти

главного такие вещи случались, и он был готов слушать предложения более терпеливо, чем доктор Лоусон, который явно никогда не научится снисходительно относиться к дуракам.

Том Лоусон только что разгромил инженера-любителя с Сицилии, предложившего разогнать пыль с помощью соответственно размещенных реактивных авиадвигателей. Типичный случай: теоретически в этом проекте как будто нет пороков, однако подойди к нему с практической стороны — и все рушится. Пыль можно разогнать, но для этого нужен неограниченный приток воздуха. Пока доводы речистого итальянца переводили на английский язык, Лоусон быстро сделал расчеты.

— По моим подсчетам, синьор Гузальи, — сказал он, — чтобы воздушной струей вырыть шахту нужного диаметра, надо подавать не меньше пяти тысяч тонн воздуха в минуту. Такого количества к месту работ не доставишь.

— Э, можно собирать использованный воздух и снова пускать его в дело!

— Благодарю вас, синьор Гузальи, — вмешался решительный голос ведущего. — Следующий — мистер Робертсон из Лондона, провинция Онтарио. В чем заключается ваш план, мистер

Робертсон?

— Я предлагаю замораживание.

— Постойте, — возразил Лоусон, — как можно заморозить пыль?

— Сперва пропитать ее водой. Затем опустить рефрижераторные трубы и все превратить в лед. Получится твердая масса, которую легко будет бурить.

— Интересная мысль, — как-то неохотно признал Лоусон. — Во всяком случае, не такая вздорная, как некоторые предыдущие. Но для этого нужно очень много воды. Не забудьте, пылеход лежит на глубине пятнадцати метров…

— Сколько это будет в футах? — спросил канадец тоном, который тотчас выдавал в нем несгибаемого представителя антиметрической школы.

— Пятьдесят, и я уверен, что вам это известно так же хорошо, как мне. Диаметр ствола должен быть не меньше метра — по-вашему, ярд. Так, округляем: пятнадцать на десять в квадрате, на десять и… словом, пятнадцать тонн воды. Это если исключить утечку, на деле понадобится несравненно больше, возможно, около ста тонн. Как вы думаете, сколько будет весить морозильная установка со всем снаряжением?

А он совсем не плохо справляется! Не в пример большинству знакомых Лоуренсу ученых, Лоусон сразу схватывал практическую суть и к тому же быстро считал. Обычно, когда астроному или физику нужно быстро сделать расчет, они при первой попытке ошибаются на десятки, если не на сотни. Насколько Лоуренс мог судить, у Тома Лоусона сразу получался верный ответ.

Канадский энтузиаст замораживания все еще отстаивал свою идею, но его выключили, чтобы передать слово одному жителю Африки, который предлагал прямо противоположное средство — тепло. Установить огромное вогнутое зеркало, фокусировать солнечные лучи на поверхности лунной пыли и сплавить ее в компактную массу…

Чувствовалось, что Лоусон с трудом держит себя в руках. Сторонник солнечной плавки оказался одним из упрямых знатоков-самоучек, которые слишком уверены в непогрешимости своих расчетов. Спор разгорелся нешуточный, но тут в ушах главного инженера прозвучал громкий голос:

— Пылекаты идут, мистер Лоуренс.

Главный перевернулся и сел, потом вскарабкался на плот. Если пылекаты уже видно, значит

они совсем близко. Так и есть, вот Пылекат-1, и с ним Пылекат-3, совершивший трудное путешествие с Озера Жажды на Фарсайде. Поход, который сам по себе был настоящим подвигом. Но об этом подвиге знает только горстка людей.

Каждый пылекат тащил на буксире по двое саней. Вот они подошли к плоту, и тотчас спасатели начали сгружать большой ящик, в котором лежало иглу. Лоуренс всегда с интересом смотрел, когда надували иглу, но теперь он особенно нетерпеливо ждал конца этой процедуры. (Ну, конечно, только космической чесотки ему не хватало!...) Все делалось автоматически: сорвать печать, нажать два раздельных рычага — страховка от непроизвольного включения — и ждать.

Ожидание не затянулось. Ящик распался, и показалась тщательно сложенная серебристая ткань, которая шевелилась, словно живое существо... Однажды Лоуренс наблюдал, как, постепенно расправляя крылья, из куколки выходила бабочка. Ну, в точности!... Правда, бабочке потребовалось около часа, чтобы явиться во всем своем великолепии; иглу устанавливали за три минуты.

Насос толчками подавал воздух, и оболочка

дергалась, все больше раздуваясь. Вот уже около метра в высоту, теперь растет скорее вширь… Дошла до шва, и снова тянется вверх. Резкое движение — это расправилась переходная камера. И все это в полной тишине, хотя казалось, что должно быть слышно натужное сопение и пыхтение.

Осталось совсем немного… Вот теперь видно, насколько метко название «иглу». Конечно, снежные домики защищали эскимосов от совсем другой (хотя и не менее враждебной человеку) среды, но форма была такая же. Сходство задач повлекло за собой и сходство конструкции.

«Отделка» занимала гораздо больше времени, чем установка иглу. Все — койки, кресла, столы, шкафы, электронные аппараты — надо было вносить через переходную камеру. Некоторые предметы покрупнее входили еле-еле, но входили!

Наконец радио донесло:

— Добро пожаловать!

Лоуренс не стал медлить. Он начал расстегивать скафандр еще во внешнем отсеке двухступенчатой переходной камеры, и как только услышал в сгущающейся атмосфере голоса из внутреннего помещения, снял гермошлем.

Хорошо!… Можно нагнуться, повернуться, по-

чесаться, двигаться без помех, по-человечески говорить со своими товарищами. В тесной душевой вода смыла с него все запахи скафандра; теперь пора и за работу. Надев шорты (в иглу одевались легко), он сел за стол, чтобы посовещаться со своими помощниками.

Большая часть заказанных им предметов прибыла в этот заход, остальное через несколько часов доставит Пылекат-2. Пробегая глазами списки, Лоуренс почувствовал себя хозяином положения. Кислород им обеспечен, если только не будет какого-нибудь нового срыва. Правда, у них на исходе вода, но это легко поправить. Несколько сложнее будет с едой, а впрочем, достаточно придумать подходящую упаковку. Кстати, Управление столовых уже прислало шоколад, сушеное мясо, сыр и даже тонкие французские булочки — все уложено в цилиндры шириной три сантиметра. Сейчас их отправят вниз по трубам, и пассажиры сразу воспрянут духом.

Но все это было не столь важно; главное — рекомендации его «мозгового треста», воплощенные в дюжине чертежей и лаконичном меморандуме на шести страницах. Лоуренс читал очень внимательно, время от времени кивая. Собственно, он и сам уже пришел к тому же выводу. Другого

пути просто нет.

Пассажиров можно спасти, но «Селена» совершила свое последнее путешествие.

Глава 24

Похоже было, что вихрь, который вырвался через трубу из «Селены», унес с собой не только застоявшийся воздух. Вспоминая первые часы после катастрофы, коммодор Ханстен мысленно отметил, что когда прошел первоначальный шок, на корабле временами царило какое-то взвинченное, даже несколько истерическое настроение. В своих стараниях поднять дух они порой перехлестывали, сбиваясь на нарочитое веселье и чуть ли не детские потехи.

Теперь это позади, и нетрудно понять — почему. Дело не только в том, что спасатели близко: встреча лицом к лицу со смертью изменяет человека. Трусость и себялюбие осыпались, как окалина; пришла спокойная твердость духа.

Все это было знакомо Ханстену. Он много раз наблюдал то же самое, когда экипажи космических кораблей попадали в трудные переделки в далеких далях солнечной системы. Коммодор от природы не был расположен философствовать, однако в космосе оставалось достаточно времени для раздумий. Иногда Ханстен спрашивал себя, не потому ли человек ищет опасностей, чтобы

через них прийти к сплоченности и товариществу, к которым он — пусть неосознанно — так стремится?

Жаль расставаться со всеми этими людьми. Даже с мисс Морли, которая теперь вдруг стала обходительной и тактичной, в меру своих сил…

Коммодор был настолько уверен в успехе спасательной операции, что уже думал о предстоящем расставании. Конечно, всякое может случиться, и все-таки, похоже, они застрахованы от неожиданностей. Как именно главный инженер Лоуренс будет извлекать их на поверхность — пока неизвестно, но он несомненно это сделает. Опасность миновала, остались только неудобства, которые вполне можно вынести.

О каких-либо лишениях не приходится говорить с тех пор, как по трубам вниз посыпались цилиндры с продовольствием. Конечно, им и без того не грозила голодная смерть, но стол был несколько однообразен, а воды и вовсе не хватало.

Теперь-то все цистерны полны, сотни литров в запасе.

Странно, что осмотрительный и дальновидный коммодор Ханстен ни разу не спросил себя, куда подевалась вся вода из цистерн «Селены»?

Разумеется, голова его была занята более неотложными делами. И все-таки он должен был насторожиться, уж очень много воды им накачали сверху. Коммодор задумался над этим только тогда, когда было уже поздно.

Не меньше него были повинны в недосмотре Пат Харрис и главный инженер Лоуренс. Блестящий план, отличное выполнение, и всего лишь одна трещина. А больше и не надо…

Инженерный отдел Эртсайда продолжал работать вовсю, но отчаянная гонка с часовой стрелкой прекратилась. Теперь время позволяло изготовить макеты пылехода, погрузить их в море у Порт-Рориса и испытать разные решения завершающей операции. Советы — разумные и прочие — продолжали сыпаться со всех сторон, но на них никто не обращал внимания. Способ определен, и никаких поправок не будет, если не случится ничего неожиданного.

Через двадцать четыре часа после установки иглу приспособления были изготовлены и доставлены на место. Да, рекорд, но Лоуренс от души мечтал, что ему никогда не понадобится его превышать, как ни гордился он людьми, которые совершили этот подвиг. Инженерный отдел редко пожинал заслуженные лавры, его усилия

воспринимались, как должное — как воздух, который подавали те же инженеры.

Теперь, когда все пошло на лад, Лоуренс ничуть не возражал против того, чтобы выступить, и Морис Спенсер был только рад ему помочь. Он давно ждал этого случая.

Кстати, если ему не изменяла память, впервые телевизионную камеру и интервьюируемого разделяло пять километров. При таком огромном увеличении картинка, понятно, слегка расплывалась, и малейшие толчки заставляли ее плясать на экране. Поэтому все на борту старались не шевелиться, а приборы и аппараты — кроме самых необходимых — были выключены.

Главный инженер Лоуренс стоял в скафандре на краю плота, опираясь на небольшой подъемный кран. Под стрелой крана висел широкий, открытый с обеих сторон бетонный цилиндр — первая секция колодца, который должен был пронизать лунную пыль.

— Мы все обдумали и решили, что это будет

лучший способ, — сказал Лоуренс далекой телекамере (хотя слова его были в первую очередь обращены к людям, погребенным на глубине пятнадцати метров под плотом). — Этот цилиндр называется кессоном. Под действием собственного веса он легко погрузится в пыль, заостренная нижняя кромка войдет в нее, как нож в масло. Составим несколько секций и так доберемся до пылехода. Когда нижняя секция станет на его крышу, можно выбирать пыль, соединение будет достаточно плотным. И получится как бы колодец, шахта, которая соединит нас с «Селеной». Но это еще только половина дела. Потом надо накрыть колодец одним из наших герметических **и**глу, чтобы можно было пробивать крышу пылехода, не опасаясь потери воздуха. Думаю... надеюсь, что все это будет не так уж трудно.

Он помедлил, спрашивая себя, касаться ли других подробностей, которые делают операцию гораздо сложнее, чем она кажется на первый взгляд. Да нет, не стоит: кто в этом разбирается, сам поймет, а остальным это ни к чему, подумают, что он набивает себе цену. Пока все идет хорошо, незримые наблюдатели (по сведениям начальника «Лунтуриста», за ними сейчас следит около полумиллиарда телезрителей) его не

смущают. Если же что-нибудь не заладится…

Главный поднял руку, сигналя крановщику.

— Майна!

Четырехметровый цилиндр начал медленно уходить в пыль; вот погрузился совсем, только самый край остался над поверхностью. Так, первая секция есть… Хоть бы и остальные оказались столь же послушными.

Один из спасателей осторожно прошел с уровнем в руках по ободу, проверяя, нет ли перекоса. Он поднял кверху большой палец. Лоуренс ответил ему тем же. Когда-то он не хуже любого монтажника владел языком жестов; умение в их профессии достаточно важное, так как радио могло подвести, к тому же каналы связи чаще всего были заняты более важными задачами.

— Приготовить вторую! — распорядился главный инженер.

Это будет уже посложнее: удерживать первую секцию неподвижно и присоединить к ней вторую так, чтобы не сбить наладку. По чести говоря, для такой работы нужно два крана… Ладно, рама из двутавровых балок, прилаженная над самой поверхностью моря, примет на себя часть нагрузки.

«Теперь только бы не промахнуться!» — мыс-

ленно взмолился главный инженер. Вторая секция оторвалась от саней, которые доставили ее из Порт-Рориса; три техника вручную выровняли бетонное кольцо, и оно повисло строго вертикально. Вот когда надо было помнить о разнице между массой и весом. Как ни мало весил качающийся цилиндр, его инерция была той же, что на Земле, и он мог расплющить зазевавшегося человека. Бросалось в глаза замедленное движение этой подвешенной массы. На Луне скорость качания маятника наполовину меньше, чем на Земле. Привыкнуть к этому неуроженцу Луны было почти невозможно.

Но вот вторая секция легла на первую, соединение готово, и Лоуренс снова командует: «Майна!» Сопротивление возросло, однако кессон под собственной тяжестью плавно ушел в пыль.

— Восемь метров есть, — сказал Лоуренс. — Уже больше половины. Давайте третью секцию.

Потом пойдет четвертая — и все. Правда, он на всякий случай заказал запасную секцию. Способность Моря Жажды поглощать арматуру внушала ему тревогу. Пока пропало лишь несколько болтов и гаек, но если с крана сорвется бетонное кольцо, оно мигом утонет. Пусть даже неглубоко (например, упадет боком) — и двух метров доста-

точно, можно считать эту секцию пропавшей. Спасать спасательное снаряжение некогда.

Третья секция погрузилась в пыль заметно медленнее. Ничего, лишь бы шла. Еще несколько минут, и они упрутся в крышу пылехода.

— Двенадцать метров, — внятно произнес Лоуренс. — «Селена», мы всего в трех метрах от вас, вы вот-вот нас услышите.

Они услышали. И насколько легче сразу стало на душе! Еще за десять минут до того Ханстен приметил, как кислородная труба подрагивает, соприкасаясь с опускаемым кессоном. Сразу было видно, когда кессон останавливался, а когда двигался снова.

Опять толчок, и одновременно с потолка посыпалась пыль. Трубы, по которым подавался воздух, торчали вниз сантиметров на двадцать, швы Пат обмазал быстросхватывающимся цементом, который входил в аварийное снаряжение любого космического корабля. Видимо, эта замазка теперь ослабла. Но мельчайший пылевой дождь, сочившийся сквозь щели, был слишком слаб, чтобы вызвать тревогу. Все-таки Ханстен решил обратить на него внимание капитана.

— Странно, — заметил Пат, глядя на конец трубы. — Этот цемент ничего не должен про-

пускать…

Он вскарабкался на кресло и тщательно осмотрел шов. Минуту помолчал, потом соскочил на пол. Пат был явно озабочен.

— В чем дело? — тихо спросил Ханстен.

Коммодор уже достаточно изучил Пата, он сразу понял, что случилось неладное.

— Труба ползет вверх, — ответил капитан. — На плоту кто-то работает очень небрежно. Ушла на целый сантиметр с тех пор, как я замазывал шов.

Вдруг он побледнел.

— Боже мой, — прошептал Пат. — А вдруг дело в нас, *вдруг мы продолжаем погружаться?*

— Что тогда? — спокойно спросил коммодор. — Ничего удивительного, если пыль сжимается под нашим весом. Это еще не означает, что нам грозит опасность. Судя по этой трубе, мы за двадцать четыре часа погрузились на один сантиметр. Понадобится, нарастят сверху.

Пат сконфуженно рассмеялся.

— Ну да, так и есть. И как я сам не догадался! Наверное, мы все время медленно оседаем, просто до сих пор не было случая убедиться в этом. Ладно, я все-таки доложу мистеру Лоуренсу, это может повлиять на его расчеты.

Пат Харрис повернулся, чтобы идти в носовую часть кабины. Он не сделал и двух шагов.

Глава 25

Миллион лет понадобился природе, чтобы устроить ловушку, в которую попала «Селена». А второй раз судно само себе вырыло яму.

Конструкторам незачем было предельно облегчать пылеход, тем более, что путешествия длились всего несколько часов. Поэтому они не снабдили «Селену» хитроумным, хотя и не очень афишируемым устройством, которое позволяет космическим кораблям пускать в повторный обиход использованную воду. Здесь не было нужды беречь каждую каплю, и все, что попадало в канализацию, пылеход просто-напросто выбрасывал за борт.

За последние пять суток в окружающую среду ушла не одна сотня килограммов влаги и испарений. Жадно поглощая воду, лунная пыль у выбросных отверстий намокла и стала жидкой грязью. Влага пронизала весь прилегающий участок Моря; медленно и неприметно пылеход размыл свое ложе. Слабый толчок опущенного сверху кессона довершил дело.

Первым признаком, по которому на плоту догадались, что произошла катастрофа, был

прерывистый свет красной лампочки на воздухоочистителе. Одновременно в шлемофонах спасателей на всех каналах завыла радиосирена. Вой смолк, едва дежурный техник нажал кнопку выключателя, но красная лампочка продолжала мигать.

Лоуренс тотчас понял причину тревоги, едва взглянул на приборы. Соединение воздухопровода — обеих труб — с «Селеной» нарушено, очиститель по одной трубе гонит кислород прямо в Море, а через вторую (вот незадача!) сосет пыль. «Что будет с фильтрами!» — спросил себя главный, но тут же оставил эту мысль и принялся вызывать пылеход.

«Селена» молчала. Он перебрал все рабочие волны, но не мог уловить даже шороха несущей частоты. Море Жажды было непроницаемо как для звуков, так и для радиоволн.

«Погибли, — мысленно заключил главный, — конец. Еще бы чуть, и спасли. Не вышло. Всего часа не дотянули!»

Что же могло произойти? Может быть, корпус не выдержал веса пыли? Вряд ли. Внутреннее давление воздуха достаточно велико, чтобы противостоять нагрузке извне. Значит, новое оседание. Кажется, он даже ощутил легкий тол-

чок. Главный инженер с самого начала опасался нового обвала, но не знал, как отвратить угрозу. Они пошли на риск — и «Селена» проиграла…

Пат Харрис сразу, как только «Селена» сдвинулась, почувствовал, что это оседание совсем не похоже на первый обвал. Оно происходило намного медленнее, и снаружи что-то скрипело и сипело. Даже в такую отчаянную минуту Пат не мог не удивиться: как может пыль издавать такие звуки?… Трубы уходили вверх, уходили рывками, потому что корма погружалась быстрее и судно заметно накренилось. Затрещал фиберглас, и задняя труба вырвалась из отверстия в потолке по соседству с переходной камерой. Мгновенно струя пыли хлынула вниз, ударилась об пол и расплылась в воздухе легким облачком.

Коммодор Ханстен стоял ближе всех к отверстию и первым подскочил к нему. Сорвав с себя рубашку, он мигом свернул ее комом и сунул затычку в дыру. Пыль не унималась, сочилась в щели, но и коммодор не сдавался. Он почти справился с ней, когда выскользнула труба в носовой части. Тотчас погас главный свет — снова порвался кабель…

— Я управлюсь здесь! — крикнул Пат. Он тоже остался без рубашки и вступил в поединок с лун-

ной пылью.

Пат Харрис десятки раз выходил в Море Жажды, но никогда еще ему не доводилось осязать его. Серая пудра проникла в нос, засыпала глаза, наполовину задушив и совершенно ослепив капитана. И хотя она была сухая, как прах из склепа фараона (даже суше, ведь Море в миллион раз старше любой пирамиды!), на ощупь лунная пыль оказалась скользкой, как мыло. Пат поймал себя на мысли, что быть похороненным заживо, наверное, хуже, чем утонуть… Но вот фонтан превратился в тонкую струйку, и он понял, что на этот раз страшная участь его миновала. Благодаря слабому лунному тяготению пятнадцатиметровый столб пыли давил не так уж сильно. Впрочем, будь отверстия в потолке намного шире, еще неизвестно, чем бы все это кончилось.

Отряхнув пыль с головы и плеч, Пат осторожно открыл глаза. Ничего, зрение в порядке. Хорошо, что аварийное освещение не подвело. Не очень-то яркий свет, но все-таки лучше, чем ничего. Коммодор уже законопатил щель и теперь спокойно брызгал водой из бумажного стакана, чтобы осадить пыль. Способ оказался очень действенным, и серые облака быстро превратились в лужицы грязи на полу. Подняв голову, Ханстен

поймал взгляд Пата.

— Ну, капитан, — заговорил он. — Ваше мнение?

Олимпийское самообладание! Это самообладание может вывести человека из себя, подумал Пат. Хоть бы раз увидеть коммодора растерянным! Нет, вздор, это в нем зависть говорит, даже ревность, вполне понятная, но не достойная Пата. Он пристыдил себя.

— Не представляю, что произошло, — ответил он. — Может быть, сверху нам скажут?

Корабль наклонился под углом тридцать градусов, и к месту водителя надо было идти в гору. Садясь перед радиостанцией, Пат вдруг ощутил тупое отчаяние, какого не испытывал со времени рокового обвала. Такое чувство, словно все боги обратились против них и дальше сражаться нет смысла.

Он окончательно уверился в этом, когда попытался включить радиостанцию и обнаружил, что она не работает. Нет тока, злополучная труба потрудилась на славу…

Пат медленно повернулся в кресле. Двадцать один человек пытливо смотрели на капитана: что он скажет? Из них двадцать сейчас не существовали для него. Пат видел только лицо Сью,

ее глаза. Озабоченный, напряженный взгляд, но даже теперь без страха. И отчаяние прошло, его вытеснил приток сил и надежды.

— Честное слово, не знаю, что случилось, — сказал он. — Но в одном я уверен: мы еще не пропали, до этого далеко, сто световых лет. Даже если погрузимся еще немного, ничего страшного нет, наши товарищи на плоту скоро опять нащупают нас. Небольшая отсрочка, и только. Тревожиться нечего.

— Я не хочу показаться паникером, капитан, — заговорил Баррет, — но если плот тоже затонул? Что тогда?

— Это мы проверим, как только я налажу радиоконтакт, — ответил Пат, сумрачно глядя на болтающиеся под потолком провода. — И пока я не распутаю эту вермишель, придется нам обходиться аварийным освещением.

— Я не возражаю, — заметила миссис Шастер. — По-моему, так очень мило.

«Спасибо тебе, добрая душа», — мысленно произнес Пат. Он быстро обвел взглядом остальных. При таком свете трудно разглядеть выражение лиц, но как будто все спокойны… Спокойствие длилось ровно минуту — больше не понадобилось, чтобы убедиться: ни радио, ни света не

починить. Провода вырвало из защитной трубки, и нет нужного инструмента.

— Это уже хуже, — заключил Пат. — Мы ничего не можем им сказать, пока сверху к нам не спустят микрофон.

— А это значит, — подхватил Баррет, явно склонный подмечать самые мрачные стороны, — что они не могут сообщаться с нами. Будут недоумевать, почему мы не отвечаем. Еще решат, что мы погибли, и прекратят спасательную операцию!...

Эта мысль уже приходила в голову Пату, но он тотчас изгнал ее.

— Вы слышали главного инженера Лоуренса, — сказал он. — Главный — не такой человек, чтобы сдаться, пока есть хоть малейшая надежда. На этот счет можно не беспокоиться.

— Как с воздухом? — озабоченно спросил профессор Джаяварден. — Ведь мы опять зависим от собственных ресурсов.

— Очистители снова работают, так что теперь его хватит на много часов, — ответил Пат. — К тому же нам скоро опять подадут трубы. — Он надеялся, что голос его звучит достаточно уверенно. — Наберемся терпения и придумаем себе занятие. Три дня выдержали, как-нибудь выдержим

еще час-другой.

Он поглядел вдоль рядов, проверяя, есть ли несогласные. И увидел, что один из пассажиров медленно поднимается на ноги. Это был тихий щуплый мистер Редли, который с начала путешествия и десяти слов не сказал. Пат по-прежнему знал о нем лишь то, что он бухгалтер, родом из Новой Зеландии, единственной страны на Земле, которая из-за своего географического положения еще осталась в какой-то мере обособленной. Разумеется, попасть туда так же просто, как в любую иную точку земного шара, но Новая Зеландия — конечная станция, не промежуточная остановка на большой магистрали. И новозеландцы продолжали гордо оберегать свою индивидуальность. Не без основания они утверждали, что сумели спасти остатки английской культуры, после того как Атлантическое сообщество поглотило Британские острова.

— Вы хотите что-то сказать, мистер Редли? — спросил Пат.

Редли посмотрел вокруг взглядом учителя, который собирается обратиться к своему классу.

— Да, капитан, — начал он, — я должен сделать признание. Боюсь, во всем, что произошло с нами, виноват я.

Когда главный инженер Лоуренс прервал свой репортаж, понадобилось всего две секунды, чтобы Земля узнала о новой беде; до Марса и Венеры весть дошла через несколько минут. Но что именно случилось? По изображению на экране телевизора не понять… Сперва люди на плоту заметались, забегали, потом переполох как будто кончился, и фигуры в скафандрах сбились в кучу. Видимо, шло совещание. Но работала только внутренняя связь, и зрители не слышали ни слова. Ужасно было наблюдать этот немой разговор, не зная, о чем идет речь. Пока тянулись долгие томительные минуты неизвестности и студия пыталась выяснить, что происходит, Жюль Брак старался выбрать хороший кадр — вовсе не простое дело, когда сцена статична, а ты привязан к одной, пусть даже самой удачной, точке. Как и все операторы, Жюль терпеть не мог стоять на месте. Такая скованность действовала ему на нервы. Он даже спросил, нельзя ли перелететь на другое место, и услышал в ответ от капитана Ансона:

— Черта с два, стану я прыгать взад-вперед по этим горам. Это космический корабль, а не… не серна.

Панорамы да наезды — вот и все приемы, которыми мог пользоваться Жюль, да и то в

меру; ничто не раздражает зрителя так, как стремительные скачки взад-вперед в космосе или быстрый наплыв, когда изображение словно взрывается прямо в лицо. Трансфокатор позволял Жюлю «мчаться» по Луне со скоростью пятидесяти тысяч километров в час. От такой гонки хоть кого замутит…

Наконец немая летучка закончилась; спасатели отключили свои телефоны. Может быть, теперь Лоуренс ответит на радиовызовы, которые сыпались на него последние пять минут?

— Господи! — воскликнул Спенсер. — Вы видите? Это что же такое!

— Вижу, — отозвался капитан Ансон. — Просто невероятно! Похоже, они уходят…

Пылекаты с людьми устремились прочь от плота, словно шлюпки от тонущего корабля.

Глава 26

Пожалуй, только хорошо, что связь с «Селеной» прервалась: вряд ли пассажиров ободрило бы известие о том, что пылекаты отступили. Впрочем, в этот миг на судне о спасателях вообще не думали — всех привлек неожиданный выход Редли на тускло освещенную сцену.

— Как это понимать: вы во всем виноваты? — Пат нарушил напряженную тишину, пока что только напряженную, без тени враждебности, так как никто не принял всерьез слова новозеландца.

— Это долгая история, капитан. — Редли говорил совсем бесстрастно, но были в его голосе какие-то странные нотки, которых Пат не мог определить. Казалось, они слышат речь робота; у Пата поползли мурашки по спине.

— Я не хочу сказать, что ***намеренно*** вызвал беду, — продолжал Редли. — Но боюсь, она не случайна, и я очень жалею, что втянул в это вас. Понимаете, ***они*** преследуют меня.

«Только этого нам не хватало, — подумал Пат. — Все, все обращается против нас! В нашей маленькой компании есть истеричная старая дева,

есть наркоман, теперь вот сумасшедший объявился. Что еще на нас свалится, прежде чем наступит конец?»

Но он тут же сказал себе, что несправедлив. По правде говоря, ему очень повезло. С одной стороны — Редли, мисс Морли и Ханс Бальдур (кстати, Бальдур после того единственного происшествия, о котором никто не поминал, вел себя безукоризненно), зато с другой стороны — коммодор, доктор Мекензи, Шастеры, маленький профессор Джаяварден, Девид Баррет. Да и все остальные пока без ропота выполняли распоряжения капитана. Пат вдруг ощутил прилив доброго чувства, даже нежности к этим людям за их деятельную или бездеятельную поддержку.

Особенно к Сью, которая и на этот раз нашлась раньше него. В своем отсеке на корме она с самым непринужденным видом, как бы между делом, незаметно — во всяком случае, для Редли — достала из аптечки ампулу со снотворным. Если он что-нибудь затеет, она примет меры.

Но пока что в поведении Редли не было ничего угрожающего. Он вполне владел собой, говорил внятно и рассудительно — ни безумного блеска в глазах, ни каких-либо иных внешних признаков ненормальности. Обыкновенный пожилой бух-

галтер из Новой Зеландии, проводящий отпуск на Луне.

— Это очень интересно, мистер Редли, — сказал коммодор Ханстен ровным голосом, — но вы уж простите нам наше невежество. Кто это — «они», и почему они вас преследуют?

— Вы, конечно, слышали, коммодор, о летающих блюдцах?

«Летающих… ***что?***» — удивился Пат. Ханстен явно был лучше осведомлен.

— Да, слышал, — ответил он, сразу поскучнев. — Читал в старых книгах о космонавтике. Кажется, лет восемьдесят тому назад с ними был связан настоящий массовый психоз?

(Эх, некстати он употребил слово «психоз»… Слава богу, Редли не обиделся).

— О, — возразил бухгалтер, — они появились гораздо раньше. Но только в прошлом столетии люди обратили на них внимание. Есть старинная рукопись, еще в тысяча двести девяностом году один английский аббат подробно описал летающее блюдце. Да их и раньше наблюдали. До двадцатого века отмечено больше десяти тысяч случаев.

— Минутку, — вмешался Пат. — Что это значит— «летающее блюдце»? Я ничего не пони-

маю.

— Боюсь, капитан, ваше образование страдает пробелами, — сочувственно произнес Редли. — Термин «летающее блюдце» широко распространился с тысяча девятьсот сорок седьмого года. Так называли странные, чаще всего овальной формы аппараты, которые уже много столетий изучают нашу планету. Кое-кто предпочитает говорить «неопознанные летающие предметы».

Что-то зашевелилось в памяти Пата. В самом деле, он слышал этот термин в связи с гипотезами об инопланетниках. Но нет никаких доказательств того, что нашу солнечную систему посещали космические корабли из других миров.

— Вы и впрямь верите, — скептически спросил кто-то из пассажиров, — что вокруг Земли слоняются гости из космоса?

— Больше того, — ответил Редли. — Они часто приземлялись и вступали в контакт с людьми. До появления человека на Луне у них была база на Фарсайде, но они ее уничтожили, как только первые топографические ракеты начали крупномасштабную съемку.

— Откуда вы все это знаете? — удивился один из пассажиров.

Но недоверие аудитории нисколько не сму-

тило Редли; он, видимо, давно привык к этому. Новозеландец излучал убежденность, которая — как ни мало обоснована она была — невольно передавалась другим. Он преотлично чувствовал себя в странном воображаемом мире, куда его занесло помешательство.

— Мы… установили с ними контакт, — произнес он торжественно. — Несколько человек сумели вступить в телепатическую связь с экипажами летающих блюдец. И нам уже довольно много известно о них.

— А другие люди? — заговорил еще один маловер. — Если и впрямь около Земли летают блюдца, почему их не видели ни наши астрономы, ни космонавты?

— В том-то и дело, что видели, — ответил Редли, снисходительно улыбаясь. — Видели, да никому не говорят. Ученые объединились в заговоре молчания, им не хочется признавать, что в космосе есть создания куда умнее нас. И когда летчик докладывает, что встретил блюдце, его поднимают на смех. Понятно, что космонавты предпочитают помалкивать о своих встречах.

— А вам, коммодор, они попадались? — спросила миссис Шастер, явно склонная верить новозеландцу. — Или вы тоже участвуете в этом

— как его назвал мистер Редли? — заговоре молчания?

— К сожалению, должен вас огорчить, — сказал Ханстен. — Вы можете мне не поверить, но все космические корабли, которые я когда-либо встречал, числятся в Регистре Ллойда.

Он поймал взгляд Пата и чуть кивнул, словно говоря: «Пойдем, посовещаемся в переходной камере». Теперь, когда стало ясно, что Редли безобиден, Ханстен был даже рад происшествию, которое так быстро отвлекло пассажиров от нового осложнения. Если бредовый вымысел маленького бухгалтера их занимает, пусть себе чудит.

— Ну, Пат, — сказал коммодор, едва дверь отсекла их от оживленно спорящих пассажиров, — что вы думаете о нем?

— Неужели он верит в этот вздор?

— В том-то и дело, что верит. Я уже встречал таких людей.

Ханстен достаточно хорошо знал странный психоз, во власти которого был Редли; недаром он увлекся космоведением еще в двадцатом веке. В молодости коммодор прочел даже некоторые оригинальные писания на эту тему; это был такой бесстыдный обман или детское простодушие,

что он даже поколебался в своем взгляде на человека как на разумное существо. Становилось не по себе при одной мысли о том, что подобная литература могла пользоваться бешеным успехом. Правда, большинство книг этого рода вышло в «Безумные Пятидесятые» годы, которые были порой психозов.

— Положение нелепейшее, — пожаловался Пат. — В ***такой*** час все пассажиры заняты спором о летающих блюдцах!

— А по-моему, это превосходно, — ответил коммодор. — Чем еще вы предложите им заняться? Скажем прямо, ведь нам остается только сидеть и ждать, пока Лоуренс снова постучится в крышу.

— Если он еще там. Баррет прав, плот мог затонуть.

— Вряд ли… Толчок был очень слабый. Как по-вашему, на сколько мы опустились?

Вопрос Ханстена заставил Пата призадуматься. Теперь ему казалось, что они падали долго. Полутьма, сражение с пылью — все это нарушило чувство времени, и он мог только гадать.

— Ну, метров на десять…

— Чепуха! Это длилось всего несколько секунд. Два-три метра, не больше.

«Хоть бы коммодор оказался прав», — подумал

Пат. Он знал, насколько трудно судить о малых ускорениях, особенно когда внимание притупилось. Из всех находившихся на борту «Селены» у одного Ханстена есть нужный опыт. Надо думать, его оценка точна. И уж во всяком случае она обнадеживает.

— На поверхности, наверное, ничего и не почувствовали, — продолжал Ханстен. — И теперь удивляются, почему не могут нас нащупать. Вы уверены, что нам не под силу наладить радиостанцию?

— Уверен. Всю распределительную коробку сорвало вместе с частью кабеля. Из кабины не добраться.

— Н-да, ничего не поделаешь. Ладно, пошли, пусть Редли попытается обратить нас в свою веру, если сумеет.

Жюль около ста метров провожал объективом пылекаты, прежде чем обнаружил, что они увозят меньше людей, чем привезли. Семь человек, а было восемь.

Он тотчас дал задний ход и благодаря то ли счастливому случаю, то ли прозорливости, отличающей блестящего оператора от рядового, поймал плот как раз в тот миг, когда Лоуренс нарушил свое радиомолчание.

— Говорит главный инженер Эртсайда. — У него был усталый и расстроенный голос человека, тщательно разработанные планы которого вдруг рухнули. — Прошу извинить за перебой, но, как вы, очевидно, догадались, у нас произошла авария. Должно быть, снова оседание. На сколько метров — неизвестно. Мы потеряли «Селену», и она не отвечает на наши вызовы. Я велел своим людям отойти на несколько сот метров в сторону. Вряд ли нам грозит опасность, но лучше не рисковать. Пока что я тут и один справлюсь. Слушайте мой вызов через несколько минут.

Миллионы зрителей увидели, как Лоуренс, присев на краю плота, собирает щуп, которым в первый раз обнаружил пылеход. Двадцать метров. Если корабль погрузился глубже, придется изобретать что-нибудь еще. Вот щуп уходит в пыль. Чем ближе к той глубине, где прежде лежала «Селена», тем медленнее. Скрылась метка 15 — пятнадцать метров. Щуп был словно копье, вонзающееся в тело Луны. «Сколько еще?» — шептал про себя Лоуренс в тишине скафандра.

Ответ ошеломил его. Прямо хоть смейся, не будь положение столь серьезным: после метки щуп прошел всего полтора метра. Но вот что гораздо хуже, «Селена» осела неравномерно. Проверка

показала, что корма лежит глубже носа, перекос — тридцать градусов. Одного этого было достаточно, чтобы поломать планы Лоуренса: ведь он рассчитывал, что кессон плотно, без зазоров ляжет на горизонтальную крышу.

Впрочем, сейчас Лоуренса в первую очередь заботило другое. Радио пылехода молчит (хорошо, если только из-за неисправности питания) — как проверить, живы ли люди? Они-то услышат стук щупа, но сами не могут ничего передать наверх…

Как так не могут?! Есть способ, самый легкий и примитивный, какой только можно себе представить! Настолько примитивный, что после полутораста лет электроники немудрено и запамятовать.

Лоуренс выпрямился и вызвал пылекаты.

— Можете возвращаться, — сказал он. — Никакой опасности нет. Пылеход осел всего на метр-другой.

Главный уже забыл про следящие за ним миллионы глаз. Еще предстояло разработать новый план действий, но первый шаг был ему ясен.

Глава 27

Когда Пат и коммодор вернулись в кабину, там еще вовсю спорили. Немногословный до сих пор Редли быстро наверстывал упущенное. Точно кто-то нажал потайную пружину — или бухгалтера вдруг освободили от обета молчания. Да так оно, пожалуй, и было: решив, что его миссия все равно стала явной, Редли был только рад о ней рассказать.

Коммодор Ханстен встречал много таких суеверов; собственно, ради самозащиты он и одолел обильную литературу о летающих блюдцах. Начиналось всегда одинаково, с вопроса: «Коммодор, вы, наверно, повидали немало необычного за годы, проведенные в космосе?» Ответ, естественно, не удовлетворял собеседника, и следовал завуалированный, а то и не очень завуалированный намек — дескать, Ханстен боится или избегает говорить правду. Опровергать это обвинение было пустой тратой сил; правоверный просто-напросто заключал, что коммодор участвует в сговоре.

Остальные пассажиры не были научены горьким опытом, и Редли легко разбивал их до-

воды. Даже Шастеру, при всей его юридической искушенности, никак не удавалось загнать маленького бухгалтера в угол; с таким же успехом он мог бы убеждать шизофреника, что никто его не преследует.

— Но разве это правдоподобно, — настаивал Шастер, — чтобы из тысяч ученых, знающих об этом, ни один не проговорился? Такой секрет утаить невозможно! Все равно, что попытаться спрятать памятник Вашингтону!

— Так ведь были попытки раскрыть истину, — ответил Редли. — Но свидетельства каким-то таинственным путем уничтожались, — как и люди, которые хотели проникнуть в секрет. ***Они***, когда надо, ни перед чем не останавливаются.

— Вы же сами сказали, что они вступают в контакт с людьми! Получается противоречие!

— Ничего подобного. Поймите, в космосе., как и на Земле, сражаются между собой силы добра и зла. Одни хотят помочь нам, другие задумали нас закабалить. Поединок между этими двумя группами длится уже много тысяч лет. Иногда борьба эта захватывает Землю, так погибла Атлантида.

Ханстен невольно улыбнулся. Все правильно, вот и Атлантида пошла в ход, другие приплетают Лемурию, или Му. Названия, которые неотразимо

действуют на души неуравновешенные, склонные к мистике.

Если ему не изменяет память, группа психологов еще в семидесятых годах тщательно изучила вопрос о «летающих блюдцах». Они пришли к выводу, что в середине двадцатого века многие люди уверовали в близкую гибель мира. Оставалось только надеяться на вмешательство из космоса; утратив веру в себя, человек ждал спасения с небес.

Почти десять лет «блюдечная» религия владела умами свихнувшейся части человечества, потом внезапно зачахла, точно исчерпавшая себя эпидемия. По мнению психологов, все решили два обстоятельства: во-первых, всем наскучила эта выдумка, во-вторых, Международный геофизический год возвестил выход человека в космос.

Восемнадцать месяцев длился МГГ, и за это время небесную сферу наблюдало и изучало больше приборов и опытных исследователей, чем за все предшествовавшие тысячелетия. Если бы в заатмосферной выси в самом деле парили небесные гости, совместные усилия ученых неизбежно подтвердили бы это. Однако этого не произошло. Наконец, с Земли ушли в космос первые корабли с человеком на борту, но и они не встретили

никаких летающих блюдец.

Для большинства людей этого оказалось достаточно. Все эти неопознанные летающие предметы, замеченные в течение многих веков, были созданы самой природой, и с развитием метеорологии и астрономии нашлось вдоволь убедительных объяснений. С началом космической эры возродилась вера человека в свое предназначение, и мир вовсе утратил интерес к летающим блюдцам.

Но религия редко умирает совсем. Кучка верующих поддерживала культ поразительными «откровениями», россказнями о встречах с небожителями, толковала о телепатических контактах. И сколько бы очередных пророков ни уличали в мошенничестве, фанатики стояли на своем. Они нуждались в своих богах и не желали с ними расставаться.

— Вы все еще не объяснили, — не унимался Шастер, — с какой стати блюдечники преследуют именно ***вас***. Что вы такое сделали, чем их рассердили?

— Я слишком близко подобрался к некоторым их секретам, вот они и воспользовались этим случаем, чтобы устранить меня.

— Могли бы найти способ попроще.

— Нелепо полагать, что наш ограниченный разум способен постичь пути их мышления. Но согласитесь: все подумают, что произошел несчастный случай, никто не заподозрит, что это сделано преднамеренно.

— Тонкий довод. И поскольку это теперь уже не играет никакой роли, может быть, вы скажете нам, за каким секретом охотились? Это, наверно, всем интересно.

Ханстен поглядел на Ирвинга Шастера. До сих пор юрист казался ему человеком скорее мрачноватым, лишенным чувства юмора; откуда эта ирония?

— Охотно расскажу, — ответил Редли. — Собственно, началось это еще в девятьсот пятьдесят третьем, когда американский астроном по фамилии О'Нил обнаружил здесь, на Луне, нечто весьма примечательное. На восточной окраине Моря Кризисов он открыл небольшой мост. Другие астрономы, разумеется, высмеяли его, однако менее предубежденные подтвердили существование моста. А уже через несколько лет мост исчез. Очевидно, что наше внимание встревожило блюдечников, и они его разобрали.

Это «очевидно», сказал себе Ханстен, великолепный пример логики «блюдцепоклонников»,

лихой скачок через барьер несуразицы, совершенно ошеломляющий нормальный разум. Он никогда не слышал о мосте О'Нила, но в истории астрономии известно множество ошибочных толкований. Классический пример — марсианские каналы. Добросовестнейшие наблюдатели снова и снова сообщали о них, а между тем каналов не было, во всяком случае, не было ничего похожего на изящную паутину, зарисованную Ловеллом и другими. Или Редли считает, что за время между наблюдениями Ловелла и первыми четкими фотографиями Марса кто-нибудь засыпал каналы? Он вполне способен заявить это.

Скорее всего, «мост О'Нила» не что иное, как причуды освещения, игра постоянно меняющихся лунных теней. Но столь простой ответ, разумеется, не удовлетворяет Редли. Кстати, что он здесь делает, в двух тысячах километров от Моря Кризисов?

Этот же вопрос пришел на ум еще одному из пассажиров, и он тотчас задал его. Как всегда, у Редли был наготове убедительный ответ.

— Я рассчитывал, притворясь обычным туристом, отвести от себя их подозрения. Доказательство, которого я ищу, находится в Западном полушарии — я нарочно отправляюсь в Восточ-

ное. Задумал через Фарсайд добраться к Морю Кризисов, а заодно осмотреть еще кое-какие места. Но они меня перехитрили. Не сообразил я, что меня может выследить кто-нибудь из их агентов. Ведь они умеют принимать человеческий облик. Видно, следили за мной с того самого часа, как я высадился на Луне.

— А можно узнать, — сказала миссис Шастер, которая все более серьезно воспринимала слова Редли, — что они теперь сделают с нами?

— Лучше об этом не думать, мэм! — ответил Редли. — Нам известно, что у них есть пещеры в недрах Луны. Я не сомневаюсь, мы именно в такую пещеру и попали. Стоило им заметить, что спасатели пробились к нам, как они тотчас вмешались снова. Боюсь, теперь мы слишком глубоко, нас уже никто не выручит.

«Хватит с нас этой чепухи, — сказал себе Пат. — Позабавились, отвели душу, это хорошо. Но теперь этот помешанный грозит всех пассажиров в тоску вогнать. Как заткнуть ему рот?»

На Луне, как и во всех дальних космических поселениях, случаи помешательства были редки, и Пат Харрис не знал, как поступить. Тем более, что речь шла о чрезвычайно самоуверенном пациенте, умеющем заражать других своей

одержимостью. Пат и сам уже начал колебаться: может, Редли в чем-то прав? При других обстоятельствах здоровый природный скептицизм защитил бы его, но эти тревожные дни нелегко дались ему, и он словно разучился мыслить критически.

Неужели нет подходящего способа разрушить чары, навеянные этим речистым маньяком?

С некоторой неловкостью капитан вспомнил удар, который так кстати усыпил Ханса Бальдура. И против собственной воли выразительно посмотрел на Хардинга. А тот незамедлительно отозвался: чуть заметно кивнув, он поднялся с места. «Нет-нет! — сказал Пат (про себя), — я не это подразумевал, не трогайте этого бедного чудака, и вообще — *что вы за человек?*»

Тут же он облегченно вздохнул. Хардинг, отделенный от Редли четырьмя рядами кресел, не стал пробираться к новозеландцу. Он стоял неподвижно, выпрямившись во весь рост и устремив на бухгалтера взгляд, в котором выражалось какое-то непонятное чувство. Уж не жалость ли? В этом тусклом свете сразу и не разберешь.

— Кажется, пора мне внести свою лепту в дискуссию, — сказал Хардинг. — Из того, что вам поведал наш друг, во всяком случае ***одно*** совер-

шенно точно. Его действительно преследуют, но не «блюдечники», а я. Для новичка, Вильфред Джордж Редли, вы сработали это совсем недурно, должен вас поздравить. Охота была захватывающей: от Крайстчерча до Астрограда, затем Клавий, оттуда до Тихо, Птолемея, Платона, Порт-Рориса — и сюда, где след, насколько я понимаю, кончается.

Никакого намека на смятение на лице Редли. Он лишь величественно наклонил голову, словно соглашаясь признать существование Хардинга, не больше.

— Как вы, возможно, догадались, — продолжал Хардинг, — я сотрудник уголовного розыска. Специализируюсь на мошенниках. Работа очень увлекательная, да только редко выдается случай рассказать о ней. Я очень рад, что теперь представилась такая возможность. Странные верования Редли меня ничуть не занимают, во всяком случае, профессионально. Гораздо важнее то, что он высококвалифицированный финансовый работник, занимает хорошо оплачиваемую должность в Новой Зеландии. Правда, недостаточно хорошо, чтобы позволить ему отправиться на месяц на Луну. Однако это его не смущало. Дело в том, что мистер Редли — старший бух-

галтер Крайстчерчского отделения компании «Путешествия во вселенной». Считается, что эта организация надежно застрахована от каких-либо злоупотреблений, но он каким-то образом ухитрился присвоить себе путевку — аккредитив литер «Щ», позволяющую путешествовать сколько угодно по солнечной системе, пользоваться услугами гостиниц и ресторанов, получать до пятисот столларов по чекам на предъявителя. Путевок литер «Щ» не так уж много в обороте, их берегут так, словно они из плутония. Конечно, и прежде кое-кто пытался проделать этот трюк. У клиентов есть привычка терять путевки, и предприимчивые субъекты пользуются этим, чтобы хоть несколько дней пожить на широкую ногу, Больше чем несколько дней не выходит. В компании «ПВВ» отлично поставлен учет, иначе и быть не может. Приняты всевозможные меры, и до сих пор больше недели никому не удавалось пользоваться чужой путевкой.

— Девять дней, — неожиданно прервал его Редли.

— Прошу извинить, ***вы***, конечно, знаете это лучше меня… Итак, девять дней. Редли же путешествовал почти три недели, прежде чем мы его выследили. Он взял очередной отпуск и сказал на

работе, что будет отдыхать на Северном острове. Вместо этого он отправился в Астроград, а оттуда на Луну, по пути творя, так сказать, историю: Редли первый — и мы надеемся, последний, — кому удалось улететь с Земли, не заплатив за билет. Нам до сих пор не известно точно, как ему это удалось. Как он прошел контрольные автоматы? С помощью сообщника в секторе программирования? Есть и другие вопросы, которые чрезвычайно занимают «ПВВ». Надеюсь, Редли, вы откроете мне душу, просто чтобы удовлетворить мое любопытство. Не правда ли, я не требую от вас ничего непосильного? Мы не спрашиваем вас, почему вы так поступили — почему пожертвовали хорошей должностью и отправились в увеселительное путешествие, которое должно было привести вас в тюрьму. Мы угадали причину, как только выяснилось, что вы на Луне. Компания знала о вашем коньке. Но ведь он не влиял на вашу работу, и начальство решило рискнуть. Это обошлось довольно дорого.

— Я очень сожалею, — с достоинством ответил Редли. — Фирма всегда хорошо ко мне относилась, досадно, что так вышло. Но ведь я для доброго дела, и если бы мне удалось найти доказательство…

Однако в этот миг все, исключая инспектора розыска Хардинга, утратили всякий интерес к Редли и его летающим блюдцам. Наконец-то раздался звук, которого они так ждали.

По крыше пылехода стучал щуп.

Глава 28

«Торчу здесь уже половину вечности, — сказал себе Морис Спенсер, — а солнце только-только оторвалось от горизонта на западе (странный мир!), и до полудня целых трое суток! Сколько же еще сидеть мне на этой горе, слушая космические побасенки капитана Ансона и глядя на плот с этими иглу?»

На это никто не смог бы ответить. Когда начали спускать кессон, казалось, что все будет закончено в двадцать четыре часа. А теперь? Вернулись к исходной точке. И ко всему телезрители не увидят захватывающих кадров. Все будет происходить либо в глубинах Моря, либо в стенах иглу. Лоуренс продолжал упорствовать, не разрешая ставить камеру на плоту, и Спенсеру трудно было его упрекнуть. Один раз главному инженеру не повезло, попал впросак со своим репортажем. Понятно, он не хочет, чтобы это повторилось.

И все-таки не может быть и речи о том, чтобы «Аурига» оставила позицию, завоеванную ценой таких затрат. Если все обернется благополучно, он сможет передать радостную сцену. Если неблагополучно — сцена будет трагической. Рано или

поздно, с пассажирами или без них, пылекаты пойдут назад в Порт-Рорис. Спенсер не собирался прозевать этот караван, двинется ли он в путь при восходящем или заходящем солнце, или даже при слабом свете неподвижной Земли.

Обнаружив «Селену», Лоуренс тотчас пустил буровой станок. На экране монитора Спенсер видел, как уходит в пыль труба воздухопровода. К чему это, когда еще далеко не известно, остался ли кто-нибудь в живых? И как главный проверит без радио — есть ли живые?

Этот вопрос задавали себе миллионы. Возможно, что многие угадали верный ответ. Но как ни странно, он не пришел в голову никому из пассажиров «Селены», даже коммодору.

Услышав, как в крышу ударило что-то тяжелое, они сразу поняли, что это не тонкий щуп осторожно исследует Море. И когда минутой позже бур с гудением вгрызся в фиберглас, это было для них, как помилование для смертника.

Бур не задел кабель; теперь-то это не играло никакой роли. Пассажиры глядели на потолок, как завороженные. Громче, громче, вот уже в воздухе поплыла стружка… Бур пронизал плиту и опустился сантиметров на двадцать. Его встретили дружным «ура!».

«Что дальше? — спросил себя Пат. — Мы не можем говорить с ними, — как я узнаю, когда отвинчивать бур? Не хватает, чтобы я повторил свою ошибку».

Неожиданно громко настороженную тишину рассек металлический звук. Ти-ти-ти-та! — сигнал, который пассажирам «Селены» не забыть до самой смерти… Пат тотчас выстукал плоскогубцами ответное «ж». Теперь они знают, что мы живы! Конечно, он не допускал мысли, что Лоуренс бросит их, но мало ли что…

Новый сигнал сверху, на этот раз намного медленнее. Пат Харрис вспомнил, как неохотно они изучали азбуку Морзе. В космическом веке это казалось совершенным анахронизмом, космонавты и космоинженеры всячески упирались, говоря, что это пустая трата времени, за всю-то жизнь, может быть, только один раз понадобится. Что же, кажется, не зря изучали.

— Та-та-та, — звенела труба, — та, ти-та-та, ти-ти, та-ти, та, ти-ти, та, ти.

И для верности стала повторять; но Пат и коммодор, хоть и давно не упражнялись, уже поняли.

— Передают, чтобы мы отвинтили бур, — сказал Пат. — Ладно, приступим.

Труба громко дохнула, так что все невольно вздрогнули. Тут же давление сравнялось, и двадцать два человека замерли в ожидании свежего потока кислорода.

Вместо этого труба заговорила. Из отверстия слышался глухой, замогильный, но вполне отчетливый голос. Должно быть, меньше четверти пассажиров вообще когда-либо видели переговорную трубу, с детства все привыкли считать, что только электроника может передать звук на расстояние. Этот пережиток древности был для них такой же новинкой, какой телефон показался бы древним грекам.

— Говорит главный инженер Лоуренс. Вы меня слышите?

Пат приставил к трубе сложенные рупором ладони и ответил, выговаривая каждый слог:

— Слышим хорошо, ясно. Как вы слышите нас?

— Отлично. У вас все в порядке?.

— Да. Что случилось?

— Вы осели метра на два, только и всего. Мы здесь даже ничего не заметили, только по трубам догадались. Как у вас с воздухом?

— Воздух хороший. Но чем скорее вы включите насосы, тем лучше.

— Не беспокойтесь, начнем качать, как только

очистим фильтры от пыли и получим из Порт-Рориса второй бур. У нас был всего один в запасе — тот, который вы сейчас отвернули. Хорошо, хоть этот нашелся.

Значит, не меньше часа пройдет. Но Пата заботило другое. Он знал, как Лоуренс собирался вывести людей из «Селены»; теперь, когда пылеход накренился, этот план невыполним.

— Как вы нас достанете? — спросил он напрямик.

Лоуренс замялся на какую-нибудь долю секунды.

— Я еще не все продумал, но в общем мы добавим к кессону еще секцию и будем погружать его дальше, до соприкосновения с «Селеной». Потом выберем всю пыль до самого дна колодца. Оставшиеся сантиметры как-нибудь одолеем. Но сперва у меня к вам просьба.

— Какая?

— Я на девяносто процентов уверен, что больше осадки не будет, но если я ошибаюсь, лучше пусть это случится сейчас. Пожалуйста, попрыгайте минуту-другую, все вместе.

— А это не опасно? — заколебался Пат. — Вдруг труба опять выскочит?

— Заткните дыру, только и всего. Лишняя дыр-

ка роли не играет. Иное дело, когда мы вырежем целый люк — тогда новое оседание будет совсем некстати.

«Селена» успела всякое повидать, но это зрелище было бесспорно самым удивительным. Двадцать два человека с сосредоточенным видом прыгали в лад, взлетая до потолка и отталкиваясь от него, чтобы посильнее топнуть о пол. Капитан пристально следил за трубой, соединяющей их с внешним миром. Так прошла минута; дружные усилия пассажиров привели к тому, что пылеход осел еще на неполных два сантиметра.

Лоуренс с облегчением выслушал доклад Пата Харриса. Убедившись, что «Селена» больше никуда не уйдет, он не сомневался, что сумеет извлечь людей на поверхность. Не все было ясно, но в главных чертах план уже складывался в его голове.

Окончательно он сложился через двенадцать часов, после совещаний с «мозговым трестом» и опытов на Море Жажды. За одну неделю Инженерный отдел узнал о лунной пыли больше, чем за все предыдущие годы. Он уже не сражался вслепую с неизвестным противником. Удалось раскрыть и сильные, и слабые стороны врага.

Новые чертежи и приспособления изготови-

ли быстро, но не наспех, основательно, помня, что все должно сработать с первого раза. Если операция не удастся, в лучшем случае придется забросить кессон и погружать новый. А в худшем… в худшем случае пассажиров «Селены» задушит лунная пыль.

— Нам нужно решить нешуточную задачу, — сказал Том Лоусон; он любил нешуточные задачи больше жизни. — Нижний конец кессона открыт для пыли. Наклон крыши не дает кольцу лечь плотно, оно опирается только одной точкой. Прежде чем выкачать пыль, надо закрыть просвет. Я сказал «выкачать»? Ошибка: это вещество не выкачаешь, его надо выгребать. Так вот, если делать это, не устранив зазора, лунная пыль будет притекать снизу с такой же скоростью, с какой мы будем выбирать ее сверху.

Том ядовито улыбнулся своей многомиллионной аудитории: разгрызите-ка этот орешек! Выждал, давая зрителям подумать, потом взял в руки модель, которая лежала на столе студии. Она была предельно проста, но Том Лоусон очень гордился ею, потому что сделал ее сам. Никто из зрителей не догадался бы, что это всего-навсего картон, покрытый алюминиевой краской.

— Эта труба, — начал он, — изображает секцию

колодца, который соединяет нас с «Селеной». Как я уже сказал, он доверху заполнен лунной пылью. Вот эта штука… — Том поднял со стола кургузый цилиндр, закрытый с одного конца, — плотно входит в колодец, словно поршень. Она очень тяжелая и будет стремиться вниз, но лунная пыль, естественно, ее не пустит.

Том повернул вкладыш так, чтобы дно цилиндра было обращено к камере. Потом указательным пальцем нажал посредине, и открылась маленькая дверца.

— Это, так сказать, клапан. Пока он открыт, пыль проникает через него внутрь и поршень идет по кессону вниз. Как только поршень достигнет дна, клапан закроется по команде сверху. Теперь колодец снизу изолирован, можно выбирать пыль. Кажется, очень просто, не правда ли? На деле это вовсе не просто. Возникает около сотни проблем, о которых я ничего не сказал. Например, когда кессон опустеет, он будет всплывать под действием выталкивающей силы, а она достигает нескольких тонн. Главный инженер Лоуренс предусмотрел хитроумную систему якорей, они удержат кессон на месте. Вы, конечно, уже сообразили, что после выборки пыли клиновидный просвет все еще будет отделять кессон

от крыши «Селены». Как мистер Лоуренс одолеет это препятствие, я не знаю. И прошу вас не слать мне больше никаких предложений, нас и без того завалили скороспелыми идеями, на всю жизнь хватит разбираться. Поршень, о котором я вам говорил, изготовлен и испытан инженерами, больше того — его уже погружают в колодец. Если я верно понимаю смысл знаков, которые мне делает этот человек, нам сейчас включат Море Жажды, и мы увидим, что происходит на плоту.

Временная студия в отеле «Рорис» исчезла с миллионов экранов, ее место заняло изображение, знакомое теперь почти всему человечеству.

На плоту и возле него было уже три иглу разной величины. В ярком солнечном свете они напоминали огромные блестящие капли ртути. Возле самого большого купола стоял один пылекат, остальные два перебрасывали снаряжение из Порт-Рориса.

Торчащий из моря кессон и впрямь напоминал колодец. Обод верхней секции выдавался над пылью всего на двадцать сантиметров, и отверстие казалось слишком узким, чтобы в него мог пролезть человек, тем более в скафандре. Но в решающей стадии спасательных работ скафандров и не будет…

Время от времени из колодца появлялся цилиндрический ковш. Небольшой, но достаточно мощный кран относил его в сторону и опрокидывал. На миг над серой гладью Моря замирал колпак пыли, потом он начинал медленно рассыпаться и исчезал прежде, чем из колодца появлялась следующая порция. Захватывающий фокус под открытым небом, который лучше всяких слов рассказывал зрителям все, что надо было знать о Море Жажды.

Ковш появлялся все реже по мере того, как росла глубина. И вот он вынырнул, заполненный только наполовину.

Путь открыт. Если не считать «шлагбаума» на дне.

Глава 29

— Духом не падаем, — доложил Пат в опущенный через воздухопровод микрофон. — Конечно, мы приуныли, когда пылеход снова осел и связь с вами нарушилась. Но теперь уже ясно, что вы нас скоро выручите. Слышим, как гремит ковш, как выгребаете пыль, и знаем — вы здесь. Мы никогда не забудем того, что вы все сделали для нас, — добавил он смущенно. — Что бы ни случилось, мы хотим поблагодарить вас. Мы не сомневаемся: вы сделали все возможное. А теперь передаю микрофон, здесь уже столько посланий заготовлено! Надеюсь, что это последняя передача с «Селены»...

Передавая микрофон миссис Уильямс, Пат вдруг сообразил, что заключительная фраза получилась, пожалуй, не совсем удачной, ее можно истолковать двояко. Да нет, теперь, когда спасение так близко, возможность неудач исключается. Они столько перенесли, новых осечек просто не может быть.

И все-таки он знал: последний этап будет самым трудным и рискованным. Уже несколько часов — с тех пор как главный инженер Лоуренс

рассказал им про свой план — они снова и снова обсуждали это. Да и о чем еще говорить теперь, когда тему о летающих блюдцах единодушно объявили запретной?

Можно было читать вслух, но почему-то «Шейн» и «Апельсин и яблоко» перестали их занимать. Каждый мог думать лишь о спасательной операции и о новой жизни, которая ожидала их, когда они опять вольются в океан человечества.

Сверху донесся глухой, тяжелый стук, который мог означать одно: ковш достиг дна, колодец свободен от пыли. Можно соединять кессон с иглу и накачивать воздухом.

В иглу марки «XIX» сделали в полу отверстие, которое точно отвечало верхнему ободу кессона. Больше часа ушло на то, чтобы тщательно установить и осторожно наполнить воздухом иглу; от надежности соединения зависела жизнь не только пассажиров «Селены», но и спасателей.

Лишь после самой придирчивой проверки главный инженер Лоуренс снял скафандр и подошел к зияющему отверстию, держа в руках мощный светильник. Казалось, колодец уходит в бесконечность, а между тем до дна было всего семнадцать метров. Даже при лунном тяготении оброненный предмет будет падать всего пять

секунд…

Главный повернулся к своим товарищам. Они стояли в скафандрах, но окошки гермошлемов были открыты. Если произойдет авария, можно мгновенно закрыть их, и спасатели уцелеют. Но Лоуренсу будет конец. И двадцати двум пассажирам «Селены» тоже.

— Вам известна задача, — сказал он. — Если мне надо будет быстро подняться наверх, все сразу выбирайте лестницу! Вопросы есть?

Вопросов не оказалось, каждый твердо знал, что делать. Кивнув спасателям и услышав в ответ дружное «счастливо!», Лоуренс начал спуск.

Большую часть пути он просто падал, иногда хватаясь за веревочную лестницу, чтобы затормозить падение. На Луне такой способ совершенно безопасен. Совершенно?… Главный инженер своими глазами видел, как погибали люди, забывшие о том, что даже здесь гравитационное поле меньше чем за десять секунд придает падающему телу ускорение, которое опасно для жизни.

Это напоминало спуск Алисы в Страну чудес, но на этом сходство с книгой Кэррола кончалось: на всем пути вниз не было видно ничего, кроме гладких бетонных стен, притом так близко, что приходилось щуриться, чтобы следить за ними.

Мягкий толчок — он опустился на дно колодца.

Лоуренс присел на корточки на металлической платформе величиной с крышку корабельного люка и внимательно осмотрел ее. Дверца клапана, которая была открыта все время, пока вкладыш шел вниз по кессону, закрылась не совсем плотно, и по краям ее пробивались струйки серой пудры. Ничего страшного. Хотя если дверца откроется внутрь под давлением снизу… Да, что тогда? С какой скоростью лунная пыль будет подниматься вверх по кессону? Лоуренс был уверен, что сумеет опередить ее.

Там внизу, всего в нескольких сантиметрах — крыша пылехода, наклоненная под углом тридцать градусов. (Ох уж этот наклон!) Нужно соединить горизонтальный обод секции с крышей, соединить плотно, чтобы не могла просочиться пыль.

Насколько мог судить Лоуренс, все предусмотрено; недаром над планом работали лучшие инженерные умы Земли и Луны. Учтено даже, что пока он работает здесь, «Селена» может опуститься еще на несколько сантиметров. Но одно дело теория, совсем другое — главный знал это по опыту — практика.

По краю металлического диска, на котором

сидел Лоуренс, торчало шесть болтов. Он стал крутить их один за другим, словно барабанщик, настраивающий свой инструмент. К нижней плоскости диска была прикреплена сложенная гармошкой короткая труба, шириной почти равная поперечнику колодца — только-только протиснуться одному человеку. Главный инженер завинчивал болты, и гармошка постепенно раздвигалась, образуя гибкую перемычку.

Один край трубы отделяло от наклонной крыши сорок сантиметров, другой — какие-нибудь миллиметры. Лоуренс больше всего опасался, что пыль не даст раздвинуться гармошке, но болты легко преодолевали наружное сопротивление.

Все, дальше не идут. Теперь нижний обод перемычки соединен с крышей пылехода, а резиновая прокладка обеспечивает герметичность соединения. (Обеспечивает ли? Сейчас он в этом убедится…)

Лоуренс непроизвольно глянул вверх, проверяя путь к отступлению. За яркой лампой, которая висела в двух метрах над ним, был сплошной мрак, но вид веревочной лестницы успокоил его.

— Перемычка спущена! — крикнул он невидимым помощникам. — Как будто прилегла плотно. Открываю клапан.

Малейшая оплошность — и колодец будет затоплен лунной пылью. И уж не выгребешь… Медленно, осторожно Лоуренс отделил дверцу, через которую входила пыль, когда опускали вкладыш. Извержения не последовало, гармошка надежно сдерживала напор Моря.

Лоуренс погрузил руку в тонкий пласт пыли и нащупал пальцами крышу «Селены». Такую радость он редко испытывал. *Он добрался до пылехода!* Наверно, что-нибудь вроде этого чувствовал в старину золотоискатель, сидя на дне ямы и глядя на первые блестящие крупинки…

Лоуренс трижды постучал в крышу; сейчас же последовал ответ. Конечно, азбука Морзе не нужна, когда рядом висит микрофон, но главный отлично понимал, как ободрит пассажиров «Селены» его стук. Теперь они точно знают — считанные сантиметры отделяют их от спасения!

Однако сперва нужно убрать с дороги несколько барьеров. Первый из них — металлическая платформа, она же — основание поршня под ногами Лоуренса. Она выполнила свое предназначение, не пускала лунную пыль, пока опоражнивали колодец. Теперь, чтобы выпустить людей из пылехода, ее надо убрать. И не повредить при этом перемычку, которую она позволила установить.

Основание поршня было съемным — достаточно отвинтить восемь болтов по окружности. Лоуренс в несколько минут управился с ними и привязал к диску веревку.

— Вира!

Более толстому человеку пришлось бы карабкаться вверх по лестнице впереди диска; Лоуренс повернул его на ребро и пропустил мимо себя, прижавшись к стенке колодца. Прощай, последний рубеж обороны… Он проводил диск взглядом. Теперь нечем перекрыть колодец, если перемычка сдаст и лунная пыль ворвется внутрь.

— Ведро! — попросил главный.

Оно уже спускалось к нему.

«Сорок лет назад, — сказал себе Лоуренс, — на пляже в Калифорнии я играл совком и ведерком, сооружал крепости из песка. Теперь я — главный инженер Эртсайда — копаю лунную пыль, занятие посерьезнее, и все человечество ждет, что у меня получится».

Ушло вверх первое ведро, и обнажилась часть крыши, очерченная нижним ободом перемычки. Пыли оставалось совсем немного, еще два ведра — и перед Лоуренсом засверкала алюминированная ткань наружной обшивки. Она сморщилась от чрезмерной нагрузки, и главный легко, одни-

ми руками сорвал ее. Показался фиберглас. Что дальше? Ничего не стоит пропилить в обшивке отверстие электрической пилой. И всех погубить: в двойном корпусе пылехода уже просверлено несколько дыр, и все пространство между стенками заполнено лунной пылью. Давление большое, только пробей отверстие в обшивке — пыль сразу хлынет фонтаном! Чтобы проникнуть в «Селену», нужно как-то сковать этот коварный пласт.

Лоуренс еще раз постучал по крыше. Так и есть, звук глухой, смягченный пылевой прослойкой. А вот это уже неожиданно: снизу в ответ раздался частый тревожный стук!

Не успели товарищи сверху сообщить главному, что случилось на «Селене», как он уже сам понял: Море Жажды предприняло последнюю попытку удержать свою добычу.

Три обстоятельства привели к тому, что именно Карл Юхансон заметил беду: он был инженер-атомник, обладал хорошим обонянием и сидел в кормовой части пылехода. Несколько секунд Юхансон принюхивался, потом сказал сидевшему у прохода соседу «извините», встал и не спеша прошел в туалетную. Он не хотел напрасно настораживать людей, да еще теперь, когда спасение совсем близко. Но за свою многолетнюю

работу инженером Карл Юхансон слишком часто убеждался, чем грозит запах горящей изоляции.

Он задержался в туалетной ровно двенадцать секунд, вышел из нее и быстро (в меру быстро, чтобы никого не испугать) прошагал к Пату Харрису, который разговаривал с коммодором.

— Капитан, — тихо, но решительно перебил он их. — На борту пожар. Проверьте в туалетной. Я больше никому не говорил.

Пат тотчас сорвался с места. Ханстен побежал за ним. В космосе, как и на море, не разглагольствуют, услышав слово «пожар». Тем более, что Юхансон был не такой человек, чтобы поднимать ложную тревогу. Он, как и Пат Харрис, работал в техническом отделе Лунной администрации; недаром коммодор включил его в «карательный отряд».

Туалетная ничем не отличалась от таких же кабин в любом небольшом сухопутном, морском, воздушном или космическом экипаже; можно было, не сходя с места, коснуться рукой любой стены. Кроме задней, на которой висел умывальник, фиберглас вздулся пузырями от жара, они колыхались и лопались…

— Через минуту огонь будет здесь! — крикнул коммодор. — Но откуда пожар?

Пата уже не было. Он вернулся почти сразу, неся под мышками оба огнетушителя.

— Коммодор, — сказал Пат Харрис, — прошу вас, доложите на плот. Скажите, что нам осталось всего несколько минут. Я буду здесь, встречу огонь.

Ханстен подчинился. Пат услышал, как он докладывает Лоуренсу, и тотчас в кабине поднялся переполох. Дверь в туалетную открылась, вошел доктор Мекензи.

— Я могу вам помочь? — спросил ученый.

— Боюсь, что нет, — ответил Пат, держа наготове огнетушитель.

Странное чувство — будто все это происходит не в жизни, будто он на грани сна и яви. Страха не было, после всего пережитого он не мог больше волноваться, делал все как-то безучастно.

— Откуда огонь? — повторил Мекензи вопрос коммодора. И добавил: — Что за этой переборкой?

— Наш главный источник энергии. Двадцать мощных элементов.

— Какой запас?

— Когда мы вышли, было пять тысяч киловатт-часов. Осталась, наверное, половина.

— Все ясно. Где-то короткое замыкание. Должно быть, элементы горят с тех самых пор, как повре-

дило кабель.

Похоже на правду — хотя бы потому, что на борту «Селены» не было других источников энергии. Правда, огнеупорные материалы, из которых был сделан пылеход, от обычного огня не воспламеняются, но если весь запас энергии, рассчитанный на многочасовое движение с предельной скоростью, обратится в тепло, беды не миновать…

Но ведь это невозможно! На то и автоматические выключатели, чтобы срабатывать при такой перегрузке. Может быть, они вышли из строя? Мекензи выскочил в переходную камеру и убедился, что выключатели сработали.

— Все цепи выключены, — доложил он Пату. — Тока нет. Ничего не понимаю.

Несмотря на бедственное положение, Пат не удержался от улыбки. Этот Мекензи ученый до мозга костей, даже погибая, он будет допытываться, что и как. Поджариваясь на вертеле (а им угрожало нечто в этом роде), спросит палачей, что за дрова…

Складная дверь отворилась, вошел Ханстен.

— Лоуренс обещает за десять минут прорезать люк, — сказал он. — Переборка выдержит?

— Кто ее знает, — ответил Пат. — Она может продержаться час, а может рухнуть через

несколько секунд. Все зависит от того, как быстро распространяется пламя.

— Разве нет автоматических огнетушителей?

— Они там не нужны, обычно за переборкой вакуум, лучшего огнетушителя не придумаешь.

— Ну, конечно! — воскликнул Мекензи. — Неужели не понимаете? Отсек затопило. Когда просверлили крышу, пыль просочилась внутрь и замкнула все цепи.

Мекензи прав. Все секции, которые сообщаются с наружной средой, сейчас забиты лунной пылью. Она ворвалась через отверстия в крыше, наполнила промежуток между стенками, постепенно скопилась вокруг силовой установки. В лунной пыли достаточно метеорного железа, она хороший проводник — и началась пиротехника: искры, вольтовы дуги, тысячи электрических костров.

— Если облить стенку водой, — сказал коммодор, — это поможет? Или фиберглас лопнет?

— Давайте попробуем, — отозвался Мекензи. — Только осторожно, чуть-чуть.

Он наполнил из крана пластмассовый стакан — вода уже нагрелась — и вопросительно поглядел на товарищей. Никто не возражал, и физик плеснул несколько капель на вздувшуюся плиту.

Раздался такой треск, что Мекензи тотчас прекратил свой опыт. Слишком опасно… Будь переборка металлическая, такой способ годился бы, но эта пластмасса плохо проводит тепло, она не выдержит термических напряжений.

— Мы тут ничего не можем сделать, — заключил коммодор. — И огнетушители не спасут. Лучше выйти и запереть отсек. Дверь послужит переборкой, даст нам небольшую отсрочку.

Пат колебался. В кабине было невыносимо жарко, но отступать казалось ему трусостью. Хотя вообще-то доводы Ханстена убедительны: если остаться здесь, пожалуй, задохнешься в дыму, едва огонь прогрызет фиберглас.

— Ладно, пошли, — согласился он. — И соорудим какую-нибудь баррикаду снаружи.

Успеют ли?… Пат Харрис отчетливо слышал, как зловеще трещит стенка, которая сдерживала напор всепожирающего пламени.

Глава 30

Весть о том, что на «Селене» пожар, никак не отразилась на действиях Лоуренса. Торопиться нельзя: в эти решающие для всей операции минуты любая ошибка может оказаться роковой. Он мог только работать, работать и надеяться, что опередит пламя.

Сверху в колодец спустили приспособление, напоминающее шприц для смазки или для росписи тортов. Правда, заряжен он был не кремом и не тавотом, а быстро твердеющей органо-силиконовой смесью, которую накачали в него под большим давлением.

Первая задача — впрыснуть смесь в пространство между стенками корпуса, да так, чтобы при этом в колодец не просочилась пыль. Клепальным пистолетом Лоуренс вбил в обшивку «Селены» семь полых болтов: один в центр расчищенного круга, остальные равномерно по краям. Затем он соединил шприц с центральным болтом и нажал спуск. Легкое шипение — смесь устремилась через полый болт, своим напором открыв клапан в его нижней части. Лоуренс быстро переносил шприц от болта к болту, посылая

в каждый определенное количество смеси. Вот так, теперь она пропитала всю пыль между стенками, и получился как бы шершавый блин около метра в поперечнике. Нет, — не блин, конечно, а суфле, ведь вырвавшись из шприца, жидкость образует пену.

Через несколько секунд смесь начнет твердеть; для этого в нее добавлен катализатор. Лоуренс смотрел на часы: пять минут — и пена станет твердой, как камень, и пористой, как пемза. Вся пыль в этой части корпуса окажется «замороженной», и можно не опасаться нового притока.

Пять минут… Этот срок никак не сократишь, пена должна достичь заданной плотности, от этого зависит успех. Если он неверно выбрал точки или ошибся в расчете времени, если химики на Базе допустили промах, можно считать пассажиров «Селены» мертвыми.

Пока шло время, главный расчистил дно колодца. Он все отправил наверх и остался без каких-либо инструментов, с голыми руками. Если бы Морису Спенсеру удалось спустить в узкую шахту телекамеру (а он бы продал душу дьяволу за такую возможность!), зрители ни за что не угадали бы, что сейчас предпримет Лоуренс.

И как бы они удивились, увидев, что сверху

главному инженеру спускают нечто вроде детского обруча! Но это была не игрушка, а ключ, призванный вскрыть «Селену».

Сью уже собрала пассажиров в носовой, приподнятой части кабины. Сгрудившись в кучку, они тревожно глядели на потолок и напрягали слух, ловя обнадеживающие звуки.

Вот когда важно их подбодрить, сказал себе Пат. Сам капитан не меньше, а может больше других нуждался в этом; ведь только он (разве что Ханстен и Мекензи тоже догадались) полностью отдавал себе отчет, какая опасность им грозит.

Огонь — само собой. Он, конечно, убьет их, если прорвется в кабину; но огонь движется медленно, с ним какое-то, пусть короткое время можно бороться. А вот против взрыва они бессильны.

«Селена» сейчас представляла собой мину с подожженным шнуром. Запас энергии в элементах, питавших ее двигатели и электрические приборы, мог обратиться в неконтролируемое тепло, но взрывом не грозил. К сожалению, этого нельзя было сказать о цистернах с жидким кислородом.

В них осталось еще немало литров страшно холодного и чрезвычайно активного вещества. Когда нарастающий жар разрушит оболочку цистерн, физические и химические явления

вызовут взрыв. Небольшой, конечно, равный по силе взрыву сотни килограммов тола. Достаточно, чтобы разнести «Селену» вдребезги.

Пат решил не говорить об этом Ханстену. Коммодор сооружал баррикаду. Снимал кресла в носовой части кабины и втискивал их в проход между задним рядом и дверью в туалетную. Будто они готовились отразить чье-то вторжение, а не бороться с пожаром. И ведь так оно и было. Пламя может и не распространиться за пределы энергоотсека, но как только сдаст искореженная переборка, оттуда хлынет лунная пыль.

— Коммодор, — сказал Пат, — пока вы заняты здесь, я начну готовить пассажиров. Что будет, если двадцать человек одновременно бросятся к выходу!

В самом деле, страшно подумать. Нельзя допустить свалки, а это будет не просто, как ни дисциплинированны пассажиры. С одной стороны единственный узкий тоннель, с другой — стремительно наступающая смерть; долго ли тут до паники.

Пат прошел на нос. На Земле это был бы крутой подъем, здесь же тридцатиградусный уклон не чувствовался. Глядя на обращенные к нему тревожные лица, капитан сказал:

— Пора приготовиться. Как только пробьют люк, сверху подадут веревочную лестницу. Первыми выходят женщины, за ними мужчины в алфавитном порядке. Не старайтесь бежать. Вспомните, как мало вы весите здесь, и поднимайтесь на руках, побыстрее, конечно. Но не тесните переднего, времени вполне достаточно, и за несколько секунд вы уже будете наверху. Сью, попрошу вас выстроить всех по порядку. Хардинг, Брайен, Юхансон, Баррет — вы остаетесь в резерве. Нам может понадобиться ваша…

Он не закончил фразы — из кормовой части пылехода донесся приглушенный взрыв. Ничего особенного, бумажный пакет хлопнул бы громче. Но этот звук означал, что переборка сдала. А потолок, к несчастью, был еще цел.

В нескольких сантиметрах над ними Лоуренс положил свой обруч на фиберглас и принялся обмазывать его быстросхватывающимся цементом. Поперечник обруча почти равнялся диаметру колодца, в котором сидел на корточках главный. Опасности никакой, и все-таки Лоуренс работал очень осторожно. Бесцеремонное обращение подрывников со взрывчаткой ему никогда не нравилось.

Кольцевой заряд, который он установил, не

представлял собой ничего необычного и действовал просто. Взрыв высечет аккуратную канавку заданной ширины и глубины, в тысячную долю секунды выполнит работу, на которую у электрической пилы ушло бы четверть часа. Кстати, сперва Лоуренс хотел применить пилу; хорошо, что передумал. Не похоже, чтобы в его распоряжении было пятнадцать минут!

Он вскоре убедился в этом.

— Огонь в кабине! — крикнули сверху. Главный инженер поглядел на часы. На миг ему показалось, что секундная стрелка замерла на месте. Знакомая иллюзия. Нет, часы не остановились, просто время идет не так быстро, как ему нужно бы сейчас. До сих пор оно текло слишком стремительно, теперь, разумеется, тащится еле-еле… Еще тридцать секунд, и пена затвердеет. Лучше чуть подождать, чем взрывать преждевременно, когда она еще пластична.

Лоуренс не спеша стал подниматься вверх по лестнице, разматывая провода электродетонатора. Он точно рассчитал время. Когда главный вышел из колодца, снял с оголенных концов провода страхующую закоротку и присоединил их к электродетонатору, оставалось ровно десять секунд.

— Передайте, что мы начинаем отсчет, — сказал он.

Спускаясь бегом на корму, чтобы помочь коммодору (хотя он плохо представлял себе, что теперь можно сделать), Пат слышал, как Сью неторопливо называет фамилии:

— Мисс Морли, миссис Уильямс, миссис Шастер…

Ирония судьбы: мисс Морли опять будет первой, теперь уже по воле алфавита. На этот раз ей не на что пожаловаться. Но тут ему пришла в голову другая, ужасная мысль: *«А если миссис Шастер застрянет в тоннеле и закупорит выход?»* И ведь не пустишь ее последней! Нет-нет, все будет в порядке. Не может быть, чтобы спасатели не предусмотрели этого. К тому же миссис Шастер заметно похудела.

При первом взгляде Пату Харрису показалось, что дверь туалетной успешно противостоит натиску изнутри. Если бы не тонкие струйки дыма вдоль петель, можно подумать, что вообще ничего не произошло. И Пат облегченно вздохнул. Это же двойной фиберглас! Пока он сгорит, пройдет часа четыре, а то и больше. Задолго до этого…

Что-то щекотало его босые ступни. Пат сперва невольно шагнул в сторону, потом уже в созна-

нии родился вопрос: *«Что это такое?»*

Он поглядел вниз. И хотя глаза Пата давно привыкли к тусклому аварийному освещению, до него не сразу дошло, что в щель под забаррикадированной дверью просочился зловещий серый поток — и обе плиты прогнулись под многотонным давлением пыли! С минуту на минуту их сорвет. А если и не сорвет, это теперь не играет никакой роли. Грозный беззвучный прилив наступал, лунная пыль поднялась уже ему до щиколоток.

Пат оцепенел, он даже не пытался заговорить с коммодором, который стоял рядом с ним так же неподвижно. В первый (и скорее всего последний) раз в жизни капитана Пата Харриса охватил приступ неодолимой ярости. Море Жажды, которое в этот миг множеством тонких, сухих щупалец гладило его ноги, казалось Пату коварным существом, которое играло с ним, как кошка с мышкой. «В ту самую минуту, — думал он, — когда нам казалось, что теперь-то уж все в порядке, Море всякий раз преподносило нам новый сюрприз. Мы все время отставали на один ход, а теперь ему и вовсе наскучила игра. Этот Редли не так уж и ошибался...» Свисающий из трубы воздухопровода громкоговоритель пробу-

дил Пата Харриса от мрачных размышлений.

— У нас все готово! — крикнули сверху. — Отойдите в конец кабины и прикройте лицо. Начинаем отсчет с десяти.

— ДЕСЯТЬ.

«Мы и так дошли до конца, — подумал Пат. — Десять!... Не много ли будет... Не дотянем.»

— ДЕВЯТЬ.

«Бьюсь об заклад, все равно ничего не выйдет. Море не допустит. Как только почует, что мы ускользаем...»

— ВОСЕМЬ.

«А жаль, ведь сколько сил положили. Сколько людей работали, как черти, старались выручить нас. И надо же, такое невезение...»

— СЕМЬ.

«Кажется, семь — счастливое число? Может, все-таки выберемся? Хотя бы несколько человек...»

— ШЕСТЬ.

«Почему не потешить себя? Теперь уже все равно. Итак, если считать... ну, пятнадцать секунд на то, чтобы пробить люк...»

— ПЯТЬ.

«И сбросить лестницу; они, наверное, подняли ее для сохранности...»

— ЧЕТЫРЕ.

«И, допустим, каждые три секунды выходит один пассажир… пусть даже пять секунд…»

— ТРИ.

«Двадцать два на пять получится тысяча… нет, вздор, арифметику забыл…»

— ДВА.

«Словом, сто с чем-то секунд, или почти две минуты, за это время проклятые цистерны вполне успеют отправить нас на тот свет…»

— ОДИН.

«Один! А я еще не закрыл лицо. Может, лечь, пусть наглотаюсь этой вонючей дряни…»

Громкий отрывистый треск, и словно порыв ветра. И все. Совсем не эффектно. Но подрывники превосходно знали свое дело (всегда бы так!). Энергия взрыва была точно рассчитана и направлена, ее избытка хватило только на то, чтобы исчертить рябью лунную пыль, которая покрыла уже половину площади пола. Время остановилось, целую вечность длилась заминка. А затем на глазах у них медленно свершилось чудо, неожиданное, а потому особенно ошеломляющее; хотя если бы было время вдуматься — ничего таинственного.

В алом полумраке вспыхнуло кольцо яркого

белого света. Шире, шире… и вдруг превратилось в сплошной правильный круг: часть потолка отделилась и упала. Вверху была всего-навсего одна тлеющая лампа, к тому же подвешенная на высоте двадцати метров, но глазам которые за много часов привыкли к красной полутьме, она показалась ярче утренней зари.

Почти мгновенно появилась веревочная лестница. Мисс Морли сорвалась с места, как спринтер, и исчезла в шахте. Когда подошла очередь миссис Шастер (она поворачивалась не так живо, но и не мешкала), получилось настоящее затмение. Лишь несколько тонких лучиков прорывалось из спасительного колодца, и в кабине снова стало темно, после короткого проблеска света опять, воцарилась ночь.

Пора выходить мужчинам. Первым мистер Бальдур; наверное, рад, что у него такая фамилия. Не больше десяти человек оставалось в кабине, когда забаррикадированная дверь туалетной сорвалась с петель. Лавина смела запруду!

Волна настигла Пата Харриса примерно посредине пола. Как ни легка и текуча была лунная пыль, она сковала его движения; капитан словно увяз в клею. Хорошо еще, что влажный воздух несколько связал пыль, не то кабина была бы

заполнена удушливым облаком. Пат кашлял, чихал, он почти ничего не видел, но все еще мог дышать. Сквозь багровый туман доносился голос Сью:

— Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать…

Стюардесса строго следила за очередью. Он рассчитывал, что Сью выйдет сразу за остальными женщинами, но она продолжала руководить своими подопечными. Пат отчаянно сражался с липкой зыбучей пылью, которая поднялась ему уже до пояса, и думал о Сью, думал с такой любовью, что сердцу стало больно. Его сомнения кончились. Настоящая любовь сочетает и влечение, и нежность. Пата давно влекло к Сью, нежность пришла теперь.

— Двадцать… коммодор, ***ваша*** очередь, живей!

— Черта с два, Сью, — ответил коммодор. — Выходите!

Пат не видел, что произошло, пыль и мрак мешали ему, но он догадался, что Ханстен буквально выбросил Сью в отверстие в потолке. Ни возраст, ни годы работы в космосе не ослабили мускулов коммодора, тренированных на Земле.

— Вы здесь, Пат? — раздался голос Ханстена. — Я стою на лестнице.

— Не ждите… Иду.

Это было легче сказать, чем сделать. Миллионы мягких, но сильных пальцев цеплялись за него, тащили обратно в поток. Пат ухватился за спинку кресла — она едва выдавалась над пылью — и рванулся к свету. Что-то ударило его по лицу, и он невольно поднял руку, чтобы оттолкнуть мешающий предмет, но тут же сообразил: это же лестница! Напрягая все силы, Пат подтянулся на руках. Медленно, нехотя Море Жажды ослабило свою хватку…

Прежде чем выскочить в люк, Пат напоследок обвел взглядом кабину пылехода. Вся кормовая часть была затоплена, и лунная пыль продолжала подниматься. Ее серая гладь была безупречно ровной, без единой морщинки. Зрелище было противоестественное, а потому вдвойне страшное. В метре от Пата (он знал, что запомнит эту подробность на всю жизнь), будто игрушечный кораблик на тихом пруду, лениво качался бумажный стаканчик. Через две-три минуты его прижмет к потолку и поглотит пыль, но пока что он храбро боролся.

Не сдавался и аварийный свет. Лампочки, даже погруженные в непроницаемый мрак, будут гореть еще много дней…

Очутившись в колодце, Пат Харрис карабкался вверх со всей скоростью, на какую он был способен, но коммодора догнать не смог. Внезапно в глаза ему ударил яркий свет — Ханстен вышел наружу. Пат невольно наклонил голову и увидел догоняющую его пыль. Все такая же гладкая и безмолвная — и наступает так же неотвратимо.

Осталось шагнуть через верхний обрез кессона, и вот он стоит посредине битком набитого людьми иглу, окруженный своими усталыми, измученными спутниками. Им помогали прийти

в себя четверо в скафандрах и один человек без скафандра. Очевидно, это и есть главный инженер Лоуренс. Как-то даже странно после всех этих дней увидеть новое лицо…

— Все вышли? — быстро спросил Лоуренс.

— Да, — ответил Пат. — Я последний. — И добавил: — Надеюсь…

В этакой суматохе, в темноте не мудрено было и забыть кого-нибудь. Вдруг Редли решил, что не стоит возвращаться в Новую Зеландию, где ему придется держать ответ?…

Нет… Вот он, вместе со всеми. Только Пат начал пересчитывать своих людей, как пластиковый пол подпрыгнул, а над колодцем взлетело ровное колечко пыли. Оно коснулось потолка, отскочило и рассыпалось. Все опешили.

— Это еще что такое? — удивился главный.

— Кислородная цистерна, — ответил Пат. — Прощай, старина лунобус, ты продержался, сколько нужно.

И капитан «Селены» расплакался. Ему было очень неловко, но он ничего не мог с собой поделать.

Глава 31

— Все равно не нравятся мне эти флаги, — сказал Пат, когда пылеход отчалил от пристани Порт-Рориса. — Очень уж нелепо, как подумаешь, что они висят в вакууме.

Хотя, если говорить начистоту, иллюзия была полная. Пестрые вымпелы, украсившие здание Космопорта, развевались на несуществующем ветру. Сделано это было очень просто, пружины и электрические моторчики помогали морочить голову телезрителям на Земле.

Сегодня большой праздник для Порт-Рориса, да что там — для всей Луны. Жаль, нет с ним Сью, но она не в форме для такого путешествия. Утром, провожая его, она даже пожаловалась:

— Не представляю себе, как женщины на Земле заводят детей! Носить такую тяжесть там, где тяготение в шесть раз больше нашего!

Пат отвлекся от размышлений о семье и включил полный ход. Будто одноцветные радуги, изогнулись в лучах солнца параболы лунной пыли, и в кабине, за спиной капитана «Селены-2», раздались восторженные возгласы тридцати двух пассажиров.

Первый рейс нового лунобуса проходил днем. Путешественники не увидят волшебного свечения Моря Жажды, зеленого сияния недвижной Земли, и не будет ночного броска по каньону к Кратерному Озеру. Но все это возмещалось новизной и необычностью впечатлений. Благодаря своей несчастливой предшественнице «Селена-2» оказалась едва ли не самым знаменитым судном во всей солнечной системе.

Старая истина: дурная слава — лучшая реклама. И подсчитывая предварительные заявки на билеты, начальник «Лунтуриста» радовался, что не уступил, заставил увеличить салон, чтобы можно было взять больше пассажиров. А сколько пришлось воевать, чтобы вообще получить новую «Селену»! «Пуганая ворона куста боится», — твердил главный администратор и уступил лишь после того, как патер Феррaро и Геофизическое управление убедили его, что в ближайший миллион лет можно не опасаться каверз Моря.

— Так держать, — сказал Пат второму пилоту, вставая с места. — Пойду, побеседую с пассажирами.

Он был еще достаточно молод и тщеславен, ему льстили восхищенные взгляды пассажиров. Не было на борту человека, который не читал бы

про капитана Пата Харриса или не видел его по телевизору. Уже то, что они здесь сидят, — знак полного доверия к нему. Конечно, это не только его заслуга, Пат отлично понимал это, но он без ложной скромности оценивал свое поведение в последние часы «Селены-1». Маленькая золотая модель погибшего пылехода — свадебный подарок мистеру и миссис Харрис «От всех участников последнего плавания, с искренним восхищением» — была для него самой дорогой наградой.

Пат Харрис шел к корме, обмениваясь приветствиями с пассажирами. Вдруг он остановился, как вкопанный.

— Хелло, капитан, — произнес памятный голос. — Вы, кажется, удивлены?

Пат мигом взял себя в руки и изобразил ослепительнейшую официальную улыбку.

— О, мисс Морли, какая приятная неожиданность! Я и не подозревал, что вы на Луне.

— Для меня это тоже сюрприз. А все благодаря очерку, который я написала про «Селену-один». Редакция «Межпланетной Жизни» поручила мне рассказать о первом рейсе нового пылехода.

— Надеюсь, — сказал Пат, — он пройдет без таких приключений, как в прошлый раз! Скажите, вы встречаетесь с кем-нибудь из остальных?

Недавно я получил письмо от доктора Мекензи, Шастеры тоже пишут, но о Редли я ничего не знаю. Что случилось с беднягой после того, как Хардинг забрал его?

— Ничего. Если не считать, что его уволили. Подавать на него в суд? Так ведь все будут сочувствовать Редли, и еще кто-нибудь вздумает последовать его примеру! Говорят, он теперь зарабатывает на жизнь, читая своим единоверцам лекции на тему «Что я обнаружил на Луне». И знаете, капитан Харрис, я берусь предсказать…

— Что?

— Он еще вернется на Луну.

— Хоть бы поскорей! Я так и не понял, что именно он собирался найти в Море Кризисов.

Они рассмеялись, потом мисс Морли сказала:

— Я слышала, вы уходите с этой работы.

Пат заметно смутился.

— Это верно, — подтвердил он. — Перехожу на космические линии. Если выдержу все испытания.

Пат был далеко не уверен в этом, но не мог отказаться от попытки. Водить лунобус — работа интересная, приятная, спору нет. А дальше? Правильно говорят Сью и коммодор: это тупик.

Была у него и другая причина. Пат Харрис

частенько задумывался над тем, сколько судеб переменилось, когда Море Жажды зевнуло под звездным небом. Пережитое на «Селене-1» отразилось на каждом, и почти все они изменились к лучшему. За примером ходить недалеко: вот как мирно разговаривают он и мисс Морли…

События тех дней не прошли бесследно и для участников спасательной операции, особенно для доктора Лоусона и главного инженера Лоуренса. Пат не раз видел вспыльчивого астронома на экране телевизора в передачах на научные темы; но и чувство благодарности не помогало — Лоусон по-прежнему не нравился ему. Зато он, судя по всему, нравится миллионам зрителей.

Что же до Лоуренса, то он не покладая рук писал книгу (условное название — «Человек о Луне») — и проклинал день, когда подписал договор с издательством. Пат помогал ему с главами, посвященными «Селене»; Сью взялась, пока не родился ребенок, вычитать рукопись.

— Извините, — сказал Пат Харрис, вспомнив о своих обязанностях капитана, — я должен уделить внимание и другим пассажирам. Будете в Клавии, загляните к нам.

— Непременно загляну, — обещала мисс Морли, слегка озадаченная, но явно довольная пригла-

шением.

Пат пошел дальше, отвечая на приветствия и вопросы. Вот и отсек переходной камеры. Он вошел, затворил за собой дверь и очутился в одиночестве.

Что говорить, здесь просторнее, чем в маленькой переходной камере «Селены-1»! Но в общем все такое же, и не удивительно, что нахлынули воспоминания… Вот скафандр — уж не тот ли самый, который снабжал кислородом его и Мекензи, пока остальные спали?… И разве не к этой переборке он прижимал ухо, слушая шорох восходящего пылевого потока? И ведь именно в переходной камере он и Сью впервые по-настоящему узнали друг друга…

Но вот новинка: окошко в наружной двери. Пат прижал лицо к стеклу и устремил взгляд вдаль над летящей мимо гладью Моря Жажды.

Сейчас эта сторона пылехода была теневой, окошко смотрело в черную космическую ночь, и как только глаза привыкли к мраку, он увидел звезды. Лишь самые крупные, разумеется, так как остальные мешал различить рассеянный свет. Вот Юпитер — после Венеры самая яркая из планет.

Скоро он будет там, вдали от родного мира…

Эта мысль и возбуждала, и пугала, и все-таки Пат знал, что не усидит на месте. Он любит Луну, но она пыталась убить его, и ему всегда будет не по себе среди ее голых равнин. Конечно, большой космос еще грознее и беспощаднее, однако с ним Пату пока не приходилось воевать. А отношения с родной Луной в лучшем случае будут походить на вооруженный нейтралитет.

Дверь в кабину отворилась, вошла стюардесса, неся поднос с пустыми чашками. Пат отвернулся от окна и звезд. Когда он увидит их в следующий раз, они будут неизмеримо ярче. Капитан улыбнулся девушке в опрятной форме.

— Это все ваше, мисс Джонсон. — Он обвел рукой тесный камбуз. — Будьте хорошей хозяйкой.

Затем он вернулся на нос, к пульту управления и повел «Селену-2» в первый рейс, в свое последнее плавание по Морю Жажды.

РАССКАЗЫ

ПО ТУ СТОРОНУ НЕБА

Специальный груз

До сих пор помню, какое возбуждение царило в 1957 году, когда Советский Союз запустил первые искусственные спутники и сумел подвесить здесь, за пределами атмосферы, несколько фунтов приборов. Конечно, я тогда был мальчишкой, но как и все вечером спешил на улицу, старался высмотреть крохотные светила, которые сверкали в сумеречных небесах над моей головой, на высоте сотен миль. Странно, как подумаешь, что некоторые из них летают до сих пор, но теперь они подо мною, и чтобы увидеть их, надо смотреть вниз, на Землю...

Да, многое переменилось за последние сорок лет. Иногда я начинаю даже опасаться, что для вас там, на Земле, космические станции нечто само собой разумеющееся, и вы забываете, сколько умения, знаний, отваги понадобилось, чтобы создать их. Часто ли вы задумываетесь над тем, что через спутники идут все ваши международные телефонные разговоры и большинство телевизионных программ? И часто ли вспоминаете добрым словом здешних синоптиков, благодаря которым прогнозы погоды перестали быть пред-

метом острот (как было во времена наших дедов) и попадают в самую точку в девяноста девяти случаях из ста.

Да, несладко нам приходилось, когда я начинал работать на дальних станциях... Мы гнали, торопились закончить сборку и ввести в действие миллионы новых телевизионных и радиоканалов, которые должны были открыться, как только в космосе появится аппаратура, способная послать направленную передачу в любую точку земного шара.

Первые искусственные спутники летали сравнительно низко над Землей, тогда, как три станции, образующие великий треугольник «Релейной Цепи», нужно было разместить на высоте двадцати двух тысяч миль, строго над экватором, на равном расстоянии друг от друга. На этой — и только на этой — высоте полный виток занимает ровно сутки, таким образом они всегда оставались бы над одной и той же точкой вращающегося земного шара.

Мне довелось поработать на всех трех станциях, но начинал я на Второй Релейной. Она расположена почти точно над Энтеббе в Уганде, обслуживает Европу, Африку и большую часть Азии. Ныне это — огромное сооружение,

несколько сот ярдов в поперечнике, которое одновременно шлет на свое полушарие тысячи программ, обеспечивая полмира радиосвязью. Но когда я впервые увидел станцию из иллюминатора транспортной ракеты, которая доставила меня на орбиту, она больше всего напоминала плывущую в космосе гору металлического лома. Готовые части парили вперемешку, как попало, и казалось, из этого хаоса никогда не возникнет порядок.

Жилые помещения для технического персонала и монтажников были примитивны: несколько отслуживших срок транспортных ракет, с которых сняли все, кроме регенераторов воздуха. Мы их окрестили «скорлупами»; в каждом отсеке только-только помещался один человек и самое необходимое личное имущество. Забавно, не правда ли: живешь среди безграничного космоса, а тебе даже повернуться негде!

Попятно, мы пришли в восторг, услышав, что нам отправлены герметичные квартиры со всеми удобствами, в том числе душ с игольчатыми форсунками, которые работают даже там, где вода — как и все остальное — невесома. Если вы не жили сами на борту набитого битком космического корабля, вам не понять, как это важно.

Наконец-то мы выбросим губки для обтирания и вспомним, что такое настоящая чистота!

И ведь нам обещали не только душевую. К нам с Земли летела надувная комната отдыха, в которой свободно могли разместиться восемь человек, библиотека с микрофильмами, магнитный биллиардный стол, портативные шахматы и прочие новинки для истомившихся космонавтов. Когда мы думали обо всей этой роскоши, теснота в «скорлупах» казалась нам невыносимой, хотя каждый из нас получал тысячу долларов в неделю за то, что выносил ее.

Покинув Зону Второй Заправки, расположенную на высоте двух тысяч миль над Землей, долгожданная ракета с драгоценным грузом должна была за шесть часов дойти до нас. Я в это время был свободен от работы и прильнул к телескопу, у которого проводил большую часть своего скудного досуга. Мне никогда не надоедало рассматривать огромную планету, висевшую в пространстве рядом с нами; если настроить телескоп на максимальную мощность, казалось, что лишь несколько миль отделяет вас от Земли. При хорошей видимости, когда не было облаков, я легко различал предметы размером с маленький дом. Я не бывал в Африке, однако очень хорошо с

ней познакомился в свободное время на Второй Релейной. Вы можете не поверить, но я часто видел в степи движущихся слонов, а огромные стада зебр или антилоп и подавно было просто отличить — они перемещались на широких просторах резерваций, будто ожившие волны. Но больше всего я любил смотреть, как над горами в сердце континента занималась заря. Солнечный свет могучей полосой шел через Индийский океан, и новый день затмевал крохотные галактики городов, мерцающие во мраке подо мной. Задолго до того, как лучи светила дотягивались до равнин Восточной Африки, вершины Килиманджаро и Маунт-Кения начинали сверкать, точно алмазные звезды в недрах ночи. Но солнце поднималось все выше, и день стремительно скатывался по склонам, наводняя светом долины. Я видел Землю в первой четверти, затем наступало «полноземлие».

Двенадцать часов спустя можно было наблюдать все в обратном порядке, и те же вершины улавливали последний луч заходящего солнца. Некоторое время они еще сияли над узкой полосой сумерек, потом Земля, вращаясь, уходила во мрак, и над Африкой спускалась ночь...

Но сейчас меня занимала не красота земного

шара. Я вообще не глядел на Землю, а только на бело-голубую звезду над западной каймой планетного диска. Грузовой корабль-автомат был в тени Земли, и я видел жаркое пламя его ракетных двигателей, которые несли корабль на высоту двадцати тысяч миль.

Мне так часто случалось следить за подходом ракет, что я знал наизусть все их маневры. И когда я заметил, что ракетные двигатели, вместо того чтобы потухнуть, продолжают ярко светиться, мне тотчас стало ясно: что-то не так. С чувством бессильной ярости и отчаяния наблюдал я, как долгожданная душевая — и, что хуже всего, наша почта! — набирая скорость, устремляются по непредусмотренной орбите. Автопилот отказал. Будь на борту человек, он взял бы на себя управление и выключил двигатели, теперь же все горючее, припасенное для возвращения, обратилось в непрерывный поток энергии.

К тому времени, как баки опустели и далекая звезда, погаснув, пропала из поля зрения моего телескопа, следящие устройства уже подтвердили то, что я и без того знал. Грузовая ракета летела слишком быстро, чтобы земное тяготение могло удержать ее, она мчалась в космические дебри за Плутоном...

Мы надолго пали духом, а тут еще кому-то из вычислительного центра пришло в голову рассчитать, что будет дальше с заблудившимся транспортом. Ведь в космосе ничто не пропадает безвозвратно. Определите орбиту ракеты, и до скончания времен будет известно, где она находится в каждую секунду. И глядя на то, как наша комната отдыха, наша библиотека, наши шахматы, наша почта удаляются к периферии солнечной системы, мы знали, что в один прекрасный день все вернется, вернется в полной сохранности. Если у нас будет наготове корабль, ничего не стоит перехватить транспорт, когда он снова приблизится к Солнцу — ранней весной 15862 года нашей эры.

Пернатый друг

Насколько мне известно, никто официально не запрещал держать на космических станциях комнатных животных. Просто никому не приходило в голову, что это необходимо; но если бы даже запрет существовал, я уверен, что Свен Ульсен все равно пренебрег бы им.

Вы, конечно, представляете себе Свена этаким северным богатырем — рост шесть футов шесть дюймов, телосложение быка и соответствующий голосина. Будь это так, он вряд ли мог бы рассчитывать на работу в космосе; на деле Свен, подобно всем «космачам» той поры, был жилистый коротышка, и ему не стоило никакого труда держаться в пределах 150-фунтовой весовой нормы, которая многих из нас обрекала на голодную диету.

Свен был один из наших лучших монтажников, он отлично справлялся со своей работой, требующей искусных рук и особого навыка: ловить свободно парящие фермы того или иного комплекта, дирижировать своеобразным замедленным балетом в трех измерениях, так чтобы фермы занимали предназначенное им место, и сваривать узлы, когда все части подогнаны в

точном соответствии с чертежами... Мне очень нравилось смотреть, как его бригада собирает космическую станцию, точно огромную мозаику. А работа была не только замысловатая, но и утомительная: космический скафандр — далеко не самая удобная спецодежда. Зато у людей Свена было большое преимущество перед высотниками, которые на Земле строят небоскребы. Они могли отойти назад и полюбоваться произведением своих рук, не опасаясь, что тяготение тотчас разлучит их с ним...

Не спрашивайте меня, почему Свен решил завести комнатное животное и чем объяснить его выбор. Я не психолог, но должен признать, что он выбрал очень разумно. Клерибел практически не занимала места, ее паек был бесконечно малой величиной, наконец, она — в отличие от большинства других животных, очутись они на ее месте, — нисколько не страдала от невесомости.

Впервые я обнаружил присутствие на борту Клерибел, когда, сидя в закутке, смеха ради именуемом моей конторой, проверял по спискам наличность в подведомственном мне техническом складе, чтобы знать, какие артикулы на исходе. Услышав над самым ухом мелодичный свист, я решил, что включилась внутренняя селекторная

связь, и стал ждать объявления. Но объявления не последовало, зато прозвучала такая долгая и затейливая трель, что я вскинул голову, совсем забыв о металлическом кронштейне в стенке за своей спиной. И когда искры перестали сыпаться у меня из глаз, я увидел Клерибел.

Крохотная желтая канарейка неподвижно висела в воздухе — совсем как колибри, только ей это не стоило никаких усилий, прижатые к туловищу крылышки отдыхали. С минуту мы глядели друг на друга, затем, прежде чем я успел окончательно прийти в себя, она исполнила в воздухе этакое заднее сальто, которого ни одна земная канарейка не сумела бы повторить за ней, и исчезла, легонько взмахнув крыльями. Было очевидно, что она великолепно освоилась с невесомостью и не одобряет лишних усилий.

Свен долго не признавался, что он хозяин Клерибел, а потом это потеряло всякое значение, потому что она стала всеобщей любимицей. Он провез ее контрабандой с Земли на последней транспортной ракете, возвращаясь из отпуска,— отчасти, по его словам, из чисто научного интереса. Дескать, захотелось узнать, как поведет себя птица, утратив вес, но сохранив свои крылья.

Клерибел чувствовала себя отлично и поправлялась. В общем-то нам не стоило большого труда прятать недозволенную гостью, когда с Земли являлись Высокопоставленные Персоны. На космической станции несметное количество укромных уголков. Единственная трудность была связана с тем, что Клерибел в минуту волнения становилась довольно шумной особой, и нам не раз приходилось на ходу придумывать объяснения странному писку или свисту, который вырывался из вентиляционных шахт или складских чуланов. Порой все висело на волоске, но кому придет в голову искать на космической станции канарейку?!

У нас была установлена двенадцатичасовая вахта — не так страшно, как это может показаться, потому что в космосе человек спит мало. Разумеется, когда постоянно купаешься в лучах солнца, «дня» и «ночи» нет, но все-таки мы соблюдали привычное деление суток. И уж во всяком случае, когда я проснулся в то «утро», самочувствие было в точности, как в шесть утра на Земле: ноющая головная боль и смутные воспоминания о беспорядочных, путаных сновидениях. Я страшно долго возился с предохранительными ремнями и совершенно ошалелый пошел в столовую, где

собралась дежурная смена. Завтрак проходил необычно тихо, одно место за столом пустовало.

— Где Свен? — спросил я довольно равнодушно.

— Ищет Клерибел,— ответил кто-то. — Говорит, куда-то запропастилась. Обычно она будит его по утрам.

Не успел я сказать, что она будит и меня тоже, как вошел Свен, и по его лицу сразу было видно, что случилась беда. Он осторожно разжал пальцы — на ладони лежал желтый комочек, печально торчали в воздухе две лапки с поджатыми когтями.

— Что с ней? — спросили мы.

Душераздирающее зрелище всех одинаково потрясло.

— Не знаю, — угрюмо ответил Свен. — Я ее такую нашел...

— Ну-ка, поглядим, — сказал Джок Дункан, наш повар-врач-диетолог.

Мы ждали, примолкнув, пока он, поднеся Клерибел к уху, пытался уловить биение сердца. Джок покачал головой.

— Ничего не слышу. Но это еще не значит, что она мертва. Мне не приходилось прежде выслушивать канареек, — добавил он виновато.

— Дать ей глоток кислорода, — предложил кто-то, показывая на перепоясанный зеленой полоской аварийный баллон в нише возле двери.

Все согласились, что это отличная мысль, и Клерибел аккуратно накрыли маской, которая вполне могла заменить ей кислородную палатку.

И птаха тотчас ожила! Свен, широко улыбаясь, убрал маску, Клерибел вскочила ему на палец, издала свои обычные трели на мотив «В камбуз, ребята!» — и тут же опять упала лапками кверху.

— Ничего не понимаю, — пожаловался Свен. — Что с ней такое? Никогда она так себя не вела.

Уже несколько минут что-то тихонько копошилось в моей памяти. В то утро голова у меня работала скверно, я никак не мог совсем очнуться от сна. Не мешало бы и мне кислороду вдохнуть... Но прежде чем рука дотянулась до маски, меня осенило. Я резко повернулся к дежурному инженеру:

— Джим! Что-то не в порядке с воздухом! Вот почему Клерибел не выдерживает. Я вспомнил: когда-то шахтеры брали с собой канареек под землю, они предупреждали, если в шахте появлялся газ.

— Вздор! — ответил Джим. — Приборы давно

подняли бы тревогу. У нас параллельная сигнализация.

— Гм... Вторая система еще не включена, — напомнил ему помощник.

Джим переменился в лице и молча исчез из столовой; мы стояли, толкуя о случившемся и передавая друг другу кислородный баллон наподобие трубки мира.

Джим вернулся через десять минут, и вид у него был слегка пришибленный. Случилось то, чего никто не мог предвидеть, несколько совпадений одновременно: ночью было солнечное затмение — мы попали в тень Земли, замерзла одна из секций регенератора воздуха и не сработала единственная действующая сигнализация. Электронные и химические аппараты стоимостью в полмиллиона долларов подвели нас. Не будь Клерибел, мы очень скоро отправились бы к праотцам.

Так что если вы попадете на космическую станцию, не удивляйтесь, неожиданно услышав птичьи трели. Никакого повода для беспокойства, напротив: это будет означать, что вы застрахованы вдвойне, притом практически без дополнительных расходов.

Сделайте глубокий вдох

Я уже давно приметил, что люди, которые никогда не покидали Землю, очень странно представляют себе условия в космосе. Так, всякий «знает», что человека, очутившегося без скафандра в безвоздушном пространстве за пределами атмосферы, ожидает мгновенная страшная смерть. В популярной литературе вы найдете множество кровавых описаний, как взрываются космонавты, и я не буду портить вам аппетит пересказом. Кстати, в основе многие из этих рассказов справедливы. И мне самому приходилось в последнюю секунду вытаскивать из воздушного шлюза растяп, которые не заслуживали славного звания космонавтов.

Но ведь из всякого правила есть исключения, так и тут. Мне ли не знать — на себе испытал!

Мы заканчивали монтаж Второго Релейного Спутника; все главные узлы были собраны, жилые помещения герметизированы, и станции придали медленное вращение вокруг собственной оси, восстановив чувство тяжести, от которого мы успели отвыкнуть. Я сказал «медленное», однако обод нашего двухсотфутового

колеса вращался со скоростью тридцати миль в час. Движения мы, понятно, не замечали, но центробежная сила, вызванная вращением, вернула нам около половины нашего земного веса. Этого оказалось достаточно, чтобы предметы перестали произвольно парить в пространстве, и вместе с тем мы не чувствовали себя слишком уж неповоротливыми после многих недель полной невесомости.

В ту ночь, когда это произошло, наша четверка спала в тесной цилиндрической кабине, известной под наименованием Шестого Кубрика. Она находилась на самом краю обода станции. Представьте себе велосипедное колесо, у которого шину заменяет гирлянда сосисок; ну так вот — Шестой Кубрик был одной из «сосисок», и мы мирно дремали внутри нее.

Разбудил меня внезапный толчок — не такой сильный, чтобы я встревожился, но, во всяком случае, я сел на койке, недоумевая, что случилось. На космической станции все необычное настораживает, и я нажал тумблер внутреннего селектора.

— Алло, Центральная, что случилось?

Никакого ответа, линия не работала.

Это уже серьезно; я соскочил с койки — и со-

всем опешил: ***тяготение отсутствовало***. Я взлетел к потолку, но успел схватиться за стойку и остановить полет, растянув руку.

Не может вся космическая станция вдруг перестать вращаться. Ответ мог быть лишь один... Выход из строя селектора и — как я тотчас обнаружил — осветительной сети открыл нам страшную истину: мы уже не часть станции, каким-то образом наша кабина оторвалась, и ее швырнуло в пространство. Так отлетает, упав на вращающийся маховик, дождевая капля.

Иллюминаторов не было, наружу не выглянешь, однако мы не сидели в кромешной тьме — включилось аварийное освещение, работающее от батарей. Клапаны воздушной магистрали автоматически замкнулись, едва стало падать давление, и мы могли бы некоторое время существовать в нашей маленькой атмосфере, хотя она и не обновлялась. Увы, непрекращающийся свист дал нам понять, что воздух уходит в какую-то пробоину.

Мы могли только гадать, какова судьба космической станции. Кто знает, может быть, все сооружение разбито вдребезги и наши товарищи либо погибли, либо, как и мы, летят через космос в дырявых банках с воздухом... Оставалось

надеяться, что мы одни оказались жертвами крушения, что станция в общем цела и за нами послан спасательный отряд. Все-таки мы удалялись со скоростью не больше тридцати миль в час, и любой из реактивных скутеров мог за несколько минут догнать нас.

На самом деле им потребовалось около часа, хотя если бы не мои часы, я никогда бы не поверил, что нас нашли так быстро. Мы уже начали задыхаться, всего лишь одно деление отделяло от нуля стрелку прибора на пашем единственном аварийном кислородном баллоне...

Стук в обшивку прозвучал для нас, словно сигнал из другого мира. Мы отчаянно застучали в ответ, и сейчас же к нам донесся глухой голос. Кто-то снаружи прижался шлемом скафандра к металлу обшивки, и простейшая звукопроводимость позволяла нам слышать его. Не так отчетливо, как радио, разумеется, но понять можно.

Пока шел военный совет, стрелка манометра медленно сползла к нулю. Прежде чем нас отбуксируют к станции, мы будем мертвы... Но спасательный корабль рядом, в нескольких футах от нас, его воздушный шлюз открыт. Вот только как пересечь эти несколько футов без скафандра!

Мы тщательно все продумали и взвесили, отлично понимая, что бисировать не придется. Напоследок сделали по последнему глубокому вдоху из кислородного прибора, очищая легкие. И когда все приготовились, я постучал в стенку, давая сигнал нашим друзьям.

Прерывистый стрекот... Это электрические инструменты принялись обрабатывать тонкую скорлупу кабины. Зная, что последует, мы изо всех сил ухватились за стойки, стараясь держаться подальше от будущего входа. Все произошло настолько быстро, что ум не поспевал за событиями. Кабина словно взорвалась, меня обдало могучим вихрем, остатки воздуха вырвались из легких через непроизвольно открывшийся рот. А затем — предельная тишина и алмазы звезд в зияющем отверстии, которое обозначало путь к жизни.

Уверяю вас, мне некогда было анализировать свои ощущения. Кажется (я вовсе не уверен, что все это не плод воображения), я ощутил резь в глазах, и словно иголки кололи все тело. И было очень холодно, возможно потому, что тотчас начала испаряться влага с поверхности тела.

Одно я помню точно — неприятную тишину. На космической станции не бывает полного безмолвия, всегда рокочут двигатели или шумят воздушные насосы. А тут — абсолютная тишина вакуума, пустоты, где нет ни одной частицы воздуха, которая могла бы переносить звук.

Мы почти одновременно бросились в брешь в корпусе, под лучи пылающего солнца. Меня ослепило, но это не играло роли, потому что спасатели в скафандрах сразу же подхватили нас и толкнули в переходную камеру. По мере того, как в ней накапливался воздух, постепенно возродился звук, и мы вспомнили, что здесь можно дышать. Потом нам рассказали, что вся операция длилась двадцать секунд...

Итак, мы оказались членами-учредителями Клуба Глотателей Пустоты. С тех пор не менее десятка человек, попав в аварию, проделали то же самое. Рекорд пребывания в пустоте равен теперь двум минутам; затем кровь начинает

пузыриться, так как закипает при температуре тела, и пузырьки быстро попадают в сердце.

И последствий не было, кроме одного. С четверть минуты пробыл я в лучах настоящего солнца, а не того хилого света, который просачивается сквозь земную атмосферу. Глоток космоса не принес мне ни малейшего вреда, но кожу я сжег, как никогда в жизни.

Космическая свобода

Наверное, мало кто из вас представляет себе, как жили люди, прежде чем релейные спутники дали нам действующую ныне систему всемирной связи. В моем детстве нельзя было передать телевизионные программы через океан, даже обеспечить надежную дальнюю радиосвязь, не подцепив по пути богатой коллекции шумов и разрядов, А теперь свободные от помех каналы для нас самое обычное дело, мы ничуть не удивляемся, когда видим друзей по ту сторону земного шара так же отчетливо, как если бы стояли лицом к лицу с ними. И ведь без релейных спутников рухнула бы вся система мировой индустрии и торговли. Какая из ведущих мировых экономических организаций смогла бы сопрягать разбросанные по всему миру центры «электронного мозга», если бы мы на космических станциях не передавали деловые послания вокруг шарика?

Но когда мы в конце семидесятых годов монтировали станции Релейной Цепи, все это было еще делом будущего. Я уже рассказал о некоторых наших трудностях и злоключениях; они были

достаточно серьезны, однако мы все одолели. Три станции в космосе вокруг Земли перестали быть беспорядочным нагромождением ферм, воздушных баллонов и герметичных пластиковых кабин. Кончилась сборка, мы заняли свои отсеки и стали работать в человеческих условиях, не стесненные скафандрами. Станции медленно вращались, и к нам вернулось тяготение. Не настоящее земное тяготение, конечно, но центробежная сила создает и в космосе те же самые ощущения. Приятно было налить бокал и сесть в кресло, не боясь, что тебя унесет ветерком.

Монтаж трех станций кончился, но еще не меньше года мы устанавливали радио- и телевизионную аппаратуру, которой предстояло взять на свои космические плечи бремя земных коммуникаций. Наконец мы пустили первый телевизионный канал между Англией и Австралией. Направленный сигнал поступил с Земли к нам на Вторую Релейную, расположенную над центром Африки, мы ретранслировали его на Третью Релейную, подвешенную над Новой Гвинеей, а оттуда он вернулся на Землю, чистенький, как стеклышко, несмотря на путешествие в девяносто тысяч миль.

Впрочем, это была лишь проверка, инженеры

испытывали аппаратуру. Официальное открытие линии должно было стать величайшим событием в истории мировых коммуникаций. Готовилась тщательно разработанная глобальная телепередача с участием всех стран; впервые телевизионным камерам предстояло за три часа обрыскать весь свет, возвещая человечеству, что рухнул последний барьер, воздвигнутый расстояниями.

Циники уверяли, что разработка этой программы потребовала не меньших усилий, чем само создание космических станций. Причем всего труднее было выбрать «церемониймейстера» — ведущего, которому предстояло объявлять номера небывалого глобального спектакля для половины человечества.

Одному богу известно, что делалось за кулисами: сговор, шантаж, явное подсиживание... Так или иначе за неделю до великого дня к нам прилетела внеочередная ракета с Грегори Уэнделлом на борту. Это было совсем неожиданно, ведь Грегори не пользовался среди телезрителей такой известностью, как, скажем, Джефферс Джексон в США или Винс Клиффорд в Англии. Видно, главные фавориты подсидели-таки друг друга, и Грег получил заманчивое назначение

благодаря одному из тех компромиссов, которые так хорошо известны политиканам.

Уэнделл начинал свою карьеру рядовым диктором одной из университетских радиостанций американского Среднего Запада, потом вел программы ночных клубов Голливуда и Манхеттена, и наконец ему поручили ежедневную передачу во всеамериканском вещании. Не считая покровительственно-непринужденного тона, главным активом Грега был глубокий, бархатный голос — видимо, дар негритянских предков. Даже если вы вовсе не соглашались с тем, что он говорил, если он всю душу из вас выматывал своим интервью, все равно слушать его было одно удовольствие.

Мы показали Грегу всю космическую станцию, даже (вопреки правилам) вывели его через воздушный шлюз в космос, облачив в скафандр. Ему все пришлось по душе, но две вещи особенно понравились.

— Воздух у вас тут куда лучше той дряни, которой мы дышим в Нью-Йорке, — сказал он. — В первый раз с тех пор, как я на телевидении, моя носоглотка в порядке.

И еще он одобрил меньшее тяготение; на ободе станции человек весил половину земного веса, а возле оси — вообще ничего.

Однако новизна окружения не отвлекла Грега от работы. Он по многу часов проводил в Центральной Аппаратной — размечал сценарий, отрабатывал свои реплики, изучал дюжины мониторов, которым предстояло быть его окнами в мир. Однажды я застал его, когда он репетировал представление королевы Елизаветы, которая должна была говорить из Бэкингемского дворца в самом конце программы. Он настолько увлекся, что даже не заметил меня, хотя я стоял рядом.

Да, эта телепередача вошла в историю. Впервые миллиард людей одновременно смотрел программу, которая создавала эффект присутствия в любом уголке Земли, зрители наблюдали перекличку виднейших граждан мира. Сотни камер на земле, в небесах и на море пытливо всматривались во вращающийся земной шар; и в конце на экране появилась великолепная панорама Земли. Благодаря трансфокатору в камере, установленной на спутнике, наша планета как бы медленно удалялась, пока не затерялась среди звезд...

Конечно, не обошлось без накладок. Одна камера, установленная на дне Атлантического океана, не включилась своевременно, и пришлось зрителям дольше задуманного любоваться

Тадж Махалом. Из-за неправильного соединения русские субтитры легли на картинку, идущую на Южную Америку; в это время половина Советского Союза пыталась читать по-испански. Но это мелочи перед тем, что могло случиться...

И все три часа, одинаково непринужденно представляя знаменитых людей и неизвестных, звучал красивый, но ничуть не манерный голос Грега. Он превосходно выполнил свою задачу, и как только передача кончилась, с Земли посыпались поздравления. Правда, ведущий их не слышал: после переговоров со своим агентом он лег спать.

На следующее утро его ждала идущая на Землю ракета, а на Земле — любая должность, какую он только пожелает. Но ракета ушла без Грега Уэнделла, отныне младшего диктора Второй Релейной.

— Они решат, что я свихнулся, — сказал он, радостно улыбаясь. — Но на что мне сдалась вся их мышиная возня? Здесь я вижу всю вселенную, воздух здесь чистый, никакого смога, тяготение такое, что я чувствую себя Геркулесом, и мои бывшие жены, эти три душки, не смогут до меня добраться.

Грег послал уходящей ракете воздушный по-

целуй.

— До свиданья, Земля! — крикнул он. — Я вернусь, как только начну тосковать по заторам на Бродвее и мглистым рассветам. А одолеет ностальгия — достаточно нажать кнопку, и я увижу любой уголок планеты. Здесь я по-настоящему в гуще событий, не то что на Земле. А захочу — могу совсем отгородиться от человеческого рода.

Продолжая улыбаться, он смотрел, как ракета начинает свое долгое падение на Землю, где богатство и слава напрасно ждали его. Затем, весело насвистывая, восьмифутовыми шагами вышел из контрольного пункта: пора было читать прогноз погоды для Южной Патагонии.

Случайная встреча

Должен сразу же вас предупредить: у этой истории нет конца. Зато начало можно установить точно — я познакомился с Джулией, когда мы учились вместе в Астротехе. Я уже был в аспирантуре, она перешла на последний курс факультета физики солнца, и весь последний год в институте мы встречались довольно часто. У меня до сих пор цела шерстяная шапочка, которую она связала мне, чтобы я не набил себе шишек гермошлемом. (Нет-нет, я никогда ее не надевал, это было бы кощунство!)

Увы, когда меня назначили на Второй Релейный, Джулия попала на Солнечную Обсерваторию — на таком же расстоянии от Земли, но в нескольких градусах восточнее по орбите. Вот так: оба на высоте двадцати двух тысяч миль над центром Африки, а между нами девятьсот миль пустынного, враждебного космоса.

Первое время мы были слишком заняты и не так сильно ощущали боль разлуки. Но когда прошла прелесть новизны и жизнь в космосе стала привычной, наши мысли полетели через разделяющую нас бездну. И не только мысли: я

наладил дружбу со связистами, и нам с Джулией удавалось побеседовать, пользуясь межстанционным телеканалом. Правда, почему-то на душе только хуже, когда глядишь друг на друга и не знаешь, сколько еще людей видят вас в то же время. Космическая станция не создана для личной жизни...

Иногда я наводил один из наших телескопов на недосягаемую сверкающую звезду обсерватории. Кристальная чистота космоса допускает огромные увеличения, и я видел все подробности — солнечные телескопы, герметичные сферы, в которых жили сотрудники, карандашики транспортных ракет, прилетавших с Земли. Часто среди аппаратуры двигались фигурки в скафандрах, и я напрягал зрение, тщетно пытаясь их распознать. Даже с нескольких футов трудно узнать человека, облаченного в космический скафандр, и все-таки я не мог удержаться от попытки.

Мы уже покорились необходимости призвать все свое терпение и ждать, ждать полгода до отпуска, и вдруг нам повезло. Еще не прошло и половины нашего срока, когда начальник транспортной секции внезапно объявил, что отправляется с сачком ловить метеоры. Буйным

он не стал, но все-таки пришлось вернуть его на Землю. А меня назначили врио; таким образом я, во всяком случае теоретически, стал вольным сыном эфира.

Я повелевал десятью маломощными реактивными скутерами, а также четырьмя ракетами покрупнее для переброски людей и грузов с орбиты на орбиту. О том, чтобы воспользоваться ракетой, нечего было и думать, однако несколько недель тщательной подготовки позволили мне осуществить план, который родился в моей голове через две микросекунды после того, как меня назначили на пост руководителя транспортом.

Не стану рассказывать, как я мудрил с расписанием, бортовыми журналами и горючим, как уговорил товарищей не выдавать меня. Важно то, что примерно раз в неделю я влезал в свой скафандр, пристегивался к каркасу скутера № 3 и на малой скорости покидал станцию. Отойдя подальше, давал полный газ, и маленький реактивный мотор мчал меня через девятисотмильную пропасть к обсерватории. Весь путь отнимал минут тридцать, и управление было предельно простое. Я без приборов видел, куда и откуда лечу. И все-таки должен признать, что примерно на полпути я иногда чувствовал себя

— как бы это сказать — несколько одиноким, что ли. На пятьсот миль вокруг — ничего плотного, вещественного, и Земля казалась невообразимо далекой. В такие минуты очень помогало настроить свой приемник на волну главной сети и послушать, как переругиваются корабли и станции.

На полпути я разворачивал скутер на сто восемьдесят градусов и начинал торможение. Десять минут спустя обсерватория приближалась настолько, что можно было невооруженным глазом различить детали ее конструкции. И вот уже я подплываю к герметичному пластиковому пузырю, в котором оборудовали спектроскопическую лабораторию. Теперь только воздушный шлюз отделяет меня от Джулии.

Не буду утверждать, что мы говорили только о последних достижениях астрофизики или о том, как выполняется график монтажа спутников. Мы меньше всего думали о таких вещах; и на обратном пути мне всегда казалось, что я лечу невероятно быстро.

Однажды, когда я возвращался домой, вспыхнул радарный сигнал на моей приборной доске. Какой-то крупный предмет стремительно приближался. Метеор, решил я, может быть, даже небольшой астероид. Но при такой мощности сигналов я должен его видеть. Определив направление, я стал рассматривать созвездия. Мысль о столкновении мне даже и в голову не приходила: космос столь невообразимо велик, что я чувствовал себя в сто раз надежнее, чем человек, переходящий улицу на Земле.

Вот она — яркая, заметно растущая звездочка в нижней части Ориона. Уже превосходит по яркости Ригель, а еще через несколько секунд я видел не точку, а диск. Он двигался так быстро, что я едва поспевал следить за ним. Промелькнула крохотная, неправильной формы луна. Замерцала и потухла, удаляясь в своем неотвратимом безмолвном движении.

Наверно, я всего полсекунды отчетливо видел

этот... этот предмет, но эти полсекунды с тех пор всегда меня преследуют. Когда я вспомнил про радар, предмет исчез, и я не успел заметить, на какое расстояние он приближался, не успел и определить его истинных размеров. Он мог быть совсем небольшой — если прошел в ста футах от меня, или огромный — если пронесся в десяти милях. В космосе нет чувства перспективы, и если вы не знаете, что у вас перед глазами, вам не определить расстояния.

Конечно, это мог быть огромный метеор необычной формы; я не берусь поручиться, что не обманулся, пытаясь получше разглядеть быстро движущийся объект. Возможно, я только вообразил, будто увидел смятый, искореженный нос и ряд темных иллюминаторов, напоминающих незрячие глазницы черепа. В одном я не сомневался, хотя видение было отрывочным и мимолетным. Если это был космический корабль, то не из наших. Он выглядел иначе и был очень старый.

Быть может, величайшее открытие всех времен выскользнуло из моих рук, пока я разбирался в своих смятенных мыслях на полпути между двумя станциями. Но я не знал ни скорости, ни направления промелькнувшего предмета, и он

уже бесследно исчез в безднах солнечной системы, унося с собой свою тайну.

Как я должен был поступить? Никто не поверил бы мне, ведь у меня не было никаких доказательств. И напиши я докладную, начались бы неприятности. Я стал бы посмешищем всей Космической Службы, получил бы выговор за злоупотребление снаряжением — и, конечно же, не смог бы больше видеться с Джулией. А это для меня в том возрасте было важнее всего. Если вы любили, вы поймете меня, если нет — объяснять бесполезно.

Итак, я промолчал. Кто-то иной (сколько веков спустя?) пожнет славу, доказав, что мы не первенцы среди детей солнца. Чем бы ни был этот предмет, кружащийся по своей вечной орбите, он может ждать, как ждет уже много столетий.

И все-таки я иногда спрашиваю себя: может быть, я все-таки написал бы докладную, если бы знал тогда, что Джулия выйдет замуж за другого?

Зов звезд

Внизу, на Земле, подходит к концу двадцатый век. На темном шаре, заслонившем звезды, я вижу огни сотен бессонных городов, и даже хочется влиться в возбужденные, поющие толпы на улицах Лондона, Кейптауна, Рима, Парижа, Берлина, Мадрида... Да, да, я все их могу охватить одним взглядом — они словно светлячки на фоне ночной планеты. Линия полуночи рассекает сейчас Европу. В восточной части Средиземного моря мерцает яркая звездочка: какой-нибудь ликующий увеселительный корабль расписывает небо лучами своих прожекторов. Не нам ли он шлет сигналы? Очень уж ярко и равномерно мигают сейчас прожекторы... Вызову узел связи, выясню, что за корабль, и пошлю радиопривет от нас.

Уходит в историю, навсегда исчезает в токе времени самое поразительное столетие, какое когда-либо знал мир. Открылось оно покорением воздуха, в середине века отомкнули атом, а конец столетия мы отмечаем переброской мостов в космосе.

(Последние пять минут я пытался понять, что происходит с Найроби, теперь сообразил: там

устроили могучий фейерверк. У нас здесь ракеты с химическим горючим — анахронизм, на Земле они сегодня ночью горят повсюду).

Конец века — и конец тысячелетия. Что принесут столетия, порядковый номер которых будет начинаться с двойки? Планеты, разумеется; в космосе, всего в миле от меня, сейчас парят корабли первой Марсианской экспедиции. Два года я наблюдал, как они постепенно возникают из множества разрозненных частей, подобно этой космической станции, созданной несколько десятилетий назад людьми, вместе с которыми я работал.

Десять космических кораблей готовы, экипажи на борту, ждут только последней проверки аппаратуры и стартового сигнала. Прежде чем настанет полдень первого дня нового века, они порвут путы Земли и улетят к неизведанному миру, который может стать вторым приютом человечества.

И глядя теперь на небольшой отважный флот, готовый бросить вызов бесконечности, я вспоминаю события сорокалетней давности, дни, когда были запущены первые спутники и Луна еще казалась очень далекой. Вспоминаю также, — впрочем, я этого никогда не забывал, — как

отец силился удержать меня на Земле.

Какое только оружие он не пускал в ход! Начал с насмешки:

— Конечно, они это сделают, — говорил он. — Но смысл какой? Кому это нужно — выходить в космос, когда еще столько несделанного на Земле? Во всей солнечной системе нет больше ни одной планеты, на которой мог бы жить человек. Луна — куча перегоревшего шлака, остальные еще хуже. Мы созданы для жизни на Земле.

Уже тогда (мне было лет восемнадцать) я мог потягаться с ним в вопросах логики. Помню свой ответ:

— Откуда ты можешь знать, где нам назначено жить, папа? Ведь мы почти миллиард лет обитали в море, прежде чем вышли на сушу. Теперь делаем следующий огромный скачок. Я не знаю, куда он нас приведет, — не знала и первая рыба, выползая на берег и нюхая, чем пахнет воздух.

Он не смог меня переспорить и решил испытать приемы потоньше. Без конца рассказывал об опасностях космических путешествий, о том, что всякий, кто по недомыслию связывается с ракетами, сам сокращает себе жизнь. Тогда человек еще побаивался метеоров и космического излучения, они играли роль мифических чудовищ на никем

не заполненных небесных картах — так древние картографы писали: «Здесь еси драконы». Но меня они не пугали, скорее, придавали острый привкус опасности моим мечтаниям.

Пока я учился в колледже, отец еще не так волновался. Учение только на пользу, какую бы профессию я потом ни избрал, и ему не на что было жаловаться. Правда, иногда он ворчал, видя, сколько денег я трачу на книги и журналы по астронавтике. Учился я хорошо, что, естественно, радовало отца; возможно, он не задумывался над тем, что успехи в учении помогут мне добиться своего.

Весь последний год учебы я избегал говорить о своих планах. Постарался даже внушить дома (теперь-то я жалею об этом), будто оставил мечты о космосе. Ничего не говоря отцу, я подал заявление в Астротех и был принят, как только закончил колледж.

Гром грянул, когда в нашем почтовом ящике очутился длинный голубой конверт со штампом «Институт технологии астронавтики». Отец обвинил меня в предательстве и неблагодарности; потом я никак не мог простить ему это, ведь он испортил мне радость от мысли, что меня приняли в самое изысканное и почетное учебное

заведение, какое знал мир. Каждые каникулы были испытанием. Если бы не мама, я, наверное, наведывался бы домой не чаще одного раза в год. И всякий раз я старался как можно скорее уехать. Мечтал я: отец, смирившись с неизбежным, мало-помалу смягчится, — но этого не произошло.

И вот настала минута натянутого, ужасного прощания на космодроме. Дождь, падая со свинцового неба, барабанил по гладкой обшивке корабля, который словно рвался поскорее взлететь к немеркнущему солнечному свету, подальше от всех бурь. Я знаю, чего стоило отцу смотреть, как ненавистная машина поглотила его единственного сына; сегодня я понимаю многое, что было скрыто от меня тогда.

Когда мы прощались у корабля, он знал, что нам уже не свидеться. И, однако же, упрямая гордость не дала ему произнести единственные слова, которые могли меня удержать. Мне было известно, что отец болен, но он никому не говорил, что болезнь серьезная. Это единственное оружие, которого он не пустил в ход против меня, и я уважаю его за это. Остался бы я, если бы знал? Размышлять о необратимом прошлом еще никчемнее, чем гадать о непредвидимом будущем. Могу только сказать: я рад, что мне не пришлось

выбирать. В конце концов он отпустил меня, сдался в борьбе с моей мечтой, а немного позже — и в борьбе со смертью.

Итак, я сказал «до свиданья» Земле и отцу, который любил меня, но не умел этого выразить. Он лежит там внизу, на планете, которую я могу заслонить ладонью. Странно подумать, что из множества миллиардов людей, чья кровь струится и в моих жилах, мне первому выпало оставить родной мир...

Новый день занимается над Азией, чуть заметная полоска огня обрамляет восточный край Земли. Скоро, как только Солнце вынырнет из Тихого океана, полоска обратится в пламенный полукруг, а между тем Европа еще готовится ко сну, не считая гуляк, которые встретят рассвет на ногах.

А вот — вон там, со стороны флагманского корабля, — и транспортная ракета идет за последними посетителями со станции. Вот и послание, которого я ждал:

КАПИТАН СТИВЕНС ПРИВЕТСТВУЕТ НАЧАЛЬНИКА КОСМИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ. СТАРТ ЧЕРЕЗ ДЕВЯНОСТО МИНУТ; ОН БЫЛ БЫ РАД ПРИНЯТЬ ВАС СЕЙЧАС НА

БОРТУ.

Да, отец, теперь я знаю, что ты чувствовал, время завершило полный круг. Надеюсь, однако, что я извлек урок из ошибок, которые мы с тобой сделали тогда, много лет назад. Я буду помнить о тебе, прощаясь на флагманском корабле «Старфайр» с твоим внуком, которого ты не дождался.

КТО ТАМ?..

Когда меня вызвала служба контроля, я сидел, заполняя ежедневную рапортичку, под прозрачным сводом своего кабинета, «Наблюдательного пузыря», который вздулся над осью космостанции, словно колпак на ступице колеса. Сосредоточиться на работе было нелегко, очень уж вид захватывающий... В нескольких метрах от меня монтажники исполняли свой замедленный балет, собирая невиданную мозаику из огромных кусков-деталей. А за ними, в двадцати тысячах миль от нас, на фоне звездных вихрей Млечного пути голубовато-зеленым светом сияла полная Земля.

— Дежурный слушает, — ответил я. — В чем дело?

— Наш радар нащупал что-то, небольшой, почти стационарный объект, расстояние две мили, пять градусов западнее Сириуса. Попробуйте обнаружить его визуально.

Объект, с такой точностью следующий по нашей орбите, не мог быть метеором; скорее всего какой-нибудь потерянный нами же предмет,

скажем, недостаточно надежно зашвартованная монтажная деталь, которая мало-помалу отстала от станции. Так я решил в первый миг, однако взяв бинокль и осмотрев участок неба вокруг Ориона, быстро убедился, что это неверно. Космический путник, действительно, был сделан руками людей, но мы тут были ни при чем.

— Нашел, — доложил я службе контроля. — Это чей-то экспериментальный спутник. Конусовидный, четыре антенны, в основании, как будто, система линз. Судя по конструкции, запущен военно-воздушными силами США в начале шестидесятых годов. Помнится, они много спутников затеряли, все радиосвязь отказывала. Не сразу удалось освоить эту орбиту.

Сверившись с картотекой, контроль подтвердил мою догадку.

А еще немного спустя выяснилось, что Вашингтон ни капельки не взволнован находкой спутника, потерянного двадцать лет назад, и не будет опечален, если мы потеряем его снова.

— Но этого делать нельзя, — решила служба контроля. — Пусть он никому не нужен, спутник может помешать космонавигации. Придется кому-то поймать его и доставить на станцию.

«Кому-то» — значит мне... Я не мог послать

никого из монтажной бригады: в ней ни одного лишнего человека, к тому же мы отстали от графика, а здесь каждый потерянный день стоил миллион долларов. Вся радио- и телесеть Земли нетерпеливо ожидала, когда наша станция начнет ретранслировать программы и откроется глобальное вещание на весь мир от полюса до полюса.

— Хорошо, я сам его заберу,— ответил я контролю, скрепляя бумаги электрической лентой, чтобы вентиляторы не разметали их по всему помещению.

Я говорил так, словно приносил жертву, но в глубине души только радовался. Уже две недели, если не больше, я не выходил в космос, и мне начали приедаться все эти накладные, сводки о наличии материалов и прочие славные дела, которые наполняют жизнь дежурного по космической станции.

Единственный член экипажа, который встретился мне на пути к воздушному шлюзу, был кот Томми. Он появился на станции совсем недавно, но когда вас отделяют от Земли тысячи миль, вы особенно сильно привязываетесь к животным, тем более, что далеко не все комнатные животные могут приспособиться к невесомости. Томми

что-то жалобно промяукал мне, пока я забирался в скафандр, но мне было некогда с ним играть.

Здесь, пожалуй, уместно напомнить вам, что скафандры работников космостанции совсем не похожи на гибкие костюмы для прогулок на Луне. Наши скафандры по сути дела маленькие космические корабли на одного человека. Это широкие цилиндры длиной около семи футов, оснащенные реактивными двигателями малой мощности; в верхней части цилиндра два рукава гармошкой для рук оператора. Впрочем, обычно руки находятся внутри цилиндра, на приборной доске, которая расположена на уровне груди.

Забравшись в свой персональный космический экипаж, я включил ток и посмотрел на приборы. Часто можно услышать, как космонавт, облекаясь в скафандр, бормочет магическое слово «гокираба». Эта формула напоминает, что необходимо проверить горючее, кислород, радио, батареи. Все было нормально, и я опустил на место прозрачное полушарие шлема, изолируясь от внешней среды. Предстояла короткая прогулка, поэтому я не стал проверять контейнеры для продовольствия и специального снаряжения, без которого нельзя уходить надолго в космос.

Спускаясь по эскалатору в воздушный шлюз,

я чувствовал себя туго спеленатым индейским младенцем, которого мать несет на спине. Но вот насосы понизили давление до нуля, наружная дверь отворилась, и струя остаточного воздуха вынесла меня к звездам.

До станции всего какая-нибудь дюжина футов, — но я уже представлял собой независимую планету, маленький отдельный мирок. Из моего летающего цилиндра мне открывался великолепный вид на всю вселенную, и хотя мягкое сиденье и предохранительные ремни не позволяли повернуться кругом внутри скафандра, я мог дотянуться до любой кнопки или контейнера руками или ногами.

В космосе солнце — опаснейший враг, оно может мгновенно ослепить вас своим ярким сиянием. Осторожно-осторожно я отодвинул темные фильтры на «ночной» стороне скафандра и повернул голову, чтобы взглянуть на звезды. Одновременно включил автомат, управляющий наружными «козырьками» на шлеме. Теперь, как бы скафандр ни вращался, глаза будут защищены от нестерпимого света.

А вот и моя цель: серебристое пятнышко, заметно выделяющееся среди звезд металлическим блеском. Я нажал ногой педаль акселератора и

ощутил постепенно нарастающее ускорение. Через десять секунд достиг нужной скорости и отключил двигатель. Теперь я по инерции минут за пять достигну спутника, немногим больше времени понадобится на обратный путь. И тут-то, погружаясь в межзвездную пучину, я вдруг понял: что-то стряслось.

Внутри космического скафандра никогда не бывает полной тишины. Постоянно слышится нежный шорох притекающего кислорода, слабое жужжание вентиляторов и моторов, шелест собственного дыхания, наконец — если внимательно вслушаться — глухой стук вашего сердца. Все эти звуки заперты в скафандре и образуют неприметный фон жизни в космосе, вы вспоминаете их только, когда привычный шум вдруг изменяется.

Именно это произошло сейчас: появился звук, которого я не мог определить,— глухой прерывистый стук, иногда вместе с каким-то царапаньем, словно скребли металлом по металлу.

Я похолодел. Затаив дыхание, попытался на слух определить, откуда идет необычный звук. Приборы на щитке ничего мне не говорили. Стрелки стоят неподвижно, не вспыхивают красные лампочки, обязанные предупреждать о близ-

кой беде... Утешительно, конечно, да не очень. Я давно уже привык в таких случаях доверять своему инстинкту, а он бил тревогу, призывая, пока не поздно, возвращаться на станцию!

Я и теперь не люблю вспоминать последовавшие несколько минут, когда паника могучим приливом затопила мое сознание, снося все плотины, которые логика и рассудок человека противопоставляют тайнам вселенной. Тут я понял, что схожу с ума — как же еще объяснить происходящее?

Что толку уверять себя, будто пугающий меня звук — каприз механизмов. Как ни далек и оторван я был от людей, вообще от всего вещественного, я был не один. Слух говорил мне, что в безгласной пустыне копошится что-то живое.

На какой-то страшный миг мне почудилось: нечто невидимое, спасаясь от жестокого, беспощадного космического вакуума, пытается проникнуть снаружи в скафандр. И я отчаянно забился в своих доспехах, вертел головой во все стороны, кроме одной, запретной, которая грозила мне слепотой. Конечно же, снаружи ничего не было. И не могло быть, а царапанье настойчиво продолжалось, становясь все громче!

Обычно космонавты не страдают суеверием,

уж вы положитесь на мое слово, а не на всякий вздор, который пишут о нас. Но неужели у вас повернется язык упрекнуть меня за то, что я, перебрав все разумные объяснения, вдруг вспомнил, как погиб Берни Саммер — погиб совсем рядом со станцией...

Его сгубил (вечная история) один из тех случаев, которые считают «невозможными». Три неисправности одновременно: отказал регулятор кислородного прибора, так что давление внутри скафандра стало стремительно расти, не сработал предохранительный клапан, наконец, один из швов оказался недостаточно прочным, Миг — и космос ворвался внутрь...

Я не знал Берни лично, но вспоминание о его страшной участи вдруг потрясло меня до глубины души, ибо мне пришла в голову ужасная мысль. О таких вещах обычно избегают говорить, но дело в том, что поврежденный скафандр — слишком драгоценная вещь, чтобы его списывать, пусть даже он убил своего владельца. Его чинят, снабжают новым номером — и вручают другому космонавту.

Что происходит с душой человека, погибшего среди звезд, вдали от родного мира? Быть может, это ты, Берни, цепляешься за последний предмет,

который связывает тебя с твоей далекой утраченной родиной?

Мне уже казалось, что царапанье и шорох доносятся со всех сторон, чудились всякие ужасы. Оставалась последняя надежда. Чтоб не сойти с ума, надо убедиться, что скафандр не принадлежал до меня Берни, что облекающий меня металлический кожух не был ничьим гробом.

Не сразу сумел я нажать нужные кнопки и настроить передатчик на аварийную волну.

— Станция? — простонал я. — Неисправность! Проверьте, кому раньше принадлежал скафандр, и...

Я не закончил фразу; говорят, микрофон не выдержал моего вопля. Но какой человек, наглухо запертый в космическом скафандре, не завопил бы, вдруг почувствовав на шее мягкое прикосновение?

Видимо, я рванулся вперед и, несмотря на предохранительные щитки, ударился головой о край приборной доски. Когда меня через несколько минут подобрал спасательный отряд, я все еще был без сознания, а на лбу у меня горела багровая ссадина.

Вот почему я последним изо всех сотрудников релейной космосети узнал, что же произошло. Очнувшись час спустя, я увидел, что весь наш медицинский персонал в сборе, но врачам явно было не до меня. Они слишком увлеклись тремя очаровательными котятами, которых наш Томми (и кто это ухитрился дать кошке мужское имя?) произвел на свет в укромном месте — в пятом контейнере моего скафандра...

БРОСОК НА ЛУНУ

На старт

Столько написано о первой экспедиции на Луну, поневоле спросишь себя: можно ли рассказать о ней что-нибудь новое? И все-таки мне кажется, что официальные доклады и отчеты очевидцев, радиорепортажи и магнитозаписи не воссоздают всей картины. Много говорится об открытиях — и очень мало о людях, которые их сделали.

Как командир «Индевера» и начальник британского отряда, я наблюдал немало такого, чего вы не найдете в книгах, и кое-что — не все — теперь можно рассказать. Надеюсь, когда-нибудь своими впечатлениями поделятся мои коллеги, командиры «Годдарда» и «Циолковского». Но капитан Ванденберг все еще на Марсе, а Краснин где-то между Венерой и Солнцем, так что пройдет не один год, прежде чем мы прочтем их воспоминания.

Чистосердечное признание, говорят, облегчает душу. Что ж, мне и впрямь будет легче, когда я расскажу правду о графике Первой лунной экспедиции, который всегда был окутан покровом тайны.

Общеизвестно, что все три корабля — аме-

риканский, советский и британский — были собраны на орбите Третьей космической станции, на высоте пятисот миль над Землей, из частей, которые забросили транспортными ракетами. Хотя детали изготовили заранее, на сборку и испытание ушло больше двух лет; к концу этого срока многие, кто не понимал, как сложна задача, стали терять терпение. Люди видели десятки фотографий, даже телепередачи: три корабля в космосе рядом с Третьей станцией, как будто полностью смонтированные и готовые сию минуту уйти в полет. Но эти кадры не показывали, что идет еще тонкая кропотливая работа, установка и всесторонняя проверка тысяч труб, электропроводов, моторов и приборов.

Дата старта не была точно определена. Луна всегда находится примерно на одинаковом расстоянии от Земли, и можно стартовать чуть ли не в любое время — был бы корабль готов. Если говорить о расходе горючего, практически нет никакой разницы, вылетите ли вы в полнолуние, или новолуние, или какой-либо промежуточный день. Мы не хотели гадать, когда полетим, как ни добивались от нас определенного ответа. В космическом корабле столько узлов и деталей, которые могут вдруг выйти из строя; мы не соби-

рались уходить от Земли, пока не выверим все до последнего винтика.

Никогда не забуду последнего совещания командиров, когда все собрались на космической станции, чтобы доложить о готовности. Каждый отряд выполнял свое задание, но экспедиция была совместной, поэтому договорились, что три корабля сядут на Луне в пределах двадцати четырех часов в заранее условленном районе Моря Жажды. Что же касалось подробностей, то тут командиры решали сами. Смысл этого? Ну хотя бы тот, что один не повторит ошибок другого.

— Я буду готов к первой репетиции старта завтра утром в девять ноль-ноль, — сообщил командор Ванденберг. — Как вы, джентльмены? Попросим командный пункт Земли проследить за всеми тремя?

— Что ж, о'кей, — сказал Краснин; его никак нельзя было убедить, что американцы уже двадцать лет не говорят «о'кей».

Я молча кивнул. Правда, у меня шалила одна группа контрольных приборов, но это большой роли не играло: к тому времени когда баки заправят горючим, приборы будут налажены.

Репетиция охватывала всю программу старта; каждый участник должен был выполнить то, что

предстояло ему в полете. Конечно, мы тренировались еще на Земле, на макетах, но лишь здесь можно было устроить всестороннюю проверку. Только не взревут моторы, а так все будет как при настоящем старте.

Мы провели шесть репетиций, разобрали корабли, чтобы устранить неполадки, затем провели еще шесть репетиций. «Индевер», «Годдард» и «Циолковский» были в полной готовности. Теперь только заправиться, и можно трогать...

Не хочу даже вспоминать последние напряженные часы перед вылетом. Глаза всего мира обращены к нам... Время старта назначено с точностью до нескольких часов, испытания завершены, все, что зависело от нас, сделано.

И вот тут-то очень высокое начальство вызвало меня к радиоаппарату для совершенно секретного разговора. Мне сделали предложение, которое учитывая, от кого оно исходило, — было равносильно приказу. Конечно, сказали мне, первая экспедиция — совместное предприятие, но нельзя забывать, сколь важно для нашего престижа опередить остальных. Хотя бы на час-другой...

Я был потрясен таким предложением и не стал этого скрывать. Работая плечом к плечу с Ванденбергом и Красниным, я успел по-настоящему

подружиться с ними. И я прибег ко всяческим отговоркам, мол, орбиты уже рассчитаны, теперь ничего не сделаешь. Каждый корабль пойдет наиболее экономным маршрутом, сберегая горючее. Стартовав одновременно, мы и прилунимся в одно время, разница не превысит нескольких секунд.

К сожалению, кто-то предусмотрел и это. После заправки наши корабли в готовности номер один должны были сделать еще несколько оборотов вокруг Земли, прежде чем покинуть орбиту спутника и идти на Луну. На высоте пятисот миль мы делали полный оборот за девяносто пять минут, и на каждом круге лишь одна точка годилась для старта. Если мы стартуем за один оборот до срока, остальным придется ждать девяносто пять минут, чтобы идти за нами. И прилунятся они на девяносто пять минут позже...

Не буду излагать всех доводов, мне до сих пор стыдно, что я уступил, согласился предать товарищей. Тщательно высчитанная секунда настала, когда мы были в тени Земли и на миг для нас наступило затмение Солнца. Ванденберг и Краснин, честные ребята, думали, что я вместе с ними пройду еще один круг, а потом мы все вместе тронемся в путь. В жизни не чувствовал

себя таким подлецом, как в ту секунду, когда я повернул пусковой ключ и ощутил рывок моторов, уносящих меня прочь от матери-Земли.

Следующие десять минут мы были заняты только нашими приборами, проверяли, как «Индевер» выдерживает расчетную орбиту. Наконец вырвались из объятий Земли, выключили моторы, и почти тут же ночная тень сменилась слепящим солнечным светом. Теперь до самой Луны — пять суток беззвучного полета по инерции — не будет ночи.

Уже тысяча миль отделяет нас от Третьей космической и наших товарищей. Через девяносто пять минут, в назначенный срок, Ванденберг и Краснин выйдут на старт и ринутся следом за мной. Но догнать меня невозможно. Хоть бы не очень сердились, когда встретимся на Луне...

Включив кормовую телекамеру, я увидел далекое светящееся пятнышко. Третья космическая только что вышла из земной тени. Прошло несколько секунд, прежде чем я сообразил, что «Годдард» и «Циолковский» не парят там, где я их покинул...

Оба корабля шли в полумиле от меня, не отставая ни на шаг. Мгновение я глядел на них, не веря собственным глазам, и вдруг понял: не только

англичанам пришла в голову блестящая идея... «Ах, черти, обманщики!» подумал я. И рассмеялся. Только через несколько минут я вспомнил о Командном пункте и успокоил озадаченных наблюдателей. Все идет по плану — правда, не по тому плану, который объявлен первоначально...

Потом в эфире зазвучали смущенные голоса: мы поздравляли друг друга с успешным стартом. А вообще-то, мне кажется, в душе каждый из нас был рад такому обороту дела. Остальную часть пути нас разделяло самое большее несколько миль, а садились мы так согласованно, что тормозные ракеты трех кораблей одновременно обожгли своим дыханием поверхность Луны.

Ну хорошо, не совсем одновременно. Я мог бы, конечно, с гордостью сослаться на показания приборов, подтверждающих, что «Индевер» опередил Ванденберга на две пятых секунды. Но ведь ровно на столько же Краснин опередил меня.

Учитывая дистанцию — двести пятьдесят тысяч миль, — думаю, что вы поместили бы всех троих на верхнюю ступеньку пьедестала почета...

Робин Гуд, член Королевского общества

Мы прилунились на рассвете долгого лунного дня. Равнину исчертили длинные — на мили — косые тени. Чем выше солнце, тем они будут короче, а в полдень почти исчезнут. Но до полудня пять земных суток, до ночи — еще семь. Впереди почти две недели дневного света, потом солнце зайдет, и царицей неба станет голубая Земля.

В первые дни было столько хлопот, что почти не оставалось времени для исследований. Надо было разгрузить корабли, освоиться с необычной обстановкой, как следует овладеть большими и малыми электровездеходами, расставить герметичные купола, в которых нам жить и работать, пока не придет пора возвращаться. На худой конец можно оставаться в кораблях, но там и тесно, и неудобно. Конечно, в куполах тоже не слишком просторно, но после пяти дней в космосе они показались нам роскошными апартаментами; длинные трубы, соединенные с воздухоочистителями на кораблях, позволяли дышать вполне сносным воздухом. Естественно, американцы

соорудили себе самый вместительный купол, со всевозможными приспособлениями, включая горячую мойку для посуды. Не говоря уже о стиральной машине, которую они охотно одалживали нам и русским.

Десять дней спустя, уже «под вечер», мы наконец-то завершили организационный период и могли подумать о серьезных научных исследованиях. Состоялись первые несмелые вылазки в неизведанные просторы вокруг базы. Конечно, у нас были подробнейшие карты и фотоснимки района, в котором мы прилунились, но они подчас оказывались удивительно обманчивыми. На карте — маленький бугорок, а для человека в скафандре — целая гора; гладкие равнины местами покрывала глубокая, по колено, пыль, которая чрезвычайно затрудняла ходьбу. Но все это, разумеется, пустяки, и слабое тяготение возмещало многие неудобства.

По мере того как у ученых копились наблюдения и образцы, росла нагрузка на радио- и телевизионные каналы с Землей, и наконец узлы связи перешли на непрерывную работу. Мы дорожили каждой минутой: даже если нам самим не суждено вернуться на Землю, туда попадут собранные нами знания.

Первая автоматическая грузовая ракета прилунилась за два дня до заката, точно по расписанию. Мы приметили на фоне звезд пламя тормозных двигателей, потом оно вспыхнуло снова, уже перед самой посадкой. Собственно посадку мы не могли видеть с базы, для безопасности ракета садилась в трех милях от нее. А на Луне три мили — это за горизонтом.

Когда мы подошли к ракете-автомату, она уже стояла на амортизирующей треноге, чуть накренившись, но целехонькая. И груз был в полной сохранности, от приборов до продовольствия. Ликуя, мы отвезли все на базу и, с некоторым опозданием, отпраздновали покорение Луны. Люди потрудились основательно, не грех было и отдохнуть.

Славно повеселились, ничего не скажешь. Гвоздем программы был казачий танец в исполнении облаченного в скафандр Краснина. Потом нам пришло в голову устроить состязания, однако мы быстро убедились, что выбор видов спорта сильно ограничен. Нужно ли объяснять — почему? Крокет и кегли подошли бы, да нечем играть, а вот футбол, скажем, или крикет начисто отпадали. При таком тяготении футбольный мяч от сильного удара улетел бы за полмили, крикетный

и вовсе исчез бы бесследно.

Первым придумал подходящий для Луны вид спорта профессор Тревор Уильямс, наш астроном. Кстати, он был одним из самых молодых членов Королевского астрономического общества: Уильямсу исполнилось всего тридцать лет, когда он получил это почетное звание. Труды по межпланетной навигации принесли Тревору Уильямсу мировую славу; менее известны были успехи профессора в стрельбе из лука. Два года подряд он выигрывал первенство Уэльса. И я нисколько не удивился, застав его за стрельбой по мишени, водруженной на груде лунного шлака.

Лук был довольно своеобразный: древко склеено из пластмассы, тетива сделана из стальной мерной проволоки. Откуда только он все это раздобыл? Но тут я вспомнил, что транспортную ракету безжалостно разорили, теперь куски ее можно было встретить в самых неожиданных местах. Однако всего замечательней, пожалуй, были стрелы. Чтобы придать им устойчивость в безвоздушной среде, перья, разумеется, не годились. Тревор сделал стрелы нарезными, а древко снабдил маленьким приспособлением, которое заставляло их вращаться наподобие пули, и они летели прямо.

Даже из такой самоделки можно было, при желании, пустить стрелу на целую милю. Но Тревор не собирался растрачивать драгоценные стрелы, он предпочитал упражняться в меткости. Странно было видеть, как стрелы летели почти параллельно поверхности Луны. Кто-то посоветовал Тревору быть поосторожнее — не то его стрелы превратятся в этакие лунные спутники и, завершив оборот, его же поразят в спину...

Вторая грузовая ракета пришла на следующий день после первой, однако на этот раз случилась промашка. Посадка-то была безупречной, но, к сожалению, автопилот, нащупывая радаром площадку, допустил одну из тех ошибок, от которых эти простодушные механизмы невозможно отучить. Он выбрал единственную во всем районе совершенно неприступную горку, захватил лучом ее вершину, и ракета опустилась на нее, точно орел на скалу.

До зарезу нужное снаряжение — на высоте пятисот футов, а через несколько часов наступит ночь. Как быть?

Человек пятнадцать одновременно предложили решение. Пять минут на базе царила суматоха: мы собирали весь наличный запас нейлонового шнура. И вот уже подле ног Тревора, аккуратно

свернутый, лежит шнур длиной больше тысячи ярдов, и мы нетерпеливо ждем. Он привязал конец шнура к стреле, натянул тетиву и для пробы выстрелил в небо. Стрела взлетела на половину высоты горки, затем вес шнура заставил ее вернуться.

— Жаль, — сказал Тревор. — Сильнее не могу. И ведь еще надо приладить какой-то крюк, чтобы шнур зацепился.

Мы уныло смотрели, как сверху медленно падают кольца нейлона. Что и говорить, положение дурацкое. В наших кораблях достаточный запас энергии, чтобы перебросить нас за четверть миллиона миль, а какая-то горка нам не под силу! Будь у нас время в запасе, можно бы поискать пути на противоположном склоне, но ведь для этого нужно пройти не одну милю. Да и то подъем мог оказаться опасным, если не вовсе невозможным, ведь до темноты осталось лишь несколько часов.

Но не в обычае ученых долго пасовать, и слишком много собралось тут острых (порой даже чересчур острых) умов, чтобы преграда могла устоять против них. Правда, эта новая задачка оказалась помудренее, и лишь трое одновременно нашли ответ. Тревор подумал, потом уклончиво ответил:

— Что ж, можно попробовать.

Подготовка требовала времени, и мы озабоченно смотрели, как тень все выше и выше ползет вверх по нависшей над нами скале. «Допустим, — говорил я себе, — Тревору даже удастся забросить на вершину крюк со шнуром — не так-то просто вскарабкаться туда в громоздком скафандре». Меня никогда не манили высоты, и я был только рад, что нашлось столько охотников совершить восхождение.

Но вот все готово. Шнур смотали так, чтобы он легко разматывался. В нескольких футах ниже стрелы к нему приладили легкий крюк. Хоть бы зацепился на горе — и не подвел нас в решающий миг!

На этот раз Тревор должен был послать не одну стрелу, а четыре; они были прикреплены к шнуру через двести ярдов. Никогда не забуду это нелепое зрелище: в закатных лучах человек в скафандре нацеливает лук в небо...

Вот метнулась к звездам стрела. Она не прошла и пятидесяти футов, как Тревор положил на тетиву самодельного лука вторую, и та понесла вверх конец повисшей в космосе длинной петли. Третья стрела ринулась следом, и наконец четвертая — могу в этом поклясться — сорвалась с тетивы

прежде, чем первая заметно замедлила полет.

Теперь, когда уже не одна стрела поднимала шнур, было не так трудно достичь нужной высоты. Дважды крюк падал обратно, на третий раз он за что-то прочно зацепился, и первый доброволец стал карабкаться вверх. Конечно, здесь он весил всего около тридцати фунтов, но все-таки далеко падать...

Он не упал. Не прошло и часу, как начался спуск снаряжения, доставленного грузовой ракетой. Еще до темноты мы сняли с горы все самое главное. Увы, моя радость заметно померкла, когда один из инженеров гордо показал мне присланную по его заказу с Земли губную гармонику. Что-то говорило мне: этот инструмент успеет нам всем осточертеть задолго до конца долгой лунной ночи...

Разумеется, было бы смешно винить в этом Тревора. А когда все вместе, пересекая затопившие равнину черные тени, возвращались к кораблю, мы услышали от астронома предложение, которое, не сомневаюсь, немало озадачило тех, кто знакомился с подробными картами в отчете Первой лунной экспедиции.

В самом деле, немудрено и удивиться: с какой стати плоская безжизненная равнина с одной-единственной невысокой горкой теперь на всех лунных картах называется Шервудским Лесом!

Зеленые пальцы

Я очень жалею, что мне не пришлось самому познакомиться с Владимиром Суровым; теперь-то поздно. Небольшого роста молчаливый человек, который хорошо понимал, но недостаточно свободно говорил по-английски — вот каким он мне запомнился. Впрочем, мне кажется, он был отчасти загадкой и для своих же товарищей. Когда бы я ни приходил на «Циолковский», он постоянно сидел где-нибудь в уголке, делая записи или прильнув к микроскопу. Словом, человек умел уединяться даже в маленьком тесном мире космического корабля. Остальных членов экипажа его замкнутость как будто не отталкивала, напротив, они всегда обращались к нему с любовью и уважением. Ничего удивительного: труды Сурова по выведению растений, способных жить за Полярным кругом, сделали его самым известным ботаником в Советском Союзе.

То обстоятельство, что русские взяли с собой на Луну ботаника, вызвало немало улыбок. А между тем что тут странного, ведь были же и в британском, и в американском отрядах биологи! Еще до Первой лунной экспедиции ученые собрали

достаточно данных, чтобы заключить, что, хотя на Луне нет ни воздуха, ни воды, там может быть растительность. Одним из самых видных сторонников этой теории был президент Академии наук СССР. Из-за возраста он не мог сам участвовать в экспедиции, и президент принял самое разумное решение: послал Владимира Сурова.

Первым серьезным разочарованием, которое поднесла нам Луна, оказалось полное отсутствие растительности, будь то живой или ископаемой, на площади в тысячу квадратных миль, исследованной нашими отрядами. Даже самые отъявленные скептики, решительно утверждавшие, что на Луне не может быть никакой жизни, несомненно, были бы рады убедиться в своей неправоте. И убедились — пять лет спустя, когда Ричардс и Шэннон сделали свое поразительное открытие на огромной, окаймленной валом равнине Эратосфена. Но это было уже потом, а тогда казалось, что Суров прилетел напрасно.

Однако он не пал духом, трудился так же прилежно, как и все остальные: изучал образцы почв и присматривал за небольшим гидропонным огородом — блестящей паутиной прозрачных труб, которые окружили «Циолковский». Ни мы, ни американцы не стали затевать ничего подобного.

Рассчитали, что лучше доставлять продовольствие с Земли, чем выращивать его на месте; во всяком случае, пока не создана постоянная база. Мы были правы с экономической точки зрения, но о настроении не подумали. Маленькие герметические парники, где Суров выращивал свои овощи и карликовые плодовые деревья, стали оазисом, который неудержимо притягивал к себе наши взгляды, едва нам надоела окружающая нас огромная пустыня.

В положении начальника много отрицательных сторон, так, мне очень редко удавалось по-настоящему заниматься исследованием. Подолгу приходилось готовить доклады для Земли, проверять запасы, составлять программы и расписания, совещаться с моими американскими и русскими коллегами; да еще нужно было — это далеко не всегда удавалось — пытаться предугадать очередной затор. В итоге я по два-три дня не покидал базы; товарищи острили, что в моем скафандре уже моль завелась.

Возможно, я именно поэтому так живо помню каждую свою вылазку, помню и единственную встречу с Суровым. Это было около полудня. Солнце висело высоко в небе над южными хребтами; в нескольких градусах от него можно было

различить серебристую ниточку Земли. Наш геофизик Гендерсон собрался замерить магнитное поле в заранее намеченных точках, примерно в двух милях восточнее базы. Все были заняты, а у меня как раз выдалась передышка, и я пошел вместе с ним.

Путь был не очень далекий, скутер брать незачем, тем более что аккумуляторы уже основательно разрядились. И вообще я любил просто пройтись. Не из-за пейзажей — даже к самым великолепным картинам природы в конце концов привыкаешь. Меня неизменно привлекало другое — легкость и плавность, с какой двигаешься на Луне. Я перемещался огромными шагами, упиваясь чудесным ощущением, которое до космических полетов было знакомо человеку только в снах.

Мы сделали замеры и были на полпути домой, когда я в миле от нас, в районе советской базы, заметил на равнине движущуюся фигуру. Приладив бинокль внутри гермошлема, я пригляделся внимательнее. Конечно, человека в скафандре даже вблизи не узнаешь, но по номеру и раскраске можно было всегда определить, с кем вы встретились.

— Кто это? — спросил Гендерсон; мы сообща-

лись с ним по радиофону.

— Голубой скафандр, номер 3... Очевидно, Суров. Но тут что-то непонятное: он один.

В лунных изысканиях чуть ли не первое правило гласит: нельзя никуда уходить одному. Всякое может случиться... И то, что двоим не страшно, может оказаться гибельным для одного. Допустим, появилась крохотная дырочка на пояснице вашего скафандра — как вы ее залатаете? Смешно? А ведь такие вещи происходили.

— Может быть, с его напарником случилась беда, и Суров пошел за помощью, — предположил Гендерсон. — Вызвать его?

Я покачал головой. Суров явно не торопился. Он ходил куда-то один и теперь не спеша возвращался на «Циолковский». Пусть даже Краснин не прав, выпуская людей поодиночке, все-таки неловко вмешиваться в его дела. Ну а если Суров просто нарушил правила — опять-таки не мне доносить об этом.

В последующие два месяца мои люди часто видели вдали от базы одинокую фигуру Сурова, но он всегда сворачивал в сторону, если кто-нибудь из них подходил. Осторожные расспросы помогли мне выяснить, что нехватка людей принудила командира Краснина пойти на некоторые

послабления. Но чем занимался Суров, я не узнал; мог ли я подозревать, что его начальник тоже в неведении!

Когда я услышал в наушниках сигнал тревоги, переданный русскими, моей первой мыслью было: «Я так и знал». Каждой из трех экспедиций уже не раз приходилось посылать на выручку своим людям спасательные отряды, но впервые затерявшийся человек не ответил на вызов корабля. После краткого радиосовещания во все стороны от баз поспешно разошлись спасатели.

Я опять шел с Гендерсоном; естественно, мы направились в ту сторону, где уже видели однажды Сурова. Туда простиралась «наша», так сказать, территория, это было сравнительно далеко от суровского корабля. И, карабкаясь по пригоркам, я впервые подумал, что русский ученый, возможно, занимался там опытами, которые хранил в тайне даже от своих товарищей. Что бы это могло быть?

Гендерсон первым нашел его и тотчас вызвал помощь. Увы, было слишком поздно: Суров лежал ничком в опавшем, сморщенном скафандре. Очевидно, он стоял на коленях, когда что-то пробило пластиковый гермошлем. Следы показывали, что ученый упал замертво.

Когда подоспел командир Краснин, мы все еще разглядывали поразительный предмет, который в предсмертную минуту изучал Суров. Из камня,

укоренившись в нем множеством тонких щупалец, торчал покрытый зеленоватой кожицей овал трехфутовой высоты. Да-да, укоренившись: это было растение. Чуть подальше стояли еще два, поменьше, видимо, погибшие — они потемнели и высохли.

«Выходит, — сказал я себе, — на Луне все-таки есть жизнь!» Но тут заговорил Краснин, и я понял, что истина куда удивительнее.

— Бедняга Владимир! — произнес он. — Мы знали, что он гений, и все же посмеялись, когда он рассказал нам о своей мечте. Вот и решил втайне завершить свой величайший труд... Он победил своей гибридной пшеницей Арктику, но

то было только начало: он принес жизнь на Луну. И смерть тоже...

Я был поражен, это казалось чудом. Теперь-то весь мир знает историю «Суровского кактуса» (название столь же закономерное, сколь неточное), и он уже никому не кажется чудесным. Записи ученого все рассказали, в них описаны многолетние опыты, как он вывел растение с плотной кожистой оболочкой, которой не страшен вакуум. Длинные корни, выделяющие кислоты, позволили растению приживаться на таких скалах, где даже лишайник не нашел бы себе пищи. А потом уже мы увидели, как осуществилась вторая ступень мечты Сурова: «кактус» его имени преобразил огромные площади каменных пустынь Луны и проложил путь для других растений, которые теперь кормят всех жителей лунных баз.

...Краснин нагнулся над телом товарища и легко его поднял. Ощупал разбитый гермошлем и озадаченно покачал головой.

— Что же произошло? — спросил он. — Можно подумать, виновато растение, но ведь это нелепо.

Зеленая загадка стояла среди ожившей равнины, дразня нас своей тайной и нераскрытыми

еще возможностями. И тут медленно, точно размышляя вслух, заговорил Гендерсон:

— Мне кажется, я знаю ответ. Вспомните, что нам рассказывали в школе, на уроках ботаники... Ведь Суров выводил растение для лунных условий, значит, должен был подумать, как оно будет размножаться. Нужно, чтобы семена разбросало очень далеко во все стороны, так больше надежды, что они попадут на подходящий участок и прорастут. На Земле семена разносят птицы, насекомые, животные, тут ничего такого нет. Я могу представить себе только один способ; кстати, некоторые земные растения уже располагают таким механизмом.

Его перебил мой вопль. Что-то с силой, звонко ударило в металлический пояс моего скафандра. Удар не причинил мне никакого вреда, только напугал.

А подле моих ног лежало семя, размерами и видом напоминающее сливовую косточку. В нескольких ярдах от него мы нашли второе, то самое, которое разбило гермошлем Сурова, когда ученый нагнулся. Он знал, конечно, что семена созрели, но второпях забыл, чем это грозит. Вспомните про слабую гравитацию на Луне; я сам видел, как «кактус» метал свои семена на

четверть мили. Творение Сурова его же и «застрелило» в упор.

Не все, что блестит

Командор Ванденберг рассказал бы эту историю лучше меня, но он далеко, за много миллионов миль. А речь пойдет о его геофизике, докторе Пойнтере, который (во всяком случае, так все считали) сбежал на Луну от жены.

Правда, то же говорили и о многих других (особенно сами жены), но на сей раз это была не шутка. И не так чтобы он не любил жену, скорее напротив: Пейнтер готов был сделать для нее все. На беду, ее желания всякий раз обходились ему слишком дорого. Его супруга была женщиной с экстравагантными вкусами, а таким женщинам лучше не выходить замуж за ученых, даже таких, которые улетают на Луну.

Главной слабостью миссис Пейнтер были драгоценные камни, особенно брильянты. Нетрудно понять, что эта слабость доставляла немало беспокойства доктору Пейнтеру. Как заботливый и нежный супруг, он не только беспокоился, но и принимал меры. И Пейнтер стал одним из ведущих мировых специалистов по алмазам; уточню: как ученый, не как коммерсант. О происхождении, составе и свойстве алмазов он знал,

наверное, больше, чем кто-либо иной. К сожалению, можно очень много знать об алмазах и не иметь ни одного. А какая радость миссис Пейнтер от эрудиции мужа — ее не повесишь себе на шею, отправляясь на прием...

Я уже говорил, что геофизика была основной специальностью доктора Пейнтера; алмазы представляли собой, так сказать, побочное увлечение. Он создал много замечательных приборов, позволяющих с помощью электронных импульсов и магнитных волн проникнуть в недра Земли, получить своего рода рентгеновский снимок ее скрытой от глаз толщи. Не удивительно, что его включили в число тех, кто должен был попытаться разведать таинственные недра Луны.

Пейнтер охотно согласился участвовать в экспедиции, но командору Ванденбергу показалось почему-то, что геофизик предпочел бы задержаться на Земле. Кстати, не он один. Иные просто боялись, и ничего нельзя было сделать; из-за этого пришлось забраковать многих отличных людей. Однако на этот раз дело было не в личных переживаниях. Пейнтер только что начал очень важный опыт, речь шла о задаче, которой он посвятил много лет, и ему не хотелось покидать Землю, не дождавшись ответа. Но

Первая экспедиция не могла ждать его, и пришлось доктору положиться на своих ассистентов. Правда, он непрерывно обменивался с ними зашифрованными радиограммами, к превеликому неудовольствию узла связи Третьей космической станции.

Столкнувшись с чудесами нового мира, Пейнтер скоро забыл свои прежние заботы. Он без конца колесил по поверхности Луны на одном из маленьких удобных электроскутеров, которые захватили с собой американцы, вооруженный сейсмографами, магнитометрами и прочими хитроумными орудиями геофизика. Доктор Пейнтер хотел за несколько недель узнать о Луне столько же, сколько человек узнал о Земле за сотни лет. Конечно, в его распоряжении была только малая часть из четырнадцати миллионов квадратных миль лунной поверхности, но уж работать — так работать основательно!

Он по-прежнему получал телеграммы от своих сотрудников на Земле, а также короткие, но исполненные горячих чувств весточки от супруги. Но ни то ни другое его как будто не волновало. Даже если вы не заняты настолько, что некогда глаз сомкнуть, четверть миллиона миль помогают вам как-то по-новому взглянуть на свои лич-

ные дела. Мне кажется, на Луне доктор Пейнтер впервые за всю свою жизнь был по-настоящему счастлив (кстати, не только он).

Неподалеку от нашей базы находился великолепный кратер, этакое исполинское дыхало диаметром около двух миль. Но на первых порах наши совместные работы сосредоточились в другом районе, и прошло полтора месяца, прежде чем Пейнтер смог получить маленький вездеход и вместе с еще тремя исследователями отправиться на разведку к кратеру. Уйдя за горизонт, они вышли также из зоны радиосвязи, однако это нас не тревожило: если что-нибудь случится, они всегда могут связаться с Землей, а оттуда уже передадут радиограмму нам.

Отряд Пойнтера отсутствовал сорок восемь часов, а это предельный срок непрерывной работы на Луне, даже если вы применяете стимулирующие средства. Поначалу все шло гладко, а потому и не особенно интересно; они добросовестно выполняли программу исследований. Достигли кратера, поставили герметичный купол, разложили снаряжение, произвели все замеры, затем установили маленький буровой станок, чтобы взять образцы пород. И вот тут-то, ожидая, когда бурильный снаряд извлечет из лунных недр

аккуратный столбик, Пейнтер сделал свое второе великое открытие. Первое было им сделано десятью часами раньше, хотя он тогда об этом не знал.

Вдоль кромки кратера, выброшенные с глубины нескольких миль могучими взрывами, которые изуродовали лунный лик триста миллионов лет назад, громоздились гигантские обломки коренных пород. Да, буровым станком так недра не разворотишь... Жаль только, что эти исполинские образцы были разбросаны на огромной площади в полном беспорядке; необузданные силы, извергшие их на поверхность, нарушили всякую последовательность пластов.

Карабкаясь по горам этого необычного шлака, Пейнтер тут и там отбивал геологическим молотком посильные ему образцы. Вдруг товарищи услышали громкий крик, и доктор наук подбежал к ним, держа в руках осколки довольно скверного стекла. Прошло несколько минут, прежде чем он успокоился настолько, что смог объяснить, из-за чего поднял такой шум. И понадобилось еще некоторое время, пока отряд вспомнил о своей задаче и продолжил работу по программе.

Ванденберг издали приметил четверку, когда она возвращалась к кораблю. Не похоже, чтобы

они особенно устали, а ведь двое суток на ногах... Больше того, даже скафандры не могли скрыть не совсем понятную живость их движений. Сразу видно, что экспедиция прошла успешно. Что же, есть двойное основание поздравить доктора Пейнтера. Как ни туманна полученная с Земли срочная радиограмма, ясно, что опыт Пейнтера закончился полным триумфом.

Но при виде того, что держал в руке геофизик, командор Ванденберг забыл о радиограмме. Он знал, как выглядит нограненый алмаз. Только знаменитый «Каллинен» весом 3026 карат превосходил размерами этот.

— Ничего удивительного, — услышал командир захлебывающийся радостью голос Пойнтера. — Алмазы всегда находят там, где есть вулканические трубки. Но почему-то мне не приходило в голову, что эта закономерность распространяется на Луну.

Тут Ванденберг вдруг вспомнил про радиограмму и отдал ее геофизику. Ученый быстро пробежал текст глазами и разинул рот. После Ванденберг говорил мне, что никогда не видел, чтобы человек был так убит поздравительной телеграммой... Вот она:

ЗАДАЧА
ВЫПОЛНЕНА. ОПЫТ 541 ПРИМЕНЕНИЕМ УСОВЕРШЕНСТВОВАННОГО
ТИГЛЯ УВЕНЧАЛСЯ УСПЕХОМ. РАЗМЕРЫ ПРАКТИЧЕСКИ НЕОГРАНИЧЕННЫЕ, СЕБЕСТОИМОСТЬ НИЧТОЖНАЯ.

— В чем дело? — спросил Ванденберг, глядя на потрясенное лицо геофизика. — Новость-то вроде хорошая!

Пейнтер глотнул раз-другой, словно рыба на берегу, и растерянно уставился на большой — чуть ли не во всю ладонь — кристалл. Затем подбросил его в воздух; кристалл медленно опустился обратно.

Наконец геофизик обрел дар речи.

— Моя лаборатория, — заговорил он, — уже много лет пыталась синтезировать алмазы. Вчера вот эта штука стоила миллион долларов. Сегодня — сотни две, не больше. Я даже не уверен, захочу ли тащить его с собой на Землю...

Конечно, он увез кристалл, у кого хватило бы духу выбросить такого красавца. Около трех месяцев миссис Пейнтер носила лучшее в мире бриллиантовое ожерелье, которое вполне стоило тысячи долларов (стоимость гранения

и полировки). Потом процесс Пейнтера был освоен промышленностью, а месяцем позже она получила развод. Основание? Крайне жестокое обращение со стороны мужа. Вы, конечно, скажете — поделом...

Феерическое зрелище

Я немало удивился, прочтя в справочниках, что один из самых нашумевших опытов, проведенных нами на Луне, фактически был подготовлен еще в 1955 году, неполных десять лет после того, как вообще стали применять ракеты для исследования высших слоев атмосферы. Ну вот, в 1955 году состоялся эксперимент, в ходе которого на огромной высоте выпустили натриевое облако.

Посмотрите с Земли на небо: даже в самую ясную ночь пространство между звездами не кажется совсем черным. Глаз улавливает очень слабое свечение, которое отчасти вызвано атомами натрия в атмосфере, на высоте примерно ста миль. Чтобы набрать спичечную коробку натрия, пришлось бы «просеять» не одну кубическую милю ионосферы, вот исследователи и решили, что получится великолепный фейерверк, если забросить на ракете в ионосферу сразу несколько фунтов.

Они не ошиблись. Натрий, выброшенный ракетой в небесах над Уайт-Сендом, образовал большое желтое облако, и целый час, пока не рассеялись атомы, точно сиял искусственный

лунный свет. Забавный опыт, однако его провели не ради забавы, он преследовал серьезные научные цели. Приборы, улавливавшие свечение, позволили получить новые данные о верхних слоях атмосферы; эти данные легли в копилку сведений, без которых никогда не удалось бы начать космические полеты.

Прилетев на Луну, американцы решили, что не худо бы повторить опыт, разумеется, в гораздо больших масштабах. Несколько сот килограммов натрия прочертят в лунной атмосфере светящийся след, который легко будет увидеть с Земли в обычный бинокль!

(Кстати, есть люди, которым до сих пор невдомек, что у Луны есть атмосфера. Конечно, слишком разреженная, чтобы можно было дышать, но приборы ее обнаруживают. А роль противометеоритного щита она выполняет превосходно: как-никак, ее толщина достигает сотен миль.)

Предстоящий запуск был у всех на устах. Очередная грузовая ракета доставила с Земли натриевую «бомбу». Действие — очень простое: от запала вспыхивал зажигательный заряд, натрий начинал испаряться, и под давлением паров лопалась перегородка, которая через сопло особой формы выпускала натриевое облако в небеса.

Запуск должен был состояться вскоре после наступления ночи. Вырвавшись из лунной тени под солнечные лучи, облако засияет ослепительным светом.

Наступление ночи на Луне — одно из самых потрясающих зрелищ в природе. Особенно когда глядишь на медленно исчезающий за горами пламенный диск Солнца и думаешь о том, что пройдет четырнадцать земных суток, прежде чем оно покажется вновь... Но закат не сменяется полным мраком, во всяком случае на этой стороне Луны. Остается недвижно висящая в небе Земля, единственное небесное тело, которое не восходит и не заходит. Отражаемый ее облаками и океанами свет озаряет лунный ландшафт мягким голубовато-зеленым сиянием; и подчас ночью легче ориентироваться, чем днем, когда слепит глаза Солнце.

Даже те, кто был свободен от дежурства, вышли посмотреть. Натриевую «бомбу» поместили в центре большого треугольника, образуемого тремя кораблями; она стояла вертикально, нацеленная на звезды. Доктор Андерсен, астроном американского отряда, проверил запальный механизм; остальные держались поодаль на почтительном расстоянии. «Бомба» выглядела очень грозно,

хотя представляла собой не большую опасность, чем сифон для газированной воды.

Были собраны все оптические приборы трех экспедиций. Телескопы, спектроскопы, кинокамеры стояли наготове в ряд. Но это было ничто по сравнению с батареями приборов, которые в этот миг смотрели на нас с Земли. Сегодня ночью все астрономы-любители будут дежурить у себя в саду, слушая радиорепортаж с Луны. Я взглянул на огромную лучезарную планету — похоже, над материками почти нет облаков, видимость на Земле будет хорошая. Что ж, это только справедливо: как-никак, их труд лежит в основе всего, что происходит здесь.

До запуска оставалось пятнадцать минут. В который раз я пожалел, что нельзя выкурить сигарету в скафандре без ущерба для видимости. Столько гораздо более сложных задач решено нашими учеными, а вот такой пустяк — до сих пор проблема!

Чтобы убить время (наш отряд не участвовал в пуске бомбы), я включил радио и стал слушать Дейва Болтона. Он неплохо вел репортаж. Блестящий математик, Дейв был у нас Главным навигатором. Кроме того, он был боек на язык и любил цветистые обороты; иногда Би-Би-Си

приходилось редактировать его репортажи. На этот раз редакторы ничего не могли сделать — через ретрансляционные станции передача шла прямо в эфир.

Дейв кратко и вполне вразумительно объяснил смысл нашего опыта, рассказал, как светящееся натриевое облако, поднимаясь со скоростью около тысячи миль в час, поможет нам судить о лунной атмосфере.

— Однако, — продолжал он, обращаясь к нетерпеливо ожидающим миллионам на Земле, — важно уяснить себе следующее. После запуска «бомбы» первые десять минут вы ничегошеньки не заметите, да и мы тоже. В лунной тени натриевое облако будет совершенно невидимо. И вдруг вспыхнет ярким светом от солнечных лучей, которые сейчас пронизывают космос высоко над нами. Трудно заранее определить силу света, но вы, наверное, увидите его в двухдюймовый телескоп. Пожалуй, даже в сильный бинокль.

В этом духе ему надо было развлекать слушателей еще десять минут; как это удавалось Дейву — выше моего разумения. Но вот наступила великая минута: Андерсон нажал стартовую кнопку. «Бомба» закипела, натрий испарялся, и давление внутри ее росло. Тридцать секунд спустя из длин-

ного узкого сопла, направленного в небо, вдруг вырвался словно клуб дыма. Теперь — ждать еще десять минут, пока незримое облако мчится к звездам. «После такой шумихи, — сказал я себе, — нам просто нельзя сесть в лужу».

Проходили секунды, минуты... Внезапно в небе загорелся желтоватый свет! Ярче, ярче, казалось, некий художник кладет широкой кистью мазки пламени среди звезд. Я пожирал глазами эту необычайную зарю... И вдруг понял, что какой-то мудрец ухитрился побить все рекорды в области рекламы! Мазки складывались в буквы, а буквы образовали два слова — название безалкогольного напитка, достаточно известного, чтобы мне нужно было его расписывать.

Как это сделали? Ответ напрашивался сам. Кто-то поместил в сопло натриевой «бомбы» специальный трафарет, так что струи вырвавшегося пара приняли нужные очертания. Помех никаких, и буквы благополучно проделали свое незримое восхождение к звездам. Мне доводилось видеть на Земле воздушную рекламу, но масштабы не шли ни в какое сравнение. Что бы я ни думал в глубине души об этих ловкачах, нельзя было не восхищаться их изобретательностью. «К» и «А» не совсем удались, зато «О» было

гораздо лучше, а «Л» просто безупречно.

Сперва, конечно, все растерялись; к счастью, это длилось недолго, и научная программа была выполнена целиком. Жаль, не помню, как вышел из положения Дейв Болтон; орешек был крепкий даже для его зубов. Правда, половина Земли своими глазами видела то, что он описывал. А на следующее утро все газеты поместили знаменитый снимок лунного серпа с яркими буквами над затемненным сектором.

Больше часа буквы плыли в космосе. Под конец слова растянулись на тысячу миль, и контуры стали совсем расплывчатыми. Потом буквы растаяли в межзвездном вакууме.

А затем начался главный фейерверк... Разъяренный капитан Ванденберг устроил своим людям допрос с пристрастием. Выяснилось, что диверсант — если его можно так назвать — находится на Земле. «Бомбу» готовили там и доставили на Луну в готовом к запуску виде. Немного времени понадобилось, чтобы найти и уволить инженера, который поместил в сопло трафарет. Кажется, он отнесся к этому совершенно спокойно: его материальное благополучие было обеспечено на много лет вперед.

Что же до эксперимента, то с научной точки

зрения он принес полный успех. Все приборы действовали безукоризненно, анализируя свечение необычного облака. Ну и подразнили же мы американцев! Боюсь, хуже всего досталось бедняге Ванденбергу. До вылета на Луну он был убежденным трезвенником и пил преимущественно влагу, разлитую в бутылки с осиной талией. Теперь Ванденберг из принципа пьет только пиво, а ведь он его терпеть не может.

Коварный параграф

Я уже рассказал, с какими, гм, маневрами был связан старт первой экспедиции на Луну. А получилось все равно так, что американский, советский и британский корабли прилунились почти одновременно. Однако до сих пор еще никто не объяснил читателям, почему британский корабль вернулся на Землю двумя неделями позже остальных.

Нет, я, конечно, знаю официальную версию, сам помогал ее сочинять... Она верна до какой-то степени, но не больше.

Наша совместная экспедиция была успешной во всех отношениях. Только один несчастный случай — да и то смерть Владимира Сурова обессмертила его имя. Наши наблюдения обеспечили ученых работой на десятки лет и сулили полный переворот в представлениях об окружающей нас Вселенной. Ничего не скажешь, мы хорошо потрудились пять месяцев на Луне, можно было со спокойной душой возвращаться на Землю, где нам готовили встречу, какой мало кто удостаивался до нас.

Но сперва надо было, так сказать, прибрать за

собой. Помещенные в разных точках приборы продолжали собирать информацию, которую далеко не всегда можно было передать по радио на Землю. Оставлять на Луне всех людей до последней минуты — тоже ни к чему; один экипаж вполне мог справиться. Но кто вызовется быть «дежурным», предоставив остальным пожинать всю славу? Задача нелегкая, а решить ее требовалось быстро.

Снабжение нас не заботило. Автоматические грузовые ракеты могли обеспечить экипаж воздухом, продовольствием и водой на любой срок. На здоровье никто не жаловался, только на усталость. Врачи опасались психических срывов — и этого не было; видимо, каждый был слишком поглощен увлекательной работой, чтобы сходить с ума. Но всем, конечно, не терпелось вернуться на Землю, увидеть родных и близких.

Наши планы начали ломаться, когда «Циолковский» вышел из строя. Внезапно подался грунт под одной из опор корабля. Он не упал, но корпус покривился, и в герметической кабине появилось множество трещин. Можно было попытаться ремонтировать на месте, и мы долго обсуждали это, но лететь на таком корабле было бы слишком опасно. Русским оставалось только

«голосовать», чтобы их подвезли «Годдард» и «Индевер». Горючее с «Циолковского» позволило нам взять дополнительный груз. Конечно, будет тесновато, спать и есть придется посменно...

В общем, первым на Землю должен был вернуться либо американский, либо британский корабль. И в последние недели мы с командором Ванденбергом стали косо смотреть друг на друга. Я уже подумывал, не решить ли вопрос жребием?..

И еще одно меня заботило: дисциплина подчиненных. Пожалуй, я выразился слишком сильно — не подумайте, что назревал бунт, просто на всех моих людей напала странная рассеянность, а в свободное время они лихорадочно что-то писали, забившись в разные уголки. Я отлично знал, в чем дело, болезнь и меня не миновала. В нашем экипаже (не только в нашем) не было человека, который не предоставил бы заранее исключительное право на публикацию своих статей тому или иному журналу или газете, и вот теперь истекали последние сроки. Радиотелетайп работал с неослабной нагрузкой, передавая на Землю десятки тысяч слов в день. Еще более пространные отрывки бессмертной прозы диктовались по фоноканалам.

Решить главную задачу помог мне все тот же профессор Уильямс, наш весьма практичный астроном.

— Капитан, — заговорил он, небрежно садясь на шаткий столик, который заменял мне конторку, — насколько я понимаю, нет никаких технических причин, которые принуждали бы нас первыми возвращаться на Землю?

— Никаких, — ответил я. — Речь идет лишь о славе, богатстве и желании поскорее увидеть родных. Техническими эти причины не назовешь. Мы можем остаться здесь еще на год, только бы Земля нас снабжала. Но учтите: если вы это предложите, я охотно задушу вас.

— Зачем же на год! Те, кто останется, последуют за первым отрядом самое позднее через две-три недели. И все будут превозносить их самоотверженность, скромность и прочие качества этого рода.

— Плохое утешение тому, кто вернется вторым.

— Верно. Требуется еще что-то, чтобы оправдать такую жертву. Нечто более осязаемое.

— Согласен. Что вы предлагаете?

На переборке передо мной, между двумя красотками, которых мы стащили на «Годдарде»,

висел календарь. Красные крестики отмечали, сколько дней мы уже провели на Луне, большой вопросительный знак украшал число вылета первого корабля на Землю.

— Вот ответ. — Уильямс указал на календарь. — Понимаете, что будет, если мы поспешим вернуться? Хорошо, я объясню.

Он объяснил, и я готов был дать себе пинка за то, что не подумал об этом раньше.

На следующий день я сообщил о своем решении Ванденбергу и Краснину.

— Мы останемся и наведем чистоту, — сказал я. — Этого требует здравый смысл. «Годдард» намного вместительнее нашего корабля, он может взять лишних четыре человека, а мы только двоих, да и то будет тесновато. Летите первыми, Ван, избавим несколько человек от ожидания, зачем им без нужды изводиться.

— Это очень благородно с вашей стороны, — ответил Ванденберг. — Конечно, нам хочется вернуться поскорей. И я согласен, ваше решение самое логичное, раз уж «Циолковский» вышел из строя. Но все-таки вы приносите немалую жертву, мне неловко ее принимать.

Я сделал небрежный жест рукой:

— Об этом не думайте. Лишь бы вы не при-

своили себе всю славу, мы можем и подождать немного. И ведь мы останемся тут единоличными хозяевами, когда вы улетите на Землю.

Краснин смотрел на меня так внимательно, что я едва не отвел глаза.

— Я не хочу показаться циничным, — сказал он, — но жизнь научила меня быть начеку, когда люди без веских оснований вдруг становятся непомерно щедрыми. Честно говоря, я не считаю ваши основания достаточно вескими. Признайтесь, вы что-то скрываете от нас?

— Ну хорошо, — вздохнул я. — Я-то надеялся, что нас хоть немного похвалят, но вас, видно, не убедишь, что у меня самые чистые побуждения. Основание есть, сейчас вы о нем услышите. Только прошу вас: пусть это будет между нами, к чему разочаровывать тех, кто ждет на Земле. Нас считают благородными героями, отважными искателями знаний — пусть так и будет, это для всех же лучше.

Затем я достал свой календарь и объяснил Краснину и Ванденбергу то, что узнал от Уильямса. Они слушали сперва недоверчиво, потом сочувственно.

— Я и не подозревал, что дело обстоит так скверно, — сказал наконец Ванденберг.

— Американцы этого не знают, — печально ответил я. — Так или иначе, вот уже полвека у нас такой порядок, и не видно, чтобы лучше стало. Ну, мое предложение принято?

— Конечно. Нас это вполне устраивает. До следующей экспедиции Луна ваша.

Я вспомнил эти слова две недели спустя, глядя, как «Годдард» умчался к манящему диску Земли. Проводив всех американцев и — кроме двоих — всех русских, мы почувствовали себя довольно одиноко. Завидовали приему, который оказали нашим товарищам, ревниво смотрели по телевидению триумфальные шествия в Москве и Нью-Йорке... А затем вернулись к работе, выжидая своего срока. Когда становилось очень уж тяжко, делали на клочках бумаги кое-какие расчеты, и тотчас к нам возвращалось хорошее настроение.

Красные крестики шагали по календарю, отмечая короткие земные дни, которые только подчеркивали длительность лунных суток. Но вот все готово: сняты показания приборов, тщательно уложены все образцы и экспонаты. Ожили ревущие моторы, и на секунду мы ощутили тяжесть, которую мы вновь обретем на Земле. Быстро уходили вниз ставшие уже привычными

суровые лунные ландшафты; еще несколько секунд, и не различить всех тех сооружений и приборов, которые мы так старательно устанавливали и которые когда-нибудь пригодятся новым исследователям.

Мы летели домой. Летели в тесноте, но без приключений. Возле Третьей космической застали наполовину разобранный «Годдард»; оттуда нас быстро переправили в мир, который мы покинули семь месяцев назад.

Семь месяцев — решающая цифра, как справедливо подметил Уильямс. Мы провели на Луне больше половины финансового года; этот год для всех нас оказался самым прибыльным в жизни.

Конечно, рано или поздно эту космическую лазейку законопатят. Налоговое управление все еще доблестно сражается, но мы надежно защищены пунктом 57 параграфа 8 «Закона об основных доходах» от 1972 года. Наши книги и статьи написаны на Луне, и, пока там не создали правительства, которое взыскало бы с нас подоходный налог, весь гонорар до последнего пенни — наш.

Если же окончательное решение будет не в нашу пользу... Что ж, остается еще Марс.

КОЛЫБЕЛЬ НА ОРБИТЕ

Прежде чем мы начнем, хотелось бы подчеркнуть одну вещь, которую многие, похоже, забывают. Двадцать первый век наступит не завтра — он начнется годом позже 1 января 2001 года. Хотя календари после полуночи будут отсчитывать 2000-й год, старый век продлится еще двенадцать месяцев. Каждые сто лет нам, астрономам, приходится снова и снова объяснять это, но все напрасно. Стоит в счете веков появиться двум нулям, как уже идет пир горой!

Так вы хотите узнать, какое событие больше всего запомнилось мне за полвека космических исследований… Конечно, уже взяли интервью у фон Брауна? Как он поживает? Приятно слышать; я не видел его после симпозиума в Астрограде в честь его восьмидесятилетия, с тех пор он не прилетал с Луны.

Что говорить, я повидал немало великих событий в истории космонавтики, начиная с запуска первого спутника. В двадцать пять лет я был вычислителем в Капустном Яру, недостаточно важная личность, чтобы присутствовать в кон-

трольном центре, когда шел отсчет последних секунд. Но я слышал старт. Только однажды за всю жизнь я слышал звук, который поразил меня еще сильнее. (Что это было? После скажу.) Как только стало известно, что спутник вышел на орбиту, один из ведущих ученых вызвал свой «зил», и мы покатили в Волгоград отмечать событие. Сто километров одолели за то же время, за какое спутник совершил первый оборот вокруг Земли — неплохая скорость! (Кто-то подсчитал, что выпитой на следующий день водки хватило бы для запуска крошки-спутника, который конструировали американцы, но я в этом не уверен.)

Большинство учебников истории утверждает, что именно тогда, 4 октября 1957 года, начался Космический Век. Я не собираюсь спорить с ними, но, по-моему, самое увлекательное было потом. Что может сравниться по драматизму с тем случаем, когда военные корабли США мчались на выручку Дмитрию Калинину и в последний миг выловили из Южной Атлантики его капсулу? А радиорепортаж Джерри Уингайта, его красочные эпитеты, на которые ни один цензор не посмел покуситься, когда он обогнул Луну и впервые увидел воочию ее обратную сторону! А всего пять лет спустя — телевизионная передача из кабины

«Германа Оберта», когда корабль прилунился на плато в Заливе Радуг. Он и сейчас там стоит вечным памятником людям, которых схоронили рядом с ним…

Всё это были великие вехи на пути в космос, но вы ошибаетесь, если думаете, что я буду говорить о них. Меня больше всего поразило совсем другое. Я даже не уверен, сумею ли хорошо рассказать, а если в сумею — как вы это подадите? Ведь нового ничего не будет, газеты тогда только об этом и писали. Но большинство из них упустило самую суть, для прессы это была просто выигрышная «человечная» черточка, только и всего.

Было это через двадцать лет после запуска первого спутника, вместе с другими я находился тогда та Луне. Правда, к тому времени я стал уже слишком важной персоной, чтобы заниматься наукой. Прошло больше десятка лет с тех пор, как я составлял программы для электронной машины; теперь моя задача была несколько сложнее — «программировать» людей, ведь я отвечал за проект АРЕС, готовил первую экспедицию на Марс.

Стартовать, понятно, решили с Луны, там тяготение намного слабее, и для запуска нужно в пятьдесят раз меньше горючего, чем на Земле. Хо-

тели было собирать корабли на орбите спутника — еще меньше горючего надо для вылета, — но когда продумали все как следует, эта идея отпала. Не так-то просто устраивать в космосе заводы и мастерские; невесомость скорее мешает, чем помогает, когда вам нужно, чтобы все предметы беспрекословно слушались вас. К тому времени, в конце семидесятых годов, Первая Лунная База работала полным ходом. Химические заводы и всякие мелкие предприятия производили все для поселка. И мы решили использовать их, вместо того чтобы ценой огромных усилий и затрат сооружать в космосе новые.

«Альфу» «Бету» и «Гамму» — три корабля экспедиции — собирали на дне Платона. Здесь в кольце гор простерлась, пожалуй, самая гладкая равнина этой стороны Луны, и настолько обширная, что наблюдателю, стоящему в ее центре, и не придет в голову, что он находится на дне кратера: горы скрыты далеко за горизонтом. Герметичные купола базы стояли в десяти километрах от стартовой площадки и были связаны с ней канатной дорогой; эти дороги очень нравятся туристам, но, на мой взгляд, сильно уродуют лунный пейзаж.

В первые дни освоения жизнь на Луне была далеко не сладкой, мы не могли и мечтать об

удобствах, которые теперь стали обычными. Центральный Купол, с его парками и озерами, тогда существовал только на ватманской бумаге; впрочем, мы все равно не смогли бы им насладиться, проект АРЕС поглощал нас всецело. Человек готовился совершить первый прыжок в большой космос; уже в ту пору мы рассматривали Луну всего лишь как предместье Земли, камень в реке, на который можно опереться и прыгнуть, куда тебе надо. Наши мысли лучше всего выразить словами Циолковского — они висели у меня в кабинете на стене, чтобы каждый мог видеть:

НАША ПЛАНЕТА ЕСТЬ КОЛЫБЕЛЬ РАЗУМА.
НО НЕЛЬЗЯ ВЕЧНО ЖИТЬ В КОЛЫБЕЛИ

(Что вы сказали? Нет-нет, я никогда не встречался с Циолковским. В 1935 году, когда он умер, мне было всего четыре года!)

После многих лет секретности было очень приятно работать рука об руку с людьми всех наций над проектом, осуществлять который помогал весь мир. Из моих четырех заместителей один был американец, другой — индиец, третий — китаец, четвертый — русский. И хотя ученые разных стран всячески старались перещеголять

друг друга, это было полезное соперничество, оно только шло на благо нашему делу. Посетителям, не забывшим старые недобрые времена, я не раз с гордостью напоминал:

— На Луне нет секретов.

Ну так вот, я ошибался: секрет был, притом у меня под носом, в моем собственном управлении. Возможно, я бы и заподозрил что-нибудь, если бы бесчисленные детали проекта APEC не заслонили от меня все прочее. Теперь-то, оглядываясь назад, я вижу, что было вдоволь всевозможных намеков и признаков, но тогда я ничего не заметил.

Правда, от моего внимания не ускользнуло, что Джим Хатчинс, мой молодой заместитель — американец, становится все более рассеянным, словно его что-то заботило. Раз или два пришлось даже сделать ему выговор за небольшие упущения; он обижался и заверял, что это не повторится. Хатчинс был типичный, ярко выраженный колледж-бой, каких Соединенные Штаты поставляют в изрядных количествах, очень добросовестный, хотя звезд с неба не хватал. Он уже три года был на Луне и едва ли не первым забрал с Земли свою жену, как только отменили ограничения. Я так никогда и не выяснил, каким образом он оказался замешанным в этой истории; видимо, сумел

нажать тайные пружины, хотя уж его-то никак нельзя было представить себе главным действующим лицом международного заговора. Да что там международного — тут и Луна участвовала, десяток людей, вплоть до высшего начальства в Управлении Астронавтики.

Мне до сих пор кажется чудом, что они сумели все сохранить в тайне.

Восход солнца начался уже два дня назад по земному времени, но хотя четкие тени заметно укоротились, до лунного полудня было еще пять дней. Мы готовились провести первое статическое испытание двигателей «Альфы»; силовая установка была вся смонтирована, корпус корабля собран. Стоя на равнине, «Альфа» напоминала скорее часть нефтеперегонного комбината, чем космический корабль, но нам она казалась прекрасной, символом будущих завоеваний.

Момент ответственный: еще никогда не делали таких мощных термоядерных двигателей, и, несмотря на все старания, полной уверенности не было. Если теперь что-нибудь не сработает, проект АРЕС может быть оттянут не на один год.

Отсчет времени уже начался, когда ко мне подбежал Хатчинс, бледный и озабоченный.

— Мне нужно немедленно доложить на Базу, —

выпалил он. — Это очень важно!

— Важнее испытания? — язвительно осведомился я, сдерживая досаду.

Он помялся, словно хотел мне что-то объяснить, потом коротко ответил:

— Да, пожалуй.

— Хорошо, — сказал я, он тотчас исчез.

Я мог бы потребовать у него объяснения, но подчиненным надо доверять. Возвращаясь к центральному пульту управления, я раздраженно говорил себе, что сыт по горло этим взбалмошным юнцом, надо будет попросить, чтобы его забрали от меня. И ведь что всего удивительнее: он не меньше других волновался, как пройдет испытание, а сам вдруг умчался по канатной дороге на Базу. Пузатый цилиндр кабины уже был на полпути к следующей опоре, скользя по едва заметным тросам подобно какой-то невиданной птице.

Пять минут спустя я совсем разозлился. Целая группа приборов-самописцев вдруг забастовала, пришлось отложить испытания на три часа. Я метался в контрольном центре, твердя всем и каждому (благо им некуда было от меня спастись), что у нас в Капустином Яру таких вещей не случалось. Наконец, после второй чашки кофе

я слегка успокоился; и тут в динамиках прозвучал сигнал «слушайте все». Только один сигнал считался еще важнее — вой аварийных сирен. За все мои годы в Лунном поселке я дважды слышал его — и надеюсь больше никогда не услышать.

Голос, который затем раздался в каждом помещении на Луне и в наушниках каждого рабочего на безмолвных равнинах, принадлежал генералу Моше Стайну, председателю Управления Астронавтики. (Тогда еще существовали всякие почетные титулы, хотя никто уже не придавал им значения.)

— Я говорю из Женевы, — начал генерал Стайн, — на мою долю выпало сделать важное сообщение. Последние девять месяцев проходил ответственнейший эксперимент. Мы держали его в секрете, считаясь с непосредственными участниками опыта и не желая пробуждать ненужных надежд или опасений. Вы помните, еще недавно многие специалисты вообще не верили, что человек сможет жить в космосе; и на сей раз нашлись пессимисты, они сомневались, удастся ли сделать следующий шаг в покорении вселенной. Теперь доказано, что они ошибались: разрешите представить вам Джорджа Джонатана Хатчинса, первого Уроженца Космоса.

Последовал щелчок — какое-то переключение, — затем пауза, непонятные шорохи и шепот. И вдруг на всю Луну и половину Земли — звук, о котором я обещал вам рассказать, самый поразительный звук, какой мне довелось слышать за всю свою жизнь.

Это был слабый плач новорожденного младенца, первого в истории человечества, который родился вне Земли! В полной тишине, воцарившейся в контрольном центре, мы поглядели сперва друг на друга, потом на корабли на сияющей равнине. Всего несколько минут назад нам казалось, что на свете нет ничего важнее их. И вот им пришлось отступить перед тем, что произошло в Медицинском Центре — и что будет в грядущих веках происходить миллиарды раз в бесчисленных мирах.

Вот тогда-то, уважаемые друзья, я почувствовал, что человек действительно утвердился в космосе.

СОЗВЕЗДИЕ ПСА

Неистовый лай в первый миг только раздосадовал меня. Я повернулся на другой бок и сонно буркнул:

— Замолчи, глупая собака.

Но дремота длилась лишь долю секунды; тут же я совсем очнулся, вернулось сознание, и с ним пришел страх. Страх одиночества, страх безумия.

Я боялся открыть глаза, боялся увидеть. Рассудок говорил мне, что еще ни одна собака не ступала на поверхность этого мира, что между мной и Лайкой — четверть миллиона миль в пространстве, больше того — пять лет во времени.

— Тебе приснилось, — сердито сказал я себе. — Не будь идиотом, открой глаза! Крашеные стены, вот все, что ты увидишь.

Разумеется, так и было. Крохотная кабина пуста, дверь плотно затворена. Я был наедине со своими воспоминаниями, во власти неясной печали, которая часто овладевает человеком, когда яркий сон сменяется тусклой действительностью. Ощущение утраты было настолько горьким, что хотелось снова уснуть. Хорошо, что

я устоял: в тот миг сон был равносилен смерти. Но я не подозревал этого еще пять секунд — целую вечность, которую я провел на Земле, ища утешения в прошлом.

Откуда взялась Лайка, так и не удалось установить, хотя сотрудники обсерватории расспрашивали знакомых, а я поместил несколько объявлений в газетах Пасадены. Я нашел ее — одинокий, брошенный комок шерсти — на обочине шоссе летним вечером, направляясь в Паломар. Я не любил собак, вообще не любил животных, но нельзя же бросить беспомощное маленькое существо на произвол судьбы, которую олицетворяли стремительные автомашины. Подавляя отвращение и жалея, что нет перчаток, я подобрал ее и затолкал в багажник. Мне вовсе не хотелось рисковать обивкой моей новенькой машины, а в багажнике собака, как мне казалось, не могла натворить большой беды. Я ошибся.

Остановив машину возле «Монастыря» (жилой дом для астрономов, где мне предстояло провести следующую неделю), я без особого восторга изучил свою находку. Сперва-то я думал отдать щенка сторожу, но тут песик заскулил и открыл глаза. Он смотрел так беспомощно, так доверчиво… Словом, я передумал.

После я иногда жалел об этом, правда, недолго. Я и не подозревал, сколько хлопот может доставить подрастающий пес, намеренно и нечаянно. Счета за чистку и починку росли; особенно страдали мои носки и «Астрофизический журнал». Но в конце концов Лайка научилась вести себя и дома, и в обсерватории; мне кажется, из всех собак только она одна побывала внутри купола, где помещался двухсотдюймовый телескоп. Там она могла часами тихо лежать в укромном уголке, а я занимался наладкой в своей клетушке; ей достаточно было слышать мой голос. Другие астрономы не меньше моего привязались к ней (имя «Лайка» предложил наш физик, старик Андерсон), но с самого начала она была моей собакой и больше никого не слушалась. Да и мне она не всегда подчинялась.

Это было великолепное животное, почти чистокровная восточноевропейская овчарка. Видимо, из-за этого «почти» ее и бросили. (До сих пор злюсь, как вспомню, а может быть, это зря, ведь я не знаю, как было дело.) Если не считать двух темных пятен над глазами, она была дымчато-серой, с мягкой, шелковистой шерстью. Когда уши торчали, она казалась необычайно умной и внимательной. Обсуждая с коллегами типы спектров

или эволюцию звезд, я готов был поверять, что Лайка следит за нашей беседой.

Я по сей день не могу понять, почему она так привязалась ко мне; даже среди людей у меня друзей очень мало. И, однако, когда я после долгого отсутствия возвращался в обсерваторию, она выходила из себя от восторга, прыгала на задних лапах, опираясь передними на мои плечи (она шутя дотягивалась до них), и радостный визг совсем не вязался с могучим ростом Лайки. Уж я старался не уезжать надолго; в дальние путешествия нельзя было взять с собой собаку, но в коротких поездках она почти всегда меня сопровождала. Лайка была со мной и в тот раз, когда я поехал на север, чтобы участвовать в этом злополучном семинаре в Беркли.

Нас приютили мои друзья по университету. При всей их учтивости было очевидно, что их не радует присутствие в доме такого чудовища. Я заверил хозяев, что Лайка ведет себя безупречно; с большой неохотой они разрешили мне держать ее в комнате.

— Сегодня ночью вы можете не бояться грабителей, — сказал я.

— В Беркли грабителей нет, — последовал ответ.

Но среди ночи мне на миг почудилось, что они ошиблись. Меня разбудил яростный визгливый лай, я слышал от Лайки такое только раз — когда она впервые увидела корову и не могла понять, что это такое. Бранясь, я сбросил одеяло и нырнул во мрак незнакомого дома. Главное — утихомирить Лайку, не дать ей разбудить хозяев, если только я не опоздал. Грабитель, конечно ж, давно удрал. Я от души надеялся, что это так…

Несколько секунд я стоял возле выключателя на лестничной площадке. Зажигать или не зажигать? Наконец, я рявкнул: «Молчи, Лайка!» — и нажал кнопку; холл внизу озарился ярким светом.

Лайка неистово скреблась в дверь и продолжала визгливо лаять.

— Если тебе надо погулять, — сердито сказал я, — вовсе не обязательно поднимать такой шум!

Я спустился, отодвинул задвижку, и собака ракетой вырвалась наружу.

Было тихо, безветренно, лунный серп боролся с сан-францисским туманом. Стоя в светлой мгле, я смотрел через залив на огни города и ждал Лайку, чтобы отчитать ее по заслугам. Я все еще ждал, когда — во второй раз в двадцатом столетии — пробудились от спячки здешние подземные

силы.

Как ни странно, я не испугался, во всяком случае, в первый миг. Помню, прежде чем я осознал угрозу, две мысли мелькнули у меня в голове. «Уж эти геофизики, — сказал я себе, — могли бы хоть как-то предупредить нас». И удивился: «Вот не думал, что от землетрясения такой шум!».

Почти одновременно до меня дошло, что толчок незаурядный. О том, что было дальше, предпочитаю не вспоминать. Только на следующий день спасателям удалось увезти меня: я отказывался расстаться с Лайкой. Глядя на рухнувший дом, в котором лежали тела моих друзей, я знал, что обязан ей жизнью. Но разве можно было требовать от пилотов вертолета, чтобы они это понимали? Не упрекну их и за то, что они сочли меня обезумевшим, ведь столько несчастных бродило среди обломков и пожарищ.

С той поры мы разлучались разве что на несколько часов. Мне говорили — и я охотно верю этому, — что я все меньше и меньше интересовался обществом людей, хотя и не стал отшельником или мизантропом. Звезды и Лайка заполняли все мое рабочее время и досуг. Мы подолгу гуляли вместе по горам, это было самое счастливое время моей жизни. И лишь одно

облако омрачало горизонт: я знал, в отличие от Лайки, что счастью скоро придет конец.

Переброска готовилась уже больше десяти лет. Еще в шестидесятых годах было признано, что Земля — неподходящее место для астрономической обсерватории. На Луне даже малогабаритные навигационные приборы намного превзошли возможности всех телескопов, которые глядели в космос сквозь мрак и мглу земной атмосферы. Исчерпалась история Маунт-Вильсон, Паломара, Гринвича и других славных обсерваторий. Для обучения они еще годились, но границы исследования надо было переносить в космос.

И я должен переехать. Мне уже предложили должность заместителя директора обсерватории Фарсайда. В несколько месяцев я решу проблемы, над которыми бился много лет. За пределами атмосферы я узн***а***ю, что значит быть слепым, который вдруг обрел зрение.

Конечно, нечего было и говорить о том, чтобы взять с собой Лайку. На Луну допускались только подопытные животные; наверное, пройдет еще не один десяток лет, прежде чем можно будет заводить там любимцев, да и то понадобится целое состояние, чтобы доставить их туда — и прокормить. Я подсчитал, что моего — совсем

неплохого! — жалованья никак не хватит: Лайка привыкла съедать два фунта мяса в день.

Выбор был предельно прост. Я мог остаться на Земле, отказавшись от ученой карьеры. Или отправиться на Луну — отказавшись от Лайки.

В конечном счете, она была всего лишь собака. Десяток лет и Лайка умрет; к этому времени я могу достичь зенита своей ученой карьеры. Ни один здравомыслящий человек не стал бы колебаться, все же я колебался, и если вы до сих пор не поняли, почему, то никакие мои слова не помогут.

Приговор был вынесен заочно. До последней недели я не мог решить, как поступить с Лайкой. И когда доктор Андерсон вызвался присмотреть за ней, я вяло согласился, забыв даже как следует поблагодарить. Старый физик и его жена с первого дня полюбили Лайку; боюсь, я показался им человеком бесчувственным и бессердечным. А ведь было как раз наоборот.

Мы в последний раз прошли с ней вместе по холмам, затем я молча вручил собаку Андерсонам и больше ее не видел.

Вылет задержался почти на сутки, ждали, пока уймется сильное магнитное возмущение, да и активность поясов Ван-Аллена была настолько велика, что мы выходили через «трубу» над Север-

ным полюсом. Невесомость всегда неприятна, а в придачу мы все осовели от антирадиационных медикаментов. Когда я снова стал интересоваться окружающим, корабль был уже над Фарсайдом; не увидел я, как Земля ныряет за горизонт. Да я и не очень-то жалел об этом, мне тогда совсем не хотелось вспоминать прошлое, я предпочитал думать только о будущем. Меня преследовало чувство вины: я покинул существо, которое меня любило, верило в меня. Чем я лучше тех, кто бросил щенка на обочине пыльного Паломаросого шоссе?

Весть о том, что она умерла, пришла через месяц. И никакой видимой причины, Андерсоны делали для нее все, и они сильно горевали. Просто Лайке не хотелось жить. Несколько дней я сам думал о смерти, но труд — великое лекарство, а моя программа развивалась полным ходом. Забыть Лайку я не мог, но постепенно воспоминания перестали причинять боль.

Почему же они с такой силой вернулись теперь, пять лет спустя, на обратной стороне Луны?.. Я пытался понять, в чем дело; вдруг все здание вздрогнуло, точно от могучего удара. Дальше я действовал не размышляя, руки сами закрыли гермошлем аварийного скафандра, когда опоры

подались и стена распахнулась, выпустив на волю взвизгнувший воздух. Благодаря тому, что я автоматически нажал кнопку Общей тревоги, мы потеряли всего двоих, хотя толчок — самый сильный из всех, зарегистрированных на Фарсайде, — разрушил все три герметических купола обсерватории.

Нужно ли говорить, что я не верю в сверхъестественные силы. Все, что произошло, объясняется рационально, нужно лишь немного разбираться в психологии. Во время второго Сан-францисского землетрясения Лайка была не единственной собакой, которая почуяла близкую беду; известно много случаев. И когда мое недремлющее подсознание уловило первые, слабые вибрации в недрах Луны, настороженный воспоминаниями рассудок тотчас отозвался.

Человеческий разум избирает необычные и хитроумные пути, он знал, какой сигнал быстрее всего дойдет до меня. Вот и все, конечно, можно сказать, что в обоих случаях меня разбудила Лайка, но тут и не пахнет мистикой, не было никакого чудесного зова через бездну, которой ни человеку, ни собаке не дано преодолеть.

В чем, в чем, а уж в этом я уверен. И все-таки случается, я просыпаюсь в лунном безмолвии, мечтая, чтобы сон продлился несколько секунд, чтобы я еще раз мог заглянуть в эти ясные карие глаза, исполненные бескорыстной, чистой любви, равной которой я не нашел нигде — ни на Луне, ни в других мирах.

ДО ЭДЕМА

— Похоже, что здесь дорога кончается, — сказал Джерри Гарфилд, выключая моторы.

Тихо вздохнув, насосы смолкли, и разведочный вездеход «Бродячий драндулет», лишившись воздушной подушки, лег на острые камни Гесперийского плато.

Дальше пути не было. Ни насосы, ни гусеницы не помогли бы «Р-5» (как официально назывался «Драндулет») одолеть выросший впереди эскарп. До Южного полюса Венеры оставалось всего тридцать миль, но с таким же успехом он мог находиться на другой планете. Хочешь не хочешь, надо возвращаться, снова идти все эти четыреста миль среди чудовищного ландшафта.

День был на диво ясный, видимость почти тысяча ярдов. Не требовалось никакого радара, чтобы следить за утесами, вырастающими на пути вездехода; на этот раз их было видно невооруженным глазом. Сквозь пелену туч, которая не разрывалась уже много миллионов лет, просачивался зеленый свет, будто в подводном царстве; к тому же вдали все расплывалось во

мгле. Так и казалось порой, что вездеход скользит над морским дном, и Джерри то и дело чудились вверху, над головой, плывущие рыбины.

— Связаться с кораблем и передать, что возвращаемся? — спросил он.

— Погодите, — сказал доктор Хатчинс. — Надо подумать.

Джерри взглянул на третьего члена экипажа, надеясь на поддержку. Напрасно. Коулмен такой же одержимый, как Хатчинс. Как бы неистово они ни спорили между собой, оба оставались учеными, то есть — с точки зрения рассудительного инженера-штурмана — людьми, которые не всегда способны отвечать за свои поступки. И однако, если Коулу и Хатчу втемяшится в голову продолжать путь, ему останется только выполнять приказ, записав свой протест...

Хатчинс прошелся по тесной кабине, изучая карты и приборы. Потом направил прожектор вездехода на скальную стенку и стал внимательно разглядывать ее в бинокль.

«Не может быть, чтобы он потребовал от меня штурмовать эту скалу, — подумал Джерри. — „Р-5“, как-никак, всего лишь вездеход, а не горный козел».

Вдруг Хатчинс что-то увидел. На миг задержав

дыхание, он затем шумно выдохнул и повернулся к Коулмену.

— Посмотрите! — Его голос дрожал от волнения. — Чуть левее черного пятна! Что это, по-вашему?

Он передал Коулмену бинокль; теперь тот замер, всматриваясь.

— Черт возьми, — вымолвил он наконец. — Вы были правы. На Венере есть реки. Это след высохшего водопада.

— Учтите, за вами обед в «Бель Гурмете», как только вернемся в Кембридж. С шампанским!

— Запомню, не бойтесь. Да за такое открытие не только что обед!.. И все-таки ваши теории любой назовет сумасбродными.

— Стоп, стоп, — вмешался Джерри. — Какие еще тут реки-водопады? Каждый знает, что их на Венере нет и не может быть. В здешней бане такая жарища, пары никогда не сгущаются...

— Вы давно глядели на термометр? — вкрадчиво спросил Хатчинс.

— Тут только успевай вездеходом управлять!

— Тогда позвольте сообщить вам одну новость: сейчас около двухсот тридцати, а температура продолжает падать. По Фаренгейту точка кипения — двести двенадцать градусов. Не забывайте, мы почти у Полюса, сейчас зима, и мы на высоте

шестидесяти тысяч футов над равниной. Все вместе взятое дает такой скачок, что если похолодает еще на несколько градусов — польет дождь. Кипящий, но все-таки дождь, вода, а не пар. А это, сколько бы Джордж ни упирался, совершенно меняет наше представление о Венере.

— Почему? — спросил Джерри, хотя он уже и сам догадался.

— Где есть вода, может быть жизнь. Мы излишне поторопились назвать Венеру бесплодной только потому, что средняя температура на поверхности превышает пятьсот градусов. Уже тут намного холоднее — вот почему я так рвусь к Полюсу. Здесь, в горах, есть озера, и я хочу взглянуть на них.

— Но ведь ***кипящая*** вода! — возразил Коулмен. — В ней ничто не может жить.

— На Земле есть водоросли, живут. И разве исследование планет не научило нас: везде, где только может возникнуть жизнь, она возникает. Пожалуйста, возможность, пусть единственная, налицо.

— Хотелось бы проверить вашу теорию. Но вы же видите: по этой скале не подняться.

— На вездеходе не подняться, верно. Но влезть самим по стенке вполне можно, даже в термо-

костюмах. Нам всего-то надо пройти несколько миль к полюсу. Главное эту стенку одолеть, дальше местность ровная, это видно по радарным картам. Думаю, уложимся в... ну, от силы в двенадцать часов. Как будто мы не ходили дольше — и в куда более сложных условиях.

Это верно. Одежда, которая надежно защищает человека на равнинах Венеры, и подавно годится здесь, где температура всего на сотню градусов выше, чем летом в Долине Смерти на Земле.

— Хорошо, — сказал Коулмен. — вы знаете правила. Одному выходить нельзя, и кто-то должен оставаться в вездеходе, держать связь с кораблем. Как решим вопрос на этот раз: шахматы или карты?

— Шахматы слишком долго, — ответил Хатчинс, — особенно, когда играете вы двое.

Из ящика штурманского столика он достал потрепанную колоду.

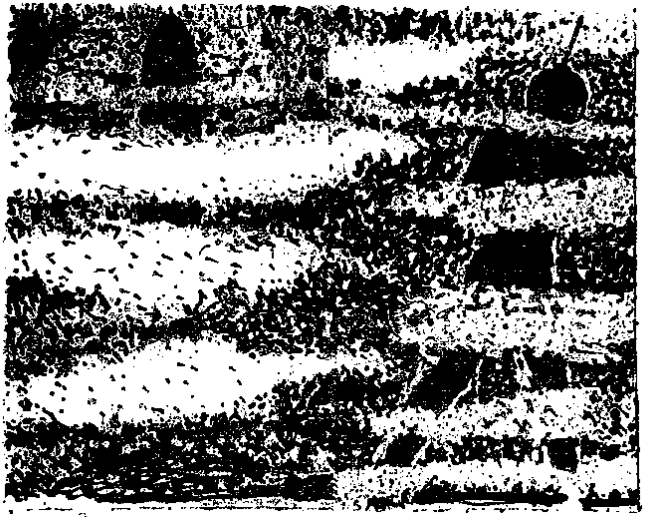
— Тяните, Джерри.

— Десятка пик. Ну-ка побейте ее, Джордж.

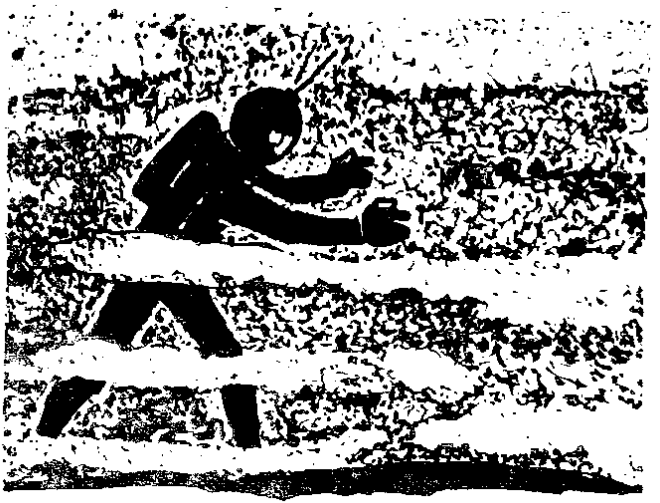
— Постараюсь... Черт! Пятерка треф. Что ж, передайте привет от меня венерианцам.

Вопреки уверениям Хатчинса, стенка оказалась трудной. Не так уж и круто, но кислородный прибор, охлаждаемый термокостюм и научные

приборы весили больше ста фунтов. Меньшая гравитация — на тринадцать процентов ниже земной — выручала, да не очень. Они карабкались по осыпям, отдыхали на уступах и снова карабкались в подводных сумерках. Зеленое сияние, которое озаряло все вокруг, было ярче света полной Луны на Земле. «Венере луна ни к чему, — подумал Джерри. — Ее не увидишь сквозь тучи, и нет никаких океанов, чтобы управлять приливом-отливом, к тому же немеркнущее полярное сияние гораздо более надежный источник света».



Они поднялись больше чем на две тысячи футов, когда стенка наконец сменилась отлогим склоном. Его исчертили канавы, явно промытые текущей водой. Поискав немного, они вышли к лощине, достаточно широкой и глубокой, чтобы ее можно было назвать руслом реки, и стали подниматься вдоль нее.



— Знаете, я о чем подумал, — сказал Джерри, пройдя несколько сот ярдов. — А не нарвемся мы на бурю? Не хотел бы я встретиться с валом кипящей воды.

— Если будет буря, — чуть раздраженно ответил Хатчинс, не останавливаясь, — мы издали ее услышим. Успеем подняться повыше.

Он прав, конечно, но Джерри от этого не стало легче. С той минуты, как они перевалили через гребень и потеряли радиосвязь с вездеходом, в его душе росла тревога. Непривычно и неприятно

было оказаться оторванным от других людей. С Джерри это случилось впервые. Даже на борту «Утренней Звезды», в сотнях миллионов миль от Земли, он мог отправить телеграмму своим близким и почти сразу получить ответ. А тут несколько ярдов скалы отрезали его от всего человечества; случись с ними что-нибудь, никто об этом не узнает, разве что другая экспедиция набредет на их тела. Джордж подождет, сколько условленно, и возвратится к кораблю один. «Нет, — сказал себе Джерри, — плохой из меня пионер космоса. Только любовь к хитрым машинам втравила меня в космические полеты... И некогда было даже задуматься, к чему это может привести. А теперь поздно».

Вдоль извилистого русла они прошли мили три к полюсу, наконец Хатчинс остановился, чтобы провести наблюдения и собрать образцы.

— Похолодание продолжается! — воскликнул он. — Сейчас уже сто девяносто девять градусов. Намного ниже самой низкой температуры, какую до сих пор отмечали на Венере. Вот бы связаться с Джорджем и рассказать ему!

Джерри проверил все волны, попробовал вызвать и корабль — прихотливые колебания ионосферы иногда допускали такую дальнюю

связь, — но не мог даже уловить шороха несущей частоты сквозь треск и рокот гроз Венеры.

— А это будет даже еще поважнее! — В голосе Хатчинса звучало неподдельное волнение. — Концентрация кислорода возрастает: уже пятнадцать миллионных. У вездехода было всего пять, на равнине почти ничего.

— Но ведь это пятнадцать ***миллионных*** ! — возразил Джерри. — Все равно нечем дышать!

— Вы не с того конца подходите, — отозвался Хатчинс, — никто им не дышит. Но что-то его образует. Откуда, по-вашему, взялся кислород на Земле? Он — продукт жизни, деятельности растений. Пока на Земле не появились растения, у нас была атмосфера вроде здешней, смесь углекислоты с аммиаком и метаном. Затем возникла растительность и постепенно изменила атмосферу, так что животным стало чем дышать.

— Понятно, — сказал Джерри. — И вы думаете, как раз это теперь началось здесь?

— Похоже, что так. Нечто неподалеку отсюда выделяет кислород. Самая простая догадка — здесь есть растительная жизнь.

— А где есть растения, — задумчиво произнес Джерри, там, очевидно, рано или поздно появляются животные.

— Верно, — ответил Хатчинс, собирая свои приборы и продолжая путь вверх по лощине. — Правда, на это нужно несколько миллионов лет. Возможно, мы прилетели слишком рано. Жаль, если так.

— Все это здорово, — сказал Джерри, — но вдруг мы встретим что-нибудь такое, что нас невзлюбит? У нас нет оружия.

Хатчинс неодобрительно фыркнул.

— Оно нам не нужно! Да вы посмотрите хоть на меня, хоть на себя! Любой зверь при виде нас пустится наутек.

Что верно, то верно. Покрывающий их с ног до головы металлизированный костюм-рефлектор напоминал блестящие гибкие доспехи. Из шлемов и ранцев торчали антенны — ни одно насекомое не могло похвастаться такими усиками. А широкие линзы, через которые космонавты глядели на мир, напоминали чудовищные бездумные глаза. Земные животные вряд ли пожелали бы связываться с такими тварями, но у здешних могут быть свои представления.

Так думал Джерри, когда они неожиданно вышли к озеру. С первого взгляда оно навело его на мысль не о жизни, которую они искали, а о смерти. Оно простерлось черным зеркалом в

складке между холмами, и дальний берег терялся в вечном тумане, а над поверхностью извивались и плясали призрачные вихри пара. «Не хватает только Харона, готового перевезти нас на ту сторону, — сказал себе Джерри. — Или Туонельского лебедя, чтобы он величественно плавал взад-вперед, охраняя врата преисподней...»

Но как ни взгляни, это чудо: впервые человек нашел на Венере воду в свободном состоянии! Хатчинс уже стоял на коленях, будто задумал молиться. Впрочем, он всего-навсего собирал капли драгоценной влаги, чтобы рассмотреть их через карманный микроскоп.

— Что-нибудь есть? — нетерпеливо спросил Джерри.

Хатчинс покачал головой.

— Если что и есть, слишком мелкое для этого прибора. Вот вернемся на корабль, там я получше все разгляжу.

Он запечатал пробирку и положил ее в контейнер любовно, как геолог — золотой самородок. Быть может (и скорее всего), это самая обыкновенная вода. Но возможно также, что это целый мир, населенный неведомыми живыми созданиями, только-только ступившими на долгий, длиной в миллиарды лет, путь к разумной жизни.

Пройдя с десяток ярдов вдоль озера, Хатчинс остановился так внезапно, что Гарфилд едва не натолкнулся на него.

— В чем дело? — спросил Джерри. — Что-нибудь увидели?

— Вон то черное пятно, словно камень... Я его приметил еще до того, как мы вышли к озеру.

— Ну, и что с ним? По-моему, ничего необычного.

— ***Мне кажется, оно растет.***

После Джерри всю жизнь вспоминал этот миг. Слова Хатчинса не вызвали у него никакого сомнения, он был готов поверить во что угодно, даже в то, что камни растут. Чувство уединенности и таинственности, угрюмое черное озеро, непрерывный рокот далеких гроз, зеленый свет полярного сияния — все это повлияло на его сознание, подготовило к приятию даже самого невероятного. Но страха он пока не ощущал.

Джерри взглянул на камень. Футов пятьсот до него, примерно... В этом тусклом изумрудном свете трудно судить о расстояниях и размерах. Камень... А может, ещё что-то? Почти черная плита, лежит горизонтально у самого гребня невысокой гряды. Рядом такое же пятно, только намного меньше. Джерри попытался прикинуть

и запомнить расстояние между ними, чтобы проследить, меняется оно или нет.

И даже когда он заметал, что просвет между пятнами сокращается, это не вызвало у него тревоги, только напряженное любопытство. Лишь после того, как просвет совсем исчез и Джерри понял, что глаза подвели его, ему стало страшно — очень страшно.

Нет, это не движущийся и не растущий камень! Это черная волна, подвижный ковер, который медленно, но неотвратимо ползет через гребень прямо на них.

Ужас — леденящий, парализующий — владел им, к счастью, всего несколько секунд. Страх пошел на убыль, как только Гарфилд понял, что его вызвало. Надвигающаяся волна слишком живо напомнила ему прочитанный много лет назад рассказ о муравьиных полчищах в Амазонас, как они истребляют все на своем пути...

Но чем бы ни была эта волна, она ползла слишком медленно, чтобы серьезно угрожать им — лишь бы она не отрезала их от вездехода. Хатчинс, не отрываясь, разглядывал ее в бинокль. «Биолог не трусит, — подумал Джерри. — С какой стати мне удирать, сломя голову, курам на смех».

— Скажите же наконец — что это? — не вы-

держал он: до ползущего ковра оставалось всего около сотни ярдов, а Хатчинс все еще не вымолвил ни слова, не пошевельнул ни одним мускулом.

Хатчинс сбросил с себя оцепенение и ожил.

— Простите, — сказал он. — Я совершенно забыл о вас. Это — растение, что же еще. Так мне кажется, во всяком случае.

— Но оно движется!

— Ну, и что? Земные растения тоже двигаются. Вы никогда не видели замедленных съемок плюща?

— Но плющ стоит на месте и никуда не ползет!

— А что вы скажете о растительном планктоне в океанах? Он плавает, перемещается, когда надо.

Джерри сдался; впрочем, наступающее на них чудо все равно лишило его дара речи.

Мысленно он продолжал называть его ковром. Ворсистый ковер с бахромой по краям, толщина которого все время менялась: тут не толще пленки, там — около фута, а то и больше. Вблизи строение было лучше видно, и он показался Джерри похожим на черный бархат. Интересно, какой он на ощупь? Но тут же Гарфилд сообразил, что «ковер» в лучшем случае обожжет ему

пальцы. Внезапный шок часто влечет за собой приступ нервного веселья, и он поймал себя на мысли: «Если венерианцы существуют, с ними не поздороваешься за руку. Они нас ошпарят, мы их обморозим...»

Пока что оно их как будто не заметило, просто-напросто скользило вперед, как неодушевленная волна. Если бы оно не карабкалось через мелкие препятствия, его вполне можно было бы сравнить с потоком воды.

Вдруг, когда их разделяло всего десять футов, бархатная волна изменила свое движение. Правое и левое крыло продолжали скользить вперед, но середина медленно остановилась.

— Окружает нас, — встревожился Джерри. — Лучше отступить, пока мы не уверены, что оно безобидно.

К его облегчению, Хатчинс тотчас сделал шаг назад. После короткой заминки странное существо снова, двинулось с места, и изгиб в его передней части сгладился.

Тогда Хатчинс шагнул вперед — существо медленно отступило. Несколько раз биолог повторяя свой маневр, и живой поток неизменно то наступал, то отступал в такт его движениям. «Никогда не думал, — сказал себе Джерри, — что

мне доведется увидеть, как человек вальсирует с растением...».

— Термофобия, — произнес Хатчинс, — Чисто автоматическая реакция. Ему не нравится наше тепло.

— ***Наше*** тепло! — воскликнул Джерри, — Да ведь мы по сравнению с ним живые сосульки!

— Верно. А наши костюмы? Оно воспринимает их, не нас.

Да, сглупил, мысленно вздохнул Джерри. Внутри термокостюма климат отменный, но ведь охлаждающая установка у меня за спиной выделяет в окружающий воздух струю жара. Неудивительно, что это растение отпрянуло.

— Проверим, как оно отзовется на свет, — продолжал Хатчинс.

Он включил фонарь на груди, и ослепительно белый свет оттеснил изумрудное сияние. До появления на Венере людей здесь даже днем не бывало белого света. Как в глубинах земных морей, царили зеленью сумерки, которые медленно сгущались в кромешный мрак.

Превращение было настолько ошеломляющим, что оба невольно вскрикнули. Глубокая, мягкая чернота толстого бархатного ковра мгновенно исчезла. Вместо нее там, куда падал свет фонаря,

простерся, поражая глаз, великолепный, яркий красный покров, обрамленный золотистыми бликами. Ни один персидский шах не получал от своих ткачей столь изумительного гобелена, а ведь космонавты видели случайное творение биологических сил. Впрочем, пока они не включали своих фонарей, этих потрясающих красок вообще не существовало — и они снова исчезнут, едва прекратится волшебное действие чужеродного света с Земли.

— Тихов был прав, — пробормотал Хатчинс. — Жаль, не довелось ему убедиться.

— В чем прав? — спросил Джерри, хотя ему казалось святотатством говорить вслух перед лицом такой красоты.

— Пятьдесят дет назад, в Советском Союзе, он пришел к выводу, что растения, живущие в очень холодном климате, чаще всего бывают голубыми и фиолетовыми, а в очень жарких поясах — красными или оранжевыми. Он предсказал, что растения Марса окажутся фиолетовыми, а Венеры — если они там есть — красными. И в обоих случаях оказался прав. Но мы не можем стоять так весь день, надо работать!

— Вы уверены, что оно безвредно? — спросил Джерри на всякий случай.

— Совершенно. Оно не может коснуться наших костюмов, даже если бы захотело. Смотрите, уже обошло нас.

Правда! Теперь они видели его — если считать, что это одно растение, а не колония, — целиком. Неправильный круг диаметром около ста ярдов скользил прочь, как скользит по земле тень гонимого ветром облака. А там, где он прошел, скала была испещрена несчетным множеством крохотных отверстий, словно выеденных кислотой.

— Да-да, — подтвердил Хатчинс, когда Джерри сказал об этом, — так питаются некоторые лишайники. Выделяют кислоты, растворяющие камень. А теперь прошу — никаких вопросов больше, пока не вернемся на корабль. Тут работы на десятки лет, а у меня всего час-другой.

Ботаника в движении!.. Чувствительная бахрома огромного растениеподобного двигалась неожиданно быстро, спасаясь от них. Этакий оживший блин площадью в целый акр! Но когда Хатчинс стал брать образцы, растениеподобное никак не реагировало, если не считать, что струи тепла по-прежнему пугали его. Влекомое неведомым растительным инстинктом, оно упорно скользило вперед через бугры и лощины. Возможно, следовало за какой-нибудь минеральной жилой; на это ответят геологи, изучив образцы пород, которые Хатчинс собрал до и после прохождения живого ковра.

Сейчас некогда было размышлять над несчетными вопросами, которые вытекали из их открытия. Судя по тому, что они почти сразу набрели на это создание, оно здесь далеко не редкость. Как оно размножается? Побегами, спорами, делением или еще как-нибудь? Откуда берет энергию? Какие у него есть родичи, враги, паразиты? Оно не

может быть единственной формой жизни на Венере — где есть один вид, должны быть тысячи...

Голод и усталость заставили их прекратить погоню. Это творение явно было способно проесть себе дорогу через всю Венеру. (Правда, Хатчинс полагал, что оно не уходит далеко от озера, так как растениеподобное то и дело спускалось к воде и погружало в нее длинное щупальце-хобот.) Но представители фауны Земли нуждались в отдыхе.

Хорошо надуть герметичную палатку, забраться через воздушный шлюз внутрь и сбросить термокостюмы. Лишь теперь, отдыхая внутри маленького пластикового полушария, они по-настоящему осознали, какое чудо им встретилось и как это важно. Окружающий их мир был уже не тем, что прежде; Венера не мертва, она стала в ряд с Землей и Марсом.

Ибо живое взывает к живому — даже через космические бездны. Все, что растет, движется на поверхности других планет — предвестье, залог того, что человек не одинок в мире пламенных солнц и вихревых туманностей. Если он до сих пор не нашел товарищей, с которыми мог бы разговаривать, это лишь естественно: впереди, ожидая исследователей, простерлись еще свето-

вые годы и века. Пока же долг человека охранять и лелеять те проявления жизни, которые ему известны, будь то на Земле, на Марсе или на Венере...

Так говорил себе Грэхем Хатчинс, самый счастливый биолог во всей солнечной системе, помогая Гарфилду собрать мусор и уложить его в пластиковый мешочек. Когда они, сняв палатку, двинулись в обратный путь, нигде не было видно никаких следов поразительного создания. И слава богу, не то бы они, наверное, не удержались, продолжали бы свои эксперименты, а ведь их срок уже истекал.

Ничего: через несколько месяцев посланники нетерпеливо ждущей Земли вернутся с целым отрядом научных сотрудников, оснащенные худа более совершенным снаряжением. Миллиард лет трудилась эволюция, чтобы сделать возможной эту встречу; она может подождать еще немного.

Некоторое время все было неподвижно в отливающем зеленью мглистом краю. Ушли люди, скрылся алый ковер... И вдруг существо показалось снова, перевалив через выветренную гряду. А может быть, то была другая особь удивительного вида? Этого никто никогда не узнает.

Оно скатилось к груде камней, под которыми

Хатчинс и Гарфилд погребли мусор. Остановилось.

Это не было любопытством, ведь оно не могло мыслить. Но химическая жажда, которая неотступно гнала его вперед и вперед через полярное плато, кричала: «Здесь, здесь!» Где-то рядом — самое дорогое, нужное ему питательное вещество. Фосфор, элемент, без которого никогда бы не вспыхнула искра жизни. И оно стало тыкаться в камни, просачиваться в щели и трещины, скрести и царапать пытливыми щупальцами. Любое из этих движений было доступно любому растению или дереву на Земле, с той разницей, что это существо двигалось в тысячу раз быстрее, и всего лишь несколько минут понадобилось ему, чтобы достичь цели и проникнуть сквозь пластиковую пленку.

И оно устроило пир, поглощая самую концентрированную пищу, какую когда-либо находило. Оно поглотило углеводороды, и белки, и фосфаты, никотин из окурков, целлюлозу из бумажных стаканов и ложек. Все это оно растворило и усвоило, — без труда и без вреда для себя.

Одновременно оно поглотило целый микрокосм живых существ: бактерии и вирусы, обитателей более старой планеты, где развились

тысячи смертоносных разновидностей... Правда, лишь некоторые из них смогли выжить в таком пекле и в такой атмосфере, но этого было достаточно. Отползая назад, к озеру, живой ковер нес в себе погибель всему своему миру.

И когда «Утренняя Звезда» вышла в обратный путь к далекому дому, Венера уже умирала. Пленки, негативы и образцы, которые так радовали Хатчинса, были драгоценнее, чем он предполагал. Им было суждено остаться единственными свидетельствами третьей попытки жизни утвердиться в солнечной системе.

Закончилась история творения под пеленой облаков Венеры.

С КОМЕТОЙ

— Не знаю, для чего я это записываю, — медленно произнес Джордж Такео Пикетт в парящий вереД его лицом микрофон. — Вряд ли кому-то доведется слушать запись. Говорят, комета пронесет нас по соседству с Землей только через два миллиарда лет, когда будет снова огибать Солнце. Просуществует ли человечество так долго? И будет ли комета такой же великолепной, какой увидели ее мы? Возможно, наши потомки тоже снарядят экспедицию, чтобы взглянуть на нее поближе. И обнаружат ракету... Даже через столько тысячелетий наш корабль будет в полном порядке. Останется горючее в баках, и воздух в отсеках — ведь продукты кончатся раньше, и мы умрем от голода, а не от удушья. Впрочем, вряд ли мы станем дожидаться этого, проще открыть воздушный шлюз и покончить сразу.

В детстве я читал книгу об арктических исследованиях — «Зимовка во льдах». Ну вот, что-то в этом роде ожидает нас. Мы со всех сторон окружены льдом, огромными ноздреватыми айсбергами, «Челенджер» летит среди роя ледяных глыб,

которые очень медленно — сразу и не заметишь — вращаются вокруг друг друга. Но такой зимы не знала ни одна экспедиция на полюсы Земли. Почти все эти два миллиона лет будет держаться температура четыреста пятьдесят градусов ниже нуля по Фаренгейту. Мы уйдем так далеко от Солнца, что тепла от него будет не больше чем от звезд. Кто-нибудь пытался морозной зимней ночью греть руки в лучах Сириуса?

Нелепый образ, вдруг пришедший на ум Джорджу Пикетту, окончательно добил его. Перехватило голос, с такой силой нахлынули воспоминания о мерцающих в лунном свете сугробах, о перезвоне рождественских колоколов над краем, от которого его сейчас отделяло пятьдесят миллионов миль. Внезапно он разрыдался, точно ребенок, не мог совпадать с собой, с тоской по всему тому прекрасному на Земле, чего прежде не ценил по-настоящему и что теперь навсегда утрачено.

А как хорошо все началось, сколько было радостного возбуждения, ожиданий! Он помнил — неужели всего полгода прошло? — как впервые вышел из дому посмотреть на комету; незадолго перед тем восемнадцатилетний Джимм Рэндл увидел ее в самодельный телескоп и отправил

свою знаменитую телеграмму в обсерваторию Маунт-Стромло. Тогда комета была едва заметным светящимся облачком, которое медленно скользило через созвездие Эридана, южнее экватора. Далеко за Марсом она мчалась к Солнцу по невероятно вытянутой орбите. В прошлый раз комета сияла на небе безлюдной Земли, и некому было любоваться ею; возможно, никого не будет, когда она появится вновь. Человечество в первый (и, быть может, единственный) раз видело комету Рэндла.

Приближаясь к Солнцу, она росла, выбрасывала струи и языки, самый маленький из которых был во сто крат больше Земли. Когда комета пересекла орбиту Марса, хвост ее — этакий исполинский вымпел, развеваемый космическим бризом, — протянулся уже на сорок миллионов миль. Тут наконец астрономы сообразили, что предстоит, пожалуй, самое великолепное небесное зрелище, какое когда-либо наблюдал человек; комета Галлея, которая являлась в 1986 году, не шла ни в какое сравнение. И организаторы Международного астрофизического десятилетия решили, если удастся вовремя снарядить экспедицию, послать вдогонку комете исследовательский корабль «Челенджер». Ведь может пройти не одно

тысячелетие, прежде чем снова представится такой случай!

Неделю за неделей комета Рэндла в предрассветные часы сияла на небе, затмевая Млечный Путь. Вблизи Солнца она вновь ощутила зной, которого не испытывала с той поры, когда по Земле бродили мамонты. И активность ее росла; словно лучи мощного прожектора, плыли среди звезд струи светящегося газа, изверженные ее ядром. Хвост, теперь уже сто миллионов миль в длину, делился на замысловатые ленты и полосы, очертания которых менялись за одну ночь. И всегда они были устремлены прочь от Солнца, будто гонимые к звездам вечным могучим ветром из сердца солнечной системы.

Когда Джорджа Пикетта назначили на «Челенджер», он долго не мог поверить своему счастью. Конечно, сыграло роль то, что он кандидат наук, холостяк, славится отменным здоровьем, весит меньше ста двадцати фунтов и давно расстался с аппендиксом. Но разве мало других журналистов с такими данными?

Что ж, скоро они перестанут завидовать...

Грузоподъемность «Челенджера» была маловата, экспедиция не могла взять с собой только репортера, и Пикетт совмещал журналистские

обязанности с научными. На деле это означало, что он вел вахтенный журнал во время дежурства, был секретарем начальника экспедиции, следил за расходом припасов и материалов, занимался учетом. Снова и снова думал он, как это кстати, что в космосе, в мире невесомости человеку достаточно трех часов сна в сутки.

Нужен был немалый такт, чтобы одно дело не шло в ущерб другому. Когда он не был занят бухгалтерией в своем закутке и не проверял наличие в кладовых, можно было побродить с магнитофоном по кораблю. Одного за другим Джордж Пикетт проинтервьюировал каждого из двадцати ученых и инженеров, которые составляли экипаж «Челенджера». Не все записи были переданы на Землю; некоторые интервью оказались перегруженными техническими подробностями, другие чересчур скудными, третьи излишне многословными. Во всяком случае, он побеседовал со всеми, и как будто никто не мог пожаловаться, что его обошли. Впрочем, теперь это уже не играет никакой роли...

Интересно, что сейчас делается в душе доктора Мартинса? Помнится, астроном был одним из самых твердых орешков; зато он мог рассказать больше, чем кто-либо другой. Пикетту вдруг

захотелось отыскать запись первого интервью Мартинса. Джордж великолепно понимал, что пытается уйти в прошлое, чтобы не думать о настоящем. Ну и что ж? Если это удастся, тем лучше!..

Двадцать миллионов миль отделяли от кометы стремительно летящий корабль, когда Джордж поймал Мартинса в обсерватории и приступил к допросу. Он хорошо помнил это интервью. Вид невесомого микрофона, слегка колеблемого воздушной струёй от вентилятора, был до того необычным, что Пикетт никак не мог сосредоточиться. А по голосу ничего не заметно, звучит с профессиональной непринужденностью...

«Доктор Мартинс, — гласил первый вопрос, — из чего состоит комета Рэндла?»

«Состав сложный, — отвечал астроном, — и все время меняется по мере удаления кометы от Солнца. Хвост преимущественно из аммиака, метана, углекислого газа, водяных паров, циана...»

«Циана? Но ведь это ядовитый газ! Что было бы, если б Земля попала в такую струю?»

«Ничего. Несмотря на свой эффектный вид, хвост кометы, по нашим земным понятиям, чуть ли не вакуум. В объеме, равном объему Земли, газа столько же сколько воздуха в пустой спичеч-

ной коробке».

«Но это разреженное вещество образует такое красочное зрелище!»

«Как и любой сильно разреженный газ в электрическом поле. И по той же причине. Солнце бомбардирует хвост кометы частицами, которые несут электрический заряд. И получаются как бы светящиеся космические письмена. Только бы рекламные конторы не додумались использовать это — распишут всю солнечную систему своими объявлениями!»

«Ужасная мысль... Хотя, уверен, найдутся такие, которые назовут это торжеством прикладной науки. Но оставим хвост. Скажите, скоро мы достигнем сердца кометы — или ядра, как вы его, кажется, называете?»

«Догонять в кильватер всегда трудно. Не меньше двух недель нужно, чтобы подойти к ядру. Будем идти внутри хвоста и постепенно изучим всю комету в продольном сечении. До ядра еще двадцать миллионов миль, но мы уже кое-что знаем о нем. Во-первых, оно чрезвычайно мало, меньше пятидесяти миль в поперечнике. И не сплошное; похоже, что ядро — это облако из тысяч роящихся частиц».

«Мы сможем проникнуть внутрь ядра?»

«Заранее трудно сказать. Возможно, безопасности ради мы исследуем его через наши телескопы с расстояния в несколько тысяч миль. Но сам я был бы очень разочарован, если бы мы не вошли внутрь. А вы?»

Пикетт выключил магнитофон. Что ж, все верно. Конечно, Мартинс был бы разочарован, тем более что опасности как будто нет. Как будто? Комета вообще не приготовила никаких каверз, угроза, таилась на борту их собственного корабля...

Одну за другой они пронизывали огромные, невероятно разреженные завесы; хотя комета. Рэндла теперь мчалась прочь от Солнца, она все еще выделяла газ. И даже когда корабль подошел к самой плотной часта кометы, их практически окружал вакуум. Светящийся туман, который простерся на много миллионов миль, почти беспрепятственно пропускал звездный свет. А прямо по курсу яркое пятнышко ядра, подобно блуждающему огоньку, манило их за собой вперед и вперед.

Электрические возмущения в окружающей веществе возросли настолько, что нарушилась связь с Землей. Сигналы их главного передатчика пробивались с трудом, и последние несколько дней космонавты ограничивались тем, что передавали ключом «ОК». Когда корабль вырвется из кометы и возьмет курс на Землю, связь восстановится, а пока они почти так же обособлены, как землепроходцы в старину, когда радио еще не было. Неудобно, конечно, но ничего страшного. Пикетт был даже рад, больше времени оставалось на канцелярию. Хотя «Челенджер» шел к сердцу кометы — путешествие, о котором до двадцатого столетия не мог мечтать ни один капитан! — кому-то надо было вести учет продовольствия и

прочих запасов...

Медленно, осторожно, прощупывая радаром пространство во всех направлениях, «Челленджер» прошел в ядро кометы и замер там среди льдов.

Фред Уипл, сотрудник Гарвардской обсерватории, еще в сороковых годах угадал истину. Но даже теперь, когда они все увидели своими глазами, трудно было поверить: маленькое — относительно — ядро кометы оказалось гроздью айсбергов, которые, летя по общей орбите, в то же время кружили, меняясь местами. В отличие от ледяных гор земных океанов они не были ослепительно белыми и состояли не из замерзшей воды. Грязно-серые, ноздреватые, словно подтаявший снег, со множеством «карманов» метана и аммиака, они то и дело, нагретые солнечными лучами, извергали исполинские струи газа. Зрелище великолепное, но поначалу Пикетту некогда было любоваться им.

Зато теперь времени хоть отбавляй...

Джордж Пикетт проверял наличные запасы, когда столкнулся с бедой, причем он даже не сразу осознал ее масштабы. Ведь на складе все было в порядке, запасов хватит на весь обратный путь до Земли. Он сам в этом убедился, оставалось

только свериться с данными, которые хранились в крохотной — с булавочную головку — ячейке электронной памяти корабля, отведенной для бухгалтерии.

Когда на экране вспыхнули первые несусветные цифры, Пикетт решил, что нажал не тот тумблер. Он стер итог и повторил задание вычислительной машине.

Было шестьдесят ящиков вакуумированного мяса, израсходовано семнадцать, осталось... Ответ гласил: 99999943!

Он пробовал снова и снова — с тем же успехом. И тогда, озадаченный, но еще далеко не встревоженный, Пикетт пошел искать доктора Мартинса.

Он нашел астронома а «Камере пыток» — миниатюрном гимнастическом зале, втиснутом между кладовками и переборкой главной цистерны горючего. Каждый член экипажа был обязан упражняться здесь по часу в день, чтобы мышцы не ослабли в невесомости. Мартинс сражался с набором тугих пружин, и лицо его выражало мрачную решимость. Он еще больше помрачнел, выслушав доклад Пикетта.

Несколько манипуляций на щите управления — и все стало ясно.

— Электронный мозг свихнулся, — сказал Мартинс. — Не может даже ни складывать, ни вычитать.

— Ничего, починим!

Мартинс покачал головой. От его обычной вызывающей самоуверенности не осталось и следа. Он больше всего напоминал резиновую куклу, из которой начал выходить воздух.

— Даже его создатели не справились бы. Тут несчетное множество микроцепей, они упакованы так же плотно, как в мозгу человека. Запоминающее устройство еще действует, но вычислитель никуда не годится. Он просто делает винегрет из поступающих в него чисел.

— Что же будет? — спросил Пикетт.

— Всем нам крышка, — просто ответил Мартинс. — Без вычислительной машины мы пропали. Не сможем рассчитать орбиту для возвращения на Землю. Чтобы с карандашом и бумагой сделать все вычисления, понадобилась бы целая армия математиков, да и то ушла бы не одна неделя.

— Но это смехотворно! Корабль в полном порядке, продовольствия и горючего вдоволь, а вы говорите, что мы погибнем из-за каких-то пустяковых расчетов.

— Пустяковых расчетов? — К Мартинсу даже

вернулась частица прежней энергии, — Выйти из кометы на орбиту, ведущую к Земле, — это же серьезный маневр, нужно около ста тысяч вычислительных операций. Даже машина тратит на это несколько минут.

Пикетт не был математиком, но достаточно разбирался в астронавтике, чтобы понять, в чем дело. На корабль, летящий в космосе, действует множество небесных тел. Главная сила, которая определяет его движение, — притяжение Солнца, прочно удерживающее все планеты на их орбитах. Но и планеты тянут корабль в разные стороны, конечно, намного слабее. Учесть соперничающие силы, а главное, использовать их, чтобы достичь желанной цели, — пусть до нее не один десяток миллионов миль, — задача головоломная. Пикетт понимал отчаяние Мартинса: ни один человек не может работать без необходимого в его деле инструмента, и нет дела, для которого требовался бы более хитроумный инструмент.

Даже после того, как начальник экспедиции объявил всем о поломке и состоялось чрезвычайное совещание, прошел не один час, пока люди уразумели, что их ожидает. До рокового конца было еще много месяцев, и он казался просто

нереальным. Им грозила смертная казнь, но исполнение приговора откладывалось. К тому же за иллюминаторами по-прежнему была великолепная картина.

Сквозь облако пылающей мглы — это облако станет вечным небесным памятником погибшей экспедиции — они видели могучий маяк Юпитера, ярче любой звезды. Что же, если остальные предпочтут покончить с собой сразу, кто-то из экипажа, возможно, еще доживет до встречи с самым рослым из детей Солнца. «Стоит ли прожить несколько лишних недель, — спрашивал себя Пикетт, — чтобы воочию увидеть картину, которую первым в свой самодельный телескоп наблюдал Галилей четыре столетия назад: спутников Юпитера, снующих взад-вперед, будто шарики на невидимой проволоке?»

Шарики на проволоке. Вдруг из подсознания Джорджа вырвалось полузабытое воспоминание детства. Видимо, оно уже несколько дней зрело — и вот наконец проклюнулось.

— Нет! — крикнул он. — Чепуха! Меня поднимут на смех! «Ну и что же? — возразила другая половина его сознания. — Тебе нечего терять, и по крайней мере каждый будет занят своим делом, а не думать о продовольствии и кислороде».

Искра надежды лучше, чем безнадежность.

Джордж Пикетт перестал крутить свой магнитофон; уныние как рукой сняло. Он отстегнул эластичный пояс, встал с кресла и пошел на склад искать нужные материалы.

— Такие шутки, — сказал три дня спустя доктор Мартинс, — до меня не доходят.

И он презрительно посмотрел на самоделку из дерева и проволоки, которую держал в руке Пикетт.

— Я знал, что вы так скажете, — миролюбиво ответил журналист. — Но сперва послушайте меня. Моя бабушка была японка, и в детстве я слышал от нее историю, которую вспомнил только теперь, несколько дней назад. Кажется, это может нас спасти. После второй мировой войны устроили однажды соревнование — в быстроте счета состязались американец, вооруженный электрическим арифмометром, и японец с абаком вроде этого. Победил абак.

— Плохой был арифмометр или оператор никудышный.

— Нарочно отобрали лучшего во всех вооруженных силах США. Но не будем спорить. Проведем испытание, назовите два трехзначных числа для умножения.

— Ну... 856 на 437.

Пальцы Пикетта забегали по шарикам, молниеносно гоняя их по проволокам. Всего проволок было двенадцать, это позволяло производить действия над любыми числами от единицы до 999 999 999 999 или, разбив абак на секции, одновременно делать несколько вычислений.

— 374072, — ответил Пикетт почти мгновенно. — А теперь посмотрим, как вы управитесь с помощью карандаша и бумаги.

Прошло около минуты, наконец Мартинс, который, как и большинство математиков, был не в ладах с арифметикой, крикнул:

— 375072!

Проверка тотчас показала, что Мартинс ошибся, хотя умножал в три раза дольше, чем Пикетт.

Удивление, ревность, интерес смешались на лице астронома.

— Кто вас научил этому фокусу? — спросил он. — Я думал, на такой штуке можно только складывать и вычитать.

— А что такое умножение, если не многократное сложение? Я семь раз сложил 856 в ряду единиц, три раза — в ряду десятков, четыре раза — в ряду сотен. То же самое делаете вы на бумаге. Конечно, есть приемы для ускорения, но если вам

показалось, что я считаю быстро, посмотрели бы вы на брата моей бабушки. Он служил в банке в Иокогаме. Как пойдет щелкать — пальцев не видно. Он меня кое— чему научил, да ведь с тех пор больше двадцати лет прошло. Я еще только два дня упражняюсь, пока считаю медленно. И все-таки надеюсь, что мне удалось хоть немного убедить вас.

— Еще бы! Я просто поражен. Вы и делить можете так же быстро?

— Почти, надо только руку набить.

Мартинс взял абак, погонял шарики взад-вперед. Потом вздохнул.

— Гениально. Но нас это не выручит, даже если бы на нем можно было считать вдесятеро быстрее, чем на бумаге. Машина в миллион раз эффективнее.

— Я подумал об этом, — ответил Пикетт, теряя самообладание. (Этот Мартинс рохля какой-то, нет у него воли к борьбе. Хоть бы задумался, как управлялись астрономы сто лет назад, когда не было никаких счетных машин!) — Вот что я предлагаю, — а вы скажите, если я ошибаюсь...

Он обстоятельно, не торопясь, изложил во всех подробностях свой план. Слушая его, Мартинс заметно воспрянул духом и даже рассмеялся;

впервые за много дней Пикетт слышал смех на борту «Челенджера».

— Вижу лицо начальника экспедиции, — воскликнул астроном, — когда он услышит, что нам всем придется вернуться в детский сад и играть в шарики!

Никто не хотел верить в абак, пока Пикетт сам не показал, как на нем считают. Люди, выросшие в мире электроники, никак не ожидали, что нехитрая комбинация проволоки и шариков способна на такие чудеса. Но задача была увлекательная, а речь шла о жизни и смерти, и они горячо взялись за дело.

Как только инженеры изготовили достаточно совершенных копий грубого оригинала, сделанного Пикеттом, все начали учиться. Основные правила он объяснил за несколько минут, главное была практика, многочасовые упражнения, чтобы пальцы автоматически, без участия мысли, перебрасывали шарики. Некоторые и через неделю непрерывных занятий не смогли развить достаточной скорости и точности, зато другие быстро превзошли самого Пикетта.

Космонавтам снились шарики и проволока, во сне они продолжали считать... Когда они хорошо освоили простейшие приемы, экипаж разбили на

группы, которые азартно состязались между собой, совершенствуя свое умение. В конце концов лучшие научились за пятнадцать секунд перемножать четырехзначные числа, и они могли это делать несколько часов подряд.

Все это была чисто механическая работа, которая не требовала большой смекалки, а только навыка. По-настоящему трудная задача выпала на долю Мартинса, и тут ему никто не мог помочь. Ему пришлось забыть привычные приемы работы с вычислительными машинами и составлять задания так, чтобы их механически выполняли люди, совершенно не представляющие себе смысла обрабатываемых чисел. Астроном сообщал данные, они вычисляли по указанной им схеме, и через несколько часов живой математический конвейер выдавал ответ. А чтобы застраховаться от ошибок, две группы работали параллельно и время от времени сверяли свои итоги.

— Итак, — обратился Пикетт к своему микрофону, когда время наконец позволило ему вспомнить о слушателях, с которыми он было навсегда распрощался, — мы создали счетную машину из людей вместо электронных ячеек. Конечно, она действует в несколько тысяч раз медленнее, не справляется с очень большими

числами и легко устает, но все-таки делает свое дело. Рассчитать весь обратный путь нельзя, это чересчур сложно, но мы хоть определим орбиту, которая позволит достичь зоны радиосвязи. Как только корабль уйдет от электрических помех, мы сообщим свои координаты на Землю, и оттуда электронные машины подскажут, как нам быть дальше. Мы уже вышли из ядра кометы и не летим к границам солнечной системы. Наш новый курс подтверждает точность расчетов, насколько вообще можно говорить о точности. Правда, корабль еще внутри кометного хвоста, но от ядра нас отделяют миллионы миль, мы больше не увидим этих аммиачных айсбергов. Они мчатся к звездам, в леденящую ночь межсолнечного пространства, мы же возвращаемся домой...

— Алло, Земля... Земля! Вызывает «Челенджер», я «Челенджер»! Отвечайте, как только услышите нас, помогите нам с арифметикой, пока мы не стерли пальцы до кости!

ЛЕТО НА ИКАРЕ

Очнувшись, Колин Шеррард долго не мог сообразить, где он. Он лежал в какой-то капсуле на круглой вершине холма, крутые склоны которого запеклись темной коркой, точно их опалило жаркое пламя; вверху простерлось черное, как смоль, небо с множеством звезд, и одна из них, над самым горизонтом, напоминала крохотное яркое солнце.

Солнце?! Неужели он так далеко от Земли? Не может быть. Память подсказывала ему, что Солнце близко, угрожающе близко, оно никак не могло обратиться в маленькую звезду. Вдруг в голове у него прояснилось. Шеррард знал, где он, знал точно, и мысль об этом была так страшна, что он едва опять не потерял сознания.

Никто из людей не бывал еще так близко к Солнцу.

Поврежденный космокар лежал не на холме, а на сильно искривленной поверхности маленького — всего две мили в поперечнике — космического тела. И быстро опускающаяся к горизонту на западе яркая звезда — это огни

«Прометея», корабля, который доставил Шеррарда сюда, за миллионы миль от Земли. Товарищи, конечно, уже недоумевают, почему не вернулся его космокар — замешкавшийся почтовый голубь. Пройдет немного минут, и «Прометей» исчезнет из поля зрения, уйдет за горизонт, играя в прятки с Солнцем...

Колин Шеррард проиграл эту игру.

Правда, он пока на ночной стороне астероида, укрыт в его прохладной тени, но быстротечная ночь на исходе. Четырехчасовой икарийский день надвигается стремительно и неотвратимо, близок грозный восход, когда яркий солнечный свет — в тридцать раз ярче, чем на Земле — выплеснет на эти камни жгучее пламя. Шеррард великолепно знал, почему все кругом опалено до черноты. Хотя Икар будет в перигелии только через неделю, уже теперь полуденная температура на его поверхности близка к тысяче градусов по Фаренгейту.

Не до юмора ему было, и все-таки вдруг вспомнилось, что капитан Маклеллан сказал об Икаре: «Ох, горяча земля, поневоле будешь чужими руками жар загребать».

Несколько дней назад они воочию убедились, сколь справедлива эта шутка; помог один из

тех простейших ненаучных опытов, которые действуют на воображение куда сильнее, чем десятки графиков и кривых.

Незадолго до восхода один из космонавтов отнес на бугорок деревянную чурку. Стоя в укрытии на ночной стороне, Шеррард видел, как первые лучи Солнца коснулись бугорка. Когда его глаза оправились от внезапного взрыва света, он разглядел, что чурка уже чернеет, обугливаясь. Будь здесь атмосфера, дерево тотчас вспыхнуло бы ярким пламенем.

Вот что такое восход на Икаре...

Правда, пять недель назад, когда они пересекли орбиту Венеры и впервые высадились на астероид, было далеко не так жарко. «Прометей» подошел к Икару в момент его наибольшего удаления от Солнца. Космический корабль приноровил свой ход к скорости маленького мирка и лег на его поверхность легко, как снежинка. (Снежинка — на Икаре!.. Придет же на ум такое сравнение.) Тотчас на пятнадцати квадратных милях колючего никелевого железа, покрывающего большую часть астероида, рассыпались ученые — они расставляли приборы, разбивали триангуляционную сеть, собирали образцы, делали множество наблюдений.

Все было задумано и тщательно расписано много лет назад, когда еще только готовились к Международному астрофизическому десятилетию. Икар предоставлял исследовательскому кораблю неповторимую возможность: под прикрытием железокаменного щита двухмильной толщины подойти к Солнцу на расстояние всего семнадцати миллионов миль. Защищенный Икаром, корабль мог без опаски облететь вокруг могучей топки, которая согревает все планеты и от которой зависит всякая жизнь.

Подобно легендарному Прометею, добывшему для человечества огонь, космолет, названный его именем, доставит на Землю новые знания о поразительных тайнах небес...

Члены экспедиции успели установить все приборы и провести заданные исследования, прежде чем «Прометею» пришлось взлететь, чтобы отступить вместе с ночной тенью. Да и потом оставалось в запасе еще около часа, во время которого человек в космокаре — миниатюрном, длиной всего десять футов, космическом корабле — мог работать на ночной стороне, пока не подкралась полоса восхода. Казалось бы, в мире, где рассвет приближается со скоростью всего одной мили в час, ничего не стоит вовремя улизнуть!

Но Шеррард не сумел этого сделать, и теперь его ожидала кара: смерть.

Он и сейчас не совсем понимал, как это случилось.

Колин Шеррард налаживал передатчик сейсмографа на Станции 145, которую они между собой называли Эверестом: она на целых девяносто футов возвышалась над поверхностью Икара! Работа пустяковая. Правда, делать ее приходилось с помощью выдвигающихся из корпуса космокара механических рук, но Шеррард уже наловчился, металлическими пальцами он завязывал узлы почти так же сноровисто, как собственными. Двадцать минут, и радиосейсмограф опять заработал, сообщая в эфир о толчках и трясениях, число которых стремительно росло по мере того, как Икар приближался к Солнцу.

Теперь на лентах записана и „его“ кривая, да много ли ему от этого радости...

Убедившись, что передатчик действует, Шеррард расставил вокруг прибора солнечные отражатели. Трудно поверить, что два хрупких, не толще бумаги, листа металлической фольги могли преградить путь потоку лучей, способному в несколько секунд расплавить олово или свинец! И, однако, первый экран отражал более

девяноста процентов падающего на его поверхность света, а второй — почти все остальное; вместе они пропускали совершенно безобидное количество тепла.

Шеррард доложил на корабль, что задание выполнено, получил „добро“ и приготовился возвращаться на борт. Мощные прожекторы «Прометея» — без них на ночной стороне астероида вряд ли удалось бы что-либо разглядеть — были безошибочным ориентиром. Всего две мили отделяли его от корабля, и, будь на Шеррарде планетный скафандр с гибкими сочленениями, инженер мог бы просто допрыгнуть до «Прометея», ведь здесь почти полная невесомость. Ничего, маленькие ракетные двигатели космокара за пять минут доставят его на борт...

Гироскопами он направил космокар на цель, потом включил вторую скорость и нажал стартер. Сильный взрыв под ногами — Шеррард взлетел, удаляясь от Икара... и от корабля! «Неисправность!» — подумал он с ужасом. Его прижало к стенке, он никак не мог дотянуться до щита управления. Работал только один мотор, поэтому астронавт летел кувырком, вращаясь все быстрее: Шеррард лихорадочно искал кнопку стопа, но вращение сбило его с толку, и, когда он наконец

дотянулся до ручек, его первое движение только все ухудшило: он включил полную скорость — как нервный шофер сгоряча вместо тормоза нажимает акселератор. Всего секунда ушла на то, чтобы исправить ошибку и заглушить мотор, но за эту секунду вращение усилилось настолько, что заезды стали светящимися колесами...

Все случилось так быстро, что Колин Шеррард не успел даже испугаться; но главное, он не успел вызвать корабль и сообщить о катастрофе. В конце концов, опасаясь, как бы не натворить еще худших бед, он оставил ручки в покое. Чтобы выйти из штопора, надо было осторожно маневрировать не меньше двух-трех минут; у него оставались считанные секунды — скалы мелькали все ближе и ближе.

Шеррард вспомнил совет на обложке «Наставления астронавта»: «Если не знаешь, что делать, — не делай ничего». Он честно продолжал следовать этому совету, когда Икар обрушился на него, и звезды померкли.

...Просто чудо, что оболочка космокара цела и он не дышит космосом. (Сейчас он радуется, а что будет через полчаса, когда сдаст теплоизоляция?) Конечно, совсем без поломок не обошлось, сорваны оба зеркала заднего обзора, которые

были укреплены на прозрачном круглом гермошлеме, придется повертеть шеей, но это пустяки — гораздо хуже то, что одновременно покалечило антенны. Он не может вызвать корабль, и корабль не может вызвать его. Из динамика доносился лишь слабый треск, скорее всего от каких-нибудь неполадок в самом приемнике. Колин Шеррард был отрезан от людей.

Положение отчаянное, но не безнадежное. Нет, он не совсем беспомощен. Хотя двигатели подкачали (видимо, в правой пусковой камере, хоть конструкторы и уверяли, что такого случиться не может, изменилась направленность взрыва и забило форсунки), он может двигаться: у него есть руки.

Вот только куда ползти? Шеррард совсем растерялся. Взлетел он с «Эвереста», но далеко ли его отбросило — на сто футов? На тысячу? Ни одного знакомого ориентира в этом крохотном мире, только быстро удаляющаяся звездочка «Прометея» может его выручить. Теперь лишь бы не потерять из виду корабль... Его хватятся через несколько минут, если уже не хватились. Конечно, без помощи радио товарищам, пожалуй, придется искать долго. Как ни мал Икар, эти пятнадцать квадратных миль изборожденной

трещинами ничьей земли — надежный тайник для цилиндра длиной десять футов. На поиски может уйти и полчаса, и час; все это время он должен следить за тем, чтобы его не настиг убийца — восход.

Шеррард вложил пальцы в полые рычаги механических конечностей. Тотчас снаружи, в суровой среде космоса ожили его искусственные руки. Вот опустились, уперлись в железную кору астероида, приподняли космокар... Шеррард согнул «руки», и капсула, словно причудливое двуногое насекомое, поползла вперед. Правой, левой, правой, левой...

Это оказалось проще, чем он ожидал, и Шеррард почувствовал себя увереннее. Конечно, механические руки созданы для тонкой и точной работы, но в невесомости достаточно малейшего усилия, чтобы сдвинуть с места капсулу. Тяготение Икара составляло одну десятитысячную земного; вместе с космокаром Шеррард весил здесь около унции. Придя в движение, он дальше буквально парил, легко и быстро, будто во сне.

Однако легкость эта таила в себе угрозу... Шеррард уже прошел так несколько сот ярдов, он быстро настигал светящееся пятно «Прометея», но тут успех ударил ему в голову. Как скоро со-

знание переходит от одной крайности к другой! Давно ли он думал, как достойнее встретить смерть, а теперь ему уже не терпелось вернуться на корабль к обеду.

Впрочем, возможно, беда случилась потому, что уж очень новый и необычный это был способ передвижения. Может быть, он к тому же не совсем оправился после крушения. В самом деле: как и все астронавты, Шеррард отлично умел ориентироваться в космосе, привык жить и работать в условиях, когда земные понятия о «верхе» и «низе» теряют смысл. В таком мире, как Икар, надо внушить себе, что «под» ногами у тебя самая настоящая планета, ты двигаешься над горизонтальной плоскостью. Стоит развеяться этому невинному самообману, и тебе грозит космическое головокружение.

И вот — внезапный приступ. Вдруг исчезло чувство, что Икар внизу, а звезды — вверху. Вселенная повернулась на девяносто градусов; Шеррард, словно альпинист, карабкался вверх по отвесной скале. И хотя разум говорил ему, что это чистейшая иллюзия, чувства решительно спорили с рассудком. Сейчас тяготение сорвет его со скалы, и он будет падать, падать милю за милей, пока не разобьется вдребезги!..

Но мнимая вертикаль качнулась, будто компасная стрелка, потерявшая полюс, и вот уже над ним каменный свод, он словно муха на потолке. Миг — потолок опять стал стеной, но теперь астронавт неудержимо скользил по ней вниз, в пропасть...

Шеррард потерял власть над космокаром; обильный пот на лбу подтверждал, что он вот-вот утратит власть и над самим собой. Оставалось последнее средство. Плотно зажмурив глаза, он сжался в комок и стал внушать себе, что снаружи ничего нет, ничего!.. Он настолько сосредоточился на этой мысли, что до его сознания не сразу дошел негромкий стук нового столкновения.

Когда Колин Шеррард наконец решился открыть глаза, он увидел, что космокар уткнулся в каменный горб. Механические руки смягчили толчок — но какой ценой? Хотя капсула здесь была почти невесомой, пятьсот фунтов массы, двигаясь со скоростью около четырех миль в час, развили инерцию, которая оказалась чрезмерной для хрупких конечностей. Одна из них совсем сломалась, вторая безнадежно погнулась.

На мгновение ярость заглушила отчаяние. Он был уверен в успехе, когда космокар заскользил над безжизненной поверхностью Икара. И вот

— полный крах из-за секундной физической слабости... Космос не делает человеку никаких скидок, кто об этом забывает, тому лучше сидеть дома.

Что ж, догоняя корабль, он выиграл у восхода драгоценное время, минут десять, если не больше. Десять минут... Что они ему принесут: продление мучительной агонии — или спасительную отсрочку, которая позволит товарищам найти его?

Скоро он узнает ответ.

Кстати, где они? Наверно, розыски уже начались! Шеррард устремил пристальный взгляд на яркую звезду корабля, надеясь увидеть на фоне медленно вращающегося небосвода огоньки идущих к нему на выручку космокаров. Увы, никого...

Значит, надо взвесить свои собственные скромные возможности. Через несколько минут «Прометей» уйдет за край астероида, исчезнут прожектора, будет полный мрак. Ненадолго. Но, может быть, он еще успеет укрыться от наступающего дня? Вот эта глыба, на которую он налетел, — не годится?

Что ж, в ее тени и впрямь можно отсидеться до полудня. А там?.. Если Солнце пройдет как раз над Шеррардом, его ничто не спасет. Но ведь может

оказаться, что он находится на такой широте, где Солнце в это время икарийского года, длящегося четыреста девять дней, не поднимается высоко над горизонтом. Тогда есть надежда выдержать несколько дневных часов. Больше надеяться не на что — конечно, если товарищи не разыщут его до рассвета.

Ушел за край света «Прометей», и тотчас сильнее засверкали звезды. Но всего ярче, такая прекрасная, что при одном взгляде на нее перехватывало горло, сияла Земля; вот и Луна рядом. На Земле Шеррард родился, по Луне ступал не раз — доведется ли ему когда-либо еще побывать на них?

Странно, до этой секунды ему не приходила в голову мысль о жене и детях, обо всем том, чем он дорожил в такой далекой теперь земной жизни. Даже как-то стыдно. Впрочем, чувство вины тотчас прошло. Ведь, несмотря на сто миллионов космических миль, разделивших его и семью, узы любви не ослабли, просто сейчас было не до этого. Он превратился в примитивное существо, всецело поглощенное битвой за свою жизнь. Мозг был его единственным оружием в этом поединке, сердце могло только помешать, затуманить рассудок, подорвать решимость.

То, что Шеррард увидел в следующий миг, окончательно вытеснило все мысли о далеком доме. Над горизонтом позади него, словно обволакивая звезды молочным туманом, всплыл конус призрачного света — глашатай Солнца, его прекрасная жемчужная корона, видимая на Земле лишь во время полных солнечных затмений. Теперь совсем близка минута, когда Солнце поразит своим гневом этот маленький мир.

Предупреждение было кстати. Теперь Шеррард мог довольно точно определить, в какой точке появится Солнце: и астронавт медленно, неуклюже перебирая обломками металлических рук, отполз туда, где глыба сулила ему лучшую тень. Едва он спрятался, как Солнце зверем набросилось на скалу, все вокруг словно взорвалось светом.

Шеррард поспешил перекрыть смотровое окошко темными фильтрами, чтобы защитить глаза. За пределами широкой тени, которую глыба отбрасывала на поверхность астероида, будто разверзлась раскаленная топка. Беспощадное сияние высветило каждую мелочь в окружающей пустыне. Никаких полутонов — слепящая белизна и кромешный мрак. Ямы и трещины напоминали чернильные лужи, а выступы точно объяло пламя, хотя с начала восхода прошла

всего одна минута.

Неудивительно, что палящий зной миллиарды раз повторявшегося лета выжег из камня весь газ до последнего пузырька, превратив Икар в космическую головешку. «Что заставляет человека, — горько спросил себя Шеррард, — ценой таких затрат и риска пересекать межзвездные пучины ради того, чтобы попасть во вращающуюся гору шлака?» Он знал ответ: то самое, что некогда побуждало людей отправляться к полюсам, штурмовать Эверест, проникать в самые глухие уголки Земли. Приключения заставляли сердце биться чаще, открытая окрыляли душу. Эх, много ли радости в этом сознании теперь, когда он вот-вот будет, точно окорок, поджарен на вертеле Икара.

Первое дыхание зноя коснулось его лица. Глыба, подле которой лежал Колин Шеррард, заслоняла его от прямых солнечных лучей, но прозрачный пластик шлема пропускал тепло, отражаемое скалами. Чем выше Солнце, тем сильнее будет жар... И выходит, у него в запасе меньше времени, чем он думал.

Тупое отчаяние вытеснило страх; Шеррард решил — если хватит выдержки, — дождаться, когда солнечный свет падет на него. Как только термоизоляция космокара сдаст в неравном

поединке — пробить отверстие в корпусе, выпустить воздух в межзвездный вакуум...

А пока можно еще поразмышлять несколько минут, прежде чем тень от глыбы растает под натиском света. Астронавт не стал насиловать мысли, дал им полную волю. Странно, он сейчас умрет лишь потому, что в сороковых годах, задолго до его рождения, кто-то из сотрудников Паломарской обсерватории высмотрел на фотопластинке пятнышко света; открыл и метко назвал астероид именем юноши, который взлетел слишком близко к Солнцу...

Быть может, вот тут, на вздувшейся волдырями равнине, когда-нибудь воздвигнут памятник. Интересно, что они напишут? «Здесь погиб во имя науки инженер-астронавт Колин Шеррард». Это про него-то, который не понимал и половины того, над чем корпели ученые!

А впрочем, они и его заразили своей страстью. Шеррард вспомнил случай, когда геологи, очистив обугленную корку астероида, обнажили и отполировали металлическую поверхность. И глазам их предстал странный узор, линии и черточки, вроде абстрактной живописи декадентов, которые вошли в моду после Пикассо. Но это были осмысленные линии: они запечатлели

историю Икара, и геологи сумели ее прочесть. От ученых Шеррард узнал, что железокаменная глыба астероида не всегда одиноко парила в космосе. Некогда, в очень далеком прошлом, она испытала чудовищное давление, а это могло означать лишь одно: миллиарды лет назад Икар был частью огромного космического тела, быть может, планеты, подобной Земле. Почему-то планета взорвалась; Икар и тысячи других астероидов — осколки этого космического взрыва.

Даже сейчас, когда к нему подползала раскаленная полоса, Шеррард с волнением думал о том, что лежит на ядре погибшего мира, в котором, возможно, существовала органическая жизнь. Следовательно, его дух не один будет витать над Икаром; всетаки утешение.

Шлем затуманился. Ясно: охлаждение сдает. А честно послужило — даже сейчас, когда камни в нескольких метрах от него накалены докрасна, температура внутри капсулы вполне терпима. Конец охлаждающей установки будет и его концом.

Шеррард протянул руку к красному рычагу, который должен был лишить Солнце добычи. Но прежде чем нажать рычаг, хотелось в последний раз посмотреть на Землю. Он осторожно сдвинул

фильтры так, чтобы они, по-прежнему защищая глаза от слепящих скал, не мешали глядеть на небо.

Звезды заметно поблекли, бессильные состязаться с сиянием короны. А как раз над глыбой — его ненадежным щитом — вздымался язык алого пламени, грозно указующий перст самого Солнца.

Последние секунды на исходе...

Вон Земля, вон Луна... Прощайте... Прощайте, друзья и близкие.

Солнечные лучи лизнули край космокара, и первое прикосновение огня заставило Шеррарда непроизвольно поджать ноги. Нелепое и бесполезное движение.

Но что это? В небе над ним, затмевая звезды, вспыхнул яркий свет. На огромной высоте парило, отражая солнечные лучи, исполинское зеркало. Вздор, этого не может быть. Галлюцинация, только и всего, пора кончать. Пот катил с него градом, через несколько секунд космокар превратится в печь, больше ждать невозможно.

Напрягая последние силы, Шеррард нажал рычаг аварийного люка, готовый встретить смерть.

Рычаг не поддался. Астронавт снова и снова нажимал рукоятку, но ее безнадежно заело. А

он-то надеялся на легкую смерть, мгновенный милосердный конец...

Вдруг, осознав весь ужас своего положения, Колин Шеррард потерял власть над собой и закричал, словно зверь в западне.

Услышав тихий, но вполне отчетливый голос капитана Маклеллана, Шеррард сразу понял, что это новая галлюцинация. Все-таки чувство дисциплины и остатки самообладания заставили его взять себя в руки; стиснув зубы, астронавт слушал знакомый строгий голос.

— Шеррард! Держитесь! Мы вас запеленговали, только продолжайте кричать!

— Слышу! — завопил он. — Ради бога, поторопитесь! Я горю!

Рассудок еще не совсем покинул его, и он понял, что произошло. Пеньки обломанных антенн, излучали в эфир слабенький сигнал, и спасатели услышали его крик, а раз он слышит их, значит, они совсем близко! Эта мысль придала ему сил.

Колин Шеррард напряг зрение, пытаясь сквозь туманный пластик разглядеть странное зеркало в небесах. Вот оно! И тут он сообразил, что обманчивость перспективы в космосе сбила его с толку. Зеркало не было исполинским и не парило на огромной высоте. Оно висело как раз над ним,

быстро снижаясь.

Он еще продолжал кричать, когда зеркало заслонило собой лик восходящего Солнца и накрыло его благословенной тенью. Словно прохладный ветер из самого сердца зимы, пролетев многие километры над снегом и льдом, дохнул на него. Вблизи Шеррард сразу определил, что роль зеркала играл большой термоэкран из металлической фольги, поспешно снятый с какого-нибудь прибора. Тень от экрана позволила товарищам искать его, не боясь смертоносных лучей.

Держа одной парой рук экран, над глыбой парил двухместный космокар, две руки протянулись за Шеррардом. И хотя зной еще туманил голову и шлем, астронавт различил обращенное вниз встревоженное лицо капитана Маклеллана.

Так Колин Шеррард узнал, что значит родиться на свет. Конечно, ведь он все равно что заново родился! Предельно измученный, он не ощущал благодарности — это чувство придет потом, — но отрываясь от раскаленного ложа, астронавт отыскал глазами яркий кружок Земли.

— Я здесь, — тихо произнес он. — Я возвращаюсь!

Он возвращался, заранее предвкушая, как будет

радоваться всем прелестям мира, который считал утраченным навсегда. Впрочем, нет, не всем.

Он больше никогда не сможет радоваться лету.

ИЗ СОЛНЕЧНОГО ЧРЕВА

Если вы жили только на Земле, вы не видели Солнца. Конечно, мы смотрели на него не прямо, а через мощные фильтры, которые умеряли его яркость, делая ее терпимой для глаз. Солнце неизменно висело над низкими зазубренными утесами к западу от обсерватории, не восходя и не заходя, лишь описывая небольшой круг на небе за год, который в нашем маленьком мире длился восемьдесят восемь земных дней. Не совсем верно говорить о Меркурии, что он всегда обращен к Солнцу одной стороной: планета чуть покачивается на своей оси, поэтому есть узкий сумеречный пояс, где применимы такие обычные земные понятия, как утренняя и вечерняя заря.

Мы находились на краю сумеречной области; можно было воспользоваться прохладными тенями и вместе с тем постоянно наблюдать Солнце, парящее над утесами. Круглосуточная работа для пяти десятков астрономов и иных научных сотрудников; лет через сто мы, возможно, будем кое-что знать о небольшой звезде, давшей Земле жизнь.

Не было той области солнечного излучения, исследованию которой не посвятил бы свою жизнь кто-нибудь из сотрудников обсерватории; и уж следили мы, как коршуны. От рентгеновских лучей до самых длинных радиоволн — на всех частотах мы расставили свои ловушки и капканы; стоило Солнцу придумать что-нибудь новое — мы уж тут как тут. Так мы полагали...

Пылающее сердце Солнца пульсирует в медленном, одиннадцатилетнем ритме, и как раз приближалась вершина цикла. Два пятна, чуть ли не самые крупные, какие когда-либо наблюдались (одно из них — достаточно большое, чтобы поглотить сто земных шаров), проплыли вдоль солнечного диска, словно исполинские черные воронки, уходящие далеко в глубь беспокойных верхних слоев звезды. Разумеется, черными они казались только рядом с окружающим их ослепительным сиянием; даже их темные, прохладные ядра жарче и ярче вольтовой дуги. Мы как раз проследили, как второе пятно исчезло за краем диска (интересно, уцелеет ли оно, появится ли вновь — через две недели), и вдруг на экваторе выросла шапка взрыва!

Сперва зрелище было не особенно эффектное, потому что выброс произошел как раз в середине

солнечного диска. Случись он возле края, с проекцией на космос, картина, наверно, была бы потрясающая.

Представьте себе одновременный взрыв миллиона водородных бомб. Не можете? Никто не может. И однако же нечто в этом роде видели мы. Прямо к нам из вращающегося солнечного экватора со скоростью сотен миль в секунду мчалось выброшенное взрывом вещество. Сперва — узкой струей, однако края струи быстро превратились в бахрому под действием противоборствующих ей магнитных и гравитационных сил. Но ядро летело дальше, и вскоре стало очевидно, что оно совсем оторвалось от Солнца и устремилось в космос, причем мы — его ближайшая мишень.

Хотя такое случалось уже не раз, мы всегда одинаково волновались. Ведь можно будет поймать толику солнечного вещества летящего с гигантским облаком ионизированного газа. Опасности никакой: пока вещество достигнет нас, оно окажется слишком разреженным, вреда не причинит. Больше того, нужны очень чувствительные приборы, чтобы вообще его обнаружить.

Одним из таких приборов был радар обсерватории; он постоянно нащупывал невидимые

ионизированные слои на миллионы миль опоясавшие Солнце. Это была моя работа. И как только появилась надежда выделить на фоне Солнца надвигающееся облако, я направил на него свое гигантское «радиозеркало».

Вот он, отчетливо виден на «дальнобойном» экране — огромный лучезарный остров, удаляющийся от Солнца со скоростью сотен миль в секунду. Пока не видно никаких подробностей, уж слишком далеко. Волны радара не одну минуту тратили на то, чтобы проделать путь в оба конца и доставить информацию на мой экран. Несмотря на скорость — около миллиона миль в час, — вырвавшийся протуберанец лишь через двое суток достигнет орбиты Меркурия и умчится дальше, к другим планетам. Но ни Венера, ни Земля не отметят его прохождения, так как он пролетит в стороне от них.

Шли часы. Солнце утихомирилось после непостижимой конвульсии, которая безвозвратно извергла столько миллионов тонн материи в межпланетное пространство. А вскоре медленно извивающееся и вращающееся облако размером в сто раз больше Земли окажется достаточно близко, чтобы радар показал нам его строение.

Сколько лет я здесь работаю, а до сих пор не

могу без волнения видеть, как светящийся след, сопряженный с пучком радиоволн передатчика, рисует изображение на экране. Я иногда кажусь себе слепцом, который прощупывает окружающее его пространство палкой длиной в сто миллионов миль. Ведь человек и впрямь слеп, если говорить о предметах, которые я изучаю. Исполинские облака ионизированного газа, улетающие далека прочь от Солнца, вовсе невидимы глазу, их не заметит даже самая чувствительная фотографическая пластинка. Они — призраки, всего лишь несколько часов витающие в солнечной системе. Если бы они не отражали волн, излученных нашими радарами, и не влияли на наши магнитометры, мы бы о них и не знали.

Изображение на экране напоминало фотоснимок спиральной туманности: медленно вращаясь, облако на десятки тысяч миль вокруг разбросало лохматые щупальца газа. А можно сравнить его с наблюдаемым сверху циклоном в атмосфере Земли. Внутреннее строение облака было чрезвычайно сложно, и оно ежеминутно менялось под воздействием сил, далеко не изученных нами. Реки огня скользили в причудливых руслах, которые могли быть созданы только электрическими полями. Но почему они

возникали из ничего и вновь исчезали, точно происходило сотворение и уничтожение материи? И что это за мерцающие гранулы, каждая размером больше Луны, подобные валунам в бурном потоке?

Уже меньше миллиона миль отделяло облако от нас; еще какой-нибудь час, и оно будет здесь. Автоматические съемочные камеры фиксировали каждый кадр на экране радара, накапливая свидетельства, которых нам хватило на много лет спора. Магнитное возмущение, опережающее облако, уже достигло нас; кажется, во всей обсерватории не было прибора, который так или иначе не отзывался бы на стремительное приближение призрака.

Я изменил настройку радара; сразу изображение выросло настолько, что на экране умещалась только его центральная часть.

Одновременно я стал менять частоту импульсов, стараясь различить слои. Чем короче волна, тем глубже можно проникнуть в толщу ионизированного газа. Таким способом я надеялся получить своего рода рентгеновский снимок внутренности облака.

Казалось, оно меняется у меня на глазах по мере того, как я проникал сквозь разреженную

оболочку с ее щупальцами и приближался к более плотному ядру. Слово «плотный» применимо здесь, конечно, лишь относительно; по нашим земным меркам даже самые компактные участки облака были вакуумом. Я почти достиг предела моей шкалы частот и уже не мог получать более коротких волн, когда приметил почти посредине экрана необычный по виду, яркий след отраженного сигнала.

Он был овальный, с четко очерченными краями, гораздо более ясный, чем «гранулы» газа, которые мы видели в струях пламенного потока. С первого взгляда я понял — это что-то странное, необычное, такого еще никто не наблюдал. Электронный луч нарисовал еще дюжину кадров, наконец я подозвал своего ассистента, который стоял у радиоспектрографа, определяя скорости летящих к нам газовых вихрей.

— Глянь-ка, Дон, — сказал я ему. — Видел ты когда-нибудь что-либо подобное?

— Нет, — ответил он, приглядевшись, — Какие силы его образуют? Вот уже две минуты очертания не меняются.

— Это-то меня и озадачивает. Что бы это ни было, ему давно пора распадаться, такая свистопляска вокруг! А оно все остается неизменным.

— А размеры его, по-твоему?

Я включил шкалу и быстро снял показания.

— Длина около пятисот миль, ширина вдвое меньше.

— А покрупнее сделать нельзя?

— Боюсь, что нет. Придется подождать — подойдет ближе, тогда и разглядим, откуда такая плотность.

Дон нервно усмехнулся.

— Нелепо, конечно, — сказал он, — но знаешь, что оно мне напоминает? Точно я разглядываю в микроскоп амебу.

Я не ответил: та же мысль, будто откуда-то извне, пронизала мое сознание.

Мы даже позабыли об остальной части облака, но, к счастью, автоматические камеры продолжали свою работу и ничего не упустили. А мы не сводили глаз с ясно очерченной газовой чечевицы, которая, поминутно увеличиваясь на экране, мчалась к нам. И когда до облака оставалось не больше, чем от Земли до Луны, стали выделяться первые подробности внутреннего строения. Это было какое-то странное крапчатое образование, и каждый последующий кадр развертки давал иную, новую картину.

Уже половина сотрудников обсерватории

столпилась в радарной, но царила тишина, все смотрели, как на экране стремительно растет загадка. Она летела прямо на нас; еще несколько минут — и «амеба» столкнется с Меркурием где-то в его дневной части. Столкнется и погибнет. От первого детального изображения и до той секунды, когда экран снова опустел, прошло не больше пяти минут. Эти пять минут на всю жизнь запомнились каждому из нас.

Мы видели некий прозрачный овал, внутренность которого была пронизана сетью едва видимых линий. В местах пересечения линий словно пульсировали крохотные узелки света. А может быть, это нам только почудилось? Ведь радар тратил почти минуту на то, чтобы дать на экране полное изображение, а объект успевал за это время переместится на несколько тысяч миль. Но сетка существовала, в этом никто не сомневался, и камеры ясно ее запечатлели.

Иллюзия, будто мы смотрим на нечто плотное, была настолько сильна, что я на секунду оторвался от экрана радара и поспешно навел резкость направленного в небо оптического телескопа. Конечно, я ничего не увидел, даже намека на какой— нибудь силуэт на фоне помеченного оспинами солнечного диска. Это был один из тех

случаев, когда глаз оказывается бессильным и только электрические органы чувств радара могут что-то уловить. Летящий к нам из солнечного чрева предмет был прозрачным, как воздух, и куда более разреженным.

Истекали последние секунды; и мы все — я уверен — уже пришли к одному и тому же выводу, ждали только, кто первый его выскажет. Да, это невозможно — и все-таки доказательство у нас перед глазами... Мы видели жизнь там, где жизнь существовать не может!

Извержение вырвало это создание из его обычной среды в недрах пылающей атмосферы Солнца. Оно чудом пережило долгое, путешествие в космосе, но теперь, видимо, умирало, по мере того как силы, управляющие исполинским невидимым телом, теряли власть над ионизированным газом, его единственной субстанцией.

Теперь, когда я сотни раз просмотрел заснятые пленки, мысль эта уже не кажется мне столь необычной. Ведь что такое жизнь, как не организованная энергия? Что за, энергия, не так уж важно — химическая, известная нам по Земле или чисто электрическая, как это, видимо, было тут... Не род субстанции главное, а ее организация. Но тогда я не думал об этом. Потрясенный

сознанием великого чуда я смотрел, как доживает последние секунды это детище Солнца.

Было ли оно разумным? Понимало ли, какой необычный рок его постиг? Можно задать тысячу подобных вопросов, и никогда не получить на них ответа. Трудно допустить, чтобы создание, родившееся в горниле самого Солнца, могло что-либо знать о внешней вселенной или хотя бы вообразить нечто столь невыразимо холодное, как жесткая негазообразная материя. Падающий на вас из космоса живой остров не мог, будь он трижды разумен, представить себе мир, к которому так стремительно приближался.

Уже он заполнил наше небо и, быть может, в эти последние секунды понял, что впереди появилось что-то необычное. То ли воспринял обширное магнитное поле Меркурия, то ли ощутил рывок гравитационных сил нашего маленького мира. Во всяком случае, он стал меняться: светящиеся волокна (хочется сравнить их с нервной системой) стягивались вместе, образуя новые узоры, смысл которых я бы не прочь разгадать. Быть может, я заглянул в мозг не наделенного разумом чудовища, охваченного страхом, или небожителя, который прощался со вселенной...

И вот экран радара пуст, светящийся след все

с него стер в своем беге. Создание упало за пределами нашего горизонта, скрытое кривизной планеты. Где-то на жаркой дневной стороне Меркурия, в аду, куда сумело проникнуть всего человек десять — и еще меньше вернулось живыми, — оно незримо и беззвучно разбилось о моря расплавленного металла, о горы медленно ползущей лавы. Сам по себе удар для такого существа не играл никакой роли, но встреча с непостижимым холодом плотной материи оказалась роковой.

Да, да, холодом. Оно упало в самом жарком месте солнечной системы, температура здесь никогда не опускается ниже семисот градусов по Фаренгейту, а порой достигает и тысячи. Но для него это было несравненно холоднее, чем для обнаженного человека самая суровая арктическая зима.

Мы не видели его смерти в леденящем пламени, существо очутилось за пределами досягаемости наших приборов, ни один из них не зарегистрировал кончины. И все-таки каждый из, нас знал, когда наступила та секунда, вот почему мы безучастно слушаем тех, кто смотрел только фильмы, но уверяют нас, будто мы наблюдали обыкновенное природное явление.

Как описать, что мы ощущали в тот последний миг, когда половина нашего маленького мира была опутана распадающимися щупальцами исполинского, хотя и бестелесного, мозга? Могу только сказать, что это было вроде беззвучного крика, исполненного предельной тоски, выражение смертной муки, которое проникло в наше сознание, минуя ворота чувств. Ни тогда, ни после никто из нас не сомневался, что был свидетелем гибели гиганта.

Быть может, мы первые и последние люди, кому довелось наблюдать столь величественную кончину. Кем бы они ни были, эти обитатели невообразимого мира в солнечных недрах, возможно, что наши пути уже никогда более не скрестятся. Трудно представить себе, чтобы мы могли вступить в контакт с ними, даже если их разум превосходит наш.

И так ли это? Может быть, нам же лучше не знать ответа… Возможно, они живут внутри Солнца со времени зарождения вселенной и достигли таких вершин мудрости, на какие нам никогда не подняться. Быть может, будущее принадлежит им, а не нам, быть может, они уже переговариваются через тысячи световых лет со своими собратьями внутри других звезд.

Настанет, возможно, день, когда они посредством того или иного присущего им особенного чувства обнаружат нас, вращающихся вокруг их могучей древней родины, нас, гордых своими знаниями, почитающих себя властелинами мироздания. И возможно, открытие их не обрадует, ведь для них мы будем всего лишь червяками, точащими кору планет, которые чересчур холодны, чтобы своими силами очиститься от заразы органической жизни.

И тогда, если это в их силах, они сделают то, что сочтут нужным. Солнце покажет свою мощь и оближет лица своих детей, и планеты продолжат путь такими, какими были изначально: чистыми, гладкими... и стерильными.

СМЕРТЬ И СЕНАТОР

Никогда еще весенний Вашингтон не казался ему таким прекрасным... Последняя весна, мрачно подумал сенатор Стилмен. Даже теперь, хотя слова доктора Джордена не оставляли места для сомнений, трудно было примириться с истиной. Прежде он всегда находил выход, пусть полный крах порой казался неизбежным. Если его предавали люди, он увольнял их, даже сокрушал в назидание другим. На этот раз измена таилась в нем самом. Так и кажется, что чувствуешь тяжелый ход своего сердца, а вскоре оно и вовсе остановится. Нет никакого смысла готовиться к президентским выборам; хорошо, если он доживет до выдвижения кандидатур...

Конец мечтам и честолюбию, и нет утешения в мысли о том, что рано или поздно всех ждет конец. Рано, слишком рано! Недаром Сесиль Роде — один из его идеалов — воскликнул перед смертью: «Столько дела — и так мало времени отведено!» Роде не дожил и до пятидесяти лет; он намного старше, а совершил гораздо меньше.

Машина увозила его прочь от Капитолия. В

этом есть что-то символическое, но лучше не задумываться... Вот и Нью-Смитсониен, могучий комплекс музеев, которые ему было вечно некогда посетить, а ведь сколько раз проезжал мимо за те годы, что прожил в Вашингтоне. Сколько упущено в непрестанной погоне за властью, с горечью сказал он себе. Мир культуры и искусства был по сути дела закрыт для него, и ведь это лишь часть цены. Он стал чужим в собственной семье, растерял былых друзей. Любовь принесена в жертву на алтарь честолюбия, а жертва оказалась напрасной. Есть ли на всем свете хоть один человек, который станет оплакивать его кончину?

Конечно, есть. У него стало легче на душе, чувство беспредельного одиночества поумерилось. Беря телефонную трубку, сенатор со стыдом подумал, что вынужден справиться о номере у секретаря, хотя память удерживает множество куда менее важных вещей...

(Вот Белый дом, залитый ярким светом весеннего солнца. Впервые в жизни он скользнул по нему равнодушным взглядом. Белый дом уже принадлежал иному миру — миру, до которого ему больше нет и не будет дела.) В автомобиле не было видеоустройства, но сенатор и без того уло-

вил оттенок удивления и даже намек на радость в голосе Айрин.

— Здравствуй, Рени, как вы там поживаете?

— Отлично, папа. Когда мы тебя увидим?

Вежливая формула, к которой дочь всегда прибегала в тех редких случаях, когда он звонил. И всегда, исключая рождество или дни рождения, сенатор отвечал неопределенным обещанием как-нибудь заглянуть...

— Я хотел спросить, — произнес он медленно, извиняющимся тоном, — можно ли, заехать за ребятишками. Давно мы с ними нигде не были, и надоело все сидеть в канцелярии.

— Конечно, заезжай! — Голос Айрин потеплел. — Они будут рады. Когда тебя ждать?

— Давай завтра. Приеду около двенадцати и повезу их в зоопарк или Смитсониен, куда захотят.

Вот тетерь она изумилась — ведь он один из самых занятых людей в Вашингтоне, его время расписано на недели вперед. Будет спрашивать себя, что произошло; хоть бы не догадалась. Да нет, не должна, ведь даже его секретарь ничего не знает об острых болях, которые в конце концов вынудили сенатора обратиться к врачу.

— Чудесно! Как раз вчера они говорили о тебе, спрашивали, когда же ты опять приедешь.

Глаза сенатора увлажнились. Хорошо, что Рени его не видит.

— Значит, в полдень, — поспешно сказал он, боясь, как бы голос не выдал его. — Обнимаю вас всех.

Он отключился, не дожидаясь ответа, и со вздохом облегчения откинулся на спинку сиденья. Первый шаг к перестройке свой жизни сделан — без всякой подготовки, вдруг. Он упустил собственных детей, но мост, соединяющий его со следующим поколением, цел. В оставшиеся месяцы нужно хотя бы сберечь и укрепить этот мост.

Вряд ли доктор посоветовал бы ему пойти в Музей естественной истории с двумя любознательными непоседами, но он с этим не считался. Джо и Сьюзен заметно подросли с их последней встречи, требовалось не только физическое, но и умственное напряжение, чтобы поспевать за ними. Едва войдя в ротонду, дети галопом бросились к огромному слону, занимавшему самое видное место в мраморном зале.

— Что это? — вскричал Джо.

— Это же слон, дурачок, — снисходительно ответила Сьюзен; ведь ей уже было целых семь лет.

— Знаю, что слон, — отрезал Джо. — А как его

зовут?

Сенатор Стилмен обратился к дощечке, но не нашел там ответа. Самое время действовать по принципу: «Смелость города берет».

— Его зовут, гм, Джумбо! — выпалил он. — Погляди, какие клыки!

— А у него болели зубы?

— Что ты, никогда.

— А как он чистил зубы? Мама говорит, если я не буду чистить зубы...

Стилмен угадал, куда клонит Джо и поспешил переменить тему.

— Дальше будет еще много интересного! С чего начнем с птиц, змей, рыб, млекопитающих?

— Змей! — решительно потребовала Сьюзен. — Я хотела посадить змею в банку, а папа не позволил. Ты попроси его, может, он передумает?

— А что такое — млекопитающий? — спросил Джо, прежде чем Стилмен успел придумать ответ для Сьюзен.

— Пойдемте, — твердо сказал он. — Я покажу.

Они шли по залам и переходам, дети сновали от одного экспоната к другому, и на душе у сенатора было хорошо. Ничто не действует на человека так умиротворяюще, как музей; здесь все повседневное обретает свои истинные размеры. Изобрета-

тельность волшебницы-природы неисчерпаема, и ему вспомнились забытые было истины. Он всего лишь один из миллиона миллионов обитателей планеты Земля. Весь человеческий род с его чаяниями и тревогами, победами и безрассудствами — быть может, только эпизод в истории мира. Стоя перед чудовищным скелетом диплодока (даже дети благоговейно примолкли), он ощутил дыхание вечности. И с улыбкой подумал о своем честолюбивом убеждении, будто он — тот человек, который нужен нации. ***Какой*** нации, коли на то пошло? Декларация о независимости подписана всего каких-нибудь двести лет назад, а вот этот древний американец пролежал в земле Уты сто миллионов лет...

Он устал к тому времени, когда они вошли в Зал океанической жизни, где выразительный экспонат подчеркивал, что на Земле и в наши дни есть животные, превосходящие размерами все известное в прошлом. Девяностофутовый кит, житель пучин, и прочие стремительные охотники морей напомнили ему часы, которые он провел на маленькой, влажно блестящей палубе, под крылатым белым парусом. Хорошо — плеск рассекаемой килем воды, вздохи ветра в снастях. Тридцать лет как не ходил на яхте; еще

одна радость, которой он пренебрег.

— Я их не люблю, рыб этих, — пожаловалась Сьюзен. — Хочу к змеям пойти!

— Сейчас, — ответил он. — И куда ты спешишь? У нас еще много времени.

Он сам не заметил, как у него вырвались эти слова. Сенатор размеренным шагом побрел дальше, а дети умчались вперед. Вдруг он улыбнулся, улыбнулся без горечи. Что ж, в каком-то смысле это верно. Времени, действительно, много. Каждый день, каждый час может вместить в себя целый мир впечатлений, нужно только разумно их тратить. В последние недели своей жизни он начнет жить.

Пока никто в конторе ничего не заподозрил. Даже его вылазка с внуками не вызвала особенного удивления; случалось и прежде, что он вдруг отменял все деловые встречи, предоставляя своим помощникам выкручиваться. До сих пор в его действиях не было ничего необычного, но через несколько дней приближенным станет ясно: что-то случилось. Он обязан возможно скорее сообщить им — и своим политическим коллегам — неприятную новость; но прежде чем сворачивать свои дела, надо основательно обдумать и решить множество личных вопросов.

И еще одно заставляло его медлить. За всю свою карьеру он почти не знал неудач и никого не щадил в острых политических схватках. Теперь, перед лицом конечного краха, он с ужасом думал о потоке соболезнований, который тотчас обрушат на него многочисленные противники. Глупо, конечно, остаток непомерного самолюбия, которое слишком крепко сидит в нем, чтобы исчезнуть даже перед лицом смерти.

Больше двух недель он хранил тайну. На заседаниях комиссии, в Белом доме, в Капитолии, в лабиринтах вашингтонского света сенатор играл, как никогда еще за всю свою карьеру, и некому было оценить его игру. Наконец программа действий была разработана, оставалось только отправить несколько писем, которые он сам написал от руки, и позвонить жене.

Секретариат отыскал ее в Риме. Глядя на возникшее на экране лицо, сенатор подумал, что она еще хороша собой, вполне достойна звания Первой Дамы государства — супруги президента — и это отчасти вознаградило бы ее за утерянные годы. Кажется, она мечтала об этом — впрочем, разве он когда-нибудь знал по-настоящему, о чем она мечтает?

— Здравствуй, Мартин, — сказала жена. — Я

ждала твоего звонка. Хочешь, чтобы я приехала?

— А ты? — тихо спросил он.

Мягкость его голоса заметно ее удивила.

— Было бы глупо ответить «нет», верно? Но если тебя не изберут, я уеду опять. Ты уж не возражай.

— Меня не изберут. Даже не выдвинут моей кандидатуры. Ты первая, кому я об этом говорю, Диана. Через полгода меня не будет в живых.

Жестокая откровенность, но он намеренно так поступил. Доля секунды, которая требовалась радиоволнам, чтобы достичь спутников связи и вернуться на Землю, никогда еще не казалась ему столь долгой. А затем — да, впервые ему удалось сорвать эту красивую маску. Ее глаза расширились, одну руку она порывисто прижала к губам.

— Ты шутишь!

— Такими вещами? Нет, это правда. Сердце износилось. Мне сказал об этом две недели назад доктор Джорден. Конечно, я сам виноват, но не будем сейчас вдаваться в подробности.

— Вот почему ты всюду водишь внуков... Я не могла понять, в чем дело.

Можно было ждать, что Айрин позвонит матери. Но до чего дошел Мартин Стилмен, если внимание к собственным внукам насторожило

его близких!..

— Да, — откровенно признался он. — Боюсь, я поздно спохватился. Теперь пытаюсь наверстать упущенное. Все остальное меня как-то не волнует.

Они молча глядели в глаза друг другу, разделенные кривизной земного шара и пустыней лет, проведенных врозь. Потом Диана ответила дрогнувшим голосом:

— Я начинаю собираться.

Теперь, когда его секрет был всеобщим достоянием, сразу стало легче на душе. Даже сочувствие противников оказалось не так уж трудно переварить. Тем более что противников вдруг не стало. Люди, годами поминавшие его только бранными словами, слали письма, в искренности которых нельзя было сомневаться. Старые ссоры забывались или оказывались основанными на недоразумениях. Жаль, что об этом узнаёшь только перед смертью...

Он узнал также, что не так-то просто умирать, когда ты занимаешь видный пост, нужно основательно потрудиться: подобрать преемников, распутать правовые и финансовые узлы, закончить дела в комиссии, в государственных органах. Дело, которому отдана целая жизнь,

нельзя оборвать вдруг поворотом выключателя. Просто поразительно, сколько у него накопилось обязанностей и как трудно от них избавиться. Он никогда не любил делиться с кем-либо своей властью (и многие подчеркивали этот роковой недостаток в человеке, который собирался стать президентом), сейчас нужно было с этим поспешить, пока власть не выскользнула навсегда из его рук.

Словно кончался завод больших часов и некому подкрутить пружину. Передавая свои папки, читая и уничтожая старые письма, закрывая ненужные счета и дела, диктуя последние наставления, составляя прощальные заметки, он порой ловил себя на том, что все происходящее кажется ему нереальным. Боли прошли, и будто впереди еще много лет деятельной жизни. Но путь в будущее преградили какие-то закорючки на кардиограмме — словно шлагбаум или анафема на загадочном языке, понятном лишь докторам.

Почти ежедневно Диана, Айрин или ее муж привозили к нему внуков. Прежде он плохо ладил с Биллом, теперь убедился, что сам был в этом повинен. Нельзя требовать от зятя, чтобы он заменил сына, несправедливо винить Билла в том, что тот не годится для роли Мартина

Стилмена-младшего. Билл человек вполне самостоятельный, он хорошо заботится об Айрин, она счастлива с ним, у них есть дети. Конечно, отсутствие честолюбия изъян (полно, изъян ли?), но такой, который можно простить.

Он мог даже без горечи и боли думать о собственном сыне, который раньше него закончил свой жизненный путь и покоился — один крест среди многих — на кладбище ООН в Кейптауне. Ему не довелось побывать на могиле Мартина. Когда у него было время для этого, белый человек не пользовался любовью в бывшей Южно-Африканской Республике. Теперь можно съездить — но вправе ли он подвергать таким страданиям Диану? Его недолго будут преследовать воспоминания, ей же еще много лет жить с ними...

Все-таки надо посетить Кейптаун, это его долг. А для внуков это будет настоящий праздник, увлекательное путешествие в неведомый край, ничуть не омраченное мыслями об умершем дяде, ведь они его никогда не видели. И он начал собираться в путь, но тут опять — во второй раз за месяц — в его жизни все перевернулось вверх дном.

Даже теперь у дверей его кабинета каждое утро ожидал десяток-другой посетителей. Не так мно-

го, как в былые дни, однако вполне достаточно. Но чтобы среди них оказался доктор Хакнесс?!.

При виде этой худой нескладной фигуры он невольно замедлил шаг. Кровь ударила в лицо и сердце забилось чаще от воспоминания о былых схватках на заседаниях комиссии и бурных радиотелефонных разговорах, от которых в эфире искры летели. Тут же он взял себя в руки. Все это позади, ушло безвозвратно — во всяком случае для него.

Хакнесс встал и нерешительно подошел к нему. За последние недели Стилмен привык к этому: каждый, кого он встречал, испытывал замешательство и неловкость от старания избежать запретной темы.

— Здравствуйте, доктор, — сказал он. — Ничего не скажешь: сюрприз. Вот не ждал увидеть здесь вас.

Он не мог удержаться от этого маленького выпада, и приятно было убедиться, что стрела попала в цель. Впрочем, укол был безболезненным, он понял это по улыбке доктора.

— Сенатор, — Хакнесс говорил очень тихо, Стилмену пришлось даже нагнуться, чтобы его расслышать. — У меня есть для вас чрезвычайно важное известие. Мы можем переговорить на-

едине? Всего несколько минут.

Стилмен кивнул, хотя у него было свое собственное мнение — что теперь важно, а что нет, и слова ученого не пробудили в нем особенного любопытства.

Хакнесс заметно изменился с их последней встречи семь лет назад. Теперь он выглядел куда более уверенным в себе, даже самонадеянным, исчезла нервозность, из-за которой его свидетельские показания звучали так неубедительно.

— Сенатор, — заговорил гость, едва они вошли в кабинет. — То, что я сейчас скажу, потрясет вас. По-моему, вас можно вылечить.

Стилмен тяжело упал в кресло. Этого он никак не ожидал. С самого начала он твердо сказал себе: никаких тщетных надежд, только глупец тратит силы на борьбу с неотвратимым — и примирился с судьбой.

На мгновение он онемел, потом взглянул на своего старого врага и через силу заговорил:

— Откуда вы это взяли? Все мои врачи...

— Бог с ними, они не виноваты, что отстали на десять лет. Посмотрите вот это.

— Что это такое? Я не понимаю по-русски.

— Последний выпуск советского «Вестника Космической Медицины». Пришел несколько дней

назад, и мы сразу, как обычно, сделали перевод. Вот, я отчеркнул, заметка о новейших исследованиях на космической станции «Мечников».

— Что за станция?

— Как, вы не знаете? Это же их Космическая больница, они смонтировали ее как раз под Большим радиационным поясом.

— Продолжайте. — Стилмен говорил с трудом. — Просто я забыл название.

Он надеялся спокойно закончить свою жизнь, но прошлое настигло его...

— Конечно, заметка довольно скупая, но многое можно вычитать между строк. Это, так сказать, первая ласточка, чтобы закрепить за собой приоритет, пока будет написан полный отчет. Заголовок: «Терапевтическое воздействие невесомости на болезни кровеносной системы». Они искусственно вызывали сердечные заболевания у кроликов и хомяков, потом забрасывали их на космическую станцию. Там же, на орбите, все невесомо, нагрузки на сердце и мышцы почти никакой. А в итоге — то самое, что я пытался втолковать вам еще несколько лет назад. Приостанавливается развитие даже самых тяжелых заболеваний, а многие и вовсе излечиваются.

Небольшой кабинет с полированными панелями, который столько лет был центром его мира, ареной множества совещаний, кузницей всевозможных планов, вдруг стал нереальным. Воспоминания были куда ярче: он снова был на заседании, состоявшемся осенью 1969 года, когда обсуждали — и яростно критиковали — итоги первых десяти лет деятельности Национального управления аэронавтики и космонавтики.

Он никогда не занимал поста председателя сенатской Комиссии по астронавтике, зато был ее самым деятельным и речистым членом. Именно там он завоевал славу блюстителя казны, человека трезвого, которого никаким ученым мечтателям-утопистам не провести. Он вполне преуспел, и с тех пор его имя редко сходило с первых полос. И не потому, чтобы он очень увлекался наукой и космосом, просто у него было безошибочное чутье на злободневные вопросы.

Точно в его мозгу включилась запись давнишних событий...

— Доктор Хакнесс, вы — Технический директор Национального управления аэронавтики и космонавтики?

— Совершенно верно.

— Здесь передо мной лежат данные о расходах

НУАК за период 1959-1969 годов, цифры внушительные. Истрачено 82 547 450 000 долларов, на 1969/70 финансовый год вы запрашиваете более десяти миллиардов. Хотелось бы услышать, что мы можем ожидать взамен?

— С удовольствием расскажу, сенатор.

Так начался тот разговор: строго, но не враждебно. Враждебные нотки появились чуть погодя. Он сам знал, что они неоправданны: у любой большой организации бывают слабости и неудачи. А когда речь идет об организации, которая в буквальном смысле слова метит в звезды, стопроцентного успеха требовать нельзя. С самого начала было ясно, что штурм космоса обойдется в деньгах и в человеческих жизнях по меньшей мере так же дорого, как завоевание воздуха. За десять лет погибло около ста человек — на Земле, в космосе, на бесплодной поверхности Луны. И теперь, когда поунялась лихорадка, отличавшая начало шестидесятых годов, общественность начала задавать вопрос: «Ради чего?». Стилмен сразу смекнул, что не худо стать рупором вопрошающих голосов. Он действовал холодно и расчетливо; требовался козел отпущения — к несчастью доктора Хакнесса, он был словно создан для этой роли.

— Хорошо, доктор Хакнесс, я понимаю, как много сделали космические исследования для улучшения коммуникаций и прогнозов погоды. Уверен, что все это ценят. Но это почти целиком достигнуто с помощью автоматических ракет без экипажа. Меня — и не только меня — тревожит иное: огромные расходы на программу «Человек в космосе» и ее весьма ограниченная отдача. Начиная с первых циклов программы — «Дай-на-Сор» и «Аполлон», — мы запустили в космос миллиарды долларов. А итог? Горстка людей может провести несколько не таких уж приятных часов за пределами атмосферы и достичь при этом не более того, что можно сделать с помощью телевидения и автоматических приборов — притом гораздо лучше и дешевле. А человеческие жертвы? Никто из нас не забудет криков, которые неслись в эфир, когда ИКС-21 сгорел, возвращаясь на Землю. Что дает нам право посылать людей на такую смерть?

Он хорошо помнил напряженную тишину, которая воцарилась в зале заседаний после его выступления. Он задал обоснованные вопросы, и на них надо было отвечать. Разумеется, нечестно было облекать их в столь риторическую форму, а главное — припирать к стене человека, не

способного постоять за себя. Против фон Брауна или, скажем, Риковера Стилмен никогда бы не применил такую тактику, они сумели бы дать ему сдачи. Но Хакнесс не обладал даром оратора; если он и был способен на сильные чувства, то держал их про себя. Он был видный ученый, способный организатор — и никудышный докладчик. Хакнесс оказался легкой добычей для Стилмена. Газетчики наслаждались; кто-то из них поспешил приклеить ему прозвище: неудачник Хакнесс.

— Теперь, доктор, о вашей космической лаборатории на пятьдесят человек... Во сколько она обойдется?

— Я уже говорил: около полутора миллиардов.

— А ежегодные эксплуатационные расходы?

— Не больше двухсот пятидесяти миллионов.

— Вы извините нас, если мы, учитывая судьбу прежних расчетов, отнесемся к этим цифрам с известным недоверием. Но даже если допустить, что расчет верен, — что мы получим за эти деньги?

— Мы сможем учредить нашу первую крупную исследовательскую лабораторию в космосе. До сих пор приходилось ставить эксперименты в тесных кабинах плохо приспособленных кораб-

лей, выполняющих, как правило, другие задания. Нужна постоянная лаборатория-спутник с людьми на борту. Без этого не будет дальнейшего прогресса. Астробиология не может развернуться по-настоящему...

— Астро... как вы сказали?

— Астробиология, изучение живых организмов в космосе. Русские основали эту науку, когда запустили на Втором спутнике Лайку, и они попрежнему опережают нас в этой области. Однако исследование насекомых и беспозвоночных, по сути дела, еще не начиналось. Вообще изучались только собаки, мыши, обезьяны.

— Понятно. Правильно ли будет сказать, что вы просите ассигнований на создание зоопарка в космосе?

Смех, прокатившийся по залу, помог похоронить проект. И его самого, подумал теперь Стилмен...

И кроме себя, некого упрекать. Доктор Хакнесс, пусть не очень убедительно, пытался обрисовать выгоды, которые могла бы дать космическая лаборатория. Особенно он подчеркнул медицинскую сторону вопроса, ничего определенного не обещал, но перечислил возможности. Так, хирурги, по его словам, могли бы разработать новые

операции в условиях, где все органы невесомы; свободный от груза тяготения человек будет, вероятно, жить дольше, ведь сердцу и мышцам там придется гораздо легче. Да-да, он говорил и о сердце, но это нисколько не занимало тогда сенатора Стилмена — здорового, честолюбивого, озабоченного тем, чтобы дать хороший материал газетам...

— Почему вы пришли ко мне с этой новостью? — глухо сказал он. — Нельзя было дать мне умереть спокойно?

— В том-то и дело, что рано терять надежду! — нетерпеливо ответил Хакнесс.

— Только потому, что русские вылечили несколько хомяков и кроликов?

— Они сделали гораздо больше. Я показал вам предварительные сообщения, новости годичной давности. Они не хотят возбуждать ложных надежд, вот и не шумят.

— Откуда вам это известно?

На лице Хакнесса отразилось недоумение.

— Очень просто: я позвонил своему коллеге, профессору Станюковичу. Он сейчас на станции «Мечников», уже это показывает, сколь большое значение они придают этим исследованиям. Мы с ним старые друзья, и я позволил себе сказать о

вашей болезни.

Проблеск надежды может произвести действие столь же мучительное, как и ее исчезновение. Вдруг стеснилось в груди... Уж не последний ли это приступ? Но судорога, вызванная волнением, тотчас прошла, звон в ушах стих, и он услышал голос доктора Хакнесса:

— Он спросил, можете ли вы сейчас прибыть в Астроград. Я обещал узнать. Если вы готовы, завтра утром есть подходящий рейс, в десять тридцать из Нью-Йорка.

Завтра он обещал поехать с внуками в зоопарк; впервые он их подведет. Чувство вины кольнуло его, и понадобилось некоторое усилие, чтобы ответить:

— Я готов.

Несколько минут огромный межконтинентальный ракетоплан, постепенно гася скорость, падал вертикально вниз из стратосферы, но полюбоваться Москвой сверху не пришлось. На время посадки телеэкраны выключались, пассажиры очень плохо переносили зрелище летящей навстречу земли.

В Москве он пересел в уютный, хотя и несколько устаревший турбовинтовой самолет. Летя на восток, навстречу ночи, он наконец смог улучить

минуту, чтобы поразмыслить. Казалось бы, чего тут колебаться, и все же: так ли уж он рад тому, что его участь оказалась под вопросом? Совсем недавно все было предельно просто, а теперь жизнь вдруг опять усложнилась, открылись возможности, на которых он уже поставил крест. Прав был доктор Джонсон: ничто не действует так умиротворяюще на душу человека, как сознание того, что завтра его повесят. Во всяком случае, обратное справедливо: ничто не вызывает такого смятения, как мысль о возможной отмене приговора.

Сенатор спал, когда они приземлились в Астрограде, «космической столице» СССР. Разбуженный легким толчком, он в первый миг не мог понять, где находится. Уж не приснилось ли ему, что он облетел вокруг половины земного шара в погоне за жизнью? Нет, это не сон, но погоня вполне может оказаться тщетной.

Двенадцать часов спустя он все еще ждал ответа. Сняты показания приборов, кончилась полная грозного смысла пляска световых пятнышек на экране кардиографа. Привычная обстановка медицинского обследования и тихие, уверенные голоса врачей и сестер помогли ему успокоиться. Он отдыхал в неярко освещенной приемной,

где его попросили обождать, пока совещаются специалисты. Только русские журналы да портреты бородатых пионеров советской медицины напоминали, что он не у себя на родине.

Сенатор был не единственным пациентом. Человек двенадцать мужчин и женщин всех возрастов сидели вдоль стены с журналами в руках, стараясь выглядеть непринужденно. Никто не разговаривал и не пытался привлечь внимания остальных, каждый замкнулся в своей хрупкой скорлупе, взвешенный между жизнью и смертью. Несчастье объединяло их, но не располагало к общению. Казалось, их отделяет от остального человечества такая же пропасть, как если бы они уже летели в космические дали, где крылась их единственная надежда.

Но в дальнем углу комнаты можно было видеть исключение. Молодые люди — от силы двадцать пять лет каждому — прильнули друг к другу с видом такого отчаяния, что поначалу только раздражали Стилмена. Как ни тяжело их горе, строго сказал он себе, нужно же с другими считаться. Надо уметь скрывать свои чувства, особенно в таком месте.

Однако досада быстро сменилась жалостью. Кто может равнодушно смотреть на страдания

двух искренне любящих сердец? В полной тишине, прерываемой лишь шелестом страниц да скрипом стульев, текли минуты, и постепенно его сочувствие переросло в душевную боль.

Интересно, кто они? У молодого человека нервные умные черты; возможно, художник, или ученый, или музыкант — трудно сказать. Его подруга ждет ребенка. Простое крестьянское лицо, как у многих русских женщин... Ее нельзя назвать красавицей, но грусть и любовь придали ей необычную прелесть. Стилмен не мог оторвать от нее глаз; казалось бы, никакого сходства, и все-таки она чем-то напоминала ему Диану. Тридцать лет назад, когда они вместе выходили из церкви, он видел тот же свет в глазах своей жены. Он почти успел его забыть. Кто виноват в том, что свет потускнел — она или он сам?

Вдруг кресло под ним вздрогнуло. Неожиданный сильный толчок тряхнул здание, будто где-то за много миль ударил по земле исполинский молот. Землетрясение? Но тут же Стилмен вспомнил, где находится, и стал считать секунды.

На шестидесятой он сдался: видимо, звукоизоляция настолько надежна, что воздушная звуковая волна до него не дошла. Лишь ударная волна, передавшись сквозь почву, говорила о том,

что в небо ушел тысячетонный груз. А еще через минуту он услышал далекий, но явственный звук — словно где-то на краю света бушевала гроза. Выходит, расстояние намного больше, чем он думал. Какой же гул стоит в месте запуска?..

Но Стилмен знал: когда он взлетит в небо, гром не будет его беспокоить, стремительная ракета опередит звук. И перегрузки он не почувствует, ведь его тело будет покоиться в ванне, наполненной теплой водой. Удобнее даже, чем в этом мягком кресле.

Далекий гул еще несся от рубежей космоса, когда отворилась дверь и сестра поманила сенатора. Он чувствовал, как много глаз провожают его, но не обернулся, идя за приговором.

На всем пути обратно из Москвы телеграфные агентства настойчиво пытались связаться с ним, но он отказывался подойти к радиотелефону.

— Скажите, я сплю и меня нельзя беспокоить, — попросил он стюардессу.

Кто напустил их? — спрашивал он себя. Его злило это вторжение в его личную жизнь, а ведь сколько лет он чурался уединения и лишь за последние недели познал его прелесть. Так можно ли корить репортеров и комментаторов, если они считают его прежним Стилменом?

Когда ракетоплан приземлился в Вашингтоне, сенатора ждали. Он знал большинство журналистов по имени, среди них были старые друзья, искренне обрадованные новостью, которая опередила его.

— Ну как, сенатор, — спросил Маколей из «Таймс», — приятно вернуться в строй? Ведь это верно, русские берутся вас вылечить?

— Они хотят попробовать, — осторожно ответил Стилмен. — Речь идет о новой области медицины, точно ничего сказать нельзя.

— Когда вы отправляетесь в космос?

— Через несколько дней, как только улажу здесь кое-какие дела.

— И когда вы вернетесь, если лечение поможет?

— Трудно сказать. Даже если все пройдет благополучно, я пробуду там не меньше полугода.

Он невольно взглянул на небо. На рассвете и на закате — даже днем, если точно знать, куда смотреть, — «Мечников» отчетливо выделялся на небе, он был ярче любой звезды. Впрочем, теперь спутников стало так много, что только специалист мог отличить один от другого.

— Полгода, — произнес один из журналистов. — Значит, выборы семьдесят шестого года прой-

дут без вас.

— Ничего, впереди еще восьмидесятый, — возразил другой.

— И восемьдесят четвертый, — добавил третий под общий смех: стало уже обычным острить по поводу года, который читателям романа «1984» некогда казался очень далеким и который (дай бог!) довольно скоро уйдет в прошлое как рядовой год.

Уши и микрофоны ждали ответа сенатора. Стоя у трапа, вновь очутившись в центре всеобщего внимания, он ощутил былой подъем. Это будет эффектно: он вернется из космоса новым человеком и опять выйдет на политическую арену! Кто из кандидатов сможет соперничать с ним!.. Он уже чувствовал себя жителем Олимпа, полубогом и заранее представлял себе, как использует это в предвыборной кампании.

— Дайте мне время во всем разобраться, — сказал он. — Потом я займусь планами. Обещаю, мы еще встретимся до того, как я покину Землю.

«До того, как я покину Землю». Отличная, драматическая фраза. Он все еще в уме смаковал ее ритм, когда увидел выходящую из здания аэропорта Диану.

Она уже переменилась (да и он сегодня не тот,

каким был вчера). В ее глазах появились настороженность и отчужденность, которых не было два дня назад. Яснее любых слов лицо Дианы говорило: «Значит, все начинается сызнова?» И хотя день был теплый, ему вдруг стало холодно, точно он простудился на далеких сибирских равнинах.

Но Джо и Сьюзен с прежним пылом бросились к деду. Он подхватил их, обнял и спрятал лицо в пушистых волосах, чтобы камеры не заметили внезапно брызнувших слез. И, ощутив теплые токи чистой, бескорыстной детской любви, он понял, какой выбор сделает.

Только внуки видели его свободным от зуда честолюбия — так пусть же навсегда запомнят его таким, если они вообще будут его помнить.

— Вы заказывали селекторный разговор, мистер Стилмен, — доложил секретарь. — Включаю на ваш личный экран.

Повернувшись вместе с креслом, сенатор очутился лицом к лицу с серым прямоугольником на стене. Одновременно прямоугольник раскололся пополам. В правой половине он видел кабинет, напоминающий его собственный и удаленный от него всего на несколько миль. Зато в левой...

Профессор Станюкович, одетый лишь в шорты и фуфайку, парил в воздухе в полуметре над сво-

им креслом. При виде посторонних он ухватился за спинку, подтянулся, сел и пристегнулся матерчатым поясом. Позади него выстроилась целая батарея различных аппаратов. А за переборкой простирался космос.

Первым, с правого экрана, заговорил доктор Хакнесс.

— Мы ждали вашего звонка, сенатор. Профессор Станюкович говорит, что все готово.

— Следующий корабль будет через два дня, — сказал русский ученый. — С ним я возвращусь на Землю, но надеюсь сперва встретить вас на станции.

Его голос звучал неожиданно звонко в оксигелиевой атмосфере. Но только это и напоминало о расстоянии, помехи отсутствовали. Хотя Станюкович был в тысячах миль от Земли и мчался в космосе со скоростью четырех миль в секунду, его было видно так хорошо, словно он сидел в одном кабинете со Стилменом. Сенатор слышал даже тихое жужжание электромоторов в отсеке ученого.

— Профессор, — заговорил Стилмен, — мне хотелось бы сперва задать несколько вопросов.

— Пожалуйста!

Вот теперь расстояние дало себя знать: ответ

Станюковича дошел не сразу; видимо, станция сейчас летит над противоположной стороной Земли.

— В Астрограде я видел в клинике много других пациентов. Можно узнать — по какому принципу отбирают больных для лечения?

Пауза затянулась, на этот раз явно не из-за медлительности радиоволн. Наконец Станюкович ответил:

— Отбирают тех, у кого больше надежд на излечение.

— Но у вас, наверное, очень мало места. А кроме меня, — еще много желающих.

— Я не совсем понимаю... — вмешался доктор Хакнесс озабоченно. Чересчур озабоченно.

Глаза Стилмена обратились к правому экрану. В человеке, смотревшем на него оттуда, было трудно узнать докладчика, который всего несколько лет назад не знал, как защититься от его уколов. Горький урок пошел впрок Хакнессу. Стилмен оказался его крестным отцом на поприще политики, и ученый не терял зря времени.

Его побуждения были очевидны сенатору с самого начала. Все правильно, Хакнесс тоже человек. Можно ли представить себе месть более сладкую, чем это выразительное подтверждение его правоты. Как директор Управления космонавтики Хакнесс великолепно понимает, что битва за ассигнования будет наполовину выиграна, едва мир узнает, что возможный кандидат на пост президента США лечится в русской космической больнице — потому что его собственной стране такая больница оказалась не по карману.

— Доктор Хакнесс, — мягко произнес Стилмен, — это мое дело. Я жду вашего ответа, профессор.

Дело нешуточное, но он от души веселился. Ясно, как день: обоим ученым одинаково важно добиться успеха. Станюковичу тоже нелегко, можно представить себе, сколько этот вопрос обсуждали в Астрограде и Москве, и с какой охотой советские космонавты ухватились за такую воз-

можность... Что ж, они вправе пожинать плоды своих усилий.

Да, погодите, и ведь всего десять лет назад оно было немыслимо. НУАК и Комитет по космонавтике СССР работают рука об руку, используя его в своих общих интересах. Стилмен никого не осуждал — на их месте он поступил бы точно так же. Но он не желает быть пешкой в чужой игре, пока еще он сам собой распоряжается.

— Совершенно верно, — неохотно признал Станюкович. — Мы можем принять очень мало пациентов. Но ведь «Мечников» — всего-навсего научная лаборатория, а не стационар.

— Сколько? — допытывался Стилмен.

— Ну — не больше десяти, — еще более неохотно ответил Станюкович.

Старая проблема, только он никогда не думал, что она коснется его. Вспомнилась газетная заметка, которую он читал давным-давно. Когда открыли пенициллин, лекарство это на первых порах было настолько редким, что если бы стал вопрос о жизни и смерти Черчилля и Рузвельта, пришлось бы кем-то пожертвовать...

Не больше десяти. В Астрограде он видел двенадцать пациентов, а сколько их еще во всем свете? Снова — в который раз за последние дни

— Стилмен вспомнил безутешную молодую пару в приемной. Возможно, он все равно их не выручит; поди, узнай.

Зато он знал другое. На его плечах лежит ответственность, от которой не уйти. Конечно, никому не дано заглянуть в будущее, предугадать все последствия своих поступков. И все-таки, если бы не он, сейчас у его страны могла быть своя собственная космическая лечебница в заатмосферных высях. Сколько жизней соотечественников на его совести? Вправе ли он принять то, в чем отказал другим? Прежде Стилмен сделал бы это — прежде, но не теперь.

— Джентльмены, — заговорил он, — я могу говорить с вами откровенно, ведь ваши интересы совпадают. (Так, видно: ирония дошла). — Я благодарен вам за помощь, ценю заботу, жаль, что все это впустую. Нет-нет, не возражайте, это не внезапная прихоть и не донкихотство. Будь я моложе лет на десять... Теперь же я чувствую, что эта возможность должна быть предоставлена кому-нибудь другому. Особенно учитывая мой послужной список, — Он приметил растерянную улыбку Хакнесса. — Есть и другие причины, личного свойства. В общем, ничто не заставит меня передумать. Прощу вас, не сочтите меня невеж-

ливым, но мне больше не хочется обсуждать этот вопрос. Еще раз большое спасибо, до свиданья.

Он повернул выключатель, удивленные лица ученых растаяли, и в душе сенатора вновь утвердился покой.

Незаметно весну сменило лето. Отпраздновали ожидавшийся с таким нетерпением юбилей; впервые Стилмен встретил День независимости как частное лицо. Он мог сидеть спокойно, глядя, как выступают другие; мог при желании вообще не смотреть на них.

Не так-то просто порвать с тем, чему отдана целая жизнь, и не хотелось упускать последнего случая повидать старых друзей, поэтому он много часов провел у телевизора, следя за ходом съездов обеих партий и внимательно слушая комментаторов. Теперь, когда он все видел в свете, вечности, можно было не горячиться. Мартин Стилмен вполне оценил и суть, и умение спорить, но уже как посторонний, будто наблюдатель с другой планеты. Маленькие крикливые фигурки на экранах были потешными марионетками в забавном спектакле, и только.

Не то для его внуков, которым когда-нибудь предстоит выйти на те же подмостки. Он не забывал об этом; они были его вкладом в завтрашний

день, пусть даже этот день окажется совсем непохожим на сегодняшний. А чтобы понять будущее, надо знать прошлое.

И он повез их в прошлое. Машина мчалась по Мемориальной Аллее. Диана была за рулем, Айрин — рядом с ней, сам Стилмен сидел сзади с внуками, показывая им знакомые места. Знакомые ему, но не им. Пусть они еще слишком малы, чтобы понять все увиденное, во всяком случае хоть что-нибудь запомнят.

Мимо мраморной тишины Арлингтона (он опять вспомнил Мартина, покоящегося в могиле на противоположной стороне земного шара) и вверх, по пригоркам. Позади, точно мираж, в летнем мареве трепетал и колыхался Вашингтон; но вот и он исчез за поворотом.

В Маунт-Верноне царил мир и покой — рабочий день, посетителей мало. Выйдя из машины и направляясь к зданию, Стилмен спрашивал себя, что сказал бы первый президент Соединенных Штатов, очутись он здесь теперь. Думал ли он, что его дом в полной сохранности завершит свое второе столетие — неизменяемый островок в бурном потоке времени.

Они медленно прошли по исполненным великолепной гармонии комнатам, терпеливо

отвечая на бесконечные расспросы детей и вдыхая аромат несравненно более простого, покойного образа жизни. (Но казался ли он простым и покойным людям той поры?) До чего же трудно представить себе мир без электричества, без радио, когда единственным источником энергии были мускулы, ветер, вода. Мир, где скачущая лошадь воплощала предел скорости и большинство людей умирало не дальше нескольких миль от места своего рождения.

Жара, пешее хождение и неиссякаемый поток вопросов оказались более утомительными, чем ожидал Стилмен. И когда они достигли «Музыкальной комнаты», он решил отдохнуть. На террасе стояли очень заманчивые скамейки, можно посидеть на свежем воздухе, любуясь зеленой травой газона.

— Встретимся на террасе, — сказал он Диане. — Вы посмотрите кухню и конюшни, а я посижу немного.

— Тебе нездоровится? — тревожно спросила она.

— Никогда не чувствовал себя так хорошо, но лучше поберечь силы. И дети совсем меня замучили вопросами, я не знаю, что говорить. Ты уж постарайся, придумай, как-никак кухня по

твоему ведомству.

Диана улыбнулась.

— Кажется, я никогда не отличалась особым талантом... Ладно, постараюсь, за полчаса управимся.

Оставшись один, он медленно спустился по ступенькам на газон. Здесь двести лет назад стоял Вашингтон — глядел, как Потомак прокладывает себе путь к морю, и размышлял о прошедших войнах и предстоящих задачах. И здесь мог бы через несколько месяцев стоять Мартин Стилмен, новый президент США, не рассуди судьба иначе.

Незачем притворяться, что он ни о чем не сожалеет. Иные достигают и власти, и счастья; ему это не было дано. Рано или поздно собственное честолюбие сожрало бы его. Последние недели он был вполне удовлетворен; за это ничего не жаль отдать.

Он все еще дивился своему чудесному спасению, когда его время истекло и Смерть бесшумно слетела вниз с летнего неба.

ЗВЕЗДА

До Ватикана три тысячи световых лет. Некогда я полагал, что космос над верой не властен; точно так же я полагал, что небеса олицетворяют великолепие творений господних. Теперь я ближе познакомился с этим олицетворением, и моя вера, увы, поколебалась. Смотрю на распятие, висящее на переборке над ЭСМ-VI, и впервые в жизни спрашиваю себя: уж не пустой ли это символ?

Пока что я никому не говорил, но истины скрывать нельзя. Факты налицо, запечатлены на несчетных милях магнитоленты и тысячах фотографий, которые мы доставим на Землю. Другие ученые не хуже меня сумеют их прочесть, и я не такой человек, чтобы пойти на подделки, вроде тех, которые снискали дурную славу моему ордену еще в древности.

Настроение экипажа и без того подавленное; как-то мои спутники воспримут этот заключительный иронический аккорд?.. Среди них мало верующих, и все-таки они не ухватятся с радостью за это новое оружие в войне против меня,

скрытой, добродушной, но достаточно серьезной войне, которая продолжалась на всем нашем пути от Земли. Их потешило, что Главный астрофизик — иезуит, а доктор Чендлер вообще никак не мог свыкнуться с этой мыслью (почему врачи такие отъявленные безбожники?). Нередко он приходил ко мне в обсервационный отсек, где свет всегда приглушен и звезды сияют в полную силу. Стоя в полумраке, Чендлер устремлял взгляд в большой овальный иллюминатор, за которым медленно кружилось небо, — нам не удалось устранить остаточного вращения, и мы давно махнули на это рукой.

— Что ж, патер, — начинал он, — вот она, вселенная, нет ей ни конца, ни края, и, возможно, что-то ее сотворило. Но как вы можете верить, будто этому чему-то есть дело до нас и до нашего маленького мирка, — вот тут я вас не понимаю.

И разгорался спор, а вокруг нас, за идеально прозрачным пластиком иллюминатора, беззвучно описывали нескончаемые дуги туманности и звезды...

Должно быть, больше всего экипаж забавляла кажущаяся противоречивость моего положения. Тщетно я ссылался на свои статьи — три в «Астрофизическом журнале», пять в «Ежемесяч-

ных записках Королевского астрономического общества». Я напоминал, что мой орден давно прославился своими научными изысканиями, и пусть нас осталось немного, наш вклад в астрономию и геофизику, начиная с восемнадцатого века, достаточно велик.

Так неужели мое сообщение о туманности Феникс положит конец нашей тысячелетней истории? Боюсь, не только ей...

Не знаю, кто дал туманности такое имя; мне оно кажется совсем неудачным. Если в нем заложено пророчество — это пророчество может сбыться лишь через много миллиардов лет. Да и само слово «туманность» неточно: ведь речь идет о несравненно меньшем объекте, чем громадные облака материи неродившихся звезд, разбросанные вдоль Млечного пути. Скажу больше, в масштабах космоса туманность Феникс — малютка, тонкая газовая оболочка вокруг одинокой звезды. А вернее — того, что осталось от звезды...

Портрет Лойолы (гравюра Рубенса), висящий над графиками данных спектрофотометра, точно смеется надо мной. А как бы ты, святой отец, распорядился знанием, обретенным мной здесь, вдали от маленького мира, который был всей известной тебе вселенной? Смогла бы твоя вера,

в отличие от моей, устоять против такого удара?

Ты смотришь вдаль, святой отец, но я покрыл расстояния, каких ты не мог себе представить, когда тысячу лет назад учредил наш орден. Впервые разведочный корабль ушел так далеко от Земли к рубежам изведанной вселенной. Целью нашей экспедиции была туманность Феникс. Мы достигли ее и теперь возвращаемся домой с грузом знаний. Как снять этот груз со своих плеч? Но я тщетно взываю к тебе через века и световые годы, разделяющие нас.

На книге, которую ты держишь, четко выделяются слова: АД МАЙОРЕМ ДЕИ ГЛОРИАМ. К вящей славе божией...

Нет, я больше не могу верить этому девизу. Верил бы ты, если бы видел то, что нашли мы?

Разумеется, мы знали, что представляет собой туманность Феникс. Только в нашей галактике ежегодно взрывается больше ста звезд. Несколько часов или дней они сияют тысячекратно усиленным блеском, затем меркнут, погибая. Обычные новые звезды, заурядная космическая катастрофа. С начала моей работы в Лунной обсерватории я собрал спектрограммы и кривые свечения десятков таких звезд.

Но трижды или четырежды в тысячелетие про-

исходит нечто такое, перед чем новая бледнеет, кажется пустячком.

Когда звезда превращается в сверхновую, она какое-то время превосходит яркостью все солнца галактики, вместе взятые. Китайские астрономы наблюдали это явление в 1054 году, не зная, что наблюдают. Пятью веками позже, в 1572 году, в созвездии Кассиопеи вспыхнула столь яркая сверхновая, что ее было видно с Земли днем. За протекшую с тех пор тысячу лет замечено еще три сверхновых.

Нам поручили побывать там, где произошла такая катастрофа, определить предшествовавшие ей явления и, если можно, выяснить их причину. Корабль медленно пронизывал концентрические оболочки газа, который был выброшен шесть тысяч лет назад и все еще продолжал расширяться. Огромные температуры, яркое фиолетовое свечение отличали эти оболочки, но газ был слишком разрежен, чтобы причинить нам какой-либо вред. Когда взорвалась звезда, поверхностные слои отбросило с такой скоростью, что они улетели за пределы ее гравитационного поля. Теперь они образовали «скорлупу», в которой уместилась бы тысяча наших солнечных систем, а в центре пылало крохотное поразительное образование

— Белый Карлик, размерами меньше Земли, но весящий в миллион раз больше ее.

Светящийся газ окружал нас со всех сторон, потеснив густой мрак межзвездного пространства. Мы очутились в сердце космической бомбы, которая взорвалась тысячи лет назад и раскаленные осколки которой все еще неслись во все стороны. Огромный размах взрыва, а также то обстоятельство, что осколки заполнили сферу поперечником в миллиарды миль, не позволяли простым глазом уловить движение. Понадобились бы десятилетия, чтобы без приборов заметить, как движутся клубы и вихри взбаламученного газа, но мы хорошо представляли себе этот яростный поток.

Выверив, уточнив свой курс, мы вот уже несколько часов размеренно скользили по направлению к маленькой лютой звезде. Когда-то она была солнцем вроде нашего, но затем в какие-то часы расточила энергию, которой хватило бы на миллионы лет свечения. И вот стала сморщенным скрягой, который промотал богатство в юности, а теперь трясется над крохами, пытаясь хоть что-то сберечь.

Никто из нас не рассчитывал всерьез, что мы найдем планеты. Если они и существовали до

взрыва, катаклизм должен был обратить их в облака пара, затерявшиеся в исполинской массе светила. Тем не менее мы провели обязательную при подходе к любому неизвестному солнцу разведку и неожиданно обнаружили вращающийся на огромном расстоянии вокруг звезды маленький мир. Так сказать, Плутон этой погибшей солнечной системы, бегущий вдоль границ ночи. Планета была слишком удалена от своего солнца, чтобы на ней когда-либо могла развиваться жизнь, но эта удаленность спасла ее от страшной участи, постигшей собратьев.

Неистовое пламя запекло скалы окалиной и выжгло сгусток замерзших газов, который покрывал планету до бедствия. Мы сели, и мы нашли Склеп.

Его создатели позаботились о том, чтобы его непременно нашли. От монолита, отмечавшего вход, остался только оплавленный пень, но уже первые телефотоснимки сказали нам, что это след деятельности разума. Чуть погодя мы отметили обширное поле радиоактивности, источник которой был скрыт в скале. Даже если бы пилон над Склепом был начисто срезан, все равно сохранился бы взывающий к звездам неколебимый, вечный маяк. Наш корабль устремился к огром-

ному «яблочку», словно стрела к мишени.

Когда воздвигали пилон, он, наверное, был около мили высотой; теперь он напоминал оплывшую свечу. У нас не было подходящих орудий, и мы неделю пробивались сквозь переплавленный камень. Мы астрономы, а не археологи, но умеем импровизировать. Забыта была начальная цель экспедиции; одинокий памятник, ценой такого труда воздвигнутый на предельном расстоянии от обреченного солнца, мог означать лишь одно. Цивилизация, которая знала, что гибель ее близка, сделала последнюю заявку на бессмертие.

Понадобятся десятилетия, чтобы изучить все сокровища, найденные нами в Склепе. Очевидно, Солнце послало первые предупреждения за много лет до конечного взрыва, и все, что они пожелали сохранить, все плоды своего гения они заранее доставили на эту отдаленную планету, надеясь, что другое племя найдет хранилище и они не канут бесследно в Лету. Поступили бы мы так же на их месте — или были бы слишком поглощены своей бедой, чтобы думать о будущем, которого уже не увидеть и не разделить?

Если бы у них в запасе оказалось еще время! Они свободно сообщались с планетами своей системы, но не научились пересекать межзвездные пучины, а до ближайшей солнечной системы

было сто световых лет. Впрочем, овладей они высшими скоростями, все равно лишь несколько миллионов могли рассчитывать на спасение. Быть может, лучше, что вышло именно так.

Даже если бы не это поразительное сходство с человеком, о чем говорят их скульптуры, нельзя не восхищаться ими и не сокрушаться, что их постигла такая участь. Они оставили тысячи видеозаписей и аппараты для просмотра, а также подробные разъяснения в картинках, позволяющие без труда освоить их письменность. Мы изучили многие записи, и впервые за шесть тысяч лет ожили картины чудесной, богатейшей цивилизации, которая во многом явно превосходила нашу. Быть может, они показали нам только самое лучшее — и кто же их упрекнет. Так или иначе, мир их был прекрасен, города великолепнее любого из наших. Мы видели их за работой и игрой, через столетия слышали певучую речь. Одна картина до сих пор стоит у меня перед глазами: на берегу, на странном голубом песке играют, плещутся в волнах дети — как играют дети у нас на Земле. Причудливые деревья, крона — веером, окаймляют берег, и на мелководье, никого не беспокоя, бродят очень крупные животные,

А на горизонте погружается в море солнце, еще

теплое, ласковое, животворное, солнце, которое вскоре вероломно испепелит безмятежное счастье.

Не будь мы столь далеко от дома и столь чувствительны к одиночеству, мы, возможно, не были бы так сильно потрясены. Многие из нас видели в других мирах развалины иных цивилизаций, но никогда это зрелище не волновало до такой степени. Эта трагедия была особенной. Одно дело, когда род склоняется к закату и гибнет, как это бывало с народами и культурами на Земле. Но подвергаться полному уничтожению в пору великолепного расцвета, исчезнуть вовсе — где же тут божья милость?

Мои коллеги задавали мне этот вопрос, я пытался ответить, как мог. Быть может, отец Лойола, вы преуспели бы лучше меня, но в «Экзерсициа Спиритуалиа» я не нашел ничего, что могло бы мне помочь. Это не был греховный народ. Не знаю, каким богам они поклонялись, признавали ли вообще богов, но я смотрел на них через ушедшие столетия, и в лучах их сжавшегося солнца перед моим взглядом вновь оживало то прекрасное, на сохранение чего были обращены их последние силы. Они многому могли бы научить нас — зачем же было их уничтожать?

Я знаю, что ответят мои коллеги на Земле. Вселенная — скажут они — не подчинена разумной цели и порядку, каждый год в пашей Галактике взрываются сотни солнц, и где-то в пучинах космоса в этот самый миг гибнет чья-то цивилизация. Творил ли род добро или зло за время своего существования, это не повлияет на его судьбу: божественного правосудия нет, потому что нет бога.

А между тем ничто из виденного нами не доказывает этого. Говорящий так руководствуется чувствами, не рассудком. Бог не обязан оправдывать перед человеком свои деяния. Он создал вселенную и может по своему усмотрению ее уничтожить. Было бы дерзостью, даже богохульством с нашей стороны говорить, как он должен и как не должен поступать.

Тяжко видеть, как целые миры и народы гибнут в пещи огненной, но я и это мог бы понять. Однако есть предел, за которым начинает колебаться даже самая глубокая вера, и глядя на лежащие передо мной расчеты, я чувствую, что достиг этого предела.

Пока мы не исследовали туманность на месте, нельзя было сказать, когда произошел взрыв. Теперь, обработав астрономические данные и

сведения, извлеченные из скал уцелевшей планеты, я могу с большой точностью датировать катастрофу. Я знаю, в каком году свет исполинского аутодафе достиг нашей Земли. Знаю, сколь ярко эта сверхновая, что мерцает за кормой набирающего скорость корабля, некогда пылала на земном небе. Знаю, что на рассвете она ярким маяком сияла над восточным горизонтом.

Не может быть никакого сомнения; древняя загадка наконец решена. И все же, о всевышний, в твоем распоряжении было столько звезд! Так нужно ли было именно этот народ предавать огню лишь затем, чтобы символ его бренности сиял над Вифлеемом?

ДОКЛАД О ТРЕТЬЕЙ ПЛАНЕТЕ

Приводимый ниже отрывок, — он только что расшифрован по поручению Межпланетной археологической комиссии, — один из самых примечательных документов, найденных на Марсе. Он обогащает нас новыми данными о научных знаниях и мышлении наших исчезнувших соседей. Документ относится к эпохе раннего урана марсианской цивилизации (то есть к последней эпохе в истории марсиан); это значит, что он написан за тысячу с небольшим лет до нашей эры.

Перевод можно считать вполне точным, хотя кое-где отмечены трудные для толкования обороты. Там, где это оказалось необходимо, марсианские термины и единицы измерения для большей ясности заменены земными.

(Прим. перев.)

В связи с приближением к нам планеты Земля снова возникла дискуссия, есть ли жизнь на нашем ближайшем соседе в космосе. Этот вопрос

безуспешно обсуждался много столетий, однако новые астрономические приборы позволили нам получить вполне достоверные данные о других планетах. Мы еще не можем окончательно судить о наличии или отсутствии земной жизни, но у нас теперь есть гораздо более точные сведения о Земле, и можно вести дискуссию на научной почве.

Дело сильно осложняется тем, что мы не видим Землю, когда она ближе всего к нам. В это время Земля расположена между нами и Солнцем и обращена к нам теневой стороной. Чтобы рассмотреть сколько-нибудь значительную часть ее освещенной поверхности, приходится ждать, пока Земля не станет утренней или вечерней звездой. Но тогда нас разделяет сто пятьдесят миллионов километров. В это время Земля представляется в телескоп сияющим полумесяцем, возле которого висит одна огромная луна. Бросается в глаза разница в цвете этих двух небесных тел: луна серебристо-белая, Земля нездорового сине-зеленого цвета. *(Точный смысл эпитета неизвестен, во всяком случае, он отнюдь не лестный. Предлагаются варианты: «отвратительного», «ядовитого». —* ***Прим. перев.****)*

По мере вращения Земли — ее сутки всего

на полчаса короче наших — различные области планеты выходят из тени и оказываются освещенными. Продолжительные наблюдения позволили составить карты всей поверхности, и выявилось поразительное обстоятельство: более двух третей планеты Земля покрыто жидкостью.

Много столетий длились ожесточенные споры, но теперь мы почти уверены, что эта жидкость — вода. Хотя вода редкость на Марсе, у нас есть убедительные свидетельства, что в отдаленном прошлом немалая часть нашей планеты была покрыта огромным количеством этого своеобразного соединения. Отсюда следует, что Земля ныне пребывает в состоянии, отвечающем состоянию нашего мира много миллиардов лет назад. Мы не можем пока определить глубину земных «океанов» (таково научное наименование), но некоторые астрономы утверждают, что их толщина достигает ни много, ни мало — трехсот метров.

Далее, планету Земля окружает значительно более густая атмосфера, чем наша; расчеты показывают, что она минимум в десять раз плотнее. До недавнего времени нельзя было судить о составе земной атмосферы, но теперь спектроскоп решил эту задачу. Ответ оказался поразитель-

ным. Плотная пелена газа, облекающая Землю, богата ядовитым и химически очень активным элементом кислородом, которого в нашем воздухе почти нет. В атмосфере Земли довольно много углекислого газа, а также водяных паров — они образуют огромные облака, которые подчас сохраняются много дней и затеняют обширные участки планеты.

Так как Земля процентов на двадцать пять ближе к Солнцу, чем Марс, температура на ее поверхности намного выше, чем в нашем мире. Термоэлементы, сопряженные *с*, нашими крупнейшими телескопами, говорят об огромных температурах в районах земного экватора. В более высоких широтах условия благоприятнее, а большие ледяные шапки у обоих полюсов — признак того, что там бывают вполне сносные температуры. Ледяные шапки полюсов, в отличие от наших, даже летом не исчезают совсем, что свидетельствует об их колоссальной мощности.

Земля намного крупнее Марса (ее диаметр вдвое больше), поэтому на ней несравненно сильнее тяготение, так что человек, весящий 77 килограммов, на Земле будет весить 225 килограммов, то есть в три раза больше. Мощная гравитация должна повлечь за собой много важ-

ных последствий, всего даже нельзя предугадать. Во всяком случае, крупные организмы невозможны, их раздавила бы собственная тяжесть. Парадоксально, что на Земле есть горы значительно выше марсианских; это тоже говорит о том, что речь идет, по-видимому, о молодой, примитивной планете, чья девственная поверхность еще не сглажена эрозией.

Все эти хорошо проверенные факты позволяют судить, — может ли быть жизнь на Земле. Скажем сразу, это кажется нам очень сомнительным; будем, однако, терпимы и не станем отвергать даже самых невероятных, на первый взгляд, предположений, пока они не противоречат научным законам.

Серьезное возражение против возможности земной жизни (многие специалисты считают даже, что этого достаточно) — высокая токсичность атмосферы. Ученые пока не могут ответить, откуда на Земле весь этот кислород. Этот элемент настолько химически активен, что обычно не может находиться в свободном состоянии; например, у нас он в соединениях с железом образует красивые красные пустыни, покрывающие обширные части планеты. На Земле нет таких областей, отсюда ее неприятный зеленоватый

цвет.

Очевидно, на Земле идет какой-то неизвестный нам процесс, высвобождающий огромные объемы этого газа. Некоторые литераторы с богатой фантазией полагают, что кислород выделяют земные организмы в ходе обмена веществ. Прежде чем отвергать эту идею как чересчур фантастическую, полезно заметить — нечто в этом роде наблюдалось у многих примитивных, ныне вымерших форм марсианской растительности. И все-таки чрезвычайно трудно поверить, чтобы на Земле и впрямь были несметные количества растений, которые производили бы весь этот свободный кислород. *(Мы-то знаем, что это так. Весь кислород Земли произведен растениями, первоначально атмосфера нашей планеты, как на Марсе теперь, не содержала кислорода. —* ***Прим. перев.****)*

Даже если допустить, что на Земле есть существа, способные выжить в такой ядовитой и химически активной атмосфере, обилие кислорода должно повлечь за собой два последствия. Первое мало заметное, оно только недавно установлено после тонких теоретических исследований, ныне полностью подтвержденных наблюдениями.

Похоже, что на определенной высоте —

тридцать, сорок или пятьдесят километров — атмосферный кислород Земли образует газ, именуемый озоном и содержащий, в отличие от обычного кислорода, в молекуле не два, а три атома. Хотя этого газа немного и он достаточно удален от поверхности планеты, его воздействие на земные условия чрезвычайно велико. Он почти совсем поглощает ультрафиолетовые лучи Солнца, не пропуская их на Землю.

Однако этого достаточно, чтобы на Земле не могло быть известных нам форм жизни. Ультрафиолетовое излучение Солнца, беспрепятственно достигающее поверхности Марса, необходимо для нашего здоровья и дает нам большую часть нужной нам энергии. Даже если бы мы могли перенести едкую атмосферу Земли, мы погибли бы без жизненно важного излучения.

Гораздо более пагубно другое следствие высокой концентрации кислорода. С ней связано грозное явление, известное у нас только в лабораториях и названное учеными «огонь».

Многие распространенные элементы, если их погрузить в атмосферу, сходную с земной, вступают с ней в бурную реакцию, которая длится, пока вещество не окислится полностью. При этом выделяется неимоверное количество тепла и света,

а также облака вредных газов. Наблюдавшие это явление в лабораториях описывают его как нечто ужасное; наше счастье, что оно невозможно на Марсе.

Между тем на Земле оно должно быть довольно обычным, и мы не можем представить себе организма, который мог бы жить в таких условиях. Наблюдая теневую сторону Земли, часто видишь раскаленные области, где бушует огонь. Правда, некоторые исследователи-оптимисты говорят, что свет — от городов, однако эта теория неприемлема. Слишком непостоянны очаги свечения; как правило, они не привязаны к определенному месту и быстро гаснут. *(Несомненно, речь идет о лесных пожарах и вулканических извержениях, которых на Марсе не знали. Печальная ирония судьбы: еще несколько тысяч лет — и марсианские астрономы действительно увидели бы свет наших городов. Мы разошлись во времени на какую-то миллионную долю возраста наших планет. — **Прим. перев.**)*

Плотная, насыщенная влагой атмосфера, мощная гравитация и близость к Солнцу делают Землю миром сильнейших климатических контрастов. Бури непостижимой мощи отмечены над обширными площадями планеты, причем

некоторые сопровождаются сильнейшими электрическими разрядами — их легко улавливают на Марсе чувствительные радиоприемники. Трудно поверить, чтобы какая-либо форма жизни могла вынести подобные конвульсии природы, а они происходят на Земле почти непрестанно.

Хотя разница температур между зимой и летом на Земле не так велика, как в нашем мире, это не возмещает других неудобств. На Марсе любые подвижные формы жизни легко могут уйти от зимы. Нет ни гор, ни морей, которые преграждали бы путь. Наша планета меньше Земли, а наш год длиннее земного — это упрощает сезонные перемещения, ведь достаточно отступать со средней скоростью пятнадцать километров в сутки. Ничто не вынуждает нас оставаться на месте, и мало кто зимует.

Иное дело на Земле. Если учесть большие размеры планеты и короткий год (шесть наших месяцев), земные существа должны перемещаться со скоростью около восьмидесяти километров в сутки, чтобы уйти от суровой зимы. Даже если допустить, что такая скорость вообще возможна (это крайне невероятно при мощном тяготении), горы и океаны создают неодолимые препятствия.

Некоторые авторы научно-фантастических произведений ищут ответ в том, что на Земле будто бы могли развиться организмы, способные перемещаться по воздуху. В подтверждение этой очень сомнительной идеи они подчеркивают, что плотная атмосфера позволяет относительно легко летать, однако умалчивают о том, что большая гравитация сводит на нет это кажущееся преимущество. Как ни увлекательна мысль о летающих животных, ни один уважающий себя биолог не может принять ее всерьез.

Более основательной выглядит другая теория. Она гласит, что если на Земле есть животные, они могут обитать лишь в обширных океанах, покрывающих большую часть планеты. Полагают, что на нашей планете жизнь первоначально возникла в существовавших некогда марсианских морях; так что это отнюдь не фантастика. К тому же в океанах животным Земли не пришлось бы преодолевать колоссальную силу тяготения. И хотя нам трудно вообразить себе организмы, способные жить в воде, все-таки на Земле океаны представляются нам более благоприятной средой, нежели суша.

В самое последнее время серьезный удар этой интересной догадке нанесла математическая

физика. Как известно, у Земли есть только одна огромная луна — очевидно, одно из самых лучезарных тел на земном небе. Она примерно в двести раз больше наиболее крупного из наших спутников, и несмотря на огромное расстояние, ее притяжение должно заметно влиять на планету, особенно на воду земных океанов, заставляя их изменять свой уровень на много метров. Очевидно, из-за «приливно-отливных» сил все низменные области Земли затопляются дважды в сутки. Трудно представить себе наличие живых — будь то водных или наземных — организмов в таких условиях, когда море и суша непрестанно сменяются.

Все говорит о том, что наш сосед Земля — весьма негостеприимный мир, там не может быть ни одной формы жизни, известной на Марсе. Даже растительность вряд ли могла бы переносить постоянные дожди и бури; правда, многие астрономы как будто наблюдали в некоторых областях изменения окраски, которые они приписывают ежегодному цветению растений.

Что до животных, то это пустые догадки, опровергаемые всеми фактами. Если они даже есть, то должны обладать огромной силой и могучим сложением, чтобы преодолевать гравитацию;

можно предположить, что у них несколько пар ног и ходят они очень медленно. Их неуклюжие тела должны быть покрыты толстым панцирем для защиты от непогоды и окисляющей атмосферы. Учитывая все это, можно совершенно сбросить со счетов возможность присутствия на Земле разумной жизни. Приходится смириться с мыслью, что мы единственные разумные существа во всей солнечной системе.

Романтикам, которые все еще надеются на более оптимистический ответ, остается ждать, когда Третья планета раскроет нам свои последние тайны. Это произойдет очень скоро, опыты с ракетной тягой показали, что можно создать космический корабль, способный оторваться от Марса и через космическую бездну достичь нашего загадочного соседа. Сильное тяготение не позволит нам высадиться на Землю, но мы сможем кружить на малой высоте и с расстояния в миллион раз меньшего, чем то, которое разделяет нас теперь, рассмотреть мельчайшие подробности. И мы пошлем радиоуправляемые роботы.

Наконец-то высвобождена безграничная энергия атомного ядра, и мы применим вскоре эту грозную силу, чтобы вырваться из цепей нашего мира. Земля с ее гигантским спутником лишь

первые в ряду небесных тел, которые изучат будущие исследователи. Затем последуют…

(К сожалению, здесь рукопись обрывается. Остальное опалено настолько, что нельзя прочесть, — видимо, термоядерным взрывом, который уничтожил Императорскую библиотеку и весь город Уас. Примечательное совпадение: снаряды, которые положили конец марсианской цивилизации, были выпущены, когда происходило одно из важнейших событий классического периода истории человечества. В шестидесяти пяти миллионах километров от Марса греки штурмовали Трою, применяя не столь совершенное оружие. — ***Прим. перев.****).*

ОБ АВТОРЕ

АРТУР ЧАРЛЗ КЛАРК — один из крупнейших писателей-фантастов современной Англии. Удивительно просто и увлекательно он излагает сложнейшие научные проблемы наших дней. По художественному мастерству, по серьезности подхода к. научной стороне фантастики, наконец, по знанию материала и по мощи воображения Артур Кларк бесспорно занимает выдающееся место среди западных фантастов.

Артур Кларк родился в 1917 году в Майнхеде и окончил Лондонский королевский колледж по отделению математики и физики. Во время войны, будучи лейтенантом авиации, служил на первой экспериментальной системе радарного обнаружения. В эти годы А. Кларк в ряде статей высказал мысль об использовании искусственных спутников Земли в качестве радио- и телевизионных передатчиков. Это был первый прогноз использования спутников в мирных целях.

С 1950 года он занимал пост председателя Британского Астронавтического общества и

члена Совета Британской Астрономической Ассоциации, двух ведущих государственных организаций в области астрономии. Сейчас он живет на Цейлоне и является президентом Цейлонского Астрономического общества и членом Цейлонского Подводного клуба.

Литературная деятельность А. Кларка началась с 1947 года, когда он выступил с первыми рассказами. С тех пор А. Кларк написал, не считая рассказов, более десяти научно-фантастических романов и повестей, привлекающих читателя реалистичностью и глубоким знанием материала, а также более десяти научно-художественных произведений о море и космосе. Наиболее известны его книги «Лунная пыль», «Пески Марса», «Прелюдия космоса», «Повести десяти миров», «Подводная ферма», «Рифы Тапробана» и др. Книги его переведены почти на все основные языки мира.

В 1961 году А. Кларку за популяризацию науки была присуждена международная премия Калинги.